

РЕГИОНАЛОГИЯ

RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES

ISSN 2413-1407
eISSN 2587-8549

2026
Tom Vol. 34 № No. 1

16+

ISSN 2413-1407 (Print),
2587-8549 (Online)

Регионология

Том 34, № 1. 2026 (январь – март)

Сквозной номер выпуска – 134

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Большевистская, 68/1

Тел./факс: +7 (8342) 48-14-24, +7 (8342) 32-86-14

Журнал издается с 1992 года. Периодичность издания – 4 раза в год

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru

Официальный сайт: <http://regionsar.ru>

Электронная редакция: <https://journals.rcsi.science/2413-1407>

DOI: 10.15507/2413-1407

Russian Journal of Regional Studies

Vol. 34, no. 1. 2026 (December – March)

Continuous issue 134

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
“National Research Ogarev Mordovia State University”

68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

EDITORIAL OFFICE:

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

Published since October 1992. Publication frequency: quarterly

e-mail: regionology@mail.ru, redreg@mrsu.ru

Official website: <http://regionsar.ru>

Online editorial office: <https://journals.rcsi.science/2413-1407>

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2026

Регионовология

Рецензируемый научный журнал открытого доступа

Основное содержание журнала составляют оригинальные научные статьи, посвященные актуальным проблемам региональной политики, экономики и социологии, анализу комплексного развития регионов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Политика редакционной коллегии журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении клеветы, авторского права, законности и плагиата, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, и строится с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала и Кодексе поведения для издателя журнала, разработанных Комитетом по публикационной этике (COPE).

Журнал индексируется и архивируется в Web of Science Core Collection (ESCI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory, Немецкой национальной экономической библиотеке Лейбница, реферативной базе данных ERIH PLUS, научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», электронно-библиотечной системе «Лань».

Журнал является членом Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), CrossRef и международного сообщества рецензентов Publons.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным специальностям и соответствующим им отраслям:

5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки)

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.4.2. Экономическая социология (социологические науки)

5.4.3. Демография (социологические науки)

5.4.3. Демография (экономические науки)

5.4.5. Политическая социология (социологические науки)

5.4.5. Политическая социология (политические науки)

5.4.6. Социология культуры (социологические науки)

5.4.7. Социология управления (социологические науки)

5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки)

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки)

5.2.5. Мировая экономика (экономические науки)

Russian Journal of Regional Studies

The peer-reviewed scholarly journal with open access

The main contents of the Journal are original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. The journal publishes the articles in the following branches of scientific knowledge: Economics, Sociology, Political Science.

The Journal conducts scientific review of all papers submitted to the Editorial Office.

The Editorial Board's policy is based on modern legal requirements concerning libel, copyright, legality and plagiarism. It complies with the Code of Ethics of Scientific Publications, formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications, and is implemented taking into account the ethical standards of work of editors and publishers enshrined in the Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors developed by the *Committee on Publication Ethics (COPE)*.

The Journal is indexed and archived in *Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)*, in *Russian Science Citation Index*, in *Russian Index of Scientific Citation*, in *UlrichsWeb Global Serials Directory* international reference database of periodicals, in *German National Library of Economics (ZBW)*, in *ERIH PLUS* reference index, in *CyberLeninka* scientific electronic library, in *Lan* electronic library system.

The Journal is a member of the Directory of Open Access Journals (DOAJ), Open Access Scholarly Publishers Association (OASPA), Association of Scientific Editors and Publishers (ASEP), CrossRef and Publons international peer-review community.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Глушко Дмитрий Евгеньевич – главный редактор, кандидат педагогических наук, ректор Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Саранск, Российская Федерация)

Полутин Сергей Викторович – заместитель главного редактора, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальной работы Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Саранск, Российская Федерация)

Шумкова Наталья Викторовна – ответственный секретарь, кандидат социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Антонова Наталья Леонидовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Екатеринбург, Российская Федерация)

Бахлов Игорь Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Саранск, Российская Федерация)

Белоножко Марина Львовна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Тюмень, Российская Федерация)

Великая Наталия Михайловна – доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Москва, Российская Федерация)

Дахин Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и теории государства и права Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Дружинин Павел Васильевич – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела моделирования и прогнозирования регионального развития Института экономики Карельского научного центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Петрозаводск, Российская Федерация)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор, независимый исследователь, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Волгоград, Российская Федерация)

Жигунова Галина Владимировна – доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Мурманск, Российская Федерация)

Зубок Юлия Альбертовна – доктор социологических наук, профессор, и.о. директора по научной и научно-образовательной деятельности, руководитель Центра социологии молодежи Института социально-политических исследований – обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Кулибанова Валерия Вадимовна – доктор экономических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Лапин Анатолий Евгеньевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Миролюбова Татьяна Васильевна – доктор экономических наук, профессор, декан экономического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Пермь, Российская Федерация)

Немировский Валентин Геннадьевич – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Никитаева Анастасия Юрьевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой информационной экономики Южного федерального университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рожкова Лилия Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, экономической теории и международных процессов Пензенского государственного университета, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, matavaeva_lv@mail.ru (Пенза, Российская Федерация)

Садвокасова Айгуль Какимбековна – доктор социологических наук, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований Министерства информации и общественного развития Республики Казахстан, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Астана, Казахстан)

Спринчан Сергей Леонидович – доктор политологии, доцент, ученый секретарь и ведущий научный сотрудник Института юридических, политических и социологических исследований Академии наук Молдовы, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Кишинев, Республика Молдова)

Судьин Сергей Александрович – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Фролова Елена Викторовна – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Москва, Российская Федерация)

Швайба Дмитрий Николаевич – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, заместитель генерального директора ЗАО «Белнефте-страх», ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Минск, Республика Беларусь; Пермь, Российская Федерация)

Ярош Ольга Борисовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела, главный научный сотрудник Лаборатории нейромаркетинга и поведенческой экономики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Симферополь, Российская Федерация)

EDITORIAL BOARD

Dmitriy E. Glushko – Editor-in-Chief, Cand.Sci. (Ped.), Rector of National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4321-4191>, rector@adm.mrsu.ru (Saransk, Russian Federation)

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of the Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0399-4154>, polutin.sergei@yandex.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya V. Shumkova – Executive Editor, Cand.Sci. (Sociol.), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2330-0028>, niiregion@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Natalya L. Antonova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor, Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2063-4970>, n.l.antonova@urfu.ru (Ekaterinburg, Russian Federation)

Igor V. Bakhlov – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Head of Department, Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6886-5762>, bahlov@mail.ru (Saransk, Russian Federation)

Marina L. Belonozhko – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of Marketing and Municipal Administration, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>, mlb@inbox.ru (Tyumen, Russian Federation)

Andrey V. Dakhin – Dr.Sci. (Philos.), Full Professor, Professor, Department of History and Theory of State and Law, Nizhny Novgorod Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5907-706X>, nn9222@rambler.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Pavel V. Druzhinin – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Department of Modeling and Prognostication of Regional Development, Institute of Economics, Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5303-0455>, pdruzhinin@mail.ru (Petrozavodsk, Russian Federation)

Nadezhda V. Dulina – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Independent Researcher, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6471-7073>, nv-dulina@yandex.ru (Volgograd, Russian Federation)

Elena V. Frolova – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Professor of the Chair of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>, efrolova06@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Valeriia V. Kulibanova – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Leading Researcher, Laboratory of Complex Research of the Spatial Development of Regions, Institute for Regional Economic Studies, the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6881-2812>, valerykul@mail.ru (St. Petersburg, Russian Federation)

Anatoly E. Lapin – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of Department, Department of Economic Analysis and Public Administration, Ulyanovsk State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1467-0358>, eagov01@mail.ru (Ulyanovsk, Russian Federation)

Tatyana V. Mirolubova – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Dean of the Faculty of Economics, Perm State National Research University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2933-5077>, mirolubov@list.ru (Perm, Russian Federation)

Valentin G. Nemirovskiy – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Chief Researcher, Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4076-465X>, valnemirov@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

Anastasia Yu. Nikitaeva – Dr.Sci. (Econ.), Full Professor, Head of the Department of Information Economics, Southern Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0406-7440>, a_nikitaeva@list.ru (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Liliya V. Rozhkova – Dr.Sci. (Sociol.), Professor, Head of Department, Department of Sociology and Economic Theory and International Processes, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>, mamaeva_lv@mail.ru (Penza, Russian Federation)

Aigul K. Sadvokassova – Dr.Sci. (Sociol.), Deputy Director of Institute of Applied Ethnopolitical Research, Ministry of Information and Social Development of the Republic of Kazakhstan, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3467-0833>, aigul-kaz@yandex.ru (Astana, Republic of Kazakhstan)

Dzmitry N. Shvaiba – Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Public Administration and History, Perm National Research Polytechnic University, Deputy General Director of ZASO Belneftstrakh, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6783-9765>, shvabia@tut.by (Minsk, Republic of Belarus; Perm, Russian Federation)

Serghei L. Sprincean – Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Academic Secretary and Leading Researcher, Institute of Legal and Political Research, Academy of Sciences of Moldova, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7411-9958>, sprinceans@yahoo.com (Chisinau, Republic of Moldova)

Sergei A. Sudin – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Head of Department, Department of General Sociology and Social Work, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3625-6804>, sergeysudin@fsn.unn.ru (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

Nataliya M. Velikaya – Dr.Sci. (Polit.), Full Professor, Deputy Director for Science and Research, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5532-844X>, natalivelikaya@gmail.com (Moscow, Russian Federation)

Olga B. Yarosh – Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of Marketing, Trade and Customs Department Affairs, Leading Researcher, Laboratory of Neuro-marketing and Behavioral Economics, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9663-2528>, iarosh.olga.cfu@gmail.com (Simferopol, Russian Federation)

Galina V. Zhigunova – Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of Department, Department of Philosophy and Social Sciences, Murmansk Arctic State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7981-9278>, galina-zhigunova@yandex.ru (Murmansk, Russian Federation)

Yulia A. Zubok – Dr.Sci. (Sociol.), Full Professor, Acting Director for Science and Education, Head of the Center for Sociology of Youth, Institute of Socio-Political Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3108-2614>, uzubok@mail.ru (Moscow, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения

А. А. Ирхин, Г. Л. Мурадов, О. А. Москаленко, Н. Э. Демешко, В. В. Немцев Черноморский регион в условиях столкновения пяти глобальных геополитических проекций: Новороссии, Большого Черноморского региона, «Пояса и пути», Триморья и Турецкого мира 10

С. А. Мальченков Региональная интеграция в дискурсе лидеров стран Евразийского экономического союза 38

Региональная и отраслевая экономика

С. В. Арженовский, Е. С. Гребенкина Влияние государственной поддержки на производительность в сельском хозяйстве: региональный аспект 58

С. М. Васин, Л. А. Гамидуллаева Особенности проявления межрегионального сходства в долгосрочной динамике валового регионального продукта на душу населения субъектов РФ 78

М. В. Пятаев, С. А. Быкадоров, Ю. К. Серкова Мегaproект Центрально-Евразийского транспортного коридора: анализ эффективности методом «затраты–выпуск» 100

И. Н. Краковская, Н. С. Комлева Кадровый потенциал торговли: региональные особенности и проблема дефицита 121

Г. Х. Батов Экономические эффекты цифровой трансформации в регионах Северо-Кавказского федерального округа 143

Социальная структура, социальные институты и процессы

Д. В. Трубицын, И. С. Дорогавцева Забайкальская идентичность: стереотипы в структуре регионального самосознания 159

И. С. Шаповалова Городская и сельская молодежь: анализ жизненных стратегий 181

Г. И. Макарова Нестоличные промышленные города Татарстана: факторы привлекательности для молодежи 210

Информация для авторов и читателей 228

CONTENTS**International Relations**

A. A. Irkhin, G. L. Muradov, O. A. Moskalenko, N. E. Demeshko, V. V. Nemtsev The Black Sea Region in the Context of the Clash of Five Global Geopolitical Projections: Novorossiia, the Wider Black Sea Region, the Belt and Road Initiative, the Three Seas Initiative, and the Turkish World 10

S. A. Malchenkov Regional Integration in the Discourse of Leaders of the Eurasian Economic Union Countries 38

Regional and Sectoral Economics

S. V. Arzhenovskiy, E. S. Grebenkina The Impact of Government Support on Agricultural Productivity: A Regional Perspective 58

S. M. Vasin, L. A. Gamidullaeva Features of the Manifestation of Interregional Similarity in the Long-Term Dynamics of Gross Regional Product Per Capita of the Subjects of the RF 78

M. V. Pyataev, S. A. Bykadorov, Yu. K. Serkova The Megaproject of the Central Eurasian Transport Corridor: Analysis of Effectiveness Using the Input–Output Method 100

I. N. Krakovskaya, N. S. Komleva Human Resource Potential in Trade: Regional Peculiarities and the Problem of Deficit..... 121

G. Kh. Batov Economic Effects of Digital Transformation in the Regions of the North Caucasus Federal District..... 143

Social Structure, Social Institutions and Processes

D. V. Trubitsyn, I. S. Dorogavtseva Transbaikalian Identity: Stereotypes in the Structure of Regional Self-Consciousness 159

I. S. Shapovalova Urban and Rural Youth: An Analysis of Life Strategies 181

G. I. Makarova Non-Capital Industrial Cities of Tatarstan: Factors of Attractiveness for Young People 210

Information for Authors and Readers of the Journal 228

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ /
INTERNATIONAL RELATIONS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.010-037><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/gkwiop>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 327:32

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Черноморский регион в условиях столкновения пяти
глобальных геополитических проекций: Новороссии,
Большого Черноморского региона, «Пояса и пути»,
Триморья и Турецкого мира**А. А. Ирхин^{1,2} ✉ Г. Л. Мурадов^{3,4} О. А. Москаленко² Н. Э. Демешко² В. В. Немцев^{2,5}¹ Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, <https://ror.org/05erbjx97>
(г. Симферополь, Российская Федерация)² Севастопольский государственный университет, <https://ror.org/053mxw461>
(г. Севастополь, Российская Федерация),³ Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, <https://ror.org/04zn7jb34>
(г. Москва, Российская Федерация)⁴ Совет министров Республики Крым (г. Симферополь, Российская Федерация)⁵ Законодательное Собрание города Севастополя
(г. Севастополь, Российская Федерация)✉ alex.irhin@mail.ru**Аннотация**

Введение. Современный Черноморский регион выступает стратегическим узлом глобального геополитического соперничества ведущих держав. События Крымской весны, воссоединение Крыма с Россией и последовавшая специальная военная операция положили начало фундаментальному пересмотру постбиполярной западцентричной модели миропорядка, введя эскалационные риски для политики РФ, США, Китая, Европейского Союза, Турции и Ирана в указанном макрорегионе. Цель исследования – выявить и охарактеризовать геополитические проекты России, США, Великобритании, ЕС, Турции, Китая и Ирана в Черноморском регионе.

Материалы и методы. Исследование опирается на системный, геополитический, исторический и цивилизационный подходы, а также метод картографирования. Применяется методология критической геополитики: анализируется, как элиты конструируют геополитические проекции, интерпретируя географические и исторические факторы в интересах формирования будущего мирового порядка. Объект исследования – Черноморский регион; предмет – политика указанных держав в его отношении.

Результаты исследования. Выявлены пять ключевых геополитических проекций в Черномор-

© Ирхин А. А., Мурадов Г. Л., Москаленко О. А., Демешко Н. Э., Немцев В. В., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ском регионе: Новороссия (Россия) – рассматривается как российский Римленд, обеспечивающий выход в южное океаническое пространство и противодействие вторжению с моря; Большой Черноморский регион (США) – нацелена на вытеснение России и формирование «евро-атлантической общности» в восточной части региона; Инициатива трех морей (Великобритания и США) – объединение государств Адриатического, Балтийского и Черного морей, продолжающее историческую линию сдерживания России; «Пояс и путь» (КНР) – акцентирует транзитивный потенциал региона как узла между Азией и Европой; Тюркский мир (Турция) – создание туркоцентричной подсистемы международных отношений и реализация морской стратегии «Голубая Родина». Иран влияет на регион в пределах его Каспийско-Черноморской проекции в рамках дискурса, часто условно обозначаемого как «Персидский мир».

Обсуждение и заключение. Динамика текущих военно-политических событий показывает, что мир стремительно погружается в глобальный конфликт. Одним из главных регионов такого погружения стал Черноморский район мировой и региональной политики. Выявление и исследование геополитических проектов мировых и региональных держав в отношении данного пространства позволит понимать и формировать национальные интересы в важном для национальной безопасности России регионе.

Ключевые слова: Черноморский регион, Новороссия, «Пояс и путь», геополитические проекции, Большой Черноморский регион, Тримерье, Тюркский мир

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-01354 (<https://rscf.ru/project/25-28-01354/>).

Для цитирования: Ирхин А.А., Мурадов Г.Л., Москаленко О.А., Демешко Н.Э., Немцев В.В. Черноморский регион в условиях столкновения пяти глобальных геополитических проекций: Новороссии, Большого Черноморского региона, «Пояса и пути», Тримерья и Турецкого мира. *Регионоведение*. 2026;34(1):010–037. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.010-037>

The Black Sea Region in the Context of the Clash of Five Global Geopolitical Projections: Novorossiia, the Wider Black Sea Region, the Belt and Road Initiative, the Three Seas Initiative, and the Turkish World

A. A. Irkhin^{a, b} ✉, G. L. Muradov^{c, d}, O. A. Moskalenko^b, N. E. Demeshko^b, V. V. Nemtsev^{b, e}

^a V.I. Vernadsky Crimean Federal University, <https://ror.org/05erbjx97>
(Simferopol, Russian Federation)

^b Sevastopol State University, <https://ror.org/053mxw461>
(Sevastopol, Russian Federation)

^c Moscow State Institute of International Relations, <https://ror.org/04zn7jb34>
(Moscow, Russian Federation)

^d Council of Ministers of the Republic of Crimea
(Simferopol, Russian Federation)

^e Legislative Assembly of the City of Sevastopol
(Sevastopol, Russian Federation)

✉ alex.irhin@mail.ru

Abstract

Introduction. The modern Black Sea region is a strategic kernel of global geopolitical rivalry of leading powers. The events of the Crimean Spring, Crimea's reunification with the Russian Federation, and the Special Military Operation that followed initiated a fundamental revision of the post-bipolar, Western-centric model of world order, introducing escalation risks for the policies of Russia, the United States, China, the European Union, Turkey, and Iran in this macroregion. The aim of this study is to identify and characterize the geopolitical projects of Russia, the United States, Great Britain, the EU, Turkey, China, and Iran in the Black Sea region, as well as those being implemented in the Black Sea region.

Materials and Methods. The study draws on systemic, geopolitical, historical, and civilizational

approaches, as well as a mapping method. Critical geopolitics methodology is applied: it analyzes how elites construct geopolitical projections, interpreting geographical and historical factors in the interests of shaping the future world order. The object of this study is the Black Sea region; the subject is the policies of these powers toward it.

Results. Five key geopolitical projections in the BSR have been identified: Novorossiia (Russia) viewed as a Russian Rimland, providing access to the southern oceanic space and countering invasion from the sea; the Wider Black Sea Region (USA) aims to displace Russia and form a “Euro-Atlantic community” in the eastern part of the region; the Three Seas Initiative (Britain) as an association of states of the Adriatic, Baltic, and Black Seas, continues the historical line of containing Russia; the “Belt and Road” (China) makes an emphasis on the transit potential of the region as a hub between Asia and Europe; the Turkic World (Turkey) is the creation of a Turkey-centric subsystem of international relations and the implementation of the “Blue Homeland” maritime strategy. The role of Iran in the framework of the “Persian World” project, which presupposes rivalry with Turkey, is outlined.

Discussion and Conclusion. The dynamics of current military and political events demonstrate that the world is rapidly plunging into global conflict. One of the key areas of this plunging is the Black Sea region of global and regional politics. Identifying and studying the geopolitical projects of global and regional powers in this space will help us understand and shape national interests in this region, which is crucial to Russia's national security.

Keywords: Black Sea region, Novorossiia, Belt and Road Initiative, geopolitical projects, the Wider Black Sea region, the Three Seas Initiative, Turkish world

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation (project No. 25-28-01354, <https://rscf.ru/en/project/25-28-01354/>).

For citation: Irkhin A.A., Muradov G.L., Moskalenko O.A., Demeshko N.E., Nemtsev V.V. The Black Sea Region in the Context of the Clash of Five Global Geopolitical Projections: Novorossiia, the Wider Black Sea Region, the Belt and Road Initiative, the Three Seas Initiative, and the Turkish World. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):010–037. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.010-037>

ВВЕДЕНИЕ

После событий 2014 года, изменивших Россию и мировой порядок, Крымский полуостров, Северное Причерноморье и Черноморский регион (ЧР) стали центром проектной геополитической конкуренции великих держав, создающих новое соотношение сил в мировом и региональном форматах. Воссоединение Крыма с Россией значительно ускорило процессы формирования новой системы мироустройства, а Черноморский регион – некогда периферийный район холодной войны – вновь стал центром региональной и мировой политики и военно-политического столкновения.

Такое внимание к региону определяется его положением геополитического перекрестка на существующей политической карте мира на границе Хартленда и Римленда. Влияние на него оспаривают морские и сухопутные державы. В условиях разворачивающегося мирового конфликта борьба ведется за вполне осязаемые и просчитываемые в экономических и военно-логистических показателях ресурсы. В этой конкуренции нет абстракций: если один выигрывает, это означает, что другой оплачивает ресурсами нации чужой выигрыш и свой проигрыш.

К мотивации жестокой конкуренции за Черное море и регион в условиях формирования новой модели мироустройства нужно добавить их трансформируемость в макрорегиональные геополитические модели: Черноморско-Балтийский макрорегион, Черноморско-Каспийский, Балто-Черноморско-Каспийский, Черноморско-Сре-

диземноморский, Средиземноморско-Черноморско-Каспийский и т. д. [1]. Все зависит от проектанта или державы, оперирующей морской либо сухопутной стратегией, а также от целей и задач программы экспансии.

Цели сухопутных держав связаны с желанием выйти к мировым океанам и, следовательно, к мировому движению товаров, которое, как правило, осуществляется через моря. В случае с морскими – это попытка овладеть труднодоступными ресурсами Хартленда, поставить под вопрос существующую неуязвимость и стратегическую глубину сухопутных держав, перекрыть для них выход в открытый океан, стать монопольными обладателями мировой морской логистики.

В таком осмыслении современный ЧР – это по сути сосуществование и столкновение пяти геополитических проекций (лат. *projectio* – «бросок вперед»): Новороссии, Большого Черноморского региона (США), «Пояса и пути» (КНР), Триморья (Великобритания и США) и Тюркского (Турецкого) мира. Определенное давление на регион оказывает Иран в пределах его Каспийско-Черноморской проекции и в рамках политики, которую можно условно обозначить как «Персидский мир».

Отечественные исследователи Д. А. Дегтерев и М. М. Агазаде отмечают, что в XXI в. международная конкурентоспособность стран во многом определяется их способностью извлекать выгоду из мировой системы морских перевозок, а безопасность морских путей играет одну из решающих ролей во внешней политике государств. Сегодня глобальные центры силы реализуют экономические, военно-политические и культурные экспансии во многом за счет морей, из-за чего моря и морские пути стали важными элементами геополитической конкуренции¹.

Цель статьи – выявить и проанализировать геополитические проекты мировых и региональных держав в ЧР.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Подходы к исследованию проблем и тенденций развития ЧР в России и на Западе различаются. Традиционно проблемы развития ЧР остаются в фокусе внимания западных «фабрик мысли». Им свойственны быстрое реагирование на любые геополитические трансформации, а также системное прогнозирование и моделирование сценариев развития ЧР², который с 2024 г. рассматривается как часть единого с Восточным Средиземноморьем³ пространства. Основные положения оперативных докладов «фабрик мысли» отражаются как в доктринальных документах, так и в сфере реальной политики.

В России же вопросы безопасности Черного моря и региона находят отражение преимущественно в научном дискурсе, что, с одной стороны, обеспечивает фундаментальное осмысление процессов, с другой – является причиной несколько запоздалого реагирования на сверхбыструю динамику событий и объясняет преимущественно «догоняющий» характер экспертизы, минимизирующий долгосрочное прогнозирование.

¹ Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений. Под ред. Д.А. Дегтерева, М.М. Агазаде. М.: Аспект Пресс; 2023. С. 7.

² Ditych O. Four Swans of the Black Sea [Электронный ресурс]. European Union Institute for Security Studies. <https://doi.org/10.2815/842153>

³ Dalay G., Sabanadze N. How Geopolitical Competition in the Black Sea is Redefining Regional Order [Электронный ресурс]. Chatham House. Available at: <https://www.chathamhouse.org/2024/03/how-geopolitical-competition-black-sea-redefining-regional-order> (accessed 05.02.2025).

Изучение и систематизация публикаций отечественных ученых за период 2014–2025 гг. позволяет обозначить несколько типичных подходов к осмыслению геополитического проектирования региона. Закономерно, что основной вектор продвижения государственных интересов России на данной территории требует формулировки концепции региона, поскольку события 2014 года обнаружили серьезные белые пятна: логика отнесения стран к ЧР в национальных научных исследованиях оказалась подчинена концепции Евросоюза [2; 3], при том что как такового российского проекта активного установления позиций в Причерноморье не было обнаружено [1].

В 2018 году альтернативный западным концепциям проект «Большое Средиземноморье» начали под руководством И. А. Чихарева крымские ученые. В задачи входило, во-первых, обоснование концепции проекта в ракурсе Концепции внешней политики РФ от 2016 г.⁴, а именно как связующего узла Ближнего Востока, ЧР, Кавказа, бассейна Каспия; во-вторых, изучение стратегий великих и региональных держав в регионе. Результаты работы представлены в серии качественных научных статей [4–7] и наиболее полно – в коллективной монографии (2023)⁵.

В отечественной традиции политика того или иного регионального либо внерегионального актора рассматривается изолированно, в частности Турция в ЧР [8–10], страны НАТО и Европейский союз (ЕС) в ЧР [11], китайский проект «Пояс и путь» в ЧР [12], влияние Инициативы трех морей на ЧР [13]. Однако наметилась тенденция к изучению политики держав региона во взаимодействии, например в статьях Г. Н. Валиахметовой, М. А. Герман [14], С. Ю. Козьменко [15]. Специальная военная операция (СВО) России на Украине заставляет авторов все активнее расценивать регион как объект внешнего влияния [16; 17]. Тем не менее этот аспект разрабатывается учеными стран антироссийского блока гораздо активнее [18–20], в том числе на основе привлечения методологии классической геополитики [21].

Изолированный характер имеет изучение Новороссии как политического конструкта и проекта. Пиковыми годами «припоминания» его потенциала для державного подъема России стали 2014–2015 гг.: Новороссию связывали с рождением страны⁶, реконструкцией государственности на постсоветском пространстве [22], успешным политическим проектированием [23], в том числе в крымском аспекте черноморской политики России [24; 25]. Лишь спустя два года после начала СВО на смену исследованиям о целесообразности возрождения проекта Новороссии для России [26–28] пришли научные работы, ориентированные на реинтеграцию новороссийских земель [29–31].

Анализ литературы позволяет сделать вывод, что отечественные исследования ЧР носят преимущественно фрагментарный и «догоняющий» характер, отставая от западных сценарных разработок; наблюдается дефицит целостных российских стратегических концепций в отношении региона. Настоящее исследование предлагает системный анализ взаимодействия главных акторов и смещает фокус с описания прошлого на прогностическое осмысление будущей региональной динамики.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30.11.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420384312?marker=65201M> (дата обращения: 25.06.2025).

⁵ Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений...

⁶ Миронов С. Новороссия – Новая Россия. *Защита и безопасность*. 2014;(3):1. URL: https://ormvd-zib.ru/n3_2014/novorossiya_novaya_rossiya/ (дата обращения: 15.06.2025).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект и предмет исследования. Объектом исследования выступает Черноморский регион как пространство пересечения геополитических интересов сверхдержав, мировых и региональных держав; предметом – механизмы взаимодействия и противоречия пяти геополитических проекций: Новороссии, проекта Большого Черноморского региона, инициативы «Пояс и путь», формата Триморья и Турецкого мира.

Хронологические и пространственные рамки. Исследование охватывает период актуализации указанных геополитических проекций, 2014–2026 гг. Пространственные рамки включают прибрежные и прилегающие территории Черного моря (страны Причерноморья), а также зоны прямого влияния перечисленных проектов (Центральную и Восточную Европу, Центральную Азию, Ближний Восток).

Дизайн исследования. Исследование имеет системно-аналитический характер с преобладанием качественных подходов и методов, где на основе сопоставления немаргинальных зарубежных и отечественных идей, концепций и доктрин в отношении ЧР синтезируются основные подходы держав и сценарии ближайшего будущего развития региона.

Исходными материалами выступили: концепции, официальные документы государств и международных организаций (авторские концепции в отношении Черноморского макрорегиона С. Тянь-Шанского, А. Е. Вандама (Едрихина), Х. Маккиндера, Н. Спикмэна; заявления Министерства иностранных дел, доктрины безопасности, меморандумы о сотрудничестве, тексты межгосударственных соглашений, относящихся к каждой из пяти проекций); аналитические доклады и экспертные оценки международных центров (включая Евросоюз, Великобританию, Тюркский совет, впоследствии – Организацию тюркских государств).

Методология исследования. Изучение ЧР в качестве динамичной системы предполагает его различные пространственные конфигурации. Это обуславливает применение методологии классической и критической геополитики, где пространство рассматривается в качестве конструируемого (элитами и народами на основе географии, истории, литературы, национальных мифов, экономики и производных идей) образа в контексте будущего развития державы или межгосударственных объединений.

В рамках методологии каждого из подходов – системного, геополитического, исторического и цивилизационного – применялся **комплекс методов**: геополитического анализа и синтеза – для выявления ключевых акторов, их интересов и инструментов влияния в регионе; сравнительно-исторического – для прослеживания эволюции каждой из пяти проекций и их взаимовлияния; дискурс-анализа – для интерпретации официальных текстов и риторических стратегий в рамках каждой проекции; картографического – для визуализации зон влияния и транспортных коридоров, ассоциируемых с проектами⁷; кейс-стади – для углубленного рассмотрения конкретных эпизодов столкновения интересов.

Процедура анализа. На первом этапе осуществлялись сбор и систематизация концепций документов по каждой проекции с выделением их целевых устано-

⁷ Для создания карт использовались сервис MapChart (Create your own custom map [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mapchart.net/> (дата обращения: 25.06.2025)), а также графические редакторы.

вок, институциональных механизмов и ресурсной базы. На втором проводился сравнительный анализ пересекающихся элементов (территории, транспортные маршруты, энергетические проекты) и точек конфронтации. На третьем – на основе дискурс-анализа выявлялись главные нарративы и символические маркеры, используемые акторами для легитимации проекций. На заключительном этапе синтезировались выводы о характере взаимодействия проекций и возможных сценариях развития региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Россия и проект Новороссии. Возвращение России к активной внешней политике в ЧР началось с пятидневной российско-грузинской войны в августе 2008 года, которая стала прологом к возрождению проекта «Новороссия», не оцененной в полной мере проекции восстановления исторической России после развала СССР в 1991 г. (рис. 1).

Р и с. 1. Карта с проекцией Новороссии (по границам Новороссийской губернии в 1796 г.)

F i g. 1. Novorossiia projection (according to Novorossiia Province of 1796)

Источник: Здесь и далее составлено авторами с использованием сервиса MapChart (URL: <https://www.mapchart.net/> (дата обращения: 25.06.2025)), графических редакторов, Карта Новороссийской губернии из 12 уездов [Электронный ресурс]. В кн.: Вильбрехт А.М. Российский атлас, из сорока трёх карт состоящий и на сорок одну губернию Империю разделяющий (1800). URL: <https://geoportal.rgo.ru/record/5976?ysclid=ml3movct4e527238652> (дата обращения: 16.02.2025)

Source: Hereinafter in this article all maps were drawn up by the authors using the MapChart service (Available at: <https://www.mapchart.net/> (accessed 25.06.2025)), graphic editors, Map of Novorossiia Province of 12 Districts. In: Vilbrecht A.M. Russian Atlas, Consisting of Forty-Three Maps and Dividing the Empire into Forty-One Governorates (1800). Available at: <https://geoportal.rgo.ru/record/5976?ysclid=ml3movct4e527238652> (accessed 16.02.2025)

В многотомном труде «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», изданном в 1910 г. под редакцией В. П. Семенова-Тян-Шанского, обозначено, что Новороссия включала в себя Бессарабскую, Херсонскую и Таврическую губернии, области Войска Донского и Ставропольской губернии, занимала южную

окраину Европейской России, примыкавшей к Черному морю и к Манычу – впадине, по которой когда-то Каспийский бассейн, видимо, соединялся с Черноморским⁸. Крым и Новороссию автор видел не только как путь в Средиземноморье, но через Кавказ – в Персию и Афганистан и затем в Азию.

Кроме того, Новороссия, широко и беспрепятственно сливаясь в бассейне Каспийского моря со степями Средней Азии, была самой широкой дорогой с Востока на Запад. Черное море – крайний северо-восточный отпрыск сложной системы внутренних морей между Европой, Азией и Африкой, которая называется Средиземноморским бассейном и выступает колыбелью современной европейской цивилизации⁹.

В обзорной статье П. И. Пашковский детально анализирует и систематизирует теоретические наработки крымских ученых А. Р. Никифорова, А. В. Мальгина, С. Н. Киселева, А. С. Филатова в отношении феномена Новороссии [25].

А. В. Мальгин определяющим фактором политических и социокультурных процессов на территории Новороссии назвал степной ландшафт, делающий ее продолжением Евразии, а саму Новороссию обозначил как «грандиозный коридор», по которому с Востока на Запад тысячелетиями двигались массы преимущественно кочевых степных этносов. Однако вплоть до XVIII века ни один из них не сумел стать основой сколько-нибудь устойчивого оседлого сообщества. Море выделено в качестве второго важного фактора, так как именно оно связывает Новороссию со Средиземьем (Средиземноморьем), выступая в роли проводника ценностей великих цивилизаций Юга Европы на русский Север. Недр – третий фактор: промышленный рост, ставший результатом открытия угольных и железорудных месторождений, привел к социальным и демографическим изменениям, привлек к освоению региона представителей различных этносов обширной Российской империи (Советского Союза) и заграницы [26, с. 337].

Итак, социально-экономическая суть Новороссии – это синтез степи (выращивание зерна), Черного моря с выходом в Средиземноморье и полезных ископаемых, которые дали новый импульс экономическому развитию данного пространства в индустриальную эпоху. Распад Советского Союза оставил Новороссию за пределами РФ, как и многие другие территории Российской империи, без которых она не может вернуть статус мировой державы и одного из мировых цивилизационных центров. В XXI веке Россия начала пересмотр итогов холодной войны, что выразилось в стремлении вернуть себе береговую линию в Черном море и оживило историческую память о Новороссии. К 2023 году, после превращения Азовского моря во внутренний водоем страны, протяженность береговой линии России в Черном и Азовском морях увеличилась по сравнению с 1991–2014 гг. на 1800 км¹⁰.

Один из лидеров концепции Большого Средиземноморья для России, И. А. Чихарев [4; 5], характеризовал Крым и его основной порт Севастополь как «Римленд России». Однако сейчас представляется, что вся Новороссия есть Римленд (лат. *Rim* – «дуга, обод»; *Rimland* – дуговая земля с выходом в море и океан) России: она позволяет, во-первых, выходить в южное океаническое пространство и постоянно там присутствовать, во-вторых, противостоять вторжению с моря.

⁸ Семенов-Тянь-Шанский В.П. Новороссия. Крым. В кн.: Макаров А.Г., Макарова С.Э. (сост.) Малороссия. Новороссия. Крым: полная история южного русского края. М.: Алгоритм; 2014. С. 92.

⁹ Там же. С. 92–93.

¹⁰ Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе. Под ред. А.А. Ирхина. М.: Аспект Пресс; 2024. С. 250.

Российские попытки выхода в океаническое пространство сразу получали реакцию со стороны морских держав. Гонку за Мировой океан, в которую Россия включилась с опозданием, выиграли англосаксы. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г., показав, что «в Москве расстались с линией на нерушимость постсоветских границ» [32, с. 141], привело к естественному возрождению проекта Новороссии и ее возвращению в лоно страны в начале XXI века. Это прогнозируемо вызвало сопротивление коллективного Запада. Речь идет, по сути, о втором геополитическом возрождении Новороссии, поэтому историческая ретроспектива и историческая география – эффективные инструменты для прогнозирования ближайшего будущего развития геополитической ситуации и военно-политических конфликтов в ЧР.

Последние несколько столетий стремление России получить выход к морям встречало сопротивление англичан и французов, а затем в рамках стратегии сдерживания – и американцев. По этому поводу А. Е. Вандам (Едрихин) писал, что для «...всемирных завоевателей и наших жизненных соперников англичан <...> испещренная океанами, материками и островами земная поверхность является <...> своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы – живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчетом, что их противник <...> теряется в недоумении, каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии»¹¹.

Эти рассуждения в рамках ретроспективы и исторической географии позволяют подчеркнуть принципиальную разницу между первой и современной реализацией проекта Новороссии – русского Римленда. В XVIII – начале XIX века Запад был глубоко разделен в борьбе между главными державами того времени: Францией и Великобританией. Британия, пользуясь логикой противопоставления держав на суше континентов, формировала антифранцузские коалиции, главной силой которых стала Россия. В тени этой войны страна успешно рвалась к морям: произошло продвижение и возвращение России на Балтику Петром Великим, успешно завершилась борьба за выход к Черному морю и Средиземноморью Екатерины Великой в конце XVIII века.

В настоящее время такой разделенности Запада перед попыткой России вернуть свой относительно независимый выход в Мировой океан не наблюдается. Напротив, Запад достаточно един в новой политике сдерживания и активно сопротивляется попыткам России восстановиться после развала СССР, называя их российским державным ревизионизмом.

США и Большой Черноморский регион (*Wider Black Sea Region*). Опирируя морской стратегией, США и Великобритания контролируют Мировой океан, однако Черное и Каспийское моря вследствие географии и правового режима остаются вне их влияния. Хотя именно они формируют геополитическую целостность, которая после распада СССР открыла перспективу экспансии для западной цивилизации в постсоветскую Среднюю Азию – к сердцу Евразии.

Западные державы уже предпринимали попытки проникнуть вглубь Евразии через Черноморско-Каспийскую дугу. Поражение России в Первой мировой войне позволило Германии, Великобритании, США и Франции активно продвигаться

¹¹ Вандам А. Наше положение. В кн.: Фурсов А. Русские о главном противнике. М.: Наше завтра; 2022. С. 123–124.

в этом направлении на обломках Османской и Российской империй. Брестский мир от 3 марта 1918 года передавал Германии контроль над Севастопольской военно-морской базой. Впоследствии через Босфор и Дарданеллы прошли англо-французские морские силы, которые организовали один из фронтов поддержки белого движения в Гражданской войне [33; 34].

Однако их интересы вошли в противоречие с приоритетами Соединенных Штатов, которые также пытались сформировать сферу влияния, что проявлялось в политике 28-го президента США В. Вильсона. В результате победы большевиков на территории России и постепенного ослабления проекта «белой» России количество англо-французских броненосцев в Черном море уменьшалось [35, с. 48–57]. Таким образом, открывается историческая закономерность, когда одновременное ослабление Турции и России позволяет морским державам преодолевать закрытость Черноморско-Каспийского региона как одной из проекций ЧР и проникать в критическое пространство Евразии – Центральную Азию, т. е. в глубины Хартленда.

В настоящее время Россия восстанавливает позиции, потерянные после 1991 г., Турция – после 1923 г., а США и Великобритания на основе итогов холодной войны пытаются перезагрузить однополярность и закрепить над Евразией контроль морских держав. Российская и Османская империи были в разных военно-политических лагерях, однако сходное понимание судьбы, уготованной им Западом, заставило сблизиться кемалистскую Турцию и ленинскую Россию и, несмотря на обилие противоречий, находить общий язык по стратегическим вопросам. Пока, по крайней мере, между Турцией Эрдогана и Россией Путина эта тенденция сохраняется.

Черное море попало в официальные документы США во второй половине 1990-х годов. С 2004 года начинает оформляться идея Большого Черноморского региона, в который включены семь прибрежных государств: Россия, Турция, Украина, Грузия, Молдова, Румыния и Болгария, а также Армения и Азербайджан, не имеющие выхода к Черноморскому побережью (последний имеет выход к Каспию, богат ресурсами и потенциальными логистическими возможностями), с перспективой расширения американского присутствия на восточную прибрежную часть Черного моря (рис. 2).

Одной из первых попыток концептуального оформления практических шагов США в ЧР с начала 1990-х годов стала презентация в 2004 г. Германским фондом Маршалла¹² (*The German Marshall Fund of the United States*) концепции «Развитие новой евро-атлантической стратегии в отношении Черноморского региона», которую развивает «Стратегия США в Черноморском регионе» (*US Strategy in the Black Sea Region*) Фонда «Наследие» (*The Heritage Foundation*)¹³.

Обе стратегии концептуализируют вытеснение России из региона за счет продвижения «евро-атлантической общности» в восточную часть ЧР: Украину, Грузию,

¹² Фонд включен в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

¹³ Asmus R., Forbrig J., Dimitro K. A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region...; Asmus R. Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region. *Insight Turkey*. 2004;6(3):43–65. Available at: <https://www.jstor.org/stable/26328588> (accessed 10.05.2025); Cohen A., Irwin C. U.S. Strategy in the Black Sea Region. Washington, D.C.: Heritage Foundation; 2006. 11 p. Available at: <https://www.heritage.org/europe/report/us-strategy-the-black-sea-region> (accessed 10.05.2025).

Молдову, а также Азербайджан и Армению, которые, по мнению американских экспертно-аналитических центров, представляют собой геополитически целостный регион – Большое Причерноморье¹⁴. Два фактора должны были способствовать вытеснению России: замена российских миротворцев на международные военные силы; диверсификация путей поставки ресурсов из ЧР путем существенного замещения российских энергетических компаний [6].

Р и с. 2. Карта с проекцией Большого Черноморского региона, включающего прибрежные черноморские государства, Молдову и страны Южного Кавказа (Армению, Азербайджан и Грузию) [34]

Fig. 2. The Wider Black Sea region projection as area including the littoral states of the Black Sea, Moldova, and the Southern Caucasus countries (Armenia, Azerbaijan, and Georgia)

Источник: составлено с использованием Asmus R., Forbrig J., Dimitro K. A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region. Washington, D.C.: The German Marshall Fund of the United States; 2004. 30 p.

Source: Compiled using Asmus R., Forbrig J., Dimitro K. A New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region. Washington, D.C.: The German Marshall Fund of the United States; 2004. 30 p.

После начала СВО, обозначив «...критическое значение ЧР для национальной безопасности шести прибрежных государств, нарастающую напряженность в регионе на восточной границе ЕС и рубежах НАТО и усиление России в регионе после 2014 г.», Конгресс США инициировал активную корректировку внешней политики США в ЧР и представил в декабре 2022 года «Акт по безопасности в Черном море» («*Black Sea Security Act of 2022*»). В 2023–2024 годах в деятельности Сената он фигурировал под названием «*Black Sea Security Act of 2023*». В этом документе черноморские государства представлены Турцией, Румынией, Болгарией, Молдовой, Украиной и Грузией; Россия отсутствует, хотя упоминается 18 раз¹⁵.

¹⁴ Bryza M. The Policy of the United States Toward the Black Sea Region. Next Steps in Forging Euroatlantic Strategy for the Wider Black Sea. Ed. by R. Asmus. Washington, D.C.: The German Marshall Fund of the United States; 2006. Pp. 37–42.

¹⁵ Black Sea Security Act of 2023 [Электронный ресурс]. US Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/118th-congress/senate-bill/804/text> (accessed 05.02.2025).

В 2023 году на Форуме по безопасности в Черноморском регионе и на Балканах¹⁶, который принимала Румыния, прозвучала следующая оценка региона, определяющая его значение для Стратегии национальной обороны США: «*Он соединяет [Выделено авторами статьи. – Ред.] Европу с Ближним Востоком и территориями за ним, является ключевым узлом транзита энергоресурсов. Черное море было ключевой частью Шелкового пути до Рождества Христова. Оно соединяло Римскую империю с Азией. Это море служило мостом для Византийской империи, Османской империи, было торговым, миграционным и военным маршрутом. Оно выступает ключевой линией фронта трансатлантической безопасности*»¹⁷. По сути, «Акт по безопасности в Черном море» логически продолжает концепцию Евро-атлантического Причерноморья и Большого Черноморского региона. Другими словами, основная стратегия США в Черном море заложена в формулу «Черное море без России».

Следует понимать, что в условиях политики президентской администрации Д. Трампа реализация американской проекции Большого Черноморского региона может перейти элитам Великобритании, чей проекционный курс связан с концепцией Триморья и формированием альянса государств Адриатического, Балтийского и Черного морей.

Доктринальные основы внешней политики Д. Трампа первой каденции позволили определить курс США как «новый американский изоляционизм» [36]; документ второй каденции – «гимн новому изоляционизму», а основы внешней политики США емко метафоризированы в неологизме «Доктрина Трампа–Монро» (“*The Trump corollary to the Monroe Doctrine*”), который подразумевает «разумное и ответственное восстановление американской мощи и приоритетов, соответствующее американским интересам безопасности»¹⁸.

В целом курс будет выглядеть так:

1) сохранение американского присутствия в значимых регионах мира с передачей большей ответственности союзникам и одновременно их принуждением к увеличению экономического и военно-политического вклада в этот процесс;

2) сдерживание конкурентов (КНР и России) и ослабление соперников (Ирана, КНР) с переходом на управление создаваемой системой нового мирового порядка в логике «британского баланса», когда «дирижер» находится на значительном удалении, но оказывает решающее влияние за счет сформированных и поддерживаемых коалиционных противоречий.

«Новый изоляционизм» – необходимое и экзистенциальное условие сохранения державности США при существенном сокращении доли валового внутреннего продукта в мировой экономике и продолжающемся росте Китая. Американцам требуется выйти из конфликта в Украине и перевести значительную долю своих ресурсов на сдерживание КНР непосредственно в Восточной и Юго-Восточной

¹⁶ Black Sea and Balkans Security Forum [Электронный ресурс]. Available at: <https://bsec-organization.org/news/89163black-sea-and-balkans-security-forum> (accessed 05.02.2025).

¹⁷ Garamone J. U.S. Official Looks to Deter Russia in Black Sea Region [Электронный ресурс]. US Department of Defense. Available at: <https://clck.ru/3RWgx3> (accessed 05.02.2025).

¹⁸ National Security Strategy of the USA [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (accessed 06.12.2025).

Азии, передав Великобритании и другим европейским союзникам по НАТО ответственность в иных регионах.

Великобритания и Инициатива трех морей (*Three Seas Initiative*), или Триморья, Междуморья (*Intermarum*). Великобритания – один из самых активных игроков в украинском кризисе, имеющий давние интересы в Черноморском бассейне. В сфере критической геополитики эти интересы берут начало в британской героике Крымской войны. Увидеть их можно в рассуждениях Х. Маккиндера и Н. Спикмэна – в поисках ответа на вопрос «Кому должен принадлежать Черноморский бассейн: странам Хартленда, державам, оперирующим морской стратегией, или Римленду?» Напомним, что Н. Спикмэн выводит Британию за пределы Римленда¹⁹.

Взглянем на мировую карту Российской и Британской империй XIX в.: чем были Индия и Крымский полуостров для Британской короны и Российского скипетра? Значение этих полуостровов, врезающихся в Индийский океан и Черное море соответственно, трудно переоценить. В настоящее время, учитывая независимость Индии, ситуация изменилась незначительно: Крымский полуостров является ключевым пространством возрождающейся России, Индия – важным звеном в сдерживании англосаксами Китая.

Каждая из геополитических схем Х. Маккиндера была функциональна для своего времени, причем с привязкой к британскому имперскому мировоззрению и формулам контроля над миром: Хартленд с сердцем в Афганистане – для середины и второй половины XIX – начала XX века, контроль над Восточной Европой – по итогам Первой мировой войны. В 1943 году Х. Маккиндер вводит новую геополитическую ось – США, обозначая двуполярный и блоковый мир²⁰.

В широком смысле «схватка» за Крым – это отражение первой и второй схем Х. Маккиндера: «Географической оси истории» (1904), где он пишет, что англичане должны стремиться контролировать Центральную Азию, и «Демократических идеалов и реальности» (1919), где ключом к сохранению Британии как великой державы выступает Восточная Европа – от Балтийского до Черного моря. В 1919 году термином «средний ярус Восточной Европы» он обозначил федерацию, которая простиралась бы от Балтийского моря до Адриатики и противостояла как Германии, так и России.

В промежутке между попытками контролировать постсоветскую Среднюю Азию и Восточную Европу происходит европейское, сейчас главным образом британо-французское, а вскоре и германское, моделирование нового механизма сдерживания России. Крым, судя по политической карте, занимает центральное (по значению) место как в Балто-Черноморской, так и Черноморско-Каспийской проекции этой конкуренции и западной экспансии. Речь идет о закреплении итогов окончания холодной войны вне возможности их пересмотра Россией. При этом США, подобно «ладье в Мировом океане», отплывают от восточно-европейского военно-политического кризиса на Восток – к решению первостепенных задач: навязывания конфликта Китаю, сдерживания и ослабления Ирана.

¹⁹ Спикмэн Н. География и внешняя политика. В кн.: Спикмэн Н., Шмитт К. «Новая Атлантида». Геополитика Запада на суше и на море. М.: Родина; 2022. С. 6–75.

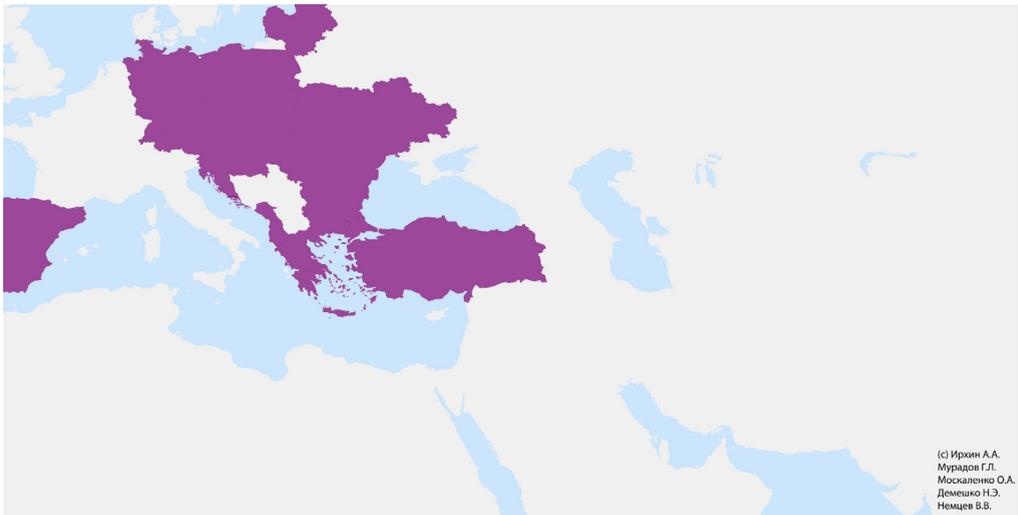
²⁰ Опубликовано несколько переводов на русский язык. Наиболее полный снабжен содержательным переводческим комментарием: Маккиндер Х. Круглая Земля и обретение мира. Пер., коммент. В. Цымбурского. *Космополис*. 2007;(1):119–132. URL: <https://www.intelros.ru/index.php?newsid=357> (дата обращения: 10.05.2025).

Проект Триморья объединяет государства Адриатического, Балтийского и Черного морей. Современная британская геополитическая проекция Триморья основана на исторической памяти и геополитической логике (рис. 3).

Многие исследователи видят корни данной концепции в польской идее «Польша от моря до моря» («*Polska od morza do morza*») и проекте «Прометеизм»²¹ [37, с. 117]. Планы Ю. Пилсудского по созданию Междуморья, а затем и проект «Прометей» тайно поддерживались французской и британской разведками: вплоть до 1947 г. Великобритания финансировала и активизировала федералистское движение в Восточной и Центральной Европе, в том числе в формате основания в 1940 г. Центрально-европейского федерального клуба (CEFC), присвоившего концепцию Междуморья²².

Необходимо выделить и украинские геополитические корни Триморья, которые актуализируются и развиваются в настоящее время. Речь идет об идеях украинской географической и геополитической мысли первой трети XX века. По мнению С. Рудницкого, выдвинувшего проект создания Балто-Понтийской федерации в составе Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины, мировое политическое значение Украины заключено в том, чтобы она своим геополитическим пространством останавливала экспансию России к Адриатическому и Эгейскому морям, к Передней Азии и Египту, сделала бы невозможной экспансию к Индии²³.

Р и с. 3. Карта с проекцией Инициативы трех морей²⁴
F i g. 3. The Three Seas Initiative projection

²¹ The Three Seas Initiative. An Original Concept of Regional Cooperation in Different Approaches. Ed. Orzelska-Staczek A. Warsaw: Institute of Political Studies of the Polish Academy of Sciences; 2004. 228 p.

²² Ларуэль М., Ривера Э. Концепция Междуморья: от Пилсудского до Трампа. Пер. с англ. А. Колгашкина; редактор перевода Д. Буневич. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив; 2019. С. 13–21.

²³ Рудницкий С. Чому ми хочемо самостійної України? Львів: Світ; 1995. С. 294.

²⁴ Отражает состав Инициативы до апреля 2025 г.

Сказанное отражает связь идей украинского мыслителя с решением британской геостратегической задачи XIX–XX вв., обозначенной Х. Маккиндером²⁵. Крыму украинский геополитик отводил особое место, считая Крымский полуостров ключом к морским коммуникациям Черного моря. Кто владеет Крымом, тот сможет контролировать выход Украины к морю и дальше – к океанам: «Потеря Крыма, где уже тогда (1917 г.) было большинство украинского населения, сразу вынесла смертный приговор украинской государственности. Ибо без Крыма нет самостоятельной Украины – он разбивает ее главную основу и опору – черноморский берег»²⁶.

Заметим, что линия сдерживания России в проекте Триморья подвижна: в моменты слабости России и силы Запада она смещается на Восток и наоборот.

Современная доктрина политики ЕС и Великобритании отражена в следующих документах: «Стратегический компас ЕС»²⁷, «Концепция безопасности НАТО»²⁸, обновленная «Глобальная Британия»²⁹. Они основаны на сформулированной в 2004–2006 гг. концепции Большого Черноморского региона, в которой нет места для присутствия РФ в ЧР. В споре великих держав Великобритания стремится к роли первой скрипки, что поясняется ее традиционным намерением присутствовать в Черном и Каспийском морях – в Крымско-Черноморско-Кавказском регионе, где первоначально находилось «ядро большой игры» и где русско-британские противоречия были крайне накалены [38], – выстраивая собственную линию обороны и вытесняя при этом Россию «обратно в азиатские степи». В историческом опыте Лондона присутствует и вариант, когда Россия временно исключалась из Черноморско-Средиземноморской игры (например, после Крымской войны 1853 – 1856 гг.).

Продолжающееся воздействие Запада нацелено на вытеснение России из региона с одновременным снижением влияния Турции (например, за счет «размывания» и обхода Конвенции Монтре), на организацию постоянного присутствия военных сил НАТО в Черном море (дополнительно к силам региональных Турции, Румынии и Болгарии), в том числе за счет альтернативных Черноморским проливам маршрутов.

На теоретическом уровне А. Е. Вандам выделяет два принципа британской стратегии, которые кажутся устойчивыми в веках: «...уничтожив морские силы своих соперников и заперев последних на материке, – удерживать их на нем подвижными стенами своего могущественного флота» и «...наложение на континентальные народы особого рода оков *balance of power*, под которыми... подразумевается... решение Англии не допустить на континенте Европы сколь-нибудь опасного преобладания какой бы то ни было державы»³⁰.

Китай и «Пояс и путь» (一帶一路). Китайская политика в Черном море стала активно проявляться в начале XXI столетия. Черное море, точнее, Грузия, открывает европейское измерение китайского экономического и логистического проекта глобализации «Пояс и путь» (рис. 4).

²⁵ Маккиндер Х. Географическая ось истории. М.: АСТ; 2023. 352 с.

²⁶ Рудницький С. Чому ми хочемо самостійної України?... С. 294.

²⁷ European Union External Action (2022) [Электронный ресурс]. A Strategic Compass for Security and Defence. Available at: <https://tinyurl.com/z6uet9hr> (accessed 22.06.2025).

²⁸ NATO 2022 Strategic Concept [Электронный ресурс]. Available at: <https://tinyurl.com/3wruwh7c> (accessed 22.06.2025).

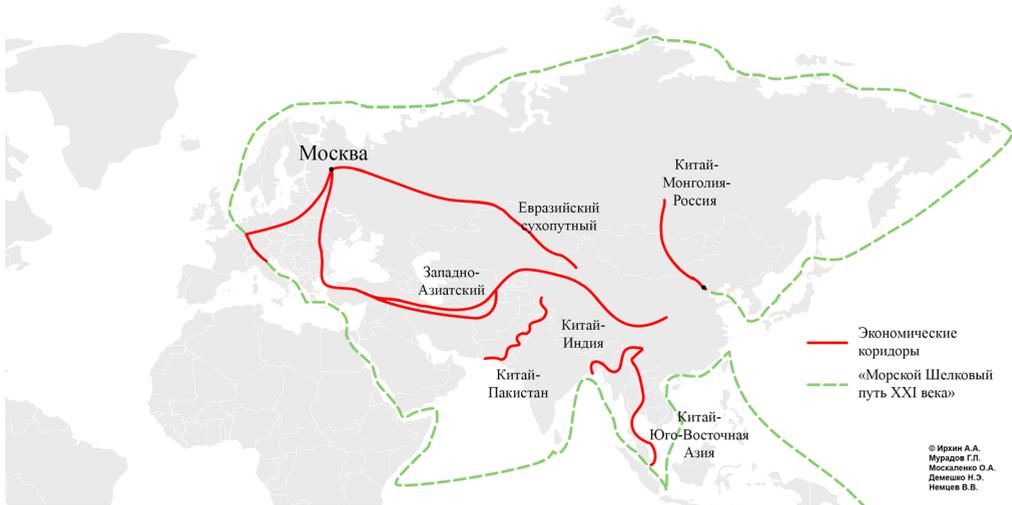
²⁹ Integrated Review Refresh 2023. Responding to a More Contested and Volatile World [Электронный ресурс]. Available at: <https://tinyurl.com/yc66e893> (accessed 22.06.2025).

³⁰ Вандам А. Наше положение... С. 239–240.

В сентябре 2013 года Председатель КНР Си Цзиньпин предложил инициативу «Экономический пояс Шелкового пути» как возрождение Великого Шелкового пути, связывавшего Китай со странами Евразии, Среднего и Ближнего Востока; в октябре – в обращении к парламенту Индонезии выдвинул концепцию Морского шелкового пути XXI века как возрождения древнего морского шелкового пути. «Новые шелковые пути» призваны связать Китай со странами Европы через обширные пространства, сухопутные и морские. Эти инициативы достаточно быстро обрели форму одной из главных составляющих китайской внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии [39, с. 61–62].

По мнению С. Лю, хотя единого Причерноморского вектора внешней политики Китая не существует, можно выделить главный интерес, который преобладает при выстраивании им отношений со всеми странами данного региона. Этот интерес связан с транзитным потенциалом территории, находящейся между Европой и Азией, а также имеющей связь с Мировым океаном, что делает ее выгодным местом размещения инфраструктуры для реализации глобальной китайской инициативы «Пояс и путь» [40]. Традиционно экономический инструментарий КНР рассматривает в качестве приоритетного по сравнению с военным [41].

Р и с. 4. Карта проекта «Пояс и Путь» (с транспортными линиями)

F i g. 4. Belt and Road project map (with transport lines)

Источник: доработано авторами на основе инфографики с сайта Kommersant.ru: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282836> (дата обращения: 26.02.2025)

Source: Revised by the authors based on infographics from the website Kommersant.ru: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282836> (дата обращения: 26.02.2025)

В последние годы Китай активно инвестировал в инфраструктуру и порты в регионе Причерноморья, чтобы превратить его в ключевой транспортно-логистический узел между Азией и Европой в рамках реализации проекта «Пояс и путь»³¹.

³¹ Topuria R. Georgia Can Still Be a Hub for China, but Only if the Belt and Road Survives [Электронный ресурс]. *The Diplomat*. URL: <https://clck.ru/3RWnhm> (accessed 16.02.2025).

Особая роль отводится Грузии, для которой запланированы строительство мультимодального транзитного терминала и расширение морского порта Поты³². Для эффективной транспортировки минеральных удобрений из Центральной Азии к Черному морю разрабатывается план по развитию порта Батуми³³, через который грузы будут поступать из каспийского порта Баку.

Китай последовательно выстраивает отношения с Болгарией и Румынией, а до 2014 г. – с Украиной. Определенным прорывом для черноморской политики КНР были договоренности декабря 2013 года с В. Ф. Януковичем, украинским президентом, по созданию глубоководного хаба в западной части Крымского полуострова. После воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. они потеряли актуальность.

Турция и Тюркский мир (Türk dünyası). Открытые документы внешней политики Турции дают представление о ее стратегии на суше в рамках создания тюркоцентричной подсистемы международных отношений (Организация тюркских государств, Тюркский мир) и морской стратегии «Голубая Родина» (рис. 5).

Р и с. 5. Карта с проекцией Тюркского мира

F i g. 5. The Turkic World projection

Многовекторная, на первый взгляд, двойственная и противоречивая внешняя политика Турции имеет вполне ясные и очевидные рамки, которые сформировали история и география современного государства в контексте концепта «турецкий баланс» [15]. Анкара благодаря Конвенции Монтре обладает существенной военно-политической автономией от союзников по НАТО в ЧР и противопоставляет политику коллективного Запада коллективному Незападу в условиях столкновения проектов глобализации США и КНР (соответственно Большого Черноморского региона и «Пояса и пути»).

³² Avdaliani E. China Set to Increase its Influence in Georgia [Электронный ресурс]. *Georgia Today*. URL: <https://modern diplomacy.eu/2019/06/02/china-set-to-increase-its-influence-in-georgia/> (accessed 16.02.2025).

³³ Staikos A. Georgia's Batumi Port Seeks to Connect East and West [Электронный ресурс]. *Euronews*. URL: <https://clck.ru/3RWhxz> (accessed 16.02.2025).

В рамках указанного концепта положение Турции как региональной державы трансформируется. Стремясь получить статус мировой державы, она использует фактор контроля над Черноморскими проливами; создает собственную подсистему международных отношений в рамках Турецкого/Тюркского мира; повышает свою дипломатическую роль через попытки посредничества в конфликте в Украине; активно развивает военно-промышленный комплекс, действует в сфере частных военных компаний (SADAT) и наемничества для разрешения межгосударственных конфликтов посредством прокси-сил.

Активное участие Турции на своих геополитических флангах в Восточном Средиземноморье и Южном Кавказе в военно-политических операциях с разрешением в ее пользу показывает, что она использует занятость России в украинском кризисе и пока не намерена останавливать экспансию. Последнее сдвигает баланс в российско-турецких отношениях к преобладанию конкуренции над сотрудничеством в ближайшем будущем.

Принципы сохранения сотрудничества между современной Анкарой и Москвой соотносятся с имперской формулой и подтверждаются историей региона: контролирующей Черноморские проливы управляет Южным Причерноморьем, а контролирующей Крым – Северным. Таким образом, Россия и Турция обладают двумя ключами от региона, который, в свою очередь, становится одним из ключей к формирующемуся полицентричному мировому порядку³⁴.

Переход одного из ключей в третьи руки чреват обрушением государственности обеих держав. Лидеры большевистской России и кемалистской Турции это понимали и заключили Московский договор от 1921 года «О дружбе и братстве»³⁵. Тем не менее в ближайшем будущем любая из сторон может попытаться завладеть вторым ключом от Черного моря – в рамках исторической ретроспективы такие рефлексии были неоднократно.

Иран и Персидский мир. Персидский мир – менее очевидный геополитический проект (рис. 6). Он обуславливает для Ирана необходимость имперского возрождения как ответной стратегии на экспансионистские амбиции Турции в регионах, что пересекаются с зонами национальных интересов Исламской Республики [42]. Поскольку Турция и Иран исторически являются соперниками, процесс имперского возрождения одной из сторон оказывается принуждением к империи для другой, если, конечно, в планы руководства региональной державы не входит отказ от защиты государственных и, в данном случае, цивилизационных интересов.

Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Ираном и Россией, подписанный 17 января 2025 г. (ст. 5.4³⁶), возвращает Иран на Южный Кавказ, где его не было более 200 лет (согласно Гюлистанскому мирному договору 1813 г. и Туркманчайскому договору 1828 г.).

³⁴ Ключи от Евразии. Россия и Турция в Черноморском регионе...

³⁵ Договор о дружбе и братстве между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Турецкой Республикой. Москва. 16.03.1921 г. [Электронный ресурс]. *Электронная библиотека исторических документов*. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136133> (дата обращения: 25.06.2025).

³⁶ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Исламской республикой Иран (Москва, 17.01.2025 г.) [Электронный ресурс]. Гарант. URL: <https://base.garant.ru/411314743/> (дата обращения: 25.06.2025).

Если принимать во внимание теорию цикличности мировых войн, то, возможно, мир находится внутри начала нового цикла, который географически ассоциируется с ЧР. В последние несколько десятилетий ЧР находится в ситуации динамических геополитических изменений: в 1991 г. началась его фрагментация в результате дезинтеграции Советского Союза и распада Восточного блока. Почти одновременно последовали наступление евро-атлантической платформы и попытки ее остановить со стороны, во-первых, Турции (несмотря на вовлеченность в западные военно-политические структуры), во-вторых, России.

В настоящее время ЧР находится в ситуации трансформации: его географические рамки определяются прибрежным принципом, однако геополитические варьируются в зависимости от интересов великих держав. Инициировали переосмысление региона американские «фабрики мысли», которые в 2000-е годы выдвинули концепции Евро-атлантического Причерноморья и Большого Черноморского региона.

Р и с. 6. Карта с проекцией Персидского мира

F i g. 6. The Persian World projection

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современный ЧР оказался на перекрестке шести геополитических проектов, пять из которых очевидны. При этом каждая из изученных геополитических проекций выходит за пределы географического (прибрежного) и самого простого принципа, что выводит пространство вокруг Черного моря в макрорегиональное измерение и формирует Черноморский макрорегион (от др.-греч. *μακρός* – «большой», лат. *regio* – «область»; в широком смысле – географический ареал, объединяющий в группу несколько сопредельных регионов, совокупно обладающих общими чертами).

Конкуренция проектов имеет черты классической геополитической парадигмы. Современный Черноморский макрорегион представлен минимум в пяти моделях: Черноморско-Балтийского региона, Черноморско-Каспийского, Балто-Черномор-

ско-Каспийского, Черноморско-Средиземноморского, Средиземноморско-Черноморско-Каспийского региона, – это классический геополитический подход.

В критической же геополитической парадигме ситуация выглядит иначе: насыщенность Черноморского макрорегиона проекциями (Новороссией, Большим Черноморским регионом (США), Триморьем (Великобритания и США), Турецким, или Тюркским, миром и «Голубой Родиной», «Поясом и путем» и Персидским миром) имеет встречный характер (рис. 7). Большой Черноморский регион, Триморье и Тюркский мир разделяют Россию и Европу промежуточными территориями, одновременно вытесняя ее геополитическое пространство на Северо-восток Евразии, подальше от Мирового океана.

Американский Большой Черноморский регион, по сути, продолжает британскую логику Триморья на восток. При сопоставлении этих проекций обнаруживается преемственность с ранними схемами Х. Маккиндера (1904 – 1919 гг.) в смысле стремления контролировать Восточную Европу и Центральную Азию Евразии. В свою очередь, наступательность турецкой проекции в ЧР очевидна при синтезе геополитической логики сухопутной стратегии (Турецкого мира) и морской доктрины Анкары («Голубой Родины»). Сама же «Голубая Родина» направлена на экспансию в Средиземноморье, а Северное Причерноморье признается сферой влияния России. Иными словами, сухопутная стратегия Турции противоречит интересам России, а морская в целом их учитывает. На прикладном уровне это связано с двойной системой сдерживания, которую создал Запад в отношении России и Турции: сжимая руками турок русский флот в районе Черноморских (турецких) проливов, а турецкий флот – руками греков в районе Додеканесских островов.

Р и с. 7. Карта с наложением геополитических проекций в ЧР

F i g. 7. Map with overlapping geopolitical projections in the Black Sea region

Современные геополитические интересы России и Ирана в регионе, как показывают проекции на картах, практически не пересекаются. По всей видимости,

отсюда фактически состоявшийся военно-политический союз между Тегераном и Москвой, закрепленный 17 января 2025 года подписанием договора³⁷.

В классической геополитической парадигме современный Иран – один из ключей к контролю над Евразией для морских держав. В условиях независимости Индии (схема Х. Маккиндера от 1904 г.) он дает возможность проникнуть как на Восток Евразии – в Центральную Азию, так и на Запад – через Закавказье к Черному морю и Средиземноморью. В критической геополитике контроль над современным Ираном означает блокировку российских проекций (Новороссии и транспортного пути Север–Юг) и китайского проекта «Пояс и путь». Вероятно также, что «коридор Трампа» в Закавказье не сможет существовать или в полной мере быть реализован при успешном сохранении режима аятолл в Иране.

Все обозначенные проекции Черноморского макрорегиона, кроме «Пояса и пути», имеют геополитические причины и мотивы: экспансия как результат обеспечения безопасности и создания своего макрорегиона или продолжения обновленной логики глобализации. В таком контексте Россия и Китай скорее союзники. Однако ситуация, являющаяся следствием современной российской структуры экономики, возможно, имеет временный характер. Если Россия перейдет к курсу экономической модернизации, то она будет нуждаться в собственных рынках сбыта несырьевых товаров и в источниках сырья, и тогда китайская проекция станет конкурентным проектом.

Наиболее враждебны России проекты Большого Черноморского региона и Триморья: они не предполагают сохранения российской береговой линии в Черном море, а в британской версии – и на Балтике. В данных проекциях столкновение России и Турции неминуемо и выступает лишь вопросом времени. Избежать этого возможно в случае доминирования в турецкой проекции логики «Голубой Родины» и сворачивания деятельности Организации тюркских государств. Однако Анкара, по всей видимости, будет стремиться синхронизировать сухопутную и морскую стратегии, что также угрожает национальным интересам России. Это подтверждается присоединением Турецкой Республики к англо-американской проекции Триморья осенью 2025 года, что соответствует тезису о динамичности описанных геополитических проекций вследствие силы или слабости оппонента в многосторонней конкуренции формирующегося нового мира.

Каждая великая нация, входя в новый мировой порядок, выстраивает связанную с Мировым океаном экономическую и торговую логистику, которая не может успешно существовать без военно-политических договоров и взаимных гарантий. Россия вступила в конкуренцию за Новороссию и проект Север–Юг, реанимируя позиции прошлого в историческом зеркале торговых маршрутов «из варяг в греки» и Волго-Каспийского. Она соперничает с США и Северной Европой за логистический проект Северного морского пути. Две из трех мировых экономических логистик РФ в контексте конкуренции за позиции в новом мировом порядке зависят от уровня ее безопасности в Черном море. Наличие такого насыщенного противоборства на весьма ограниченном морском пространстве свидетельствует о том, что основные события в «битве за Черное море» впереди.

Публикация продолжает научную траекторию авторского коллектива в отношении исследования проблем безопасности Черноморского макрорегиона с учетом

³⁷ Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве...

широкой интерпретации термина «безопасность» и в условиях разворачивающегося глобального конфликта. Исследование будет интересно ученым, политикам-практикам, работникам дипломатических ведомств и аналитических центров частных и государственных организаций.

К ограничениям исследования относятся высокая динамика международной ситуации на региональном и глобальном уровнях, а также частичная закрытость данных о реализуемых внешнеполитических стратегиях, что компенсируется множественной верификацией информации на трех уровнях политических решений: концептуальном, доктринальном, практической реализации и в рамках применяемой методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ислямова Э.Э. Геополитическое значение Черноморского региона: теоретико-концептуальное измерение. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*. 2017;3(4):124–133. URL: <https://sn-philcultpol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2018/02/124-133-isl.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).
2. Ислямова Э.Э. Страны Черноморского региона: концептуальное определение и освещение в российских диссертационных работах. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. 2017;22(44):181–188. URL: <https://clck.ru/3RWjn2> (дата обращения: 15.06.2025).
3. Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2021;21(3):498–516. URL: <https://sochum.ru/s2313-0660000884-9-1/> (дата обращения: 25.06.2025).
4. Чихарев И.А., Бровко В.Ю. Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья: контуры исследовательской программы. *Русская политология*. 2018;(4):47–54. URL: https://rupolology.ru/wp-content/uploads/2019/03/08_Chiharev.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
5. Чихарев И.А. Большое Средиземноморье как многомерный объект политических исследований. *Полис. Политические исследования*. 2021;(3):129–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
6. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints. *Geopolitics Quarterly*. 2020;15(4):110–121. URL: http://journal.iag.ir/article_93709.html?lang=en (дата обращения: 15.06.2025).
7. Агазаде М.М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2021;21(3):429–440. <https://www.elibrary.ru/eknaro>
8. Аватков В.А., Гудев П.А. Геополитика российско-турецких отношений в Черноморском регионе. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2021;23(3):348–363. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-rossiysko-turetskih-otnosheniy-v-chernomorskom-regione> (дата обращения: 15.06.2025).
9. Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э. «Турецкий баланс», или Внешнеполитическая стратегия Турции в Черноморском регионе на фоне специальной военной операции. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2024;24(1):7–22. <https://www.elibrary.ru/dhspmy>
10. Мозлоев А.Т. Российско-турецкий фактор региональной стабильности. *Ближний и Постсоветский Восток*. 2024;(1):7–16. URL: <https://clck.ru/3RqNYr> (дата обращения: 15.06.2025).
11. Айвазян Д.С. США и идеологические установки политики НАТО в Черноморском регионе. *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2024;(1):53–66. <https://doi.org/10.31857/S2686673024010049>
12. Сидоров А. Черноморский регион и инициатива Китая «Один пояс – один путь». *Международная жизнь*. 2024;(12):58–61. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/122024/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

13. Офицеров-Бельский Д.В. Трансформация Инициативы трех морей в контексте конфликта вокруг Украины. *Россия и новые государства Евразии*. 2024;(4):191–199. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-4-191-199>
14. Валиахметова Г.Н., Герман М.А. Особенности интеграции Турции в китайскую инициативу «Один пояс – один путь». *Научный диалог*. 2020;(2):322–332. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-322-332>
15. Козьменко С.Ю. Современный гамбит в евразийской версии «Большой игры». *ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика*. 2022;16(4):121–129. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-121-129>
16. Высоцкий П.А. Геополитика Черноморского региона: ключевые проблемы на современном этапе. *Вестник РУДН. Серия: Политология*. 2024;26(3):569–583. URL: <https://clck.ru/3RqVXF> (дата обращения: 15.06.2025).
17. Колесников А. Два берега – одно море. Проблема взаимодействия стран Черноморского региона. *Международная жизнь*. 2025;(1):20–23. <https://www.elibrary.ru/etfgox>
18. Panchuk R. Scientific Researches of Geopolitical Integration Concepts of the Baltic-Black Sea Region. *Scientific Journal of Polonia University*. 2020;39(2):242–254. <https://doi.org/10.23856/3935>
19. Zakaradze E., Muradishvili K. The Black Sea – the Geopolitical Springboard of the Region. *European Scientific Journal*. 2023;19(39):58–64. <https://doi.org/10.19044/esj.2023.v19n39p58>
20. Mahmutaj N. The New Geopolitical Order in the Black Sea: Russia's Role in the Area. *Connections: The Quarterly Journal*. 2023;22(3):45–58. URL: https://connections-qj.org/system/files/22.3.06_russia_role.pdf (дата обращения: 15.06.2025).
21. Hochberg M., Hochberg L. “Confining the Enemy” – Halford Mackinder’s Theory of Containment and the Conflict in Ukraine. *Naval War College Review*. 2023;76(2):7. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol76/iss2/7> (дата обращения: 15.06.2025).
22. Плиев С.М. Новая государственность на постсоветском пространстве. *Наука. Культурология. Общество*. 2015;21(3):65–74. <https://www.elibrary.ru/kddiac>
23. Шатило И.С. Новороссия как историческая реальность и политический проект. *Власть*. 2015;(2):38–44. <https://www.elibrary.ru/tntvnj>
24. Nekliudov N. Russian World in Ukraine: Soft Power Implementation in Crimea and «Novorossia». *Российский журнал исследований национализма*. 2017;(1):38–44. <https://www.elibrary.ru/ypcmal>
25. Пашковский П.И. Теория Новороссии в крымском социально-гуманитарном дискурсе. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2019;19(3):335–340. URL: <https://soziopolit.sgu.ru/ru/articles/teoriya-novorossii-v-krymskom-socialno-gumanitarnom-diskurse> (дата обращения: 15.06.2025).
26. Прудников А.А. Есть ли у проекта «Новороссия» государственная перспектива? (к вопросу о признании новообразующихся государств). *Власть и управление на Востоке России*. 2016;(1):149–152. <https://elibrary.ru/tohpie>
27. Узародов Д.И. Новороссия как субъект международной политики: проблемы и перспективы. *Наука Юга России*. 2016;12(1):75–83. URL: <https://clck.ru/3RWm49> (дата обращения: 15.06.2025).
28. Терских Л.А. Концептуальная основа теории «выживаемости» Новороссии как части Русского мира. *Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко*. 2018;(1):14–27. <https://elibrary.ru/xredxf>
29. Чернышов М.М. Потенциал пространственного развития западных приграничных территорий России в новых геополитических условиях. *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2022;(12):121–133. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-12-121-133>
30. Стоколос М.Д. Русская идентичность Донбасса: исторический аспект. *Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований*. 2023;(17):30–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-identichnost-donbassa-istoricheskiy-aspekt> (дата обращения: 15.06.2025).
31. Фоменко В.Г. Приднестровье как часть Русского мира. *Журнал исторических, политологических и международных исследований*. 2024;(2):65–71. URL: <https://clck.ru/3RWmk6> (дата обращения: 15.06.2025).
32. Миллер А.И. Украина – историческая политика в дискуссии о регионах. *Россия в глобальной политике*. 2025;23(5):128–145. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-5-128-145>

33. Гасымлы М.Д. Политика государств Антанты после Первой мировой войны и российско-турецкое сближение. *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки.* 2020;(3):73–82. <http://vestnikpolit.ru/articles/article/1168/>
34. Гурьев Е.П. Черноморский флот и врангелевская эпопея. *Russian Colonial Studies.* 2020;(2):17–22. <https://elibrary.ru/syzzzn>
35. Ирхин А.А., Чихарев И.А. Россия и Большое Средиземноморье 1783–1920 гг.: от присоединения Крыма к России до эвакуации белой элиты из Севастополя. *Парадигмы истории и общественного развития.* 2018;(12):48–57. <https://elibrary.ru/vubbht>
36. Ирхин А.А., Москаленко О.А., Демешко Н.Э., Немцев В.В. Новый американский «изоляционизм» Д. Трампа: чего ждать России в Черноморском регионе и Восточном Средиземноморье? *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология.* 2025;11(1):71–86. <https://doi.org/10.29039/2413-1695-2025-11-1-71-86>
37. Павленко М.Г., Демешко Н.Э. Роль польских НКО в постсоветской трансформации Украины. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология.* 2023;9(1):117–133. <https://elibrary.ru/uonxbu>
38. Дегоев В.В. Где и когда началась «большая игра»? *Россия в глобальной политике.* 2025;23(1):152–169. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-152-169>
39. Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение. *Сравнительная политика.* 2018;9(3):61–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initsiativa-poyasa-i-puti-soderzhanie-tseli-i-znachenie> (дата обращения: 15.06.2025).
40. Лю С. Политика Китайской Народной Республики в Причерноморье (1976–2022 гг.). *Международные отношения.* 2023;(1):27–38. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.1.39559>
41. Дегтерев Д.А. Основные виды силы на международной арене: структурная, сила взаимозависимости, «жесткая» и «мягкая». *Россия и мир: научный диалог.* 2024;(4):20–33. [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-20-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-20-33)
42. Семенов В. Международный контекст формирования макрорегиона Большой Юг России. *Международная жизнь.* 2025;(12):42–47. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/122025/files/assets/downloads/publication.pdf (дата обращения: 15.06.2025).

REFERENCES

1. Islyamova E.E. The Geopolitical Significance of the Black Sea Region: The Theoretical and Conceptual Dimension. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology.* 2017;3(4):124–133. (In Russ., abstract in Eng.). Available at: <https://sn-phil-cultpol.cfuv.ru/wp-content/uploads/2018/02/124-133-isl.pdf> (accessed 15.06.2025).
2. Islyamova E.E. The Countries of the Black Sea Region: Conceptual Definition and Coverage in the Russian Dissertations. *Belgorod State University Scientific Bulletin History, Political Science.* 2017;22(44):181–188. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RWjn2> (accessed 15.06.2025).
3. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. The Black Sea Region in the Contest of Geopolitical Projects of the Great Powers, 1991–2019. *Vestnik RUDN. International Relations.* 2021;21(3):498–516. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://sochum.ru/s2313-06600000884-9-1/> (accessed 15.06.2025).
4. Chikharev I.A., Brovko V.Yu. [Digital Regional Studies of the Greater Mediterranean: Outlines of a Research Program]. *Russian Political Science.* 2018;(4):47–54. (In Russ.) Available at: https://rupolity.ru/wp-content/uploads/2019/03/08_Chikharev.pdf (accessed 15.06.2025).
5. Chikharev I.A. The Great Mediterranean as a Multi-Dimensional Object of Political Research. *Polis. Political Studies.* 2021;(3):129–146. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.09>
6. Irkhin A.A., Moskalenko O.A. Russia's Foreign Policy in the Great Mediterranean: Prospects and Constraints. *Geopolitics Quarterly.* 2020;15(4):110–121. Available at: http://journal.iag.ir/article_93709.html?lang=en (accessed 15.06.2025).

7. Aghazada M.M. Greater Mediterranean Regional Security Complex: Myth or Reality? *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(3):429–440. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/eknar>
8. Avatkov V.A., Gudev P.A. Geopolitics of Russian-Turkish Relations in the Black Sea Region. *Vestnik RUDN. Political Science*. 2021;23(3):348–363. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-rossiysko-turetskih-otnosheniy-v-chernomorskom-regione> (accessed 15.06.2025).
9. Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E. Turkish Balance, or Turkey's Foreign Policy Strategy in the Black Sea Region Following the Special Military Operation. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2024;24(1):7–22. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/dhspmy>
10. Mozloev A.T. Russian-Turkish Factor of Regional Stability. *Middle and Post-Soviet East*. 2024;(1):7–16. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RqNYr> (accessed 15.06.2025).
11. Ayvazyan D.S. The USA and the Ideological Principles of NATO Policy in the Black Sea Region. *USA and Canada: Economics – Politics – Culture*. 2024;(1):53–66. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S2686673024010049>
12. Sidorov A. [Black Sea Region and China's “One Belt, One Road” Initiative]. *The International Affairs*. 2024;(12):58–61. (In Russ.) Available at: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/122024/files/assets/downloads/publication.pdf (accessed 15.06.2025).
13. Ofitserov-Belskiy D.V. Transformation of the Three Seas Initiative in the Context of the Conflict Over Ukraine. *Russia and New States of Eurasia*. 2024;(4):191–199. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2024-4-191-199>
14. Valiakhmetova G.N., German M.A. Peculiarities of Turkey's Integration into the Chinese Initiative “One Belt – One Way”. *Nauchnyi dialog*. 2020;(2):322–332. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-2-322-332>
15. Kozmenko S.Yu. The Modern Gambit in the Eurasian Version of the “Great Game”. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022;(4):121–129. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-121-129>
16. Vysotsky P.A. Geopolitics of the Black Sea Region: Key Problems of the Modern Era. *Vestnik RUDN. Political Science*. 2024;26(3):569–583. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RqVXF> (accessed 15.06.2025).
17. Kolesnikov A. [Two Shores, One Sea: The Challenge of Interaction between Black Sea Region Countries]. *International Affairs*. 2025;(1):20–23. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/etfgox>
18. Panchuk R. Scientific Researches of Geopolitical Integration Concepts of the Baltic-Black Sea Region. *Scientific Journal of Polonia University*. 2020;39(2):242–254. <https://doi.org/10.23856/3935>
19. Zakaradze E., Muradishvili K. The Black Sea – the Geopolitical Springboard of the Region. *European Scientific Journal*. 2023;19(39):58–64. <https://doi.org/10.19044/esj.2023.v19n39p58>
20. Mahmutaj N. The New Geopolitical Order in the Black Sea: Russia's Role in the Area. *Connections: The Quarterly Journal*. 2023;22(3):45–58. Available at: https://connections-qj.org/system/files/22.3.06_russia_role.pdf (accessed 15.06.2025).
21. Hochberg M., Hochberg L. “Confining the Enemy” – Halford Mackinder's Theory of Containment and the Conflict in Ukraine. *Naval War College Review*. 2023;76(2):7. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol76/iss2/7> (accessed 15.06.2025).
22. Pliev S.M. New Statehood on the Post-Soviet Space. *Science. Culture. Society*. 2015;21(3):65–74. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/kddiac>
23. Shatilo I.S. Novorossia as the Historical Reality and the Political Project. *Vlast*. 2015;(2):38–44. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/tntvnj>
24. Nekliudov N. Russian World in Ukraine: Soft Power Implementation in Crimea and “Novorossia”. *Rossiyskiy zhurnal issledovaniy natsionalizma*. 2017;(1):38–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ypcmal>
25. Pashkovsky P.I. [Theory of Novorossia in the Crimean Socio-Humanitarian Discourse]. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2019;19(3):335–340. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2019-19-3-335-340>
26. Prudnikov A.A. Does the “Novorossia” Project Have a Perspective for Statehood? (On the International Recognition of Newly-Created States). *Power and Administration in the East of Russia*. 2016;1(74):149–152. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/tohpie>

27. Uznarodov D.I. Novorossiia as a Subject of International Politics: Problems and Prospects. *Science in the South of Russia*. 2016;12(1):75–83. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RWm49> (accessed 15.06.2025).
28. Terskikh L.A. Conceptual Basis of the Theory of “Survival” of Novorossiia as Part of the Russian World. *The Journal Lugansk Academy of Internal Affairs Named by E.A. Didorenko*. 2018;(1):14–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/xredxf>
29. Chernyshov M.M. Potential of Spatial Development of Russia's Western Border Territories in New Geopolitical Conditions. *Regional Problems of Economic Transformation*. 2022;(12):121–133. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2022-12-121-133>
30. Stokolos M.D. Russian Identity of Donbass: Historical Aspect. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2023;(17):30–44. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-identichnost-donbassa-istoricheskiy-aspekt> (accessed 15.06.2025).
31. Fomenko V.G. Pridnestrovia as a Part of the Russian World. *Journal of Historical, Political and International Studies*. 2024;(2):65–71. (In Russ.). Available at: <https://clck.ru/3RWmk6> (accessed 15.06.2025).
32. Miller A.I. Ukraine – History Politics in the Discussion about Regions. *Russia in Global Affairs*. 2025;23(5):128–145. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-5-128-145>
33. Qasimli M.D. Policies of the Entente Powers After the First World War and Russian-Turkish Rapprochement. *Moscow University Bulletin. Series 12. Political Sciences*. 2020;(3):73–82. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <http://vestnikpolit.ru/articles/article/1168/> (accessed 15.06.2025).
34. Guryev Ye.P. [The Black Sea Fleet and the Wrangel Epic]. *Russian Colonial Studies*. 2020;(2):17–22. (In Russ.) <https://elibrary.ru/syzzzn>
35. Irkhin A.A., Chikharev I.A. Russia and the Mediterranean Macro-Region in 1783–1920: from the Accession of Crimea to Russia to Evacuation of the White Elite From Sevastopol. *Paradigms of History and Social Development*. 2018;(12):48–57. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/vubbht>
36. Irkhin A.A., Moskalenko O.A., Demeshko N.E., Nemtsev V.V. New Trump’s “Isolationism”: What Should Russia Expect in the Black Sea Region and Eastern Mediterranean? *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology*. 2025;11(1):71–86. (In Russ.) <https://doi.org/10.29039/2413-1695-2025-11-1-71-86>
37. Pavlenko M.G., Demeshko N.E. The Role of Polish Non-Profit Organisations in the Post-Soviet Transformation of Ukraine. *Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political Science. Culturology*. 2023;9(1):117–133. (In Russ.) <https://elibrary.ru/uonxbu>
38. Degoev V.V. Where and When Did the “Great Game” Start? *Russia in Global Affairs*. 2025;23(1):152–169. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-1-152-169>
39. Kireeva A.A. Belt and Road Initiative: Overview, Objectives and Implications. *Comparative Politics Russia*. 2018;9(3):61–74. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/iniatsiiva-poyasa-i-puti-soderzhanie-tseli-i-znachenie> (accessed 15.06.2025).
40. Liu X. Policy of the People's Republic of China in the Black Sea Region (1976–2022). *International Relations*. 2023;(1):27–38. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2023.1.39559>
41. Degtarev D.A. The Major Types of Power in the International Arena: Structural Power, Power of Interdependence, “Hard” and “Soft” Power. *Russia and World: Scientific Dialogue*. 2024;4(14):20–33. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4\(14\)-20-33](https://doi.org/10.53658/RW2024-4-4(14)-20-33)
42. Semenov V. [International Context of the Formation of the Greater South of Russia Macro-Region]. *International Affairs*. 2025;(12):42–47. (In Russ.) Available at: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/122025/files/assets/downloads/publication.pdf (accessed 15.06.2025).

Об авторах:

Ирхин Александр Анатольевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (295007, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-кт Академика Вернадского, д. 4.), главный научный сотрудник Дирекции научной деятельности Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Researcher ID: A-4781-2019, Scopus ID: 57212405239, alex.irhin@mail.ru

Мурадов Георгий Львович, кандидат исторических наук, профессор кафедры сравнительной политологии Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, директор Научно-образовательного Центра исследований проблем российской цивилизации в современном мире МГИМО-Университета (119454, Российская Федерация, г. Москва, пр-кт Вернадского, д. 76), заместитель Председателя Совета министров Республики Крым (295005, Российская Федерация, г. Симферополь, пр-кт Кирова, д. 13), Постоянный Представитель Республики Крым при Президенте Российской Федерации, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2806-5821>, Researcher ID: IYS-1540-2023, Scopus ID: 58891619000, pprk@ppcrimea.ru

Москаленко Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, ведущий научный сотрудник Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Researcher ID: F-2699-2016, Scopus ID: 57211746837, kerulen@bk.ru

Демешко Наталья Эдуардовна, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-философских и политических наук, ведущий научный сотрудник Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>, Researcher ID: ABY-8555-2022, Scopus ID: 57759845100, natalidem93@mail.ru

Немцев Владимир Владимирович, профессор кафедры социально-философских и политических наук, ведущий научный сотрудник Института общественных наук и международных отношений Севастопольского государственного университета (299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33), Председатель Законодательного Собрания города Севастополя (299011, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Ленина, д. 3), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4909-2006>, nemcev71@gmail.com

Вклад авторов:

А. А. Ирхин – разработка концепции; разработка методологии; научное руководство; написание черновика рукописи.

Г. Л. Мурадов – проведение исследования; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

О. А. Москаленко – проведение исследования; написание черновика рукописи; визуализация.

Н. Э. Демешко – проведение исследования; написание черновика рукописи.

В. В. Немцев – проведение исследования; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 15.07.2025; одобрена после рецензирования 09.12.2025; принята к публикации 24.12.2025.

About the authors:

Aleksandr A. Irkhin, Dr.Sci. (Polit.), Associate Professor, Professor of the Chair of Political Science and International Relations at the Taurida Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University (4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russian Federation), Chief Researcher at the Directorate of Scientific Activities of the Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7895-550X>, Researcher ID: A-4781-2019, Scopus ID: 57212405239, alex.irhin@mail.ru

Georgiy L. Muradov, Cand.Sci. (Hist.), Professor of the Chair of Comparative Political Science at the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Ministry of Foreign Affairs,

Director of the Scientific and Educational Center for Research on Problems of Russian Civilization in the Modern World, MGIMO University (76 Prospect Vernadskogo, Moscow 119454, Russian Federation), Deputy Chairman of the Council of Ministers of the Republic of Crimea (13 Prospekt Kirova, Simferopol 295005, Russian Federation), Permanent Representative of the Republic of Crimea to the President of the Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2806-5821>, Researcher ID: IYS-1540-2023, Scopus ID: 58891619000, pprk@pprcrimea.ru

Olga A. Moskalenko, Cand.Sci. (Philol.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Theory and Practice of Translation, Leading Researcher at the Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4162-3162>, Researcher ID: F-2699-2016, Scopus ID: 57211746837, kerulen@bk.ru

Natalia E. Demeshko, Cand.Sci. (Polit.), Associate Professor of the Chair of Social, Philosophical and Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9620-2410>, Researcher ID: ABY-8555-2022, Scopus ID: 57759845100, natalidem93@mail.ru

Vladimir V. Nemtsev, Professor of the Chair of Social, Philosophical and Political Sciences, Leading Researcher at the Institute of Social Sciences and International Relations of Sevastopol State University (33 Universitetskaya St., Sevastopol 299053, Russian Federation), Chairman of the Legislative Assembly of Sevastopol (3 Lenin St., Sevastopol 299011, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-4909-2006>, nemcev71@gmail.com

Contribution of the authors:

A. A. Irkhin – conceptualization; methodology; supervision; writing – original draft preparation.

G. L. Muradov – investigation; writing – review and editing.

O. A. Moskalenko – investigation; writing – original draft preparation; visualization.

N. E. Demeshko – investigation; writing – original draft preparation.

N. V. Nemtsev – investigation; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 15.07.2025; revised 09.12.2025; accepted 24.12.2025.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ /
INTERNATIONAL RELATIONS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.038-057><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/grzlhhd>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 329.9 (4-672 ЕЭС)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Региональная интеграция в дискурсе
лидеров стран Евразийского экономического союза

С. А. Мальченков

*Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет, <https://ror.org/0262qgk29>
(г. Саранск, Российская Федерация)
stamal@rambler.ru*

Аннотация

Введение. На фоне коронакризиса и масштабного обрушения сложившейся системы международных отношений можно ожидать существенных изменений в структуре партнерства государств – участников межгосударственных союзов. Цель исследования – выявить сходства и различия в позициях лидеров стран Евразийского экономического союза в ракурсе тенденций и перспектив евразийской интеграции.

Материалы и методы. Методология исследования базируется на теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муффа, обращение к которой с использованием сравнительно-исторического и проблемно-хронологического методов, а также сценарного прогнозирования позволило установить корреляцию между позициями политических лидеров и их решениями. Эмпирической базой послужили материалы официальных сайтов высших должностных лиц стран–участниц ЕАЭС за период 2015–2024 гг. Прикладным методом исследования стал направленный количественный контент-анализ. Отбор и анализ осуществлялись с помощью сервиса мониторинга социальных медиа «Крибрум».

Результаты исследования. Анализ высказываний лидеров государств Евразийского экономического союза демонстрирует стабильное и пристальное внимание к теме интеграции. Дискурсивные стратегии неоднородны: Казахстан акцентирует экономическую составляющую, Россия и Белоруссия стремятся к расширению направлений взаимодействия. Выявлены значимые расхождения в понимании границ интеграции (включение неэкономических сфер), а также динамика изменения риторики в зависимости от внутри- и внешнеполитических факторов.

Обсуждение и заключение. Руководители государств ЕАЭС сходятся во мнении о том, что объединение достигло значительных результатов в различных направлениях экономического сотрудничества. Основное противоречие связано с возможностью расширения механизмов взаимодействия, и прежде всего в контексте геополитического и идейно-ценностного сближения. Полученные

© Мальченков С. А., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

результаты могут быть полезны внешнеполитическим ведомствам стран ЕАЭС для синхронизации совместных усилий по развитию евразийской интеграции.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, евразийская интеграция, дискурс-анализ, лидеры государств, региональная интеграция, публичный дискурс, контент-анализ

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мальченков С.А. Региональная интеграция в дискурсе лидеров стран Евразийского экономического союза. *Регионология.* 2026;34(1):038–057. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.038-057>

Regional Integration in the Discourse of Leaders of the Eurasian Economic Union Countries

S. A. Malchenkov

National Research Mordovia State University, <https://ror.org/0262qgk29>
(Saransk, Russian Federation)
stamal@rambler.ru

Abstract

Introduction. Against the backdrop of the coronavirus crisis and the widespread collapse of the established system of international relations, significant changes can be expected in the structure of partnerships among member states of interstate unions. The purpose of this study is to identify similarities and differences in the positions of the leaders of the Eurasian Economic Union countries regarding the trends and prospects of Eurasian integration.

Materials and Methods. The methodological principles of the study are based on the theory of discourse by E. Laclau and C. Mouffe, the use of which, in combination with comparative-historical and problem-chronological methods, as well as scenario forecasting, made it possible to establish a correlation between the positions of political leaders and the decisions they make. The empirical base was comprised of materials from the official websites of senior officials of the EAEU member states for the period 2015–2024. The applied research method was targeted quantitative content analysis. The selection and analysis were carried out using the Cribrum social media monitoring service.

Results. An analysis of statements by leaders of the Eurasian Economic Union states demonstrates a consistent and focused focus on Eurasian integration. Discursive strategies are varied: Kazakhstan emphasizes the economic component, while Russia and Belarus strive for multifaceted integration. Significant differences in understanding the boundaries of integration (including non-economic spheres) are revealed, as well as the dynamics of changing rhetorical positions depending on domestic and foreign policy factors.

Discussion and Conclusion. The leaders of the EAEU member states agree that the union has achieved significant results in various areas of economic cooperation. The main controversy concerns the possibility of expanding cooperation mechanisms, particularly in the context of geopolitical and ideological convergence. These results could be useful to the foreign policy ministries of the EAEU member states in synchronizing their joint efforts to develop Eurasian integration.

Keywords: Eurasian Economic Union, Eurasian integration, discourse analysis, state leaders, regional integration, public discourse, content analysis

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Malchenkov S.A. Regional Integration in the Discourse of Leaders of the Eurasian Economic Union Countries. *Russian Journal of Regional Studies.* 2026;34(1):038–057. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.038-057>

ВВЕДЕНИЕ

С начала работы Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который стартовал в период беспрецедентных потрясений в системе международных отношений, инициировавших множество вопросов относительно контуров будущего мироустройства, 1 января 2025 года исполнилось 10 лет. Первая декада его функционирования

разбивается на два равных по длительности этапа. Промежуток времени с 2015 по 2019 год характеризовался усилиями по формированию новых, более совершенных механизмов интеграции на постсоветском пространстве. На этом этапе, с одной стороны, сложились многие перспективные направления сотрудничества пяти стран-участниц, однако, с другой – проявились явные расхождения в понимании путей развития объединения, в том числе у таких ближайших союзников, как Россия и Белоруссия.

Вторая половина рассматриваемого периода (2020–2024 гг.) ознаменовалась коронакризисом и масштабным санкционным давлением. Эти факторы вызвали к жизни деглобализационные тенденции, в условиях которых региональное сотрудничество с соседними государствами стало рассматриваться не как дополнение к трансконтинентальным связям, а в качестве наиболее перспективного и стабильного направления международного взаимодействия.

Евразийский экономический союз смог выстоять и укрепить влияние, несмотря на негативные внешние факторы. Текущий период развития объединения ставит перед ним новые задачи. Не вызывает сомнений, что траектории дальнейшей евразийской интеграции зависят от персональных позиций лидеров России, Белоруссии, Армении, Казахстана и Киргизии. При этом речь идет не только о том, насколько большое место во внешнеполитической системе данных стран будет занимать сотрудничество в рамках ЕАЭС, но и о том, в какой мере совпадут взгляды руководителей государств-участников на механизмы и направления взаимодействия.

Представляется, что значимой проблемой, которую отчасти призвана решить данная работа, остается существенное расхождение в целях и задачах участия различных государств постсоветского пространства в евразийских интеграционных проектах. Наиболее наглядно эти различия, которые в конечном счете препятствуют дальнейшему сближению, прослеживаются благодаря анализу прямой речи лидеров стран ЕАЭС, опубликованной на их официальных сайтах. Проведенное исследование ориентировано на своевременное выявление противоречий, которое представляет собой первый шаг на пути их преодоления.

Цель исследования – выявить сходства и различия в позициях лидеров стран ЕАЭС в ракурсе тенденций и перспектив евразийской интеграции.

Новизна работы заключается в применении дискурс-анализа к официальным заявлениям лидеров ЕАЭС для выявления их интеграционных приоритетов.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Тематика региональной интеграции на постсоветском пространстве нашла отражение в многочисленных публикациях ученых из России, стран Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья. Многообразие направлений сотрудничества в рамках ЕАЭС предопределило разнородность научных работ по данной теме. В самом общем виде их можно разделить на две большие группы.

Прежде всего, это обширный корпус исследований, посвященный различным аспектам экономического взаимодействия внутри Союза. Некоторые авторы много лет являлись членами Евразийской экономической комиссии, благодаря чему могут судить о развитии интеграционных процессов. Среди них, безусловно, выделя-

ется С. Ю. Глазьев, в работах которого рассматриваются актуальные проблемы экономического сотрудничества на постсоветском пространстве [1], его влияния на становление нового мирохозяйственного уклада [2].

Не меньшее значение имеют труды другого многолетнего члена комиссии – белорусского ученого и государственного деятеля М. В. Мясниковича, который выпустил в соавторстве с В. С. Ковалевым ряд значимых статей о развитии ЕАЭС в условиях международного кризиса 2020-х годов [3; 4] и выступил редактором коллективной монографии о евразийской интеграции в период глобальных вызовов¹.

Подробная монография, анализирующая потенциал развития и форматы сотрудничества в рамках ЕАЭС, опубликована Г. И. Осадчей [5]. Экономические перспективы евразийской интеграции и ее влияние на качество жизни населения исследовали П. А. Кадочников [6], Р. С. Гринберг и А. Г. Пылин [7], Н. Ю. Сопилко, Е. И. Кубасова и О. Ю. Мясникова [8].

Среди зарубежных авторов, изучавших экономическую составляющую евразийской интеграции, отметим Х. Вейси [9], Т. Ваези [10], А. М. Сафра и С. Р. Мираскари [11] из Ирана, М. Татли [12] из Турции, а также Ц. Хоу и Х. Чжан [13] из Китая.

В фокусе внимания работ второй группы – политические аспекты взаимодействия на постсоветском пространстве. Так, вопрос единых идеологических основ ЕАЭС рассматривался С. Ю. Глазьевым в соавторстве с И. Ф. Кефели [14]. Цивилизационные аспекты гипотетической идеологии ЕАЭС затрагивает В. И. Пантин [15]. Является ли ЕАЭС воплощением евразийской и неоевразийской концепций, – тема исследования С. В. Устинкина, П. В. Седаева и Д. В. Параничева [16].

Интересный взгляд на изучение интеграционных процессов на постсоветском пространстве в контексте концепции сфер влияния предлагает Ш. Гиритлиоглу из Международного казахско-турецкого университета им. Х. А. Ясави [17]. Также политические факторы евразийской интеграции выделены в работе авторов из Ливана Ш. Ходора и М. Алозяна [18].

Стоит отметить, что, хотя политическое (и геополитическое) значение евразийской интеграции все чаще отмечается в официальном российском дискурсе, число научных работ по этому направлению существенно уступает количеству публикаций об экономических проявлениях данного процесса.

В рамках настоящего исследования также интересен анализ представленности евразийской интеграции в публичной риторике. Частично эта тема отражена В. Н. Вивьер [19]. По мнению А. Симоняна из Свободного университета Берлина, «...российско-евразийский академический дискурс о наднационализме проецируется на институциональное право Евразийского экономического союза» [20, с. 47]. Одна из немногих работ, где выделены модели внешних политик, которые проецируют отношение к евразийской интеграции, принадлежит А. Р. Сулейманову [21].

На данный момент опубликовано весьма малое число работ, которые базируются на сравнительном анализе высказываний лидеров стран ЕАЭС. Учитывая ценность дискурс-анализа для понимания и прогнозирования социально-политических явлений, целесообразно уделить больше внимания этому направлению в контексте евразийской интеграции.

¹ Мясникович М.В., Готовский А.В., Кудайкулов М.К. и др. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции в контексте глобальных вызовов. Минск: Беларуская навука; 2022. 294 с. <https://elibrary.ru/ddqhel>

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Дизайн исследования смешанный с преобладанием качественных методов. Традиционный анализ текста в сочетании с элементами количественного анализа дал возможность выявить тенденции в динамике позиций политических лидеров, которые могут быть экстраполированы на будущее развитие интеграционных процессов как минимум в краткосрочной перспективе. Применение метода сценарного прогнозирования позволило определить наиболее вероятные траектории дальнейшего развития евразийской интеграции.

Эмпирическая база исследования образована материалами официальных сайтов высших должностных лиц стран – участниц ЕАЭС. Были проанализированы публикации на сайтах президентов России (В. В. Путина), Белоруссии (А. Г. Лукашенко), Казахстана (Н. Назарбаева и К.-Ж. Токаева) и Киргизии (А. Атамбаева, С. Жээнбекова, С. Жапарова)² в их русскоязычных версиях. Хронологические рамки исследования составили период с 2015 (год создания ЕАЭС) по 2024 годы. Поскольку в Армении за это время поменялась форма республики, исследовались публикации 2015–2018 гг. на сайте президента (С. Саргсяна) и 2019–2024 гг. на сайте Председателя Правительства Республики Армения (Н. Пашиняна)³.

Методология исследования. Методологической основой исследования стала теория дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф⁴, которая предполагает возможность прогнозировать развитие социально-политических процессов на базе высказываний субъектов политической власти. В контексте изучения механизмов евразийской интеграции категория «дискурс» рассматривается преимущественно как публичный и властный дискурс, т. е. включает в себя совокупность текстов, продуцентами которых выступают руководители государств в составе ЕАЭС.

Применение дискурсивного подхода в сочетании со сравнительно-историческим и проблемно-хронологическим методами позволило установить четкую корреляцию между вербальными позициями политических лидеров и принимаемыми ими в дальнейшем значимыми решениями в рамках сотрудничества на постсоветском пространстве.

Вспомогательным прикладным методом исследования стал направленный количественный контент-анализ. Отбор материалов сайтов высших должностных лиц России, Белоруссии, Армении, Казахстана и Киргизии осуществлялся с помощью сервиса мониторинга социальных медиа «Крибрум»⁵. Выделение концептуальной переменной, содержащей фразы «ЕАЭС», «Евразийский союз» и «евразийская интеграция», дало возможность получить количественную репрезентацию частотности и удельного веса данной тематики в 2015–2024 гг.

² Президент России: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru (дата обращения: 20.03.2025) ; Президент Республики Беларусь: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru> (дата обращения: 20.03.2025) ; Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: www.akorda.kz (дата обращения: 20.03.2025) ; Официальный сайт Президента Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://president.kg/ru> (дата обращения: 20.03.2025).

³ Президент Республики Армения: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: www.president.am (дата обращения: 20.03.2025) ; Премьер-министр Республики Армения: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.primeminister.am/ru/> (дата обращения: 20.03.2025).

⁴ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Toward a Radical Democratic Politics. London: Verso; 2001. 197 p.

⁵ Крибрум: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://kribrum.ru/> (дата обращения: 20.03.2025).

Анализ полученных результатов позволил выявить проблемные категории, характеризующие направления сотрудничества в политической, экономической и других сферах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Позиции руководства Кыргызской Республики. Развитие политического процесса Киргизии в XXI в. сопровождалось большим количеством кризисов, порождавших смену властной элиты. Подобные изменения неизбежно приводили к корректировке дискурсивно-коммуникативной рамки выступлений руководства. Впрочем, можно согласиться с позицией Б. П. Гуселетова и Н. М. Великой о том, что эти трансформации были частичными, а не принципиальными [22, с. 87]. Об этом свидетельствует и тот факт, что каждый из политических лидеров страны демонстрировал приверженность идее евразийской интеграции.

Кыргызстан присоединился к ЕАЭС в период президентства А. Атамбаева, впоследствии активно участвовал в мероприятиях объединения при С. Жээнбекове. Максимальный уровень частотности упоминания ЕАЭС на сайте президента Кыргызской Республики приходится на 2019–2021 гг. (таблица), которые характеризовались очередным этапом ожесточенной борьбы за власть, а также противодействием пандемии COVID-19.

Таблица. Динамика изменения числа публикаций о евразийской интеграции на официальных сайтах высших должностных лиц стран – участниц ЕАЭС

Table. Dynamics of changes in the number of publications on Eurasian integration on the official websites of senior officials of the EAEU member countries

Страна / Country	Год / Year								
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Республика Армения / Republic of Armenia	25	27	26	11	19	16	15	19	18
Республика Беларусь / Republic of Belarus	28	20	24	25	34	22	21	18	35
Россия / Russia	21	33	52	26	20	8	13	17	24
Республика Казахстан / Republic of Kazakhstan	22	13	11	5	11	3	5	5	6
Кыргызская Республика / Kyrgyz Republic	3	2	3	5	10	9	10	5	3

Примечания / Notes. 1) Таблица составлена автором по результатам проведенного исследования / The table was compiled by the author based on the results of the research; 2) цветом выделены ячейки с максимальным значением показателя / Cells with the maximum value of the indicator are highlighted in color.

Президент С. Жапаров впервые затронул тему евразийского сотрудничества в августе 2021 года во время встречи с главами правительств ЕАЭС перед заседанием Евразийского межправительственного совета. Он сделал акцент на необходимости совместной работы государств постсоветского пространства по преодолению негативных последствий распространения коронавирусной инфекции.

В 2022 году к Киргизии перешел статус председателя в органах ЕАЭС. В обращении С. Жапарова к главам государств объединения содержался максимально конкретный перечень предложений по совершенствованию взаимодействия. На

первом месте фигурировала актуальность расширения роли Суда ЕАЭС. Год спустя, возвращаясь к этой инициативе, С. Жапаров подчеркивал необходимость закрепления права подавать иски в отношении государств – участников Союза, не исполнявших решений в рамках объединения. По его мнению, это едва ли не самый действенный механизм устранения барьеров на внутреннем рынке Союза⁶.

Другие предложения, выдвинутые в 2022 году, касались реализации совместных проектов импортозамещения, проведения согласованной агропромышленной политики, а также создания пула инфраструктурных проектов.

Интересным новшеством мог бы стать ежегодный молодежный форум ЕАЭС. В течение всего председательства в ЕАЭС киргизский президент неоднократно высказывался о необходимости усиления роли существующих наднациональных органов сотрудничества (Евразийской экономической комиссии) и создания новых. В частности, предлагалась идея Евразийского международного института развития, который по образцу Агентства стратегических инициатив Российской Федерации должен объединить системы планирования государств – участников Союза. Также было озвучено предложение о создании Евразийского рейтингового агентства.

По завершении периода председательства Киргизии в органах ЕАЭС частота упоминания евразийской интеграции в публичном дискурсе руководства страны резко снизилась (см. таблицу). Тем не менее во время II Евразийского экономического форума в мае 2023 года С. Жапаров произнес знаковые слова: «...ЕАЭС становится самостоятельным и самодостаточным полюсом экономического развития»⁷, которые перекликались с риторикой российского и белорусского президентов о значении объединения в формировании многополярного мира.

В 2024 году тема ЕАЭС упоминалась на сайте президента Кыргызской Республики лишь дважды (самый низкий показатель с 2016 г., когда структура только оформлялась). Обе публикации приходились на май, когда традиционно проходят встречи руководителей стран-участниц. Поздравляя коллег с десятилетием подписания Договора о Евразийском экономическом союзе, киргизский лидер охарактеризовал объединение как «символ стабильности» и «образец взаимовыгодного сотрудничества». В обращении были выделены такие первостепенные задачи развития Союза, как «...создание единого рынка товаров, услуг без барьеров и изъятий, общих рынков энергоносителей, обеспечение свободы перемещения трудовых ресурсов»⁸.

В публичном дискурсе С. Жапарова о значимости евразийской интеграции почти отсутствуют заявления о расширении профиля объединения, включения в его компетенцию неэкономических направлений сотрудничества. Напротив,

⁶ Обращение Президента Садыра Жапарова к главам государств – членов ЕАЭС по случаю председательствования Кыргызстана в органах Союза в 2022 году [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента Кыргызской Республики... URL: <https://president.kg/ru/news/all/37146> (дата обращения: 20.03.2025).

⁷ Президент Садыр Жапаров на II Евразийском экономическом форуме: ЕАЭС становится самостоятельным и самодостаточным полюсом экономического развития [Электронный ресурс]. Там же. URL: <https://president.kg/ru/news/all/38633> (дата обращения: 20.03.2025).

⁸ Поздравление Президента Садыра Жапарова с 10-летием Договора о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. Там же. URL: <https://president.kg/ru/news/all/25429> (дата обращения: 20.03.2025).

преобладают конкретные приоритеты, интересующие непосредственно Киргизию: получение дешевых энергоресурсов, предотвращение ценовых шоков в сельскохозяйственной сфере, упрощение трудовой миграции (первостепенное значение этого направления подчеркивает Е. М. Кузьмина [23, с. 90]).

Позиции руководства Республики Казахстан. К.-Ж. Токаев был избран на пост президента Республики Казахстан в марте 2019 года. Его предшественник, Н. Назарбаев, заслуженно считается главным архитектором евразийской интеграции, отстаивавшим идею сотрудничества на постсоветском пространстве даже в самые тяжелые годы для СНГ. Неудивительно, что при новом руководителе частотность упоминания ЕАЭС на сайте президента Казахстана существенно снизилась: так, в 2021–2024 гг. суммарно индексирована 21 публикация по данной теме, что меньше, чем за один только 2015 год (см. таблицу).

Изменилась и общая риторика руководства страны. Если раньше предполагалось, что ЕАЭС может пойти по пути Европейского союза, т. е. «потерять» в названии уточнение «экономический», то в годы президентства К.-Ж. Токаева подобная возможность подверглась резкой критике. Впервые такая позиция проявилась в 2020 г. во время обсуждения Стратегии развития объединения до 2025 г. Не подвергая сомнению значимость Союза и участия в нем Казахстана, К.-Ж. Токаев, тем не менее, акцентировал необходимость изъять из первоначального проекта ряд положений. По его мнению, включение в сферу компетенций ЕАЭС таких направлений сотрудничества, как здравоохранение, образование и наука, будет размывать экономическую направленность объединения и тем самым «противоречить сути договора о создании ЕАЭС от 2015 года»⁹.

Именно в 2021 году (в период председательства Казахстана) были приняты дорожные карты развития промышленности¹⁰ и сельского хозяйства¹¹. При этом «гармонизация и унификация административного и уголовного законодательства» представлялись лидеру Казахстана излишним расширением сферы ведения экономического союза, которое «ограничит суверенные права правительств и парламента». Таким образом, наметившуюся позицию Казахстана о расширении экономического сотрудничества «без искусственного расширения и углубления»¹² к настоящему времени можно воспринимать как полноценную дискурсивную стратегию.

Сходные аргументы высказывались К.-Ж. Токаевым и впоследствии. Тем не менее, именно Казахстан в январе 2022 года задействовал наиболее удаленный от экономической сферы механизм сотрудничества на постсоветском пространстве, запросив военную помощь Организации Договора о коллективной безопасности (состав этого объединения почти идентичен ЕАЭС) для прекращения массовых протестов на своей территории. Вскоре после этих событий президент выступил

⁹ Президент Касым-Жомарт Токаев принял участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента Республики Казахстан... URL: <https://clck.ru/3RTsT2> (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁰ Совет ЕЭК утвердил дорожную карту по реализации Основных направлений промышленного сотрудничества в ЕАЭС до 2025 года [Электронный ресурс]. Евразийская экономическая комиссия: сайт. URL: <https://clck.ru/3RTFYr> (дата обращения: 21.03.2025).

¹¹ Производство и обращение в рамках Союза органической продукции [Электронный ресурс]. Там же. URL <https://clck.ru/3RTFdD> (дата обращения: 21.03.2025).

¹² Президент Касым-Жомарт Токаев принял участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета...

с обращением к членам Высшего Евразийского экономического совета, в котором заявил, что «ни о каком “притормаживании” интеграционных процессов со стороны Казахстана не может быть и речи». По его словам, страна остается верной таким базовым принципам интеграции, как недискриминационный доступ к инфраструктуре, справедливая конкуренция, равноправие и учет национальных интересов; наиболее же актуальным в рамках ЕАЭС должно стать сотрудничество в сфере цифровизации экономики¹³.

В майском выступлении 2023 года К.-Ж. Токаев целенаправленно сравнил ЕАЭС с Союзным государством России и Белоруссии, подчеркнув, что это два совершенно разных механизма сотрудничества, которые не стоит смешивать, и что такая глубокая интеграция, когда «даже ядерное оружие – одно на двоих», не подходит другим участникам Союза. Поскольку для Казахстана «...евразийская интеграция, прежде всего, носит экономический характер», президент призывал «...заниматься вопросами именно экономической интеграции, развития торговли, открытия рынков наших стран для взаимного обмена товарами»¹⁴. Это особенно актуально с учетом тенденции, которую выделила А. М. Ашикбаева: «...в торговле со странами ЕАЭС Казахстан имеет отрицательное сальдо торгового баланса (за исключением Армении)» [24, с. 39].

Довольно неожиданной оказалась значительная по объему часть выступления, в которой К.-Ж. Токаев предложил предпринять усилия для того, чтобы сделать Китай ключевым политическим и экономическим партнером ЕАЭС, задействовав проект «Пояс и путь». Раньше о необходимости расширения состава участников объединения в основном говорили российский и белорусский лидеры.

Вопреки собственной риторике президент Казахстана принял ряд решений, которые связаны с сотрудничеством в неэкономических сферах. Так, в апреле 2024 года состоялось подписание Закона Республики Казахстан «О ратификации Соглашения о взаимном признании документов об ученых степенях»¹⁵. Впрочем, предполагается, что данный шаг будет иметь непосредственно экономическое содержание: способствовать не только укреплению научных связей, но и активизации единого регионального рынка трудовых ресурсов.

В ноябре 2024 года во время визита В. В. Путина в Астану К.-Ж. Токаев заявил, что ЕАЭС остается главным механизмом России и Казахстана, который позволяет странам «...укреплять всестороннее взаимодействие с целью повышения конкурентоспособности на глобальном уровне»¹⁶.

Позиции руководства Республики Армения. С приходом на пост премьер-министра Армении Н. Пашиняна в мае 2018 года многие ожидали, что новая элита страны, позиционируемая как прозападная, будет постепенно снижать активность в рамках евразийской интеграции. Этот прогноз оправдался, однако далеко не сразу.

¹³ Президент Казахстана принял участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента Республики Казахстан... URL: <https://clck.ru/3RTsVq> (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁴ Глава государства принял участие во II Евразийском экономическом форуме [Электронный ресурс]. Там же. URL: <https://clck.ru/3RTsZf> (дата обращения: 21.03.2025).

¹⁵ Главой государства подписан Закон Республики Казахстан о ратификации Соглашения о взаимном признании документов об ученых степенях [Электронный ресурс]. Там же. URL: <https://clck.ru/3RTscb> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁶ Казахстан и Россия: новые горизонты стратегического партнерства [Электронный ресурс]. Там же. URL: <https://clck.ru/3RTsfk> (дата обращения: 21.03.2025).

Анализ частотности упоминания ЕАЭС на сайте председателя правительства Республики Армения показывает, что рассматриваемая тема постоянно находилась в фокусе внимания руководства страны: число упоминаний стабильно оставалось высоким и превышало суммарное количество материалов на сайтах лидеров Киргизии и Казахстана (см. таблицу). Пик активности (19 упоминаний) пришелся на 2019 г., когда Армения председательствовала в органах ЕАЭС. При этом новый цикл, завершившийся статусом председателя в 2024 г., характеризовался заметно меньшей активностью и закончился скандалом.

В выступлении 2019 года Н. Пашинян отметил, что Армения приложит все усилия для развития евразийской интеграции, хотя и акцентировал наличие «трудностей первых лет» существования Союза, которые, вероятно, связывал с неудачной политикой своего предшественника. На этом этапе, который можно условно ограничить интервалом 2018–2021 годов, он несколько раз высказывался о ЕАЭС в положительном ключе и выделил наиболее значимые для Армении направления. Среди них – стремление к расширению энергетического сотрудничества (предсказуемо, особенно в контексте ценообразования в нефтегазовой отрасли) и диверсификации евразийской транспортной инфраструктуры.

Кроме того, выдвигались предложения, которые не имели аналогов в выступлениях лидеров других стран. Так, во время заседания Высшего Евразийского экономического совета в 2021 г. Н. Пашинян обратил внимание на неразвитость производства в ЕАЭС электромобилей и необходимость сотрудничества в сфере препятствования климатическим изменениям.

Вплоть до 2022 года точка зрения армянского руководства в вопросе евразийской интеграции в целом оставалась неизменной, несмотря на сложности санкционного давления, а также неоднозначную позицию государств-участников по поводу урегулирования армяно-азербайджанского конфликта. На встрече глав правительств стран ЕАЭС в октябре 2022 года Н. Пашинян охарактеризовал экономические механизмы объединения как эффективные и отметил, что «...в условиях новых глобальных вызовов в текущем году можно с уверенностью констатировать позитивные тенденции во взаимной торговле»¹⁷.

Однако уже в следующем году риторика премьер-министра Армении о будущем ЕАЭС резко изменилась. В выступлении в декабре 2023 года, приуроченном к грядущему председательству страны в органах объединения, Н. Пашинян сосредоточил внимание на том, что «ЕАЭС – это экономическое объединение, которое не должно иметь политической и тем более геополитической повестки», в связи с чем Армения будет «...пресекать всяческие попытки политизации евразийской интеграции»¹⁸. Такая постановка вопроса выставила существенные ограничения по ряду направлений сотрудничества.

Фактически в год своего председательства Армения ограничилась предложением только одного крупного проекта – «Перекресток мира», который должен быть

¹⁷ Товарооборот Армении со странами ЕАЭС за январь–август 2022 года достиг 2,8 млрд долларов: речь премьер-министра на заседании ЕМПС [Электронный ресурс]. Премьер-министр Республики Армения... URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2022/10/21/Nikol-Pashinyan-Speech> (дата обращения: 24.03.2025).

¹⁸ ЕАЭС – это экономическое объединение, которое не должно иметь политической и, тем более, геополитической повестки [Электронный ресурс]. Премьер-министр Республики Армения... URL: <https://clck.ru/3RTHrp> (дата обращения: 24.03.2025).

направлен на обеспечение транзитных перевозок по евразийским международным транспортным маршрутам. Однако, по мнению исследователей (например, Т. Варданян [25, с. 87]), он может создать угрозу безопасности страны.

В целом почти все высказывания Н. Пашипяна по вопросам евразийской интеграции в этот период ограничивались темой развития и модернизации транспортной инфраструктуры. Подобная активность имела практическое воплощение в принятии плана мероприятий (дорожной карты) по внедрению Основных направлений и этапов реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2024–2026 годы¹⁹.

Рубеж 2024–2025 годов охарактеризовался едва ли не самым крупным конфликтом стран-участниц. Премьер-министр Армении, который ранее неоднократно критически высказывался о политике Белоруссии (в том числе в вопросе отношений с Азербайджаном), фактически отказался посещать мероприятия ЕАЭС в этой стране, когда она приняла председательство в органах объединения. А. Г. Лукашенко, в свою очередь, подверг жесткой публичной критике позицию Н. Пашипяна, по сути обвинив его в том, что Союз «неинтересен» руководству Армении. Такое положение дел, при котором два из пяти руководителей интеграционного объединения вступают в открытый конфликт, не способствует укреплению организации.

В январе 2025 года Н. Пашипян вновь сделал резонансное заявление о внешнеполитических векторах Республики Армения. Страна «неплохо себя чувствует в ЕАЭС», в перспективе – развитие зоны свободной торговли, связывающей объединение с Ираном. В то же время прозвучала фраза о «...стремлении определенной и чувствительной части нашего народа сформировать выбор для будущего страны»²⁰, что, вероятно, намекает на возможность подачи заявки в Европейский союз.

Позиции руководства Республики Беларусь. Белоруссия в течение десяти лет работы ЕАЭС оставалась одной из главных движущих сил развития и углубления сотрудничества. А. Г. Лукашенко неоднократно обращался к теме развития пятистороннего взаимодействия: анализ сайта президента Белоруссии показывает, что число упоминаний ЕАЭС на протяжении всего периода оставалось максимальным по сравнению с порталами руководителей других государств, включая Россию (см. таблицу).

Вместе с тем оценки А. Г. Лукашенко состояния и перспектив развития евразийской интеграции существенно менялись. Так, в выступлениях 2018–2020 годов преобладала критика интеграционного объединения. В декабре 2018 года на заседании Высшего Евразийского экономического совета говорилось о нерешенности многих проблем (устранения барьеров в торговле, формирования общих рынков газа и нефти, цифровизации экономик стран ЕАЭС), итогом чего стала фраза: «нет равных условий – нет союза»²¹. В октябре 2019 года белорусский президент

¹⁹ О плане мероприятий («дорожной карте») по реализации Основных направлений и этапов реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств – членов Евразийского экономического союза на 2024–2026 годы [Электронный ресурс]. Портал проектов нормативных правовых актов ЕАЭС: сайт. URL: <https://regulation.eaunion.org/pd/172> (дата обращения: 24.03.2025).

²⁰ Армения неплохо чувствует себя в ЕАЭС, но «часть народа хочет выбора» – премьер [Электронный ресурс]. Sputnik Армения: сайт. URL: <https://clck.ru/3RTTAg> (дата обращения: 17.04.2025).

²¹ Участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс]. Президент Республики Беларусь... URL: <https://president.gov.by/ru/events/rabochij-vizit-v-rossijskiju-federatsiju-20025> (дата обращения: 25.03.2025).

открыто раскритиковал Россию, назвав ее «тормозом» свободы передвижения товаров, капитала, рабочей силы, поэтому в завершение высказывания последовало уточнение о том, что покидать ЕАЭС Белоруссия не планирует.

Наиболее острым стало выступление А. Г. Лукашенко в феврале 2020 года (буквально накануне пандемии коронавируса), когда он описал положение дел в ЕАЭС как «...пофигизм, канитель, возня, доходящая до мордобоя». Отрицательную оценку он адресовал неназванным государствам, которые «...просто телепаются в ЕАЭС и ждут какого-то удобного момента, чтобы выскочить из него»²².

В течение следующего года ситуация коренным образом изменилась. Президентские выборы 2020 года в Белоруссии ознаменовались масштабными акциями протеста, и удержать власть А. Г. Лукашенко удалось в значительной степени благодаря поддержке России. Эти события укрепили сотрудничество руководства двух государств и заставили в дальнейшем закрыть глаза на некоторые недочеты экономического плана.

Руководство Республики Беларусь резко отзывалось об общемировом карантине, в стране продолжалась работа предприятий, не отменялись спортивные соревнования. На этом фоне в мае 2021 года президент призвал как можно скорее отменить ограничения во взаимодействии между государствами – участниками ЕАЭС: «Евросоюз практически открылся для стран, которые в нем участвуют. А мы чего боимся? Мы уже законопатили наших людей в национальных границах, что дальше некуда»²³.

После преодоления пандемийных ограничений дискурсивный топос А. Г. Лукашенко о деятельности ЕАЭС становится более позитивным. Уже в декабре 2022 года он рассуждал о необходимости производить расчеты в национальных валютах, констатируя завершение эпохи доллара.

На протяжении 2023 года А. Г. Лукашенко как никогда часто обращался к теме развития евразийской интеграции (35 публикаций (см. таблицу)). В мае на заседании Высшего Евразийского экономического совета в Москве он заявил, что «Евразийский экономический союз должен стать новым центром принятия решений в мире», создавая «...многополярное, равноправное и безопасное пространство». Впервые из уст белорусского президента прозвучала мысль о том, что «совмещение интеграционных усилий в формате ЕАЭС – ШОС – БРИКС будет способствовать созданию крупнейшей коалиции государств»²⁴.

По замечанию М. В. Мясникова и В. С. Ковалева, «предложенный Александром Лукашенко подход в полной мере отражает суть идеи Большого Евразийского партнерства, которая в настоящее время активно прорабатывается в ЕАЭС» [4, с. 217]. Необходимость смещения интересов в сторону развивающихся стран Азии, Африки,

²² Встреча с Председателем Коллегии Евразийской экономической комиссии Михаилом Мясниковичем [Электронный ресурс]. Там же. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vstrecha-s-predsedatelem-kollegii-evrazijskoj-ekonomicheskoy-komissii-mixailom-mjasnikovichem-23136> (дата обращения: 25.03.2025).

²³ Участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета... URL: <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-zasedanii-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-1621588656> (дата обращения: 25.03.2025).

²⁴ Участие в пленарном заседании II Евразийского экономического форума в Москве [Электронный ресурс]. Президент Республики Беларусь... URL: <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-plenarnom-zasedanii-ii-evraziyskogo-ekonomicheskogo-foruma> (дата обращения: 25.03.2025).

Латинской Америки и Ближнего Востока, подобно России, Белоруссия рассматривает как ответ на санкционное давление.

Также во время этого выступления А. Г. Лукашенко на правах «старожила» евразийской интеграции делился воспоминаниями о начале проекта Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), который был придуман «...на кухне у президента Путина». Белорусский лидер посетовал, что у истоков интеграции стояла и Украина, однако после ухода с руководящего поста Л. Д. Кучмы связь была разрушена.

В декабре 2023 года на саммите ЕАЭС в Санкт-Петербурге А. Г. Лукашенко высказался о перспективах евразийской интеграции до 2045 года, сделав акцент на развитии транспортно-логистической и цифровой инфраструктуры и приведя в качестве успешного примера транспортный коридор «Север – Юг», который реализуется по инициативе президента России с участием Азербайджана и Ирана.

Вновь прозвучало сравнение ЕАЭС с ШОС и БРИКС, но теперь уже не в пользу последних: «Я делаю вывод, что мы имеем больше возможностей <...> У них нет этой динамики. Они еще не достигли того уровня интеграции, которого достигли мы»²⁵. В феврале 2024 года белорусский лидер заявил, что «Евразийскому экономическому союзу стоит перенять опыт интеграции Союзного государства и снять существующие торговые барьеры»²⁶.

Республика Беларусь председательствовала в органах ЕАЭС в 2020 г., который, однако, фактически был упущен из-за пандемии и внутривластного кризиса. Поэтому особое значение придается председательству 2025 года. Однако новая каденция началась острым конфликтом А. Г. Лукашенко и премьер-министра Армении Н. Пашиняна, что создало существенные препятствия для организации полноформатной очной встречи участников союзного объединения.

Тем не менее в обращении к главам государств – членов ЕАЭС президент Белоруссии говорил о том, что 2025 год будет для объединения знаковым. Он обозначил ряд конкретных направлений сотрудничества, которые планируется развивать в ближайшее время: селекция и семеноводство, повышение генетического потенциала племенных сельскохозяйственных животных, отмена разрешительной системы на все виды международных автомобильных перевозок грузов, безопасные международные транспортные коридоры, создание общей и прозрачной конкурентной среды на внутреннем пространстве Союза²⁷.

Позиции руководства Российской Федерации. Анализ текстов, размещенных на сайте президента Российской Федерации, демонстрирует достаточно стабильный интерес к развитию евразийской интеграции во властном дискурсе. За период 2019–2024 годов ЕАЭС упоминался в материалах портала 100 раз (см. таблицу). Это 2–3-е место по частотности (лидирует Белоруссия с 155 публикациями),

²⁵ Участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. Президент Республики Беларусь... URL: <https://president.gov.by/ru/events/uchastie-v-zasedanii-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-v-sankt-peterburge> (дата обращения: 25.03.2025).

²⁶ Выборы депутатов Палаты представителей Национального собрания и местных советов [Электронный ресурс]. Там же. URL: <https://president.gov.by/ru/events/vybory-deputatov-palaty-predstaviteley-natsionalnogo-sobraniya-i-mestnyh-sovetov> (дата обращения: 25.03.2025).

²⁷ Обращение главам государств – членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. Там же. URL: <https://president.gov.by/ru/events/obrasenie-glavam-gosudarstv-clenov-evraziyskogo-ekonomicheskogo-souza> (дата обращения: 25.03.2025).

поскольку аналогичный показатель зафиксирован на сайте председателя правительства Республики Армения. При этом показатель выровнялся недавно: частота упоминаний на российском информационном ресурсе возрастает в 2023–2024 гг.

Вопрос экономической интеграции постсоветского пространства оставался в центре внимания В. В. Путина на протяжении длительного времени. Еще в апреле 2012 года, выступая в Государственной Думе накануне третьего избрания на пост президента РФ, он назвал евразийскую интеграцию одним из механизмов укрепления позиции России в мире. Отмечая необходимость ее ускорения, В. В. Путин посетовал, что «многословные дискуссии о зоне свободной торговли в СНГ... без особых результатов длились больше десяти лет», однако в итоге договор «...был... профессионально обсужден, оперативно согласован и подписан». Подчеркивалось, что «создание Таможенного союза и Единого экономического пространства является важнейшим геополитическим и интеграционным событием на постсоветском пространстве со времен распада СССР». Особые надежды возлагались на запуск ЕАЭС в 2015 г.²⁸

Подобная оценка перспектив объединения государств СНГ, далеко выходящая за пределы узкопрофильного сотрудничества в экономических вопросах, прослеживается и в дальнейших высказываниях российского лидера. В 2019 году во время празднования 25-летия евразийской инициативы Н. Назарбаева президент России подчеркнул, что объединение доказало эффективность, но все же имеет существенный потенциал для укрепления отношений стратегического партнерства.

В последующих выступлениях, посвященных развитию интеграции на постсоветском пространстве, В. В. Путин так или иначе связывал этот и другие международные процессы. В частности, в 2021 году отмечалась важность сотрудничества в борьбе с коронавирусной инфекцией, а также обозначался интерес к Союзу других государств (Ирана). Начиная с 2022 года в текстах, приуроченных к различным мероприятиям в формате ЕАЭС, регулярно упоминалось о том, что в условиях сложной международной ситуации угрозой для объединения выступает попытка стран Запада препятствовать дальнейшему развитию интеграции и что более тесное взаимодействие не только укрепит страны-участницы, но позволит «...значительно уменьшить зависимость от внешних воздействий, в том числе от политической конъюнктуры»²⁹.

Контуры развития евразийской интеграции были подробно описаны В. В. Путиным в январе 2023 года в обращении к главам государств – членов ЕАЭС по случаю перехода к России поста председателя объединения. Наиболее интересно в плане профильной деятельности Союза выделение двенадцати приоритетных для дальнейшего сотрудничества секторов экономики (автомобильная и химическая промышленность, транспортное машиностроение, микроэлектроника, авиа- и судостроение, фармацевтика, цифровые экосистемы, альтернативная энергетика, сельскохозяйственное машиностроение, биотехнологии и семеноводство).

Отдельного внимания удостоились вопросы цифровой трансформации и развития транспортно-логистической инфраструктуры. Впрочем, экономикой набор

²⁸ Хроника заседания Государственной Думы 11 апреля 2012 года [Электронный ресурс]. Государственная Дума: офиц. сайт. URL: <http://api.duma.gov.ru/api/transcriptFull/2012-04-11> (дата обращения: 28.03.2025).

²⁹ Заседание Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс]. Президент России... URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68494> (дата обращения: 28.03.2025).

направлений сотрудничества не ограничился. Отмечалась работа по гармонизации национальных научно-технических программ, при этом подчеркивалось, что «гуманитарная тематика – вопросы просвещения, культуры, спорта – не должна оставаться на периферии нашей интеграции». В завершение обращения был сформулирован вывод о потенциале ЕАЭС выступить одним «...из мощных, самостоятельных, самодостаточных полюсов формирующегося многополярного мира, быть центром притяжения для всех разделяющих наши ценности <...> независимых государств»³⁰. В частности, среди перспективных партнеров объединения назывались Египет, Индия, Индонезия, Иран и ОАЭ.

В мае 2024 года, выступая на юбилейном, 10-м, саммите ЕАЭС, российский лидер высказал важную мысль о реальной пользе объединения для каждой страны-участницы³¹. Вероятно, это действительно так: задачи пяти государств в рамках данного формата сотрудничества довольно сильно различаются, однако контуры Союза столь многогранны, что задуманные проекты вполне могут быть реализованы.

Таким образом, евразийская интеграция всегда воспринималась российским руководством в геополитическом контексте. Экономическое сотрудничество со странами СНГ виделось не как конечная цель, а скорее как механизм упрочения международного партнерства. В этом смысле, как отмечают С. Ю. Глазьев и И. Ф. Кефели, особое значение для России имеет сближение стран в идейном и ценностном компонентах [14, с. 19]. В большинстве документов стратегического характера ЕАЭС фигурировал в качестве элемента выстраиваемого взаимодействия дружественных государств в одном ряду с ШОС, БРИКС и иными объединениями с весьма различающимся набором участников. Наконец, в 2020-х годах в высказываниях В. В. Путина ЕАЭС чаще всего рассматривается как важный опорный пункт в геополитическом противостоянии с глобальным Западом.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полученные результаты демонстрируют сохранение стабильного и пристального внимания к теме евразийской интеграции в публичном дискурсе лидеров стран – участниц ЕАЭС. Хотя числовые данные свидетельствуют о некотором сокращении (по сравнению с периодом 2015–2019 гг., когда механизмы сотрудничества только выстраивались) абсолютных показателей частотности упоминания ЕАЭС руководителями России, Белоруссии, Армении, Казахстана и Киргизии, это не означает реального снижения интереса к данному проекту.

Применительно к позициям лидеров отдельных государств можно сделать следующие обобщения.

1. Снижение частоты упоминания ЕАЭС в выступлениях президента Кыргызской Республики С. Жапарова может быть связано не столько с разочарованием в работе объединения, сколько с ожиданием «подходящего времени» для точечного

³⁰ Обращение Президента Российской Федерации В. В. Путина к главам государств – членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. Президент России... URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70380> (дата обращения: 28.03.2025).

³¹ Заседание Высшего Евразийского... URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73990> (дата обращения: 28.03.2025).

решения вопросов. Оно может наступить в случае завершения глобального геополитического кризиса или, например, в 2027 г., когда Киргизия вновь возглавит структуры ЕАЭС.

2. Непримируемая позиция президента Казахстана К.-Ж. Токаева, отвергающего любые попытки выхода евразийского сотрудничества за пределы экономической сферы, остается едва ли не главным фактором, замедляющим развитие данного процесса. Несмотря на существенное укрепление роли страны в качестве политического и экономического игрока на постсоветском пространстве, сложно считать ее влияние определяющим. Представляется, что в дальнейшем руководство республики может увидеть в неэкономических проектах определенную пользу для себя – при условии, что такие проекты не будут противоречить его многовекторной внешней политике, связанной как с азиатскими партнерами, так и с Западом.

3. Армения пропустила все мероприятия, которые прошли в рамках ЕАЭС в Белоруссии в 2025 г. Это может вернуть на повестку дня предположение о выходе страны из состава Союза. Подобные «метания» в какой-то степени можно сравнить с противоречивой политикой В. Ф. Януковича в 2013 г., которая привела Украину к катастрофическим последствиям. Представляется, что Армении в ближайшее время предстоит сделать выбор, который определит ее будущее на многие годы.

4. Следует признать положительное значение активности президента Республики Беларусь в рамках евразийской интеграции. Именно неравнодушие и конкретные предложения А. Г. Лукашенко в значительной степени способствовали тому, что в начале 2020-х годов объединение в условиях мощного давления санкций кратно увеличило масштабы сотрудничества. В то же время резкие высказывания белорусского лидера в публичном пространстве не только привлекают международное внимание к деятельности ЕАЭС, но и порой существенно ухудшают микроклимат во взаимодействии руководителей государств-участников.

5. Контурсы российского властного дискурса в отношении евразийской интеграции еще не оформились в полной мере: проект то рассматривается в качестве главного направления сотрудничества, то отходит на второй план. Необходимо четко координировать задачи в рамках объединения и связанные с достижением общих геостратегических целей; пресекать попытки ряда государств-членов использовать преимущества интеграции без выполнения собственных обязательств.

В целом проанализированные высказывания подтверждают высокую оценку лидерами результатов первого десятилетия работы ЕАЭС. Элиты всех государств подчеркивают достижения Союза, который в значительной степени способствовал экономической стабилизации в регионе в условиях глобальной турбулентности первой половины 2020-х годов. В настоящее время, в отличие от периода 2015–2019 годов, в объединении почти не наблюдается расхождений в выборе приоритетных направлений экономического сотрудничества, что позволяет каждому из пяти государств продвигать наиболее выгодные ему проекты. Также ни одна из стран не возражает против гипотетического расширения числа участников Союза, хотя раньше подобные инициативы ограничивались статусом наблюдателя.

Вместе с тем обращение в рамках саммитов и иных встреч к вопросам за пределами экономических взаимоотношений мгновенно выявляет основное противоречие в позициях стран-участниц.

На данный момент четко оформились две противоположные тенденции. Президенты России и Белоруссии регулярно оценивают евразийское сотрудничество комплексно, не разделяя экономическую и другие сферы его развития. Более того, в их представлении достигнут промежуточный уровень интеграции, и дальнейшее расширение видится по образцу Европейского союза, имеющего множество вариантов совместной деятельности. В противовес этому руководство Казахстана и Армении возражает против расширения повестки партнерства не только на военно-политические, но и на смежные с экономикой направления гуманитарной сферы. В некоторой степени эта позиция прослеживается и в выступлениях президента Киргизии.

Такое расхождение в понимании сущности и предназначения Евразийского экономического союза не является однозначным препятствием для его успешного развития в обозримом будущем. Противоречие может быть преодолено эволюционным путем, если спустя некоторое время возникнут новые предпосылки к дальнейшему сближению государств. В то же время нельзя исключать изменение состава участников ЕАЭС с возможным выходом имеющихся и включением новых стран. Это будет зависеть от внутривнутриполитических процессов в государствах – членах объединения.

Несмотря на некоторые ограничения исследовательской процедуры (использовались только данные официальных сайтов), реализованные в работе методологические приемы дали возможность получить результаты, которые могут быть полезны внешнеполитическим ведомствам государств ЕАЭС для синхронизации усилий по развитию евразийской интеграции. Перспективы дальнейшего изучения темы связаны с расширением эмпирической базы (в том числе за счет анализа высказываний министров иностранных дел), а также с проведением сравнительного анализа позиций лидеров государств-участников и не входящих в ЕАЭС, но связанных с Россией иными интеграционными проектами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глазьев С.Ю. Проблемы развития евразийской экономической интеграции: как их разрешить? *ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика*. 2022;16(3):11–23. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-11-23>
2. Глазьев С.Ю. Евразийская экономическая интеграция в контексте становления нового мирохозяйственного уклада. *Экономическое возрождение России*. 2024;2(80):34–45. URL: <https://e-v-r.ru/экономическое-возрождение-россии-№-2-80/> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Мясникович М.В., Ковалев В.С. Евразийский экономический союз: переосмысливая суверенный путь развития. *ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика*. 2022;16(2):11–17. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-11-17>
4. Мясникович М.В., Ковалев В.С. Новые страницы интеграции в Евразийском экономическом союзе. *Россия в глобальной политике*. 2023;21(2):207–218. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-207-218>
5. Осадчая Г.И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: монография. М.: Экон-Информ; 2021. 346 с. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021>
6. Кадочников П.А. О перспективах развития Евразийского экономического союза. *Экономическое развитие России*. 2020;27(3):13–21. <https://www.elibrary.ru/qwvfcmr>
7. Гринберг Р.С., Пылин А.Г. Евразийский экономический союз. Основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности. *Экономика региона*. 2020;16(2):340–351. <http://doi.org/10.17059/2020-2-1>

8. Сопилко Н.Ю., Кубасова Е.И., Мясникова О.Ю. Развитие интеграции Евразийского экономического союза для достижения целей устойчивого развития в контексте роста качества жизни населения. *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2022;(1):115–125. URL: <https://clck.ru/3RiSQF> (дата обращения: 20.03.2025).
9. Veicy H. Eurasian Economic Union and Regionalism of Iran. *Journal of Central Eurasia Studies*. 2021;14(1):377–400. <https://doi.org/10.22059/jcep.2021.310374.449954>
10. Vaezi T. The Formation of the Eurasian Economic Union and the Labor Migration from Central Asia to Russia. *Journal of Central Eurasia Studies*. 2024;16(2):349–371. URL: https://jcep.ut.ac.ir/article_94836.html?lang=en (дата обращения: 20.03.2025).
11. Sadr A.M., Miraskari S.R. The Investigation of TSE Efficiency: An Emerging Market Involved in Pandemic, and Economic Sanctions. *International Journal of New Political Economy*. 2025;6(1):113–140. <https://doi.org/10.48308/jep.2025.236393.1178>
12. Tatlı M. Regional Integration Efforts in The Post-Cold War USSR Geography: The Eurasian Economic Union. *ASSAM Uluslararası Hakemli Dergi*. 2025;(26):36–49. <https://doi.org/10.58724/assam.1620084>
13. Хоу Ц., Чжан Х. Исследование влияния развития цифровой торговли в Евразийском экономическом союзе на внешнеторговые издержки Китая. *Экономический анализ: теория и практика*. 2024;(6):1038–1054. <https://doi.org/10.24891/ea.23.6.1038>
14. Глазьев С.Ю., Кефели И.Ф. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза. *ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика*. 2022;16(1):10–21. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-01-10-21>
15. Пантин В.И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2022;22(1):17–29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-osnovy-evraziyskoj-ekonomicheskoy-integratsii> (дата обращения: 20.03.2025).
16. Устинкин С.В., Седаев П.В., Параничев Д.В. Теоретические основы евразийства и неоевразийства: является ли ЕАЭС их воплощением? *Власть*. 2022;30(4):29–36. <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9119>
17. Giritlioglu S. Spheres of Influence in Central Asia: a Comparative Study of China's Belt and Road Initiative and Russia's Eurasian Economic Union. *Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi*. 2025;15(2):1290–1313. <https://doi.org/10.48146/odusobiad.1613978>
18. Ходор Ш., Алозян М. Влияние регионализации на евразийскую интеграцию: экономические и политические факторы. *ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: экономика, право, политика*. 2020;14(3):39–51. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-3-39-51>
19. Вивьер В.Н. Освещение евразийской интеграции в американском научно-академическом дискурсе. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2020;15(3):307–327. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-03-12>
20. Simonyan A. Eurasian Supranationalism: From Academic Discourse to the Eurasian Economic Union. *Baltic Yearbook of International Law Online*. 2022;20(1):45–66. https://doi.org/10.1163/22115897_02001_005
21. Сулейманов А.Р. Евразийская интеграция во внешнеполитическом дискурсе постсоветских государств. *Этносоциум и межнациональная культура*. 2023;8(182):87–93. <https://www.elibrary.ru/eresgw>
22. Гуселетов Б.П., Великая Н.М. Трансформация партийных систем в странах Центральной Азии в контексте укрепления политических режимов. *Регионоведение*. 2025;33(1):77–90. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090>
23. Кузьмина Е.М. Киргизия в ЕАЭС: только ли трудовые мигранты оказались в выигрыше? *Евразийский юридический журнал*. 2017;(2):90–95. <https://www.elibrary.ru/ygufgx>
24. Ашикбаева А.М. Экономическое развитие Казахстана и роль интеграции в ЕАЭС. *Россия и Азия*. 2021;(1):34–41. <https://www.elibrary.ru/ejmksi>
25. Варданян Т. «Перекресток мира»: светлое будущее экономики Армении или темное разрушение? *Амберд бюллетень*. 2023;(5):81–89. https://doi.org/10.52174/2579-2989_2023_5-81

REFERENCES

1. Glazyev S.Yu. Problems of the Development of the Eurasian Economic Integration: How to Resolve them? *EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics*. 2022;16(3):11–23. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-03-11-23>
2. Glazyev S.Y. Eurasian Economic Integration in the Context of the Emergence of a New World Economic Structure. *Economic Revival of Russia*. 2024;2(80):34–45. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://e-v-r.ru/экономическое-возрождение-россии-№-2-80/> (accessed 20.03.2025).
3. Myasnikov M.V., Kovalev V.S. Eurasian Economic Union: Rethinking the Sovereign Path of Development. *EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics*. 2022;16(2):11–17. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-02-11-17>
4. Myasnikov M.V., Kovalev V.S. New Pages of Integration in the Eurasian Economic Union. *Rossia v globalnoi politike*. 2023;21(2):207–218. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2023-21-2-207-218>
5. Osadchaya G.I. Eurasian Economic Union: Development Potential, Cooperation Format. M.: Publishing house Econ-Inform; 2021. 346 p. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021>
6. Kadochnikov P.A. On the Prospects for the Development of the Eurasian Economic Union. *Russian Economic Development*. 2020;27(3):13–21. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/qwfcmr>
7. Grinberg R.S., Pylin A.G. Eurasian Economic Union: Key Development Trends amid Global Uncertainty. *Economy of Regions*. 2020;16(2):340–351. (In Russ., abstract in Eng.) <http://doi.org/10.17059/2020-2-1>
8. Sopilko N.Yu., Kubasova E.I., Myasnikova O.Yu. The EAEU Integration Development for the SDGs Achievement in the Context of an Increase in the Quality of Life of the Population. *RSUH Bulletin. "Economics. Management. Law" Series*. 2022;(1):115–125. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RiSQF> (accessed 20.03.2025).
9. Veicy H. Eurasian Economic Union and Regionalism of Iran. *Journal of Central Eurasia Studies*. 2021;14(1):377–400. <https://doi.org/10.22059/jcep.2021.310374.449954>
10. Vaezi T. The Formation of the Eurasian Economic Union and the Labor Migration from Central Asia to Russia. *Journal of Central Eurasia Studies*. 2024;16(2):349–371. Available at: https://jcep.ut.ac.ir/article_94836.html?lang=en (accessed 20.03.2025).
11. Sadr A.M., Miraskari S.R. The Investigation of TSE Efficiency: An Emerging Market Involved in Pandemic, and Economic Sanctions. *International Journal of New Political Economy*. 2025;6(1):113–140. <https://doi.org/10.48308/jep.2025.236393.1178>
12. Tatli M. Regional Integration Efforts in The Post-Cold War USSR Geography: The Eurasian Economic Union. *ASSAM Uluslararası Hakemli Dergi*. 2025;(26):36–49. <https://doi.org/10.58724/assam.1620084>
13. Hou J., Zhang H. A Study of the Impact of Digital Trade Development in the Eurasian Economic Union on China's Foreign Trade Costs. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2024;23(6):1038–1054. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24891/ea.23.6.1038>
14. Glazyev S.Yu., Kefeli I.F. On the Question of the Ideology of the Eurasian Economic Union. *EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics*. 2022;16(1):10–21. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-01-10-21>
15. Pantin V.I. The Ideological Foundations of Eurasian Economic Integration. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022;22(1):17–29. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologicheskie-osnovy-evraziyskoy-ekonomicheskoy-integratsii> (accessed 10.02.2026).
16. Ustinkin S.V., Sedaev P.V., Paranichev D.V. Theoretical Foundations of Eurasianism and Neo-Eurasianism: Is the EAEU Their Implementation? *Vlast*. 2022;30(4):29–36. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9119>
17. Giritlioglu S. Spheres of Influence in Central Asia: A Comparative Study of China's Belt and Road Initiative and Russia's Eurasian Economic Union. *Ordu Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi*. 2025;15(2):1290–1313. <https://doi.org/10.48146/odusobiad.1613978>
18. Shatila K., Alozian M. The Impact of Regionalization on Eurasian Integration: Economic and Political Factors. *EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics*. 2020;14(3):39–51. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2020-3-39-51>

19. Vivier V.N. Eurasian Integration in American Scientific-Academic Discourse. *International Organisations Research Journal*. 2020;15(3):307–327. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-03-12>
20. Simonyan A. Eurasian Supranationalism: From Academic Discourse to the Eurasian Economic Union. *Baltic Yearbook of International Law Online*. 2022;20(1):45–66. https://doi.org/10.1163/22115897_02001_005
21. Suleymanov A.R. Eurasian Integration in the Foreign Policy Discourse of Post-Soviet States. *Etnosocium (Multinational Society)*. 2023;8(182):87–93. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/eresgw>
22. Guseletov B.P., Velikaya N.M. Party System Transformation in Central Asian Countries in the Context of Strengthening Political Regimes. *Russian Journal of Regional Studies*. 2025;33(1):77–90. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.033.202501.077-090>
23. Kuzmina E.M. Kyrgyzstan in the Eurasian Economic Union: Whether Only Labor Migrants Were the Winner? *Eurasian Law Journal*. 2017;(2):90–95. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ygufgx>
24. Ashikbayeva A.M. Economic Development of Kazakhstan and the Role of Integration in the EAEU. *Russia and Asia*. 2021;(1):34–41. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ejmksi>
25. Vardanyan T. “Crossroads of the Peace”: Bright Future of Armenia’s Economy or Dark Destruction? *Amberd Bulletin*. 2023;(5):81–89. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.52174/2579-2989_2023_5-81

Об авторе:

Мальченков Станислав Александрович, доктор философских наук, доцент, директор историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>, SPIN-код: 9638-3807, stamal@rambler.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 13.04.2025; одобрена после рецензирования 07.08.2025; принята к публикации 21.08.2025.

About the author:

Stanislav A. Malchenkov, Dr.Sci. (Philos.), Professor, Director of the Historical and Sociological Institute, National Research Mordovia State University (68 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>, SPIN-code: 9638-3807, stamal@rambler.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 13.04.2025; revised 07.08.2025; accepted 21.08.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.058-077><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/ilsdcp>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 631:353

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Влияние государственной поддержки
на производительность в сельском хозяйстве:
региональный аспект****С. В. Арженовский¹ ✉ Е. С. Гребенкина²**

¹ Отделение по Ростовской области Южного главного управления Центрального банка
Российской Федерации

(г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

² Южное главное управление Центрального банка Российской Федерации

(г. Краснодар, Российская Федерация)

✉ sarzhenov@gmail.com

Аннотация

Введение. Сельское хозяйство традиционно является субсидируемой отраслью, в том числе в аспекте обеспечения продовольственной безопасности и социального развития сельских территорий. Цель статьи – оценить влияние государственных субсидий на совокупную факторную производительность в сельском хозяйстве с учетом региональной неоднородности.

Материалы и методы. Объект исследования – российские регионы. На основе сбалансированной панели данных по 82 субъектам Российской Федерации за 2015–2022 гг. на первом этапе выполнялась эконометрическая оценка совокупной факторной производительности: строилась производственная функция, отражающая зависимость выпуска сельского хозяйства от факторов производства. Для анализа робастности результатов применялись производственные функции Кобба–Дугласа, транслог, стохастической производственной границы; в качестве выпуска использовались показатели произведенной продукции названной отрасли в текущих и постоянных ценах, а также валовой добавленной стоимости аграрного сектора в постоянных ценах. На втором этапе оценивалось влияние величины субсидий на совокупную факторную производительность в сельском хозяйстве.

Результаты исследования. На базе эконометрического моделирования определено, что в году субсидирования трансферты из бюджета не влияют на совокупную факторную производительность в сельском хозяйстве. Снижение совокупной факторной производительности через год (при увеличении объема субсидий) соответствует теории о негативном влиянии трансфертов

© Арженовский С. В., Гребенкина Е. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

на продуктивность сельского хозяйства, поскольку производители менее мотивированы к оптимизации затрат и инвестированию в свою деятельность. Увеличение же совокупной факторной производительности спустя два года после выделения господдержки связано с повышением продуктивности сельского хозяйства: производители за счет субсидий могут нарастить собственные финансовые ресурсы, получить доступ к кредитам, снизить риск инвестиций в некоторые дополнительные сферы производства.

Обсуждение и заключение. Исследование подтвердило гипотезу о разнонаправленном влиянии субсидий в зависимости от временного лага. Полученные результаты имеют практическую ценность в контексте обсуждения эффективности государственной аграрной политики с точки зрения направления и объемов господдержки с учетом региональной неоднородности.

Ключевые слова: сельское хозяйство, субсидии, российские регионы, совокупная факторная производительность, производственная функция, панельные регрессии

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Настоящая статья отражает личную позицию авторов. Содержание и результаты данного исследования недопустимо рассматривать, в том числе цитировать, в каких-либо изданиях ни как официальную позицию Банка России, ни в качестве указания на официальную политику или решения регулятора. Любые ошибки в представленном материале являются исключительно авторскими.

Для цитирования: Арженовский С.В., Гребенкина Е.С. Влияние государственной поддержки на производительность в сельском хозяйстве: региональный аспект. *Регионоведение*. 2026;34(1):058–077. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.058-077>

The Impact of Government Support on Agricultural Productivity: A Regional Perspective

S. V. Arzhenovskiy^a ✉, E. S. Grebenkina^b

^a Rostov Regional Division of the Southern Main Branch of the Central Bank of the Russian Federation
(Rostov-on-Don, Russian Federation)

^b Southern Main Branch of the Central Bank of the Russian Federation
(Krasnodar, Russian Federation)

✉ sarzhenov@gmail.com

Abstract

Introduction. Agriculture has traditionally been a subsidized sector, including in terms of ensuring food security and the social development of rural areas. The aim of the article is to assess the impact of government subsidies on total factor productivity in agriculture, taking into account regional heterogeneity.

Materials and Methods. The object of the study is the Russian regions. Based on a balanced panel of data for 82 subjects of the Russian Federation for 2015–2022, the first stage involved an econometric assessment of total factor productivity: a production function was constructed reflecting the dependence of agriculture output on production factors. To analyze the robustness of the results, Cobb–Douglas, Translog, and stochastic frontier production functions were applied; output indicators included agricultural production in current and constant prices, as well as the gross value added of the agricultural sector in constant prices. In the second stage, the impact of subsidy amounts on total factor productivity in agriculture was evaluated.

Results. Based on econometric modeling, it has been determined that in the year of subsidization, transfers from the budget do not affect the total factor productivity in agriculture. A decline in total factor productivity a year later (with an increase in the volume of subsidies) corresponds to the theory of the negative impact of transfers on agricultural productivity, as producers are less motivated to optimize costs and invest in their activities. An increase in total factor productivity two years after receiving government support is associated with higher agricultural productivity: thanks to the subsidies, producers can increase their own financial resources, gain access to credit, and reduce investment risks in certain additional areas of production.

Discussion and Conclusion. The study confirmed the hypothesis of the differing impact of subsidies depending on the time lag. The results obtained are of practical value in the context of discussing the effectiveness of state agricultural policy in terms of the direction and volume of government support, taking regional heterogeneity into account.

Keywords: agriculture, subsidies, Russian regions, total factor productivity, production function, panel regressions

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest. The views expressed herein are solely those of the authors. The content and results of this research should not be considered or referred to in any publications as the Bank of Russia's official position, official policy, or decisions. Any errors in this document are the responsibility of the authors.

For citation: Arzhenovskiy S.V., Grebenkina E.S. The Impact of Government Support Agricultural Productivity: A Regional Perspective. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):058–077. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.058-077>

ВВЕДЕНИЕ

Аграрный сектор практически повсеместно в мире функционирует при активной государственной поддержке. Субсидирование отрасли в России обусловлено задачей обеспечения продовольственной безопасности страны, высокой зависимостью от погодно-климатических факторов, а также необходимостью масштабной модернизации технического оснащения сельскохозяйственных предприятий.

Государственная поддержка отечественных производителей осуществляется по различным направлениям: субсидии и гранты для начинающих фермеров, включая помощь самозанятым; компенсация затрат на содержание животных и рыбы, покупку племенных особей; финансирование инвестиционной деятельности, в том числе покупка техники и строительство; содействие семеноводству; возмещение агрострахования и др.

Сумма поддержки имеет тенденцию к снижению в течение последних десяти лет и, в частности, по состоянию на январь 2025 года составляет около 174 млрд руб.¹ Субсидии получают все регионы Федерации, за исключением г. Москвы. Целями поддержки являются, как правило, повышение продуктивности предприятий и развитие сельских территорий. Социальный контекст поддержки подразумевает решение различных проблемных ситуаций, например низкого качества жизни на селе, оттока кадров, экономической неустойчивости отрасли, вопросов экологии и ресурсосбережения и т. д. При этом актуальной выступает задача изучения эффективности реализуемых государством мер поддержки, их реального влияния на уровень производительности в секторе.

Цель исследования – оценить влияние государственных субсидий на совокупную факторную производительность (СФП) сельского хозяйства с учетом региональной неоднородности.

Основная гипотеза настоящей работы заключается в следующем: субсидии на сельское хозяйство оказывают разнонаправленное воздействие на совокупную факторную производительность в зависимости от количества лет, прошедших после осуществления финансирования.

Научная новизна заключается в применении нескольких видов производственных функций и зависимых переменных, по которым вычислялась совокупная факторная

¹ Средства консолидированного бюджета [Электронный ресурс]. Министерство сельского хозяйства РФ: сайт. URL: <https://clck.ru/3ScoZH> (дата обращения: 10.03.2025).

производительность в сельском хозяйстве, что позволило показать робастность полученных результатов моделирования. Отметим также отличающийся от предыдущих исследований состав объясняющих переменных в уравнениях для СФП.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Вопросы теории и методологии предоставления субсидий сельскохозяйственным предприятиям достаточно изучены в отечественных и зарубежных работах [1–6], однако тема влияния государственной поддержки непосредственно на производительность в отрасли не получила широкого освещения. Существующие публикации дают, как правило, локальную оценку воздействия подобных мер на эффективность сельскохозяйственного производства, ограничиваясь рассмотрением ситуации либо в отдельных регионах [7; 8], либо с точки зрения компаний различных форм собственности [9; 10]. Исследования, раскрывающие данный вопрос в масштабах страны в целом [11–13], не затрагивают региональную составляющую. Вместе с тем именно региональный аспект в оценке влияния субсидирования на производительность в сельском хозяйстве требует дополнительного изучения.

Показатель производительности труда (в классической интерпретации) не всегда корректно применим в оценке эффективности российских сельскохозяйственных предприятий, поскольку не охватывает аспект усовершенствования технологий и/или рекомбинацию факторов производства. Предпочтителен показатель совокупной производительности факторов производства.

Существует некоторое разнообразие в имеющихся исследованиях в отношении определения СФП и содержания понятия – состав переменных варьируется у разных авторов² [7; 9; 14]. Наиболее часто встречается понимание СФП как части выпуска, которая прямо зависит не от количества факторов производства, а от эффективности их использования [7]. Однако для оценки СФП исследователи выбирают различные производственные функции и используемые переменные. В некоторых публикациях для обеспечения корректности оценки СФП предполагается учет в производственных функциях добавленной стоимости [11; 15], в других – оценка на основе выпуска продукции в текущих и/или постоянных ценах или выручки от реализации [5; 7; 9; 14].

Набор способов оценки СФП ряда исследователей включает непараметрические методы расчета³ [16], основывается на изучении производственных функций [7; 9; 14] и стохастическом граничном анализе⁴ [17; 18].

Каждый из указанных методов имеет преимущества и ограничения. В частности, непараметрическая модель – метод оболочки данных (*Data Envelopment Analysis, DEA*), наиболее эффективный в оценке подотраслей сельского хозяйства, которые отличаются слабой зависимостью от действия факторов природного

² Бессонова Е.В. Оценка эффективности производства российских промышленных предприятий. *Прикладная эконометрика*. 2007;(2):13–35. URL: http://pe.cemi.rssi.ru/pe_2007_02_13-35.pdf (дата обращения: 19.12.2024).

³ Там же ; Нечаев В., Сайфетдинова Н., Фетисов С. Оценка экономической эффективности агропроизводства. *Экономика сельского хозяйства России*. 2009;(10):46–54. <https://www.elibrary.ru/kzcbxd>

⁴ Бессонова Е.В. Оценка эффективности производства российских промышленных предприятий... ; Нечаев В., Сайфетдинова Н., Фетисов С. Оценка экономической эффективности агропроизводства... ; Малахов Д.И., Пильник Н.П. Методы оценки показателя эффективности в моделях стохастической производственной границы. *Экономический журнал ВШЭ*. 2013;(4):692–718. URL: <https://clck.ru/3ST5Go> (дата обращения: 19.12.2024).

и климатического характера (птицеводства, свиноводства, выращивания овощей в закрытом грунте и т. п.).

Преодолеть ограничение непараметрических моделей становится возможным посредством использования стохастического граничного анализа (*Stochastic Frontier Analysis, SFA*). Методы оценки СФП, основывающиеся на построении производственной функции, позволяют как учесть вклад факторов производства, так и оценить прогрессивность применяемых технологий. В связи с этим исследователи реализуют, как правило, не один подход, а их сочетание.

В рамках оценки влияния субсидий на СФП также рассматривается сельскохозяйственная специализация организации-получателя (растениеводство или животноводство). Как показали исследования [15], эффекты государственной поддержки гетерогенны в зависимости от специализации предприятий (отмечались негативная связь между получаемыми субсидиями и СФП в животноводческих хозяйствах, отсутствие статистически значимой зависимости в растениеводстве). Поэтому данный аспект исключен из анализа в текущем исследовании.

Значимая характеристика субсидирования – дифференциация трансфертов по уровню предоставления финансирования (федеральный или региональный) – также была предметом ряда исследований [7; 8; 11]. Полученные выводы свидетельствуют о преимущественной роли федеральных субсидий, в том числе с учетом временных лагов, и не позволяют однозначно оценить влияние субсидий из регионального бюджета, поскольку имеющиеся исследования основываются на микроданных (информация по ограниченному числу предприятий в отдельно взятых регионах). Использование микроданных по предприятиям, возможно, размывает эффект субсидирования в масштабе региона с учетом весомой доли федеральных трансфертов и не позволяет получить устойчивые межрегиональные оценки.

Таким образом, результаты имеющихся публикаций, посвященных теме исследования, неоднородны. Либо расчеты выполнены на микроданных, либо коэффициенты производственной функции получены нерасчетным способом, либо оценка сделана для одного региона. Это оставляет поле для дальнейшего изучения и характеризует нишу настоящего исследования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Источники и формирование данных. Материал настоящего исследования формировался на основе сведений Министерства сельского хозяйства РФ в разрезе 82 субъектов РФ⁵ (величина фактических субсидий и иных межбюджетных трансфертов сельхозпроизводителям⁶ (X); финансирование за счет средств региональных бюджетов (D)), а также Росстата (остальные переменные: продукция сельского хозяйства, валовая добавленная стоимость, основные фонды, инвестиции, занятость, посевные площади, индекс цен производителей) за 2015–2022 гг.⁷ Итоговая информационная база представляет собой сбалансированную панель данных с общим количеством наблюдений 656.

⁵ Министерство сельского хозяйства РФ: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/activity/state-support/funding/> (дата обращения: 19.12.2024) ; Исключены автономные округа в составе областей (Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий).

⁶ Если не оговорено иное, данные относятся к виду деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство».

⁷ Федеральная служба государственной статистики: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (дата обращения: 19.12.2024).

Все востребованные при моделировании переменные были логарифмированы; показатели основных фондов, посевных площадей, величины государственных субсидий, инвестиций нормированы на численность занятых в сельском хозяйстве.

Расчеты выполнялись с использованием программного обеспечения пакета Stata 18.

Описательный анализ данных включал в себя следующие шаги: расчет описательных статистик; анализ динамики средней величины субсидий в реальном выражении по федеральным округам; изучение динамики доли регионального финансирования.

Методология моделирования реализовывалась в два этапа.

На первом выполнялась эконометрическая оценка СФП. Для этого оценивалась производственная функция, отражающая зависимость выпуска в сельском хозяйстве от факторов производства. В рамках анализа устойчивости получаемых результатов, во-первых, применялись производственные функции нескольких видов, во-вторых, в качестве выпуска Y_{it} использовались показатель произведенной продукции сельского хозяйства в текущих и постоянных ценах⁸, а также валовая добавленная стоимость (ВДС) сельскохозяйственного сектора в постоянных ценах.

Выбор вида производственной функции обусловлен следующими обстоятельствами. Функция Кобба–Дугласа наиболее востребована в экономических исследованиях при моделировании объема выпуска и активно применялась в предыдущих публикациях по тематике господдержки в сельском хозяйстве. В отличие от нее транслог (транслогарифмическая функция) не линеен и его использование позволяет расширить границы проводимого анализа.

Обращение к подходу стохастической производственной границы стало достаточно популярным в последнее время, что связано, прежде всего, с работами по эффективности видов экономической деятельности и предприятий⁹ и предполагает применение метода максимального правдоподобия для нахождения оценок параметров.

Производственная функция Кобба–Дугласа имеет вид:

$$Y_{it} = AK_{it}^{\alpha_1} S_{it}^{\alpha_2} L_{it}^{\alpha_3} \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где Y_{it} – выпуск; A – СФП; K_{it} – капитал; i – индекс по регионам, $i = 1, \dots, 82$; t – индекс по времени, $t = 2015, \dots, 2022$; α_j – параметр, $j = 1, 2, 3$; S_{it} – земля; L_{it} – труд; ε_{it} – случайная величина ошибки.

В качестве показателя K использовалась величина основных фондов по изучаемому виду деятельности, параметр L формировался как среднегодовая численность занятых по виду экономической деятельности, S включает в себя посевные площади сельскохозяйственных культур.

⁸ Поскольку региональные дефляторы по видам экономической деятельности отсутствуют в открытом доступе, использовался индекс потребительских цен (*ИПЦ*) для приведения к базисному году (2015 год).

⁹ Малахов Д.И., Пильник Н.П. Методы оценки показателя эффективности в моделях стохастической производственной границы...

Нормировав уравнение (1) на L и логарифмировав, получим¹⁰:

$$y_{it} = a + \alpha_1 k_{it} + \alpha_2 s_{it} + e_{it}, \quad (2)$$

где $a = \ln(A)$.

Оценивание (2) на панельных данных возможно с помощью модели составной ошибки $e_{it} = u_i + \lambda_t$. При этом предполагаются фиксированными индивидуальные эффекты по регионам u_i и по времени λ_t и применяется метод наименьших квадратов. Это позволяет учесть в модели гетерогенность регионов.

Однако при оценивании (2) методом наименьших квадратов на уровне фирм отмечена проблема эндогенности, возникающая по причине ненаблюдаемых шоков, которые коррелированы с СФП [18; 19]. Одним из способов ее решения является процедура Вулдриджа – оценивание функции контроля (*control function*) обобщенным методом моментов. Ограничением метода выступает требование следования СФП авторегрессионному процессу первого порядка, которое, вероятно, не выполняется для данных по регионам и с учетом специфики сельскохозяйственного сектора, что может привести к неверным оценкам [9].

В итоге уравнение (2) оценивается методом наименьших квадратов как модель с фиксированными эффектами, что позволяет минимизировать последствия эндогенности (с учетом контроля неизменяемых по времени характеристик регионов). Для дополнительной проверки робастности оценок применяется процедура Вулдриджа.

Транслогарифмическая (транслог) производственная функция применительно к решаемой задаче будет иметь вид:

$$y_{it} = a + \alpha_1 k_{it} + \alpha_2 s_{it} + \alpha_3 k_{it}^2 + \alpha_4 s_{it}^2 + \alpha_5 k_{it} s_{it} + e_{it}. \quad (3)$$

Параметры (2) и (3) уравнений оцениваются методом наименьших квадратов, как и для модели с фиксированными эффектами.

Подробно подход с использованием модели стохастической производственной границы описан, в частности, Д. Малаховым и Н. Пильником¹¹. Модель имеет вид (2), но ошибка в предположении отсутствия тренда в СФП формируется как сумма стохастической ошибки ζ_{it} и ошибки неэффективности χ_{it} , имеющей усеченное нормальное распределение, согласно выражению $e_{it} = \zeta_{it} - \chi_{it}$. Оценки коэффициентов находятся методом максимального правдоподобия.

После идентификации параметров производственных функций получаем оценки величин СФП для каждой из них как разность между расчетным и фактическим значениями выпуска.

На втором этапе строилась регрессия СФП в сельском хозяйстве на величину субсидий (X_{it}), а также на первые два лага субсидий (X_{it-1} , X_{it-2}). В уравнение включались контрольные переменные:

¹⁰ Строчными буквами обозначены переменные в логарифмах значений показателя на одного занятого в сельскохозяйственном секторе.

¹¹ Малахов Д.И., Пильник Н.П. Методы оценки показателя эффективности в моделях стохастической производственной границы...

а) инвестиции в основной капитал (I_{it}) и два лага инвестиций (I_{it-1} , I_{it-2}) – отражают продуктивность сектора в зависимости от обновления основных фондов;

б) фактический уровень финансирования за счет средств бюджета региона (D) – предполагаем, что увеличение регионального финансирования положительно влияет на продуктивность, поскольку позволяет точно определять и ликвидировать узкие места сектора;

в) индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции, реализуемой сельскохозяйственными предприятиями (Pp) – позволяет потенциально проконтролировать издержки производства.

Лаги вводились с целью учета инерционности процессов субсидирования и инвестирования. Параметры субсидий и инвестиций были отнесены к среднегодовой численности занятых и логарифмированы. Использовались логарифмированные значения факторов доли субсидий за счет бюджета субъекта и индекс цен производителей. В результате уравнение специфицировано в виде:

$$t\hat{p}_{it} = \beta_0 + \beta_1 x_{it} + \beta_2 x_{it-1} + \beta_3 x_{it-2} + \beta_4 i_{it} + \beta_5 i_{it-1} + \beta_6 i_{it-2} + \beta_7 d_{it} + \beta_8 pp_{it} + v_{it}, \quad (4)$$

где β_j – параметры, $j = 1, \dots, 8$; v_{it} – случайная величина ошибки.

Ошибка в уравнении (4) предполагается составной – из фиксированных эффектов по регионам и времени. Таким образом, в (4) учтена региональная неоднородность. Оценки коэффициентов получали методом наименьших квадратов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Описательный анализ данных. На основании данных Росстата и Министерства сельского хозяйства были сформированы и проанализированы необходимые переменные (табл. 1).

Ключевые наблюдаемые тренды (2015–2022 гг.). На основании данных таблицы 2, где показана динамика средней величины субсидий в реальном выражении по федеральным округам, можно выделить следующие тенденции. Прежде всего, очевиден отрицательный тренд величины субсидий в целом по стране. Аллокация субсидирования смещена: лидирующие в начале периода Уральский и Центральный округа в итоге сменили Южный и Приволжский. Аутсайдером неизменно оставался Дальневосточный округ.

Кроме того, в течение 2015–2022 гг. снижалась доля субсидирования за счет средств региональных бюджетов. Здесь лидирующие позиции занимает Урал (средняя доля около 30 % в 2022 г.) и с 2018 г. – Северо-Запад.

Самая низкая доля в течение всего периода характерна для Северного Кавказа. В Южном федеральном округе субсидии осуществляются в основном за счет средств федерального бюджета.

Изучение производственных функций и влияния субсидий на СФП в сельском хозяйстве. При построении производственных функций для каждого вида проводился регрессионный анализ с зависимой переменной выпуска в текущих и постоянных ценах, а также ВДС в постоянных ценах (табл. 3).

Таблица 1. Описательная статистика экономических показателей за 2015–2022 гг.¹²
 Table 1. Descriptive Statistics of Economic Indicators, 2015–2022

Переменная / Variable	Описание показателя / Description of the indicator	Общая статистика / Total statistics			Межгрупповая статистика / Between statistics		Внутригрупповая статистика / Within statistics	
		среднее / Mean	стандартное отклонение / Std. Dev.	диапазон значений / Min–Max	стандартное отклонение / Std. Dev.	стандартное отклонение / Std. Dev.	диапазон значений / Min–Max	стандартное отклонение / Std. Dev.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
X	Перечислено фактически субсидий и иных межбюджетных трансфертов сельхозпроизводителям за год, млн руб. / Actual amount of subsidies and other interbudget transfers transferred to agricultural producers per year, million rubles	2 060,98	2 047,02	[0,10; 13 641,99]	1 957,40	[12,22; 10 104,25]	632,33	[–699,56; 6 378,34]
D	Фактический уровень финансирования за счет средств бюджета субъекта РФ, % / Actual level of funding from the budget of the constituent entity of the Russian Federation, %	17,71	14,42	[0,10; 74,26]	11,40	[0,10; 62,13]	8,91	[–12,38; 60,50]
K	Наличие основных фондов по виду деятельности «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях», млрд руб. / Availability of fixed assets by type of activity “Crop and live-stock production, hunting and provision of related services in these areas”, billion rubles	40,88	47,96	[0,10; 328,50]	45,36	[0,36; 216,48]	16,28	[–30,88; 155,02]

¹² Здесь и далее рассчитано авторами на основе данных следующих источников: Министерство сельского хозяйства РФ: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://mcs.gov.ru/activity/state-support/funding/> (дата обращения: 19.12.2024) ; Федеральная служба государственной статистики: сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13226> (дата обращения: 19.12.2024).

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>L</i>	Среднегодовая численность занятых по виду экономической деятельности, тыс. чел. / Average annual number of people employed by type of economic activity, thousand people	61,35	55,02	[1,40; 374,50]	53,95	[1,65; 256,03]	12,13	[23,85; 179,81]
<i>Y</i>	Продукция сельского хозяйства в фактически действовавших ценах, млн руб. / Agricultural products in actual prices, million rubles	75 068,41	81 564,66	[200,00; 602 923,00]	78 601,10	[237,52; 436 543,10]	23 252,66	[2 551,13; 241 448,30]
<i>S</i>	Посевные площади сельскохозяйственных культур (хозяйства всех категорий, тыс. га) / Cultivated are as of agricultural crops (farms of all categories, thousand hectares)	976,87	1 203,18	[0,00; 5 418,16]	1 208,70	[0,01; 5 287,16]	47,98	[710,01; 1 352,87]
<i>I</i>	Инвестиции в основной капитал, млн руб. / Investments in fixed assets, million rubles	6 293,36	7 354,22	[4,30; 65 771,80]	6 472,39	[44,38; 29 995,96]	3 555,33	[-7 042,11; 55 310,99]
<i>V</i>	Валовая добавленная стоимость (в постоянных ценах 2016 г.), млн руб., раздел А / Gross value added (at constant 2016 prices, million rubles), section A	44 829,53	43 400,59	[746,83; 295 284,10]	43 141,22	[2 026,83; 253 650,70]	6 506,68	[15 885,66; 86 462,93]
<i>Ipc</i>	Индекс потребительских цен на товары и услуги, г/г, % / Consumer price index for goods and services, y/y, %	106,69	3,96	[101,12; 127,64]	0,57	[105,22; 108,93]	3,92	[99,15; 125,39]
<i>Pp</i>	Индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции, реализуемой сельскохозяйственными организациями, г/г, % / Producer price index for agricultural products sold by agricultural organizations, y/y, %	104,85	11,53	[68,34; 200,57]	2,91	[97,72; 118,11]	11,16	[55,07; 189,00]

Таблица 2. Динамика средней величины субсидий на сельское хозяйство по федеральным округам

Table 2. Dynamics of the Average Amount of Agricultural Subsidies by Federal District

Регион / Region	Год / Year							
	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Средняя величина реальных государственных субсидий на сельское хозяйство¹³ по федеральным округам, млн руб. / Average value of real government subsidies for agriculture by federal districts, million rubles</i>								
Россия / Russia	2 086,4	2 292,3	1 935,6	1 851,3	1 602,9	1 576,9	1 559,6	1 350,1
Центральный федеральный округ / Central Federal District	2 896,1	3 368,6	3 037,6	2 981,6	2 427,5	2 073,6	2 020,2	1 697,6
Южный федеральный округ / Southern Federal District	1 669,3	2 391,4	1 918,7	2 044,1	1 785,1	2 073,9	2 183,2	2 068,9
Приволжский федеральный округ / Volga Federal District	3 199,6	3 114,0	2 374,0	2 294,4	1 904,5	2 089,3	2 052,4	1 888,8
Сибирский федеральный округ / Siberian Federal District	1 760,2	1 828,8	1 438,6	1 350,1	1 160,4	1 179,8	1 256,4	1 008,3
Северо-Западный федеральный округ / Northwestern Federal District	1 289,0	1 277,1	923,4	826,8	662,3	790,7	682,7	565,5
Северо-Кавказский федеральный округ / North Caucasian Federal District	1 116,1	1 953,1	2 225,0	1 945,2	1 812,6	1 937,3	1 716,1	1 542,4
Уральский федеральный округ / Ural Federal District	2 946,2	2 888,6	2 338,9	2 253,3	1 524,3	1 538,4	1 381,2	1 043,3
Дальневосточный федеральный округ / Far Eastern Federal District	974,1	756,3	628,1	478,6	889,5	610,7	763,7	586,5
<i>Средняя доля финансирования за счет средств бюджета субъекта РФ, % / Average share of funding from the budget of a constituent entity of the Russian Federation, %</i>								
Россия / Russia	23,4	26,7	19,9	17,0	16,5	15,4	11,0	11,9
Южный федеральный округ / Southern Federal District	13,0	13,9	12,1	11,8	11,4	9,9	7,2	7,0
Центральный федеральный округ / Central Federal District	15,0	18,2	11,9	13,8	14,1	14,0	11,0	10,6
Приволжский федеральный округ / Volga Federal District	21,3	24,6	18,0	18,7	18,4	17,2	10,7	10,6
Сибирский федеральный округ / Siberian Federal District	25,4	29,1	21,7	14,5	18,0	12,1	7,5	9,1

¹³ Дефлированы с помощью индекса потребительских цен к 2015 г.

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Средняя доля финансирования за счет средств бюджета субъекта РФ, % / Average share of funding from the budget of a constituent entity of the Russian Federation, %</i>								
Северо-Западный федеральный округ / Northwestern Federal District	30,9	38,0	23,0	27,0	25,8	24,8	17,1	18,7
Северо-Кавказский федеральный округ / North Caucasian Federal District	10,3	10,1	10,6	6,7	6,6	6,7	4,8	3,7
Уральский федеральный округ / Ural Federal District	40,8	41,7	40,0	34,3	36,7	33,0	27,9	29,8

Примечание / Note. Цветовым градиентом «красный – белый – синий» обозначено увеличение показателя от минимального до максимального значения в столбце / The color gradient “red – white – blue” indicates the increase of the indicator from the minimum to the maximum value in the column.

Выбраны спецификации уравнений с фиксированными эффектами по объектам и по времени (при тестировании по Хаусману во всех случаях нулевая гипотеза отвергается). Все регрессии и индивидуальные эффекты оказались значимыми на уровне 1 %; коэффициенты при факторах k (основные фонды на одного занятого в сельском хозяйстве (млрд руб./тыс. чел.)) и s (посевные площади на одного занятого в сельском хозяйстве (га/чел.)) – положительными и значимыми почти во всех спецификациях также на уровне 1 %.

Дополнительно для функции Кобба–Дугласа применялась процедура Вулдриджа, которая показала сопоставимость полученных оценок и результатов метода наименьших квадратов для моделей с фиксированными эффектами. В качестве базовых были приняты результаты моделирования в столбцах 2, 5 и 8 (см. табл. 3) для продукции в текущих ценах, поскольку значимость этих регрессий в целом выше.

Затем оценивалось влияние субсидий на величину СФП. Для четырех из девяти вариантов СФП значимым на уровне 5 % с отрицательным знаком выступил коэффициент при первом лаге переменной субсидий. Для шести из девяти вариантов СФП значимым (как минимум, на уровне 5 %), но с положительным знаком оказался коэффициент при втором лаге переменной субсидий. Для СФП, вычисленной по транслогарифмической функции для ВДС (см. столбец 7 табл. 3), знаки/значимость коэффициентов при переменной субсидий и ее лагов соответствовали описанным выше со сдвигом на год раньше, т. е. значимыми являлись коэффициенты переменной субсидий и ее первого лага.

Контрольная переменная инвестиций в основной капитал сельскохозяйственного сектора положительно влияет на СФП с лагом в один год (для всех вариантов расчета СФП) и два года (для некоторых спецификаций моделей). Такая динамика согласуется с инерционностью инвестиционных процессов и соответствует ожиданиям. В 2/3 спецификаций значим и положителен коэффициент при переменной доли фактического уровня финансирования за счет средств бюджета региона.

Таблица 3. Результаты эконометрического моделирования, панель по регионам России, 2015–2022 гг.
 Table 3. Econometric modelling results, panel by Russian regions, 2015–2022

Фактор / Factor		Уравнение для производственной функции / Equation for the production function									
		Кобба–Дугласа / Cobb–Douglas			транслог / Translog			стохастическая производственная граница / Stochastic production frontier			
		продукция в текущих ценах / Products at current prices	продукция в постоянных ценах / Products at constant prices	ВДС / Gross value added	продукция в текущих ценах / Products at current prices	продукция в постоянных ценах / Products at constant prices	ВДС / Gross value added	продукция в текущих ценах / Products at current prices	продукция в постоянных ценах / Products at constant prices	ВДС / Gross value added	10
		2	3	4	5	6	7	8	9		
1											
k		0,231*** (0,020)	0,231*** (0,021)	0,308*** (0,024)	0,144*** (0,032)	0,148*** (0,032)	0,335*** (0,041)	0,244*** (0,012)	0,242*** (0,012)	0,290*** (0,023)	
s		0,156** (0,017)	0,152*** (0,017)	0,057*** (0,020)	0,400*** (0,018)	0,398*** (0,018)	0,294*** (0,023)	0,137*** (0,009)	0,135*** (0,009)	0,038** (0,018)	
k^2					0,016*** (0,006)	0,016*** (0,006)	0,030*** (0,007)				
s^2					0,077*** (0,004)	0,078*** (0,004)	0,079*** (0,005)				
$K \times s$					0,007 (0,009)	0,004 (0,009)	-0,042*** (0,012)				
F – статистика уравнения / F – statistics of equation		272,04 [0,000]	98,63 [0,000]	91,17 [0,000]	390,94 [0,000]	163,88 [0,000]	123,41 [0,000]	2998,11 [0,000]	1392,73 [0,000]	818,19 [0,000]	
F – статистика для индивидуальных эффектов / F – statistics for individual effects		70,69 [0,000]	70,36 [0,000]	85,25 [0,000]	98,87 [0,000]	98,68 [0,000]	121,37 [0,000]				
R^2 внутри / within между / between общий / total		0,813 0,620 0,628	0,611 0,616 0,604	0,592 0,041 0,097	0,893 0,532 0,571	0,778 0,532 0,543	0,725 0,005 0,021				

Продолжение табл. 3 / Continuation of the table 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Число наблюдений / Number of observations	656	656	656	656	656	656	656	656	656
Уравнение для совокупной факторной производительности / Total Factor Productivity Equation									
x_t	-0,009 (0,020)	-0,008 (0,019)	-0,017 (0,022)	-0,021 (0,016)	-0,021 (0,016)	-0,034* (0,019)	-0,010 (0,020)	-0,009 (0,020)	-0,018 (0,022)
x_{t-1}	-0,042** (0,020)	-0,044** (0,020)	0,003 (0,022)	0,005 (0,016)	0,002 (0,016)	0,050** (0,019)	-0,040** (0,020)	-0,042** (0,020)	0,005 (0,022)
x_{t-2}	0,026** (0,011)	0,023** (0,011)	-0,019 (0,012)	0,030*** (0,008)	0,028*** (0,008)	-0,009 (0,010)	0,028*** (0,011)	0,025** (0,011)	-0,016 (0,012)
i_t	-0,013 (0,012)	-0,013 (0,012)	-0,010 (0,013)	0,002 (0,009)	0,002 (0,009)	0,008 (0,011)	-0,014 (0,012)	-0,014 (0,011)	-0,007 (0,012)
i_{t-1}	0,025** (0,011)	0,025** (0,011)	0,028** (0,012)	0,016* (0,009)	0,016* (0,009)	0,021* (0,011)	0,026** (0,011)	0,025** (0,011)	0,028** (0,011)
i_{t-2}	0,008 (0,009)	0,008 (0,009)	0,047*** (0,010)	-0,002 (0,007)	0,003 (0,007)	0,038*** (0,009)	0,010 (0,009)	0,009 (0,009)	0,046*** (0,010)
d	0,030** (0,012)	0,032*** (0,012)	0,015 (0,013)	0,027*** (0,009)	0,029*** (0,009)	0,012 (0,011)	0,029** (0,012)	0,032*** (0,011)	0,016 (0,013)
pp	-0,134** (0,063)	-0,137** (0,063)	-0,203*** (0,069)	-0,052 (0,052)	-0,056 (0,051)	-0,133** (0,063)	-0,135** (0,064)	-0,139** (0,063)	-0,205*** (0,068)
F – статистика уравнения / F – statistics of equation	1,83 [0,037]	1,87 [0,031]	3,44 [0,000]	1,87 [0,032]	1,86 [0,033]	3,27 [0,000]	1,93 [0,025]	1,95 [0,023]	3,40 [0,000]
F – статистика для индивидуальных эффектов / F – statistics for individual effects	86,49 [0,000]	89,22 [0,000]	117,72 [0,000]	239,71 [0,000]	246,03 [0,000]	357,27 [0,000]	88,8 [0,000]	91,86 [0,000]	111,8 [0,000]

Окончание табл. 3 / End of table 3

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
R^2 внутри / within		0,057	0,058	0,101	0,058	0,057	0,097	0,059	0,060	0,100
между / between		0,083	0,109	0,045	0,002	0,003	0,002	0,071	0,095	0,057
общий / total		0,049	0,067	0,047	0,001	0,001	0,003	0,041	0,057	0,057
Число наблюдений / Number of observations		492	492	492	492	492	492	492	492	492

Примечания / Notes.

1. ВДС – валовая добавленная стоимость / GVA – gross value added.

2. Во все уравнения (кроме столбцов 8–10) включены индивидуальные фиксированные эффекты по регионам и по годам / All equations (except columns 8–10) include individual fixed effects by region and fixed effects by year.

3. Обозначение переменных (в логарифмах): k – основные фонды к занятым в сельском хозяйстве (млрд руб. / тыс. чел.), s – посевные площади к занятым в сельском хозяйстве (га/чел.), x – величина государственных субсидий сельскохозяйственным предприятиям на одного занятого по виду деятельности (млн руб. / тыс. чел.), i – инвестиции в основной капитал на одного занятого в сельском хозяйстве (млн руб. / тыс. чел.), d – доля региональных субсидий в общей величине поддержки (%), pp – индекс цен производителей сельскохозяйственной продукции (г/г, %), t – время / Variables (all in logarithms): k – fixed assets to people employed in agriculture (billion rubles / thousand people), s – sown area to people employed in agriculture (he/person), x – amount of state subsidies to agricultural enterprises per person employed by type of activity (million rubles / thousand people), i – investment in fixed capital per person employed in agriculture (million rubles / thousand people), d – share of regional subsidies in total support (%), pp – producer price index for agricultural products (y/y, %), t – time.

4. В круглых скобках – робастные стандартные ошибки коэффициентов, в квадратных – расчетное значение уровня значимости p для статистик / Robust standard errors of coefficients are in parentheses, calculated value of significance level p for statistics is in square brackets.

5. Уровень значимости коэффициентов: *** – 1 %, ** – 5 %, * – 10 % / Significance level of coefficients: *** – 1 %, ** – 5 %, * – 10 %.

Увеличение СФП при росте доли субсидий за счет регионального бюджета связано с тем, что господдержка на региональном уровне позволяет направить средства в «расшивку» узких мест, как правило, известных местным органам власти и управления. Также, вероятно, региональные программы поддержки более гибкие, чем федеральные, что дает получателям возможность использовать их более эффективно. Коэффициент при переменной индекса цен производителей сельскохозяйственной продукции, которая реализуется сельскохозяйственными организациями, имеет отрицательный знак. Увеличение цен на подобную продукцию обычно отражает ситуацию роста издержек производства, что приводит к снижению СФП.

Все девять уравнений для различных вариантов СФП значимы на уровне 5 %. Также значимы (на уровне 1 %) индивидуальные эффекты, которые выбраны фиксированными по объектам и по времени. При тестировании по Хаусману во всех случаях нулевая гипотеза об отсутствии систематических различий между оценками моделей с фиксированными и случайными индивидуальными эффектами отвергается.

Расчет фиксированных эффектов по регионам в уравнении (4) позволяет выделить те из субъектов Федерации, в которых СФП выше/ниже относительно среднего уровня. Для моделей в столбцах 2 и 5 (см. табл. 3) получены фиксированные эффекты для каждого из регионов. Характерны преимущественно положительные значения для Дальневосточного, Южного и Северо-Кавказского округов, где СФП превышает среднероссийский уровень. Низкий уровень СФП соответствует большинству территорий Северо-Запада.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе эмпирически исследовалось влияние государственных субсидий на совокупную факторную производительность в сельском хозяйстве. Использовались панельные данные по российским регионам.

По результатам проведенных эмпирических расчетов гипотеза подтвердилась. В году субсидирования трансферты из бюджета не влияют на СФП в сельском хозяйстве. Через год – СФП снижается с ростом величины субсидий. Это в целом соответствует теории, согласно которой трансферты на сельское хозяйство негативно сказываются на продуктивности, поскольку субсидируемые производители меньше мотивированы к оптимизации затрат и инвестированию в развитие своей деятельности. Также господдержка приводит к смягчению бюджетного ограничения сельскохозяйственных организаций и, как следствие, к неэффективному использованию ими ресурсов [1; 20].

Спустя два года после выделения господдержки СФП нарастает с усилением субсидирования. Это связано с повышением продуктивности хозяйства. В частности, производители сельскохозяйственной продукции могут за счет субсидий увеличить собственные финансовые ресурсы, получить доступ к кредитам, снизить риск инвестиций в некоторые дополнительные сферы производства [1].

Выявлено, что субсидии на сельское хозяйство оказывают разнонаправленное воздействие на СФП в зависимости от количества лет после осуществления финансирования: в году субсидирования влияние трансфертов незначимо; через год – СФП снижается с повышением объема субсидий; спустя два года – увеличивается с ростом субсидирования. Полученные результаты в части негативного

эффекта соотносятся с выводами в¹⁴ [1], в части позитивного влияния – в¹⁵ [1; 21]. Направление влияния субсидий по лагам соответствует расчетам в [7].

Авторы [20] сделали вывод о том, что эффект субсидирования зависит от применяемых инструментов моделирования. Отличают представленную работу показанная устойчивость полученных эмпирических результатов, а также состав объясняющих переменных в уравнении для СФП.

Расчет фиксированных эффектов по регионам позволил выделить субъекты Федерации, СФП в которых выше/ниже относительно среднего уровня. В частности, СФП выше в таких регионах, как Белгородская область, Чукотский автономный округ, Магаданская область, Республики Северная Осетия–Алания и Тыва; ниже – в Псковской области, городах Москве и Санкт-Петербурге, Республике Карелия, Архангельской области.

Отметим, что программы государственной поддержки сельского хозяйства способствуют, с одной стороны, развитию сельскохозяйственного бизнеса, с другой – повышению дисбаланса между неэффективными и эффективными аграрными организациями, что снижает мотивацию к инновациям. В связи с этим смещение акцента в подобных программах на поддержку системы производства и услуг в целом (развитие инфраструктуры, институтов и т. п.)¹⁶, а не отдельных товаропроизводителей позволит повысить эффективность деятельности сектора. Также целесообразно предоставление субъектам России бóльших полномочий в проведении стимулирующей политики.

Результаты исследования могут быть полезны государственным органам для корректировки мероприятий экономической политики в аграрном секторе; Банку России при выработке монетарной политики; организациям сельского хозяйства для повышения результативности субсидий, а также научному сообществу для дальнейших разработок.

Ограничением проведенных в настоящем исследовании модельных расчетов выступает неучет ряда факторов, таких как климатические условия, инфраструктура ведения агробизнеса, институциональные характеристики регионов, что представляется возможным реализовать в рамках дальнейшей работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Garrone M., Emmers D., Lee H., Olper A., Swinnen J. Subsidies and Agricultural Productivity in the EU. *Agricultural Economics*. 2019;50(6):803–817. <https://doi.org/10.1111/agec.12526>
2. Baráth L., Fertő I., Bojnec Š. The Effect of Investment, LFA and Agri-Environmental Subsidies on the Components of Total Factor Productivity: The Case of Slovenian Farms. *Journal of Agricultural Economics*. 2020;71(3):853–876. <https://doi.org/10.1111/1477-9552.12374>

¹⁴ Alston J.M., James J.S. The Incidence of Agricultural Policy. In: B.L. Gardner, G.C. Rausser (eds.) *Handbook of Agricultural Economics*. North-Holland: Elsevier; 2002. Vol. 2, part B. Pp. 1689–1749 ; Rizov M., Pokrivcak J., Ciaian P. CAP Subsidies and Productivity of the EU Farms. *Journal of Agricultural Economics*. 2013;64(3):537–557. <https://doi.org/10.1111/1477-9552.12030>

¹⁵ Blancard S., Boussemart J.-P., Briec W., Kerstens K. Short- and Long-Run Credit Constraints in French Agriculture: A Directional Distance Function Framework Using Expenditure-Constrained Profit Functions. *American Journal of Agricultural Economics*. 2006;88(2):351–364. <https://doi.org/10.1111/j.1467-8276.2006.00863.x>

¹⁶ В том числе, возможно, с акцентом на регионы, неблагоприятные для сельскохозяйственного производства (по: О внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 26.01.2017 г. № 104-р: распоряжение Правительства РФ от 12.01.2021 № 10-р [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400091910/> (дата обращения: 19.12.2024)).

3. Khafagy A., Vigani M. Technical Change and the Common Agricultural Policy. *Food Policy*. 2022;(109):102267. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2022.102267>
4. Сеитов С.К. Совокупная факторная производительность в сельском хозяйстве регионов России. *Экономика региона*. 2023;19(4):1194–1208. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-18>
5. Шик О.В., Серова Е.В., Янбых Р.Г. Исследование системы бюджетной поддержки аграрного сектора в России. *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2020;(2):145–167. URL: <https://vgmu.hse.ru/article/view/25134/20654> (дата обращения: 19.12.2024).
6. Petrick M., Kloss M. Identifying Agricultural Factor Productivity from Micro-Data: A Review of Approaches with an Application to EU Countries. *German Journal of Agricultural Economics*. 2018;67(2):67–79. <https://doi.org/10.52825/gjae.v67i2.2095>
7. Васильева О.Г., Билько А.М. Государственные субсидии и производительность сельскохозяйственных предприятий на примере российского Дальнего Востока. *Вопросы экономики*. 2022;(2):120–146. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-2-120-146>
8. Светлов Н.М., Янбых Р.Г., Логинова Д.А. О неоднородности эффектов господдержки сельского хозяйства. *Вопросы экономики*. 2019;(4):59–73. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-4-59-73>
9. Абрамов А.Е., Джаохадзе Е.Д., Радыгин А.Д., Чернова М.И. Совокупная факторная производительность российских компаний: оценки, тренды и факторы динамики. *Вопросы экономики*. 2023;(11):5–27. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-5-27>
10. Siximbayeva G., Shayakhmetova K., Yernazarova U., Ruzanov R. Efficiency of Agriculture Subsidies in Kazakhstan. *Central European Journal of Public Policy*. 2025;19(1):22–37. <https://doi.org/10.2478/cejpp-2025-0003>
11. Калинин А.М., Самохвалов В.А. Эффективность финансовой поддержки сельского хозяйства: общая оценка и межбюджетный эффект. *Проблемы прогнозирования*. 2020;(5):142–152. URL: <https://clck.ru/3RNhSw> (дата обращения: 19.12.2024).
12. Самыгин Д., Барышников Н. Окупаемость бюджетной поддержки сельского хозяйства. *Экономика сельского хозяйства России*. 2020;(6):26–30. <https://doi.org/10.32651/206-26>
13. Сеитов С.К. Субсидирование как фактор обеспечения эффективности и инновационного развития сельского хозяйства в Казахстане. *Аграрный вестник Урала. Спецвыпуск «Экономика»*. 2022:90–104. <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-228-13-90-104>
14. Сеитов С.К. Субсидирование как мера повышения производительности факторов в сельском хозяйстве России. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*. 2022;(6):100–122. <https://doi.org/10.38050/01300105202265>
15. Васильева О.Г. Эффекты государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий на Дальнем Востоке России: влияние отраслевой специализации. *Пространственная экономика*. 2022;18(3):93–114. URL: <https://clck.ru/3RNtds> (дата обращения: 19.12.2024).
16. Abukari A.-B.T., Öztornaci B., Veziroğlu P. Total Factor Productivity Growth of Turkish Agricultural Sector from 2000 to 2014: Data Envelopment Malmquist Analysis Productivity Index and Growth Accounting Approach. *Journal of Development and Agricultural Economics*. 2016;8(2):27–38. <http://doi.org/10.5897/JDAE2015.0700>
17. Rada N., Liefert W., Liefert O. Evaluating Agricultural Productivity and Policy in Russia. *Journal of Agricultural Economics*. 2020;71(1):96–117. <http://doi.org/10.1111/1477-9552.12338>
18. Latruffe L., Bravo-Ureta B.E., Carpentier A., Desjeux Y., Moreira V.H. Subsidies and Technical Efficiency in Agriculture: Evidence from European Dairy Farms. *American Journal of Agricultural Economics*. 2017;99(3):783–799. <https://doi.org/10.1093/ajae/aaw077>
19. Rovigatti G., Mollisi V. Theory and Practice of Total-Factor Productivity Estimation: The Control Function Approach Using Stata. *The Stata Journal*. 2018;18(3):618–662. URL: <https://iris.unito.it/handle/2318/1924910> (дата обращения: 19.12.2024).
20. Minviel J.J., Latruffe L. Effect of Public Subsidies on Farm Technical Efficiency: A Meta-Analysis of Empirical Results. *Applied Economics*. 2017;49(2):213–226. <https://doi.org/10.1080/00036846.2016.1194963>
21. Tang Y., Liao H., Wu Y., Lei G. Unravelling the Bidirectional Impact of Chinese Agricultural Subsidy Policy on Agricultural Efficiency and Farmers' Income Through Panel Data Analysis. *Agricultural Economics – Czech*. 2024;70(4):165–177. <https://doi.org/10.17221/335/2023-AGRICECON>

REFERENCES

1. Garrone M., Emmers D., Lee H., Olper A., Swinnen J. Subsidies and Agricultural Productivity in the EU. *Agricultural Economics*. 2019;50(6):803–817. <https://doi.org/10.1111/agec.12526>
2. Baráth L., Fertő I., Bojnec S. The Effect of Investment, LFA and Agri-Environmental Subsidies on the Components of Total Factor Productivity: The Case of Slovenian Farms. *Journal of Agricultural Economics*. 2020;71(3):853–876. <https://doi.org/10.1111/1477-9552.12374>
3. Khafagy A., Vigani M. Technical Change and the Common Agricultural Policy. *Food Policy*. 2022;(109):102267. <https://doi.org/10.1016/j.foodpol.2022.102267>
4. Seitov S.K. Total Factor Productivity in Agriculture in Russian Regions. *Economy of Regions*. 2023;19(4):1194–1208. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-18>
5. Shik O.V., Serova E.V., Yanbykh R.G. Review of the Budget Support System for the Agricultural Sector in Russia. *Public Administration Issues*. 2020;(2):145–167. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vgmu.hse.ru/article/view/25134/20654> (accessed 19.12.2024).
6. Petrick M., Kloss M. Identifying Agricultural Factor Productivity from Micro-Data: A Review of Approaches with an Application to EU Countries. *German Journal of Agricultural Economics*. 2018;67(2):67–79. <https://doi.org/10.52825/gjae.v67i2.2095>
7. Vasilyeva O.G., Bilko A.M. Do Subsidies Drive Productivity? Farm-Level Evidence from the Russian Far East. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;(2):120–146. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-2-120-146>
8. Svetlov N.M., Yanbykh R.G., Loginova D.A. On the Diversity of the Effects of the State Support for Agriculture. *Voprosy Ekonomiki*. 2019;(4):59–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-4-59-73>
9. Abramov A.E., Dzhaokhadze E.D., Radygin A.D., Chernova M.I. Total Factor Productivity of Russian Companies: Assessments, Trends, and Dynamic Factors. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(11):5–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-11-5-27>
10. Siximbayeva G., Shayakhmetova K., Yernazarova U., Ruzanov R. Efficiency of Agriculture Subsidies in Kazakhstan. *Central European Journal of Public Policy*. 2025;19(1):22–37. <https://doi.org/10.2478/cejpp-2025-0003>
11. Kalinin A.M., Samokhvalov V.A. [Effectiveness of Agriculture Financial Support: General Assessment and Intergovernmental Effect.] *Studies on Russian Economic Development*. 2020;(5):142–152. (In Russ.) Available at: <https://clck.ru/3RNhSw> (accessed 19.12.2024).
12. Samygin D., Baryshnikov N. Payback of Budgetary Support for Agriculture. *Economics of Agriculture of Russia*. 2020;(6):26–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32651/206-26>
13. Seitov S.K. Subsidizing as a Factor in the Efficiency and Innovative Development of Agriculture in Kazakhstan. *Agrarian Bulletin of the Urals. Special Issue "Economy"*. 2022:90–104. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2022-228-13-90-104>
14. Seitov S.K. Subsidies as a Measure to Increase Factor Productivity in Agriculture of Russia. *Moscow University Economic Bulletin*. 2022;(6):100–122. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.38050/01300105202265>
15. Vasilyeva O.G. Productivity, Subsidies, and Agricultural Specialization: Evidence from the Russian Far East. *Spatial Ekonomiks*. 2022;18(3):93–114. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RNtds> (accessed 19.12.2024).
16. Abukari A.-B.T., Öztornaci B., Veziroğlu P. Total Factor Productivity Growth of Turkish Agricultural Sector from 2000 to 2014: Data Envelopment Malmquist Analysis Productivity Index and Growth Accounting Approach. *Journal of Development and Agricultural Economics*. 2016;8(2):27–38. <http://doi.org/10.5897/JDAE2015.0700>
17. Rada N., Liefert W., Liefert O. Evaluating Agricultural Productivity and Policy in Russia. *Journal of Agricultural Economics*. 2020;71(1):96–117. <http://doi.org/10.1111/1477-9552.12338>
18. Latruffe L., Bravo-Ureta B.E., Carpentier A., Desjeux Y., Moreira V.H. Subsidies and Technical Efficiency in Agriculture: Evidence from European Dairy Farms. *American Journal of Agricultural Economics*. 2017;99(3):783–799. <https://doi.org/10.1093/ajae/aaw077>
19. Rovigatti G., Mollisi V. Theory and Practice of Total-Factor Productivity Estimation: the Control Function Approach Using Stata. *The Stata Journal*. 2018;18(3):618–662. Available at: <https://iris.unito.it/handle/2318/1924910> (accessed 19.12.2024).

20. Minviel J.J., Latruffe L. Effect of Public Subsidies on Farm Technical Efficiency: A Meta-Analysis of Empirical Results. *Applied Economics*. 2017;49(2):213–226. <https://doi.org/10.1080/00036846.2016.1194963>
21. Tang Y., Liao H., Wu Y., Lei G. Unravelling the Bidirectional Impact of Chinese Agricultural Subsidy Policy on Agricultural Efficiency and Farmers' Income through Panel Data Analysis. *Agricultural Economics – Czech*. 2024;70(4):165–177. <https://doi.org/10.17221/335/2023-AGRICECON>

Об авторах:

Сергей Валентинович Арженовский, доктор экономических наук, профессор, консультант экономического отдела Отделения по Ростовской области Южного главного управления Центрального банка Российской Федерации (344006, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр-кт Соколова, д. 22-а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8692-7883>, Researcher ID: L-2758-2016, Scopus ID: 56685608200, SPIN-код: 8388-9604, sarzhenov@gmail.com

Екатерина Сергеевна Гребенкина, главный экономист экономического управления Южного главного управления Центрального банка Российской Федерации (350000, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. им. Кондратенко Н.И., д. 12), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6847-3567>, ges82@inbox.ru

Вклад авторов:

С. В. Арженовский – разработка концепции; разработка методологии; формальный анализ; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Е. С. Гребенкина – проведение исследования; валидация результатов; визуализация.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 22.03.2025; одобрена после рецензирования 10.07.2025; принята к публикации 24.07.2025.

About the authors:

Sergey V. Arzhenovskiy, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Consultant of Economic Department Rostov Regional Division of the Southern Main Branch of the Central Bank of the Russian Federation (22-a Prospekt Sokolova, Rostov-on-Don 344006, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8692-7883>, Researcher ID: L-2758-2016, Scopus ID: 56685608200, SPIN-code: 8388-9604, sarzhenov@gmail.com

Ekaterina S. Grebenkina, Chief Economist of Economic Department, Southern Main Branch of the Central Bank of the Russian Federation (12 Kondratenko St., Krasnodar 350000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-6847-3567>, ges82@inbox.ru

Contribution of the authors:

S. V. Arzhenovskiy – conceptualization; methodology; formal analysis; writing, review and editing.

E. S. Grebenkina – investigation; validation; visualization.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 22.03.2025; revised 10.07.2025; accepted 24.07.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.078-099><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/ftglkv>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 33:353 (470+571)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Особенности проявления межрегионального сходства
в долгосрочной динамике валового регионального
продукта на душу населения субъектов РФ**

С. М. Васин ✉

Л. А. Гамидуллаева

Пензенский государственный университет, <https://ror.org/056r5vk88>
(г. Пенза, Российская Федерация)
✉ pspu-met@mail.ru

Аннотация

Введение. Территории государств разбалансированы по социально-экономическому развитию, что является одной из наиболее весомых проблем региональной экономики. Цель исследования – выявление специфики межрегионального сходства на основе оценки долгосрочной динамики изменений уровня валового регионального продукта на душу населения субъектов Российской Федерации.

Материалы и методы. Статистическая информация о динамике валового регионального продукта на душу населения охватывает период в 23 года (2000–2022 гг.) и отражает различия в изменениях данного показателя для 85 субъектов РФ. Последние были объединены в 9 групп методом, основанным на ранжировании и персентелях, и визуализированы как тепловая карта. Для количественной оценки сходства субъектов РФ в динамике валового регионального продукта на душу населения проведены расчеты межранговой корреляции Спирмена и определены соответствующие коэффициенты для каждой пары акторов с помощью программного пакета Statistica 10. Предложена методика определения особенностей конкретного субъекта в части его количественного и качественного сходства с другими регионами РФ по характеру долгосрочной динамики валового регионального продукта на душу населения.

Результаты исследования. Установлено, что группы субъектов с самым высоким и, напротив, наиболее низким уровнем валового регионального продукта на душу населения проявляют в среднем меньшее число сходств с другими регионами в долгосрочной динамике показателя. Определена специфика изменений в характере межрегиональных сходств: число сходных случаев с субъектами, имеющими менее высокий валовой региональный продукт на душу населения, растет при оценке регионов поочередно от первой к девятой группе.

© Васин С. М., Гамидуллаева Л. А., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Полученные результаты подтверждены предыдущими исследованиями. Они применимы в разработке стратегических решений регионального развития органами власти субъектов РФ и проектными организациями, ориентируясь на проведение сопоставительного анализа вероятных эффектов их реализации в сходных и в более результативных субъектах.

Ключевые слова: регион, региональное развитие, межрегиональные сравнения, межрегиональная дифференциация, сходство регионов, ВРП на душу населения, субъект РФ, межранговая корреляция Спирмена

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда в рамках реализации проекта «Модели и механизмы оптимизации структуры региональной экономики в целях устойчивого развития промышленности» (№ 25-28-20328, <https://rscf.ru/project/25-28-20328/>).

Для цитирования: Васин С.М., Гамидуллаева Л.А. Особенности проявления межрегионального сходства в долгосрочной динамике валового регионального продукта на душу населения субъектов РФ. *Регионоведение*. 2026;34(1):078–099. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.078-099>

Features of the Manifestation of Interregional Similarity in the Long-Term Dynamics of Gross Regional Product Per Capita of the Subjects of the RF

S. M. Vasin ✉, L. A. Gamidullaeva
Penza State University, <https://ror.org/056r5vk88>
(Penza, Russian Federation)
✉ pspu-met@mail.ru

Abstract

Introduction. The significant imbalance of the territories of different states in terms of socio-economic development is one of the most significant problems of the regional economy. The purpose of this study is to identify the specifics of the manifestation of interregional similarity based on an assessment of the long-term dynamics of changes in the level of GRP per capita in the subjects of the Russian Federation.

Materials and Methods. Statistical information indicating the dynamics of GRP per capita covered a period of 23 years (2000–2022) and reflected differences in changes in this indicator for 85 subjects of the Russian Federation, which were grouped into 9 groups using a ranking and percentile method and visualized on the heat map of Russia. To quantify the similarity of the subjects of the Russian Federation in the dynamics of GRP per capita, calculations of the Spearman inter-rank correlation were carried out and the corresponding coefficients for each pair of subjects of the Russian Federation were determined using the Statistica software package. A methodology is proposed for determining the characteristics of a particular subject in terms of its quantitative and qualitative similarity to other regions of the Russian Federation in terms of the long-term dynamics of GRP per capita.

Results. It was found that groups of regions with the highest and, conversely, the lowest levels of gross regional product per capita exhibit, on average, fewer similarities with other regions in the long-term dynamics of this indicator. A specific pattern of changes in the nature of interregional similarities was identified: the number of similar cases with regions with lower gross regional product per capita increases as regions are assessed successively from the first to the ninth group.

Discussion and Conclusion. The results have been confirmed by previous studies. They are applicable in the development of strategic solutions for regional development by the authorities of the constituent entities of the Russian Federation and project organizations, focusing on a comparative analysis of the likely effects of their implementation in similar and more effective subjects.

Keywords: region, regional development, interregional comparisons, interregional differentiation, similarity of regions, GRP per capita, subject of the Russian Federation, inter-rank Spearman correlation

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation as part of the project “Models and Mechanisms for Optimizing the Structure of the Regional Economy for Sustainable Industrial Development” № 25-28-20328 (<https://rscf.ru/project/25-28-20328/>).

For citation: Vasin S.M., Gamidullaeva L.A. Features of the Manifestation of Interregional Similarity in the Long-Term Dynamics of Gross Regional Product Per Capita of the Subjects of the RF. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):078–099. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.078-099>

ВВЕДЕНИЕ

Множество вопросов пространственного развития, оптимизации региональной структуры, эффективности агломерационных и дезагломерационных процессов связано с особенностями конкретного государства или его субъекта, с закономерностями межрегиональных сходств и различий. Часто траектории роста регионов существенно различаются в пределах одной страны [1], региональные прогнозы могут не совпадать с общегосударственными, и следовательно, не выступают значимым ориентиром для принятия решений на локальном уровне¹. При этом регионы нередко имеют открытые, небольшие и тесно взаимосвязанные структуры экономики, что подразумевает высокую степень взаимодействия между соседними территориями [2].

Важным аспектом межрегионального балансирования является понимание территориальной специфики в части уникальности или, напротив, унификации признаков состояния каждого региона. При этом значимы, с одной стороны, уровень развития субъекта, с другой – возможность повторения траектории его движения другим регионом.

Высокий уровень развития и/или уникальности территориальных свойств осложняет, а чаще всего делает невозможным повторение пути регионального становления для прочих акторов. Если свойства территории достаточно универсальны, траектория ее развития будет привлекательна вследствие относительной доступности инструментов и ресурсов для создания похожих сценариев ведения хозяйства. Низкий уровень развития региона обуславливает непривлекательность траектории его формирования даже при доступности ресурсов и инструментов управления.

Существующие подходы к оценке региональной дифференциации, как правило, сфокусированы на анализе абсолютных значений или трендов в целом по стране с использованием методов вроде σ - и β -конвергенции либо коэффициентов вариации. При этом недостаточно внимания уделяется парному сравнительному анализу долгосрочных динамических траекторий конкретных регионов. Такой анализ мог бы выявить не только статистическую дифференциацию, но и степень уникальности или, напротив, универсальности траектории развития каждого субъекта, что критически важно для реалистичного стратегического планирования и бенчмаркинга.

Цель исследования – определить специфику проявления межрегионального сходства на основе оценки долгосрочной динамики изменений уровня валового регионального продукта (ВРП) на душу населения субъектов Российской Федерации.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблема неравномерного пространственного развития ряда государств многие годы активно исследуется в поисках причин и вариантов разрешения [3]. Так,

¹ Kholodilin K.A., Siliverstovs B., Kooths S. A Dynamic Panel Data Approach to the Forecasting of the GDP of German Länder. *Spatial Economic Analysis*. 2008;3(2):195–207. <https://doi.org/10.1080/17421770801996656>

экономика Китая, переориентированная в последние годы со стратегии быстрого роста на качественное развитие, испытывает значительные трудности [4] из-за глубоких межрегиональных диспропорций [5]. Западные районы Турции более развиты и индустриализированы по сравнению с восточными, и степень этих различий выше, чем в Европейском союзе и других развитых странах [6; 7].

Для России данная проблема также актуальна, несмотря на социально-экономически и юридически равнозначное положение субъектов согласно Конституции РФ² (с некоторыми асимметриями российского федерализма³). Дифференциация по социально-экономическому развитию до настоящего времени остается значительной, поскольку одни территории способны оперативно накапливать ресурсы, другим для этого нужно больше времени и вложений⁴.

Ряд документов на уровне Правительства РФ оценивает динамику межрегиональной дифференциации неоднозначно [8, с. 57]. Аналитические данные свидетельствуют об устойчивости неравномерного регионального развития по уровню ВРП на душу населения; отмечено снижение степени дифференциации в годы с низким темпом прироста ВРП [9, с. 62]. При достаточно глубокой и достоверной аналитике в подобных работах скупно представлены меры по уменьшению неравномерного развития, а случаи с наиболее развитыми субъектами принято называть статистическими выбросами, хотя они дают максимальный экономический результат в индикаторах государственного масштаба.

Оценка развития регионов по величине ВРП на душу населения широко распространена. Этот параметр, наряду с занятостью, доходом на душу населения, производительностью, инвестициями, выступает стандартной мерой, часто используемой для характеристики экономических показателей субъектов [10–13]. В частности, в исследовании [14] определяется логика регионального развития, отражающая динамику ВРП в корреляции с уровнем взаимодействия города и деревни и с акцентом на динамике приграничных городских районов.

Область изучения влияния отраслевой динамики на результативность регионального развития характеризуется широким спектром подходов. В работах [15; 16] подробно рассматривается влияние транспортной инфраструктуры на экономическое развитие регионов, отраженное в величине ВРП на душу населения. Секторы услуг (в сфере недвижимости и аренды, строительства, финансового посредничества и страхования, деловых услуг и др.), значимые для экономического роста муниципальных районов одного из штатов Бразилии, воздействие которых выражено в динамике ВРП на душу населения и его занятости, определены в [17]. Особое внимание отводится оценке процессов цифровизации для экономического роста и снижения межрегиональной дифференциации [18].

Вместе с тем в поле научного внимания редко попадают подходы, сопоставляющие регионы между собой по уровню динамики ВРП на душу населения. В одной из таких работ осуществляется анализ межрегиональной дифференциации по ВРП

² Субочев Р.А. Неравномерность развития регионов России как угроза экономической безопасности. *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2020;(25):146–149. <https://www.elibrary.ru/jcfphd>

³ Васин С.М. Трансформация социально-экономической системы региона: дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2007. С. 176.

⁴ Сидорова П.С., Бочков И.Ю., Мирошниченко С.Е. Проблема неравномерности развития регионов в России. *Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования*. 2019;(1):179–181. <https://www.elibrary.ru/bljvut>

на душу населения за период с 1990 по 2011 гг.⁵ Позже проводились подобные исследования за 2012–2020 гг. с более широким набором показателей, включая ВРП на душу населения [19]. По итогам последних был сделан вывод о тенденции к некоторому сближению регионов в целом по стране. В публикации [8], посвященной периоду с 2001 по 2019 год, для решения аналогичных задач показатель ВРП на душу населения использовался в вариантах текущих и фиксированных цен (в ценах базового года).

Выбор метода классификации регионов по значению результативного показателя играет важную роль для последующей работы и зависит от целей исследования. В отличие от методов кластерного анализа, когда применяется комплекс параметров для формирования относительно обособленных групп [20] или классификации по уровню выбранного индикатора⁶ [21], методы равных интервалов (для различных компонент) [22], Стерджеса⁷ [23], квартилей (квнтилей, децилей) [8; 24], естественных разрывов⁸ и др. используются, как правило, если группировка осуществляется по какому-либо критерию, анализируемому в определенных целях.

Каждый метод имеет преимущества и недостатки. В частности, методы равных интервалов и Стерджеса могут не отражать реальную структуру данных при, например, значительном статистическом выбросе по одному-двум субъектам; метод квартилей (квнтилей, децилей) может помещать близкие по значению субъекты в разные группы; метод естественных разрывов нередко вызывает вопросы о результатах классификации вследствие не всегда понятных алгоритмических механизмов.

Таким образом, серьезным пробелом в поле имеющихся исследований является отсутствие разработок попарного межрегионального сходства для каждого региона, что мешает в полной мере определить индивидуальность или универсальность развития конкретной территории в пределах одного государства. Это ограничивает возможности регионального планирования и реализацию уникального потенциала субъекта страны. Восполнение указанного пробела даст возможность понять причины того или иного положения каждого субъекта, а также вероятность осуществления различных вариантов его дальнейшего формирования.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

База данных исследования представляет собой систематизированный массив статистических сведений о динамике изменения ВРП на душу населения в разрезе субъектов РФ за период с 2000 по 2022 год (23 года).

Источниками первичных данных послужили официальный портал Федеральной службы государственной статистики (Росстат), а также региональные статистические сборники, использованные для верификации отдельных значений⁹.

⁵ Морощкина М.В. Межрегиональная дифференциация субъектов Российской Федерации. *Экономический анализ: теория и практика*. 2014;(45):20–28. <https://www.elibrary.ru/szutvv>

⁶ Ващейкин И.В. Классификация регионов ЦФО по структуре рынков государственных закупок. *Инновации в АПК: проблемы и перспективы*. 2020;(3):141–145. <https://www.elibrary.ru/vnskfa>

⁷ Sturges H.A. The Choice of a Class Interval. *Journal of the American Statistical Association*. 1926;21(153):65–66. <https://doi.org/10.1080/01621459.1926.10502161>

⁸ Винников И.А., Коннова Л.П., Маевский Е.В. Многомерная классификация регионов России по динамике их развития. *Современная математика и концепции инновационного математического образования*. 2014;1(1):96–102. <https://elibrary.ru/twkwgz>

⁹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения: 14.09.2025).

При этом данные за 2023–2025 годы не включены ввиду их неполноты на момент проведения исследования.

Пространственно база охватывает 85 субъектов РФ; четыре новых региона не вошли в анализ из-за отсутствия полных статистических данных за исследуемый период.

Основные показатели для каждого субъекта РФ и года наблюдения следующие: номинальное значение ВРП на душу населения (тыс. руб.); разности ВРП на душу населения (Δ ВРП), рассчитанные как разница между значениями показателя за смежные годы; принадлежность региона к одной из девяти групп по уровню ВРП на душу населения (по состоянию на 2022 год); коэффициент корреляции Спирмена (ρ), отражающий парную корреляцию динамики Δ ВРП двух субъектов за весь период наблюдения; суммарное число сходств региона с другими субъектами (Σ), учитывающее весовой коэффициент 0,5 для умеренных сходств (при $0,5 < \rho \leq 0,7$); интегральный показатель специфики региона, характеризующий распределение его сходств по группам с учетом номеров групп и весовых коэффициентов.

Обработка данных осуществлялась с применением ряда методов. Для устранения нестационарности временных рядов производился расчет разностей Δ ВРП. Коэффициенты корреляции Спирмена вычислялись с использованием программного обеспечения Statistica 10. Группировка регионов по персентилям выполнялась на основе данных за 2022 год. Автоматизированный расчет показателей Σ и R реализовывался посредством скриптов на Python/R. Для визуализации результатов применялись тепловые карты (Tilemapper), а также графики, построенные в MS Excel и Matplotlib.

Группировка регионов РФ по уровню ВРП на душу населения. Для выявления закономерностей межрегиональных соотношений субъекты РФ были объединены в девять групп в зависимости от показателя ВРП на душу населения по итогам 2022 года. Принцип группировки основывался на ранжировании регионов от максимального к минимальному значению с последующим делением на персентилям и является прямым, прозрачным и статистически обоснованным для поставленной задачи. Разбивка регионов на группы осуществлялась с учетом фиксированного и заранее заданного количества субъектов.

В первые восемь групп включены по десять регионов, что обеспечивает их сопоставимость по мощности и упрощает сравнительный анализ. Девятая состоит из пяти регионов-аутсайдеров с наименьшими значениями показателя, которые качественно отличаются от остальных. Такой подход согласуется с концепцией персентилей: например, регион на 10-м месте соответствует примерно 12-му персентилю ($10 / 85 \times 100 \% \approx 11,8 \%$), на 80-м месте – 94-му персентилю ($80 / 85 \times 100 \% \approx 94,1 \%$).

Преимущество данного метода заключается в устойчивости к статистическим выбросам, что отличает его от правила Стерджеса и ряда иных подходов. Классификация позволяет наглядно продемонстрировать положение каждого региона в общей совокупности и обеспечить корректное сопоставление групп.

Визуализация данных. Для наглядного представления результатов группировки применен метод построения тепловой карты территории Российской Федерации (с использованием программного обеспечения Tilemapper). Субъекты РФ

закрашивались различными цветами в зависимости от принадлежности к одной из девяти групп по уровню ВРП на душу населения.

Количественная оценка сходств динамики ВРП на душу населения (2000–2022 гг.). Анализ межрегиональных сходств проводился на основе ежегодных изменений ВРП на душу населения, а не абсолютных значений показателя (что чаще всего встречается в исследованиях). В связи с этим для каждого региона рассчитывались разности:

$$\begin{aligned} & - \Delta \text{ВРП}_{2001} = \text{ВРП}_{2001} - \text{ВРП}_{2000}; \\ & - \Delta \text{ВРП}_{2002} = \text{ВРП}_{2002} - \text{ВРП}_{2001} \text{ и т. д.} \end{aligned}$$

Использование разностей позволило устранить проблему нестационарности и существенно снизить влияние автокорреляции, обусловленной общим трендом.

Кроме того, для оценки межрегиональных сходств в динамике разностей ВРП на душу населения рассчитывался коэффициент корреляции Спирмена (ρ) для каждой пары субъектов. Названный непараметрический метод оценивает монотонную (в том числе нелинейную) связь, не требует нормального распределения данных, оперирует рангами значений и демонстрирует устойчивость к выбросам.

При интерпретации результатов осуществлялось трехмерное разграничение:

- 1) «различие» – при слабой ($\rho \leq 0,5$) или недоказанной корреляции ($\rho > 0,05$);
- 2) «умеренное сходство» – при $0,5 < \rho \leq 0,7$;
- 3) «максимальное сходство» – при $\rho > 0,7$.

Методика определения особенностей субъекта РФ. Разработана методика, позволяющая оценить специфику отдельного субъекта РФ через призму его сходства с другими регионами по долгосрочной динамике разностей ВРП на душу населения. Она учитывает, во-первых, общее количество сходств субъекта с остальными регионами страны; во-вторых – приоритетность сходств с регионами различных выделенных групп (согласно приведенной выше группировке).

Определение региональных особенностей осуществлялось по формуле:

$$\begin{aligned} R = & \frac{S_1^m + 0,5S_1^u}{S^m + 0,5S^u} 1 + \frac{S_2^m + 0,5S_2^u}{S^m + 0,5S^u} 2 + \frac{S_3^m + 0,5S_3^u}{S^m + 0,5S^u} 3 + \frac{S_4^m + 0,5S_4^u}{S^m + 0,5S^u} 4 + \frac{S_5^m + 0,5S_5^u}{S^m + 0,5S^u} 5 + \\ & \frac{S_6^m + 0,5S_6^u}{S^m + 0,5S^u} 6 + \frac{S_7^m + 0,5S_7^u}{S^m + 0,5S^u} 7 + \frac{S_8^m + 0,5S_8^u}{S^m + 0,5S^u} 8 + \frac{S_9^m + 0,5S_9^u}{S^m + 0,5S^u} 9, \end{aligned}$$

где R – численное значение, отражающее специфику субъекта РФ в части проявления сходств с другими регионами;

S^m – количество максимальных сходств конкретного субъекта РФ с другими регионами по оценке корреляции Спирмена ($\rho > 0,7$), $S_1^m, S_2^m, S_3^m, \dots, S_7^m$ – количество максимальных сходств того же субъекта РФ отдельно с регионами каждой из девяти выделенных групп;

S^u – количество умеренных сходств конкретного субъекта РФ с другими регионами по оценке корреляции Спирмена ($0,5 < \rho < 0,7$), $S_1^u, S_2^u, S_3^u, \dots, S_7^u$ – количество умеренных сходств того же субъекта РФ отдельно с регионами каждой из девяти выделенных групп. Коэффициент 0,5 снижает в 2 раза их значения вследствие относительно невысокого уровня межрегионального сходства;

коэффициенты 1–9 соотносятся с номерами классификационных групп, усиливают вклад сходств с соответствующими группами.

Без применения коэффициентов 1–9 результат расчета всегда равнялся бы единице. Коэффициенты позволяют выявить, с регионами какой группы конкретный субъект имеет наибольшее сходство в динамике разностей ВРП на душу населения.

Указанные коэффициенты введены с целью увеличения значений частного от деления количества сходств конкретного региона с субъектами определенной группы на общее число сходств этого региона. Это позволяет выявить уровень развития субъектов, с которыми конкретный регион имеет большее сходство в динамике разностей ВРП на душу населения. Например, коэффициент «1», соответствующий первой классификационной группе, не изменит частного от деления числа сходств выбранного субъекта с регионами первой группы на общее число сходств, а коэффициент «9», соответствующий девятой группе, значительно увеличит результат аналогичной операции, что покажет существенное контрастирующее влияние на конечный результат и наглядно отразит специфику субъекта РФ в части сравнения с другими регионами.

Расчет осуществлялся в программе MS Excel в два этапа. Первоначально подсчитывалось количество субъектов, проявивших сходство с анализируемым регионом, согласно значениям коэффициента корреляции Спирмена. Затем, с помощью программной функции расчета, определялись соответствующие особенности межрегионального сходства для каждого субъекта.

Результаты расчета по приведенной формуле показывают исключительно специфику субъекта РФ с точки зрения сходства с другими регионами, что выступает основой для выявления особенностей проявления межрегионального сходства. Данная разработка имеет перспективное применение, поскольку может быть использована с целью межрегионального сравнения динамики различных показателей, характеризующих уровень развития каждого конкретного субъекта.

Визуализация и интерпретация результатов. Для демонстрации итогов анализа использовались диаграммы и графики по группам регионов; графики, предоставляющие информацию обо всех субъектах РФ в части числа и характера их сходств между собой по группам регионов. Их построение проводилось по одному шаблону с идентичными шкалами для возможности сравнения всех субъектов между собой. Левая ось отражает общее число выявленных сходств субъектов с другими регионами (Σ), правая – их специфику (R).

Интерпретация показателя R : высокое значение указывает на большое число сходств или на сходство с менее развитыми регионами; низкое – на индивидуальность региона либо на его сходство с более развитыми субъектами.

Названные характеристики способны компенсировать друг друга таким образом, что в отдельных случаях при низком общем числе межсубъектных сходств значение R может быть существенным вследствие определенного характера данных сходств (их больше с регионами, имеющими низкий уровень ВРП на душу населения).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Визуализация пространственного распределения ВРП на душу населения. На основании группировки регионов РФ по уровню ВРП на душу населения (2022 г.) построена тепловая карта территории страны (рис. 1). Каждый цвет на карте соответствует одной из девяти групп регионов, сформированных по принципу перцентильного распределения.

Оценка межрегионального сходства посредством корреляционного анализа. С использованием описанной методики проводились расчеты корреляции Спирмена для оценки межрегионального сходства между всеми субъектами РФ.

Р и с. 1. Тепловая карта регионов РФ по уровню ВРП на душу населения в 2022 г.:

Fig. 1. Heat map of the regions of the Russian Federation according to the level of GRP per capita in 2022:

- 1-я группа (1–10-е места): МСК – г. Москва, СПб – г. Санкт-Петербург; МАГ – Магаданская область, МУР – Мурманская область, НЕН – Ненецкий автономный округ (АО), ЯКУ – Республика Саха (Якутия), САХ – Сахалинская область, ХАН – Ханты-Мансийский АО – Югра, ЧУК – Чукотский АО, ЯМА – Ямало-Ненецкий АО / 1st group (1st–10th places): MOW – Moscow, SPB – St. Petersburg, MAG – Magadan Region, MUR – Murmansk Region, NEN – Nenets Autonomous Area (AA), SAH – Republic of Sakha (Yakutia), SAK – Sakhalin Region, KHM – Khanty-Mansi AA – Yugra, CHU – Chukotka AA, YAN – Yamal-Nenets AA;
- 2-я группа (11–20-е места): БЕЛ – Белгородская область, ИРК – Иркутская область, КАМ – Камчатский край, КРН – Красноярский край, МОБ – Московская область, ОРЕ – Оренбургская область, КОМ – Республика Коми, ТАГ – Республика Татарстан, ГМН – Тюменская область без АО / 2nd group (11th–20th places): BEL – Belgorod Region, VLG – Volgograd Region, IRK – Irkutsk Region, KAM – Kamchatka Territory, KYA – Krasnoyarsk Territory, MOS – Moscow Region, ORE – Orenburg Region, KOM – Komi Republic, TAT – Republic of Tatarstan, TYU – Tyumen Region without AA;
- 3-я группа (21–30-е места): АМУ – Амурская область, АСТ – Астраханская область, КЕМ – Кемеровская область, ЛЕН – Ленинградская область, ПЕР – Пермский край, ПРИ – Приморский край, САМ – Самарская область, СВЕ – Свердловская область, ТОМ – Томская область, ХАБ – Хабаровский край / 3rd group (21st–30th places): AMU – Amur Region, AST – Astrakhan Region, KEM – Kemerovo Region, LEN – Leningrad Region, PER – Perm Territory, PRI – Primorye Territory, SAM – Samara Region, SVE – Sverdlovsk Region, TOM – Tomsk Region, KHA – Khabarovsk Territory;
- 4-я группа (31–40-е места): АРХ – Архангельская область без АО, КЛН – Калининградская область, КРД – Краснодарский край, ЛИП – Липецкая область, НИЖ – Нижегородская область, НСК – Новосибирская область, КРЛ – Республика Карелия, ТУЛ – Тульская область, УДМ – Удмуртская Республика, ЧЕЛ – Челябинская область / 4th group (31st–40th places): ARK – Arkhangelsk Region without AA, KAG – Kaliningrad Region, KRA – Krasnodar Territory, LIP – Lipetsk Region, NIZ – Nizhny Novgorod Region, NVS – Novosibirsk Region, KAR – Republic of Karelia, TUL – Tula Region, UDM – Udmurtian Republic, CHE – Chelyabinsk Region;
- 5-я группа (41–50-е места): ВЛА – Владимирская область, ВРН – Воронежская область, КЛЖ – Калужская область, КСК – Курская область, НВГ – Новгородская область, ХАК – Республика Хакасия, РСТ – Ростовская область, РЭН – Рязанская область, СМО – Смоленская область, ЯРО – Ярославская область / 5th group (41st–50th places): VLA – Vladimir Region, VOR – Voronezh Region, KAL – Kaluga Region, KUR – Kursk Region, NGR – Novgorod Region, KHK – Republic of Khakassia, ROS – Rostov Region, RYA – Ryazan Region, SMO – Smolensk Region, YAR – Yaroslavl Region;
- 6-я группа (51–60-е места): ВГТ – Волгоградская область, ЕБР – Еврейская автономная область, ТМБ – Тамбовская область, ТВЕ – Тверская область, УЛН – Ульяновская область / 6th group (51st–60th places): VGG – Volgograd Region, JEV – Jewish Autonomous Region, ZAB – Trans-Baikal Territory, OMS – Omsk Region, ORE* – Orel Region, BAS – Republic of Bashkortostan, SAR – Saratov Region, TAM – Tambov Region, TVE – Tver Region, ULY – Ulyanovsk Region;
- 7-я группа (61–70-е места): АЛТ – Алтайский край, БРН – Брянская область, КИР – Кировская область, КОС – Костромская область, КРГ – Курганская область, ПНЗ – Пензенская область, ПСК – Псковская область, БУР – Республика Бурятия, КИМ – Республика Калмыкия, МОР – Республика Мордовия / 7th group (61st–70th places): ALT – Altai Territory, BRY – Bryansk Region, KIR – Kirov Region, KOS – Kostroma Region, KUG – Kurgan Region, PNZ – Penza Region, PSK – Pskov Region, BUR – Republic of Buryatia, KAI – Republic of Kalmykia, MOR – Republic of Mordovia;
- 8-я группа (71–80-е места): СЕВ – г. Севастополь, ИВА – Ивановская область, ОСЕ – Республика Северная Осетия – Алания, АДП – Республика Адыгея, АЛР – Республика Алтай, КРМ – Республика Крым, МАР – Республика Марий Эл, ТЫВ – Республика Тыва, СТВ – Ставропольский край, ЧУВ – Чувашская Республика / 8th group (71st–80th places): SVS – Sevastopol, IVA – Ivanovo Region, NOR – Republic of North Ossetia–Alania, ADY – Republic of Adygeya, ALI – Republic of Altai, KRY – Republic of Crimea, MAR – Republic of Mari El, TUV – Republic of Tuva, STA – Stavropol Territory, CHV – Chuvash Republic;
- 9-я группа (81–85-е места): КБР – Кабардино-Балкарская Республика, КРЧ – Карачаево-Черкесская Республика, ДАГ – Республика Дагестан, ИНГ – Республика Ингушетия, ЧЕЧ – Чеченская Республика / 9th group (81st–85th places): KAB – Kabardino-Balkarian Republic, KAR – Karachayevo-Cherkessia Republic, ING – Republic of Ingushetia, CHA – Chechen Republic;
- нет данных: ЗАП – Запорожская область, ХРС – Херсонская область, ЛНР – Луганская Народная Республика, ДНР – Донецкая Народная Республика / no data: ZAP – Zaporozhie Region, HRS – Kherson Region, LUG – Lugansk People's Republic, DON – Donetsk People's Republic

Результаты представлены в виде корреляционной матрицы, фрагмент которой дан в таблице 1 (полная версия – в Приложении¹⁰). Она содержит сведения о проверке сходств динамики разностей ВРП на душу населения с 2000 по 2022 гг. между субъектами РФ.

Т а б л и ц а 1. Фрагмент корреляционной матрицы сходства динамики разностей ВРП на душу населения

Table 1. A fragment of the correlation matrix of similarity of the dynamics of differences in GRP per capita

Субъект РФ / Subject of the RF	Ранговые корреляции Спирмена (ВРП на душу населения (с 2000 по 2022 гг.) – разность) / Spearman rank correlations (GRP per capita (from 2000 to 2022) – difference)						
	БЕЛ / BEL	БРН / BRY	ВЛА / VLA	ВРН / VOR	ИВА / IVA	...	ЧУК / CHU
БЕЛ / BEL	1,0000	0,5833	0,6691	0,5697	0,4523	...	0,3518
БРН / BRY	0,5833	1,0000	0,8464	0,8588	0,6985	...	0,2321
ВЛА / VLA	0,6691	0,8464	1,0000	0,6849	0,7211	...	0,2490
ВРН / VOR	0,5697	0,8588	0,6849	1,0000	0,6251	...	0,3111
ИВА / IVA	0,4523	0,6985	0,7211	0,6251	1,0000	...	0,0774
...
ЧУК / CHU	0,3518	0,2321	0,2490	0,3111	0,0774	...	1,0000

Примечание / Note. Красным выделены значимые корреляции ($p < 0,05$) / Significant correlations ($p < 0,05$) are highlighted in red.

Перекрестная таблица сходств субъектов РФ. Полученные данные систематизированы в объединившей все субъекты РФ перекрестной таблице, где строки и столбцы соответствуют субъектам РФ, а ячейки содержат значения коэффициентов корреляции (табл. 2). Для наглядности сохранена цветовая кодировка регионов, соответствующая их принадлежности к группам на тепловой карте (см. рис. 1).

Т а б л и ц а 2. Фрагмент перекрестной таблицы оценки сходств субъектов РФ по динамике разности ВРП на душу населения

Table 2. A fragment of the cross-table of the assessment of the similarity of the subjects of the Russian Federation according to the dynamics of the difference in GRP per capita

Субъект РФ / Subject of the RF	БЕЛ / BEL	БРН / BRY	ВЛА / VLA	ВРН / VOR	ИВА / IVA	...	ЧУК / CHU
БЕЛ / BEL		0,5	0,5	0,5		...	
БРН / BRY	0,5		1,0	1,0	0,5	...	
ВЛА / VLA	0,5	1,0		0,5	1,0	...	
ВРН / VOR	0,5	1,0	0,5		0,5	...	
ИВА / IVA		0,5	1,0	0,5		...	
...
ЧУК / CHU						...	

Примечание / Note. Здесь и далее цветовое решение согласовано с тепловой картой (см. рис. 1) / Hereinafter in the article the color scheme is consistent with the heat map (see fig. 1).

¹⁰ Приложение 1–3 доступны здесь: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.088> , <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.089> , <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.090>

Анализ таблицы 2 позволяет описать межрегиональные сходства. Так, Белгородская область по динамике разности ВРП на душу населения имеет умеренное сходство с Брянской, Владимирской и Воронежской областями; Ивановская – максимальное сходство с Владимирской, умеренное – с Брянской и Воронежской областями.

Групповые показатели сходства. На основе перекрестной таблицы (см. табл. 2) рассчитывались интегральные показатели для каждого субъекта: а) Σ – общее число сходств с другими регионами (с учетом весового коэффициента 0,5); б) R – численное значение, отражающее специфику сходств субъекта с регионами разных групп (рассчитано по формуле).

Результаты сведены в таблицу, где представлены по девяти группам регионов. Ее фрагмент приведен ниже (табл. 3), полные данные доступны в Приложении 2.

Таблица 3. Фрагмент таблицы сходств субъектов РФ по динамике разности ВРП на душу населения

Table 3. A fragment of the table of similarities of the subjects of the Russian Federation on the dynamics of the difference in GRP per capita

Субъект РФ / Subject of the RF	Номер группы регионов по уровню ВРП на душу населения / The number of the group of regions by the level of GRP per capita									Σ	R
	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	6-я	7-я	8-я	9-я		
БЕЛ / BEL	2,0	3,0	3,5	5,0	4,5	3,0	2,0	2,0	0,0	25,0	4,36
БРН / BRY	4,0	5,0	7,0	7,0	9,5	6,5	7,5	7,5	1,5	55,5	4,96
ВЛА / VLA	5,5	6,5	7,5	7,0	8,0	6,0	8,0	7,5	1,5	57,5	4,77
ВРН / VOR	4,5	3,5	5,5	6,5	7,0	6,5	6,5	5,0	1,0	46,0	4,84
ИВА / IVA	2,0	2,5	4,0	3,5	5,0	4,0	7,5	3,0	0,5	32,0	5,09
...
ЧУК / CHU	0,5	1,0	0,5	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	2,0	2,00

Примечание / Note. Σ – сумма сходств; R – специфика сходства / Σ is the sum of similarities; R is the specificity of similarity.

Источник: рисунок и следующие таблицы подготовлены авторами на основе данных Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205> (дата обращения: 15.03.2025).

Source: The figure and the following tables were prepared by the authors based on Rosstat data. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13205> (accessed 15.03.2025).

Анализ групповых закономерностей. Особенности сходств субъектов внутри каждой группы показаны в табл. 4 (графическое решение в виде диаграмм см. в Приложении 3). Ось X соответствует номеру группы регионов (1–9), ось Y – значениям Σ и R .

Ключевые наблюдения по группам следующие.

Группа 1 (лидеры). Характеризуется наивысшими значениями ВРП на душу населения (от 1 735,2 тыс. руб. в Мурманской области до 11 786,4 тыс. руб. в Ненецком автономном округе (АО)).

Разброс числа сходств (с поправкой на коэффициент 0,5 при умеренном сходстве) с другими регионами сравнительно высок: от единичных случаев (Чукотский АО, Магаданская область) до значительного количества (г. Санкт-Петербург). При этом среднее число сходств Σ_{cp} имеет относительно низкое значение (31,55), что свидетельствует о большей индивидуальности динамики разностей ВРП на душу населения по сравнению с субъектами других групп.

Таблица 4. Сводная характеристика межрегионального сходства по группам субъектов РФ
Table 4. Summary characteristic of interregional similarity by groups of the Russian Federation constituent entities

Группа / Group	Диапазон ВРП на душу населения, тыс. руб. / Range of GRP per capita, thousand rubles	Сумма сходств (Σ) / Sum of similarities			Специфика (R) / Specifics		
		средняя / Average	минимум (субъект) / Minimum (subject)	максимум (субъект) / Maximum (subject)	средняя / Average	минимум (субъект) / Minimum (subject)	максимум (субъект) / Maximum (subject)
1	1 735,2 – 11 786,4	31,6	2,0 (ЧУК / CHU)	55,5 (СПБ / SPB)	4,24	2,00 (ЧУК / CHU)	5,21 (МУР / MUR)
2	850,0 – 1 335,8	35,5	3,0 (КАМ / KAM)	58,0 (ТАТ / TAT)	4,45	3,86 (ВОЛ / VGG)	4,84 (МОБ / MOS, ORE / ORE)*
3	754,2 – 848,3	39,5	18,0 (ПРИ / PRI)	57,5 (САМ / SAM)	4,63	4,00 (КЕМ / KEM)	5,19 (ХАБ / KHA)
4	668,0 – 739,1	41,1	3,5 (ЛИП / LIP)	59,5 (КЛН / KAG)	4,36	2,80 (АРХ / ARK)	4,79 (НСК / NVS)
5	549,2 – 657,7	44,2	20,5 (КСК / KUR)	60,0 (РСТ / ROS)	4,73	4,37 (КСК / KUR)	5,01 (СМО / SMO)
6	487,1 – 549,2	36,2	3,5 (ЗАБ / ZAB)	60,5 (САР / SAR)	4,99	4,46 (ЕВР / JEV)	5,54 (ТМБ / TAM)
7	440,9 – 484,9	38,7	14,0 (КЛИМ / KAI)	55,5 (БРН / BRY)	5,14	4,84 (КОС, ПСК / KOS, PSK)	5,43 (ПНЗ / PNZ)
8	316,2 – 434,6	39,5	17,0 (КРМ / KRY)	59,5 (СТВ / STA)	4,83	4,06 (КРМ / KRY)	5,79 (ОСЕ / NOR)
9	159,6 – 286,4	22,9	7,0 (ИНГ / ING)	31,0 (КРЧ / KAO)	5,51	4,79 (КБР / KAB)	6,57 (ИНГ / ING)

Примечания / Notes. 1) Соблюден принцип перцентильной группировки (первые восемь групп – по десять регионов, 9-я группа – пять регионов с наименьшими значениями ВРП); 2) для показателя R значения округлены до двух знаков после запятой. Звездочкой (*) отмечены случаи, когда несколько регионов имеют одинаковое максимальное значение в группе; 3) цветовым градиентом красный–синий обозначено увеличение показателя от минимального до максимального значения в столбце / 1) The percentile grouping principle was observed (the first 8 groups consist of 10 regions each, and the 9th group consists of the 5 regions with the lowest GRP values); 2) For the R indicator, values are rounded to two decimal places. An asterisk (*) marks cases where several regions have the same maximum value in the group; 3) The red–blue color gradient indicates the increase in the indicator from the minimum to the maximum value in the column.

Специфика межрегиональных сходств отличается уклоном в сторону региональных групп с уровнем ВРП на душу населения выше среднего: индикатор R_{cp} ниже, чем в других группах, т. е., во-первых, преобладают сходства с более развитыми регионами, во-вторых – число сходств в среднем по субъектам первой группы меньше.

Мурманская область, имея относительно низкое число сходств с другими регионами, показывает значительную величину R . Это означает проявление сходств с субъектами, имеющими меньшее значение ВРП на душу населения. Напротив, большинство регионов, отличающихся существенным количеством сходств с другими субъектами, имеют меньшее значение R , что говорит о сходстве с более прогрессивными регионами.

Группа 2. Валовой региональный продукт на душу населения варьируется от 850 тыс. руб. (Оренбургская область) до 1 335,8 тыс. руб. (Республика Коми).

Разброс общего числа межрегиональных сходств в сравнении с первой группой отличается в сторону сглаживания: минимальный выброс зафиксирован по Камчатскому краю, максимальный – по Республике Татарстан. Среднее число сходств Σ_{cp} (35,5) несколько выше, чем в первой группе, что отражает склонность к сходству с регионами с меньшим ВРП.

Особенности межрегиональных сходств в целом определяются несколько большим индексом R_{cp} (4,45) вследствие уклона в сторону субъектов с меньшим уровнем ВРП на душу населения. В основном такой характер оценки группы в целом определил Камчатский край: имея примерно равное число сходств с Чукотским АО (из первой группы), регион оказался сходным с менее весомыми по ВРП на душу населения субъектами, что обусловило более высокий параметр R .

Группа 3. Уровень ВРП на душу населения чуть ниже: от 754,2 тыс. руб. в Самарской области до 848,3 в Кемеровской.

Различия в количестве межрегиональных сходств по разным субъектам еще менее заметны. Среднее значение суммарных показателей Σ_{cp} составило 39,5, что говорит о снижении уровня индивидуальности субъектов в долгосрочной динамике ВРП на душу населения. Экстремальные выбросы отсутствуют: наименьшие значения показывают Приморский край и Амурская область, насчитывающие, однако, примерно 20 сходств, что сравнительно много.

Значения R слабо отличаются от предыдущей группы в сторону увеличения; R_{cp} составляет 4,63, что свидетельствует о некотором снижении уровня субъектов по ВРП на душу населения.

Группа 4. Валовой региональный продукт на душу населения составляет от 668 тыс. руб. в Республике Удмуртия до 739,1 тыс. руб. в Нижегородской области.

Большинство субъектов группы проявляют наиболее высокое сходство с другими регионами России: семь из десяти насчитывают от 45 до 60 сходств. Отсюда еще более высокий среднегрупповой показатель Σ_{cp} (41,3). При этом имеются два значительных отклонения от среднегрупповой линии: Липецкая область и Республика Карелия, отличающиеся минимальным количеством сходств с другими субъектами в целом.

Среднее значение параметра R составило 4,36, что меньше R_{cp} регионов 3 и 2-й групп за счет достаточно низких значений R для Архангельской

области и Республики Карелия, которые проявили сходство с субъектами, характеризующимися более высоким уровнем ВРП на душу населения.

Группа 5. Уровень ВРП на душу населения имеет средние значения: от 549,2 тыс. руб. в Смоленской области до 657,7 в Новгородской.

Субъекты группы проявляют значительное количество сходств в абсолютном выражении в сравнении с регионами других групп, однако внутригрупповой уровень разброса высок. При этом экстремальные выбросы, как в 1, 2 и 4-м случаях, отсутствуют, вследствие чего Σ_{cp} (44,2) превышает аналогичные значения предыдущих групп.

Низкий разброс значений параметра R при широком диапазоне суммарных показателей указывает на то, что субъекты 3–4-й групп чаще демонстрируют сходство с регионами, обладающими более высоким ВРП на душу населения. Это подтверждается средним значением R_{cp} (4,73), превышающим показатели всех предшествующих групп.

Группа 6. Уровень ВРП на душу населения имеет средние значения: от 487,1 тыс. руб. в Тамбовской области до 549,2 тыс. руб. в Забайкальском крае.

Среднее значение числа сходств (36,2) по субъектам ниже аналогичного показателя в предыдущем случае, что может рассматриваться как положительная тенденция в части снижения числа сходств. Группа содержит регионы, имеющие минимальное число сходств (Забайкальский край и Еврейская автономная область), чей уровень R достаточно высок вследствие сходств с субъектами, характеризующимися относительно низким уровнем ВРП на душу населения.

Параметр R_{cp} (4,99) выше аналогичного показателя предыдущих групп, несмотря на меньшее число межрегиональных сходств. Это указывает на преимущественное сходство субъектов группы с регионами, характеризующимися сходным уровнем ВРП на душу населения.

Группа 7. Уровень ВРП на душу населения имеет диапазон значений от 440,9 тыс. руб. в Алтайском крае до 484,9 тыс. руб. в Кировской области.

Различия между регионами группы по числу сходств с другими субъектами в целом не очень велики при сохраняющемся высоком количестве сходств и среднеарифметическом значении Σ_{cp} в 38,7.

Значения параметра R наименее вариативны среди рассматриваемых групп. При этом R_{cp} (5,14) продолжает возрастать и является наивысшим в сравнении с аналогичным показателем в других случаях, что указывает на сходство всех представленных в группе субъектов с регионами, имеющими относительно невысокий уровень ВРП на душу населения.

Группа 8. Уровень ВРП на душу населения имеет диапазон значений от 316,2 тыс. руб. в Северной Осетии – Алании до 434,6 тыс. руб. в Республике Алтай.

Внутригрупповые различия ($\Sigma_{cp} = 39,5$) по совокупности сходств несколько выше, чем в предыдущей группе. Разброс между минимальным и максимальным числом сходств составляет 40 вследствие значительного выброса числа сходств по Ставропольскому краю.

Параметр R заметно вариативен по сравнению с другими случаями, имеет два пика (Республики Северная Осетия – Алания и Алтай); среднее значение индекса R_{cp} (4,83) несколько снижено относительно аналогичного показателя в предыдущей группе.

Группа 9. Уровень ВРП на душу населения имеет диапазон значений от 159,6 тыс. руб. в Республике Ингушетия до 286,4 в Кабардино-Балкарской Республике.

Общее число сходств с другими субъектами незначительно, $\Sigma_{\text{ср}} = 22,9$ (самый низкий показатель), что свидетельствует о слабой повторяемости данной траектории изменений ВРП на душу населения другими субъектами. В общероссийском масштабе подобная ситуация ближе к позитивной из-за невысокого уровня ВРП на душу населения субъектов 9-й группы.

Параметр R (5,51) в усредненном выражении максимальный среди всех групп по причине большего сходства траектории изменения разностей ВРП на душу населения входящих в эту группу регионов с соответствующими траекториями субъектов, также имеющих достаточно низкий уровень ВРП.

Обобщенные результаты. Регионы с самым высоким (1-я группа) и самым низким (9-я группа) уровнем ВРП демонстрируют наименьшее число сходств с другими субъектами, что отражает их уникальность в динамике развития.

Показатель $R_{\text{ср}}$ возрастает от 1-й группы (4,36) к 9-й (5,51), что указывает на усиление сходства с регионами более низкого уровня ВРП по мере снижения собственного уровня развития.

Группы со средним уровнем ВРП (4–6-я) характеризуются наибольшим числом сходств ($\Sigma_{\text{ср}} > 40$), что может свидетельствовать о более унифицированных траекториях развития.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Корреляционный анализ и определение межрегиональных сходств позволили выявить пары или группы регионов с похожей динамикой развития, несмотря на возможную разницу в абсолютных показателях. В связи с этим появилась возможность выделить образцы для целей бенчмаркинга и обмена опытом.

Предлагаемая оценочная методика помогает определить субъекты, имеющие наибольшее сходство в долгосрочной динамике изменений ВРП на душу населения, что сужает круг субъектов-ориентиров. Согласно полученным результатам субъекты в территориальной структуре макрорегионов России – федеральных округов могут значительно различаться и на этом основании – быть отнесены к разным группам по уровню и динамике развития.

Установлено, что группы субъектов с самым высоким и, напротив, наиболее низким уровнем ВРП на душу населения проявляют в среднем меньшее число сходств с другими регионами в долгосрочной динамике этого показателя, а количество сходных случаев с субъектами, имеющими менее высокий ВРП на душу населения, растет при оценке регионов поочередно от первой к девятой группе. Это говорит об уникальности наиболее развитых регионов, а также о социально-экономической и, вероятно, политической обособленности отсталых территорий.

Данные выводы достоверны, поскольку применяемый аналитический подход согласуется с более ранними работами, где относительно обособленно выделяется политика роста регионального валового внутреннего продукта [25]. Вместе с тем в исследованиях оценка нередко производится по ряду факторов одновременно [26], что может быть ошибочным вследствие, во-первых, статусной неравнозначности выбранных показателей, во-вторых, очевидной мультиколлинеарности при статистическом анализе. Попытки же использовать ВРП на душу населения для сопо-

ставления между собой одновременно всех регионов страны с целью определения трендов межрегиональной дифференциации в целом¹¹ приводят к противоречивому результату в зависимости от того, в текущих или сопоставимых ценах был измерен анализируемый показатель. Попарное сравнение регионов с использованием шкалы разностей ВРП на душу населения позволяет получить более конкретные и значимые результаты, связанные с особенностями проявления сходств отдельных групп субъектов РФ.

В свою очередь, вывод о значительных отличиях субъектов в пределах макро-регионов согласуется с результатами исследования субъектов Уральского федерального округа, динамика развития которых показала высокую асинхронность колебаний и различия в логике изменений [27].

Отметим, что, несмотря на сгруппированные результаты исследования, каждый субъект обладает доказанной уникальностью. При этом представленные материалы во многом подтверждают и дополняют проведенные ранее исследования¹² [28–32].

Практическая значимость выводов проявляется при сопоставлении специфики определенного региона и сходных субъектов, лучшие из которых могут послужить целевыми ориентирами в развитии. Это будет полезным при формировании органами государственной и региональной власти, институтами развития стратегических решений, формирующих результативность субъекта, в частности направленных на увеличение показателя ВРП на душу населения.

Регионы, сгруппированные по схожести динамических траекторий, требуют подобных, но адаптированных под их специфику пакетов мер поддержки (инвестиционных, инфраструктурных, институциональных). Это повысит эффективность бюджетных расходов. Так, Пензенская область (7-я группа) проявляет наиболее сильное сходство с субъектами, относящимися к более привлекательным – Ульяновской, Саратовской, Орловской (6-я группа), а также Рязанской и Смоленской (5-я группа) областями. При определении стратегической траектории развития целесообразно ознакомиться с подобными разработками, акцентировав внимание на регионах с близкой отраслевой структурой.

Перспективы исследований связываются с расширением спектра результативных показателей для оценки долгосрочной динамики регионального развития, а также расчетом многокритериального межрегионального сопоставления с целью выявления комплексных закономерностей сходств и различий в формировании территории. Кроме того, на основании полученных данных будет осуществлен межсубъектный анализ отраслевой структуры сходных регионов для использования факторов успеха в хозяйственном планировании их социально-экономического развития.

Ограничения исследования состоят, во-первых, в монопараметрическом сопоставлении регионов, включающем анализ динамики одного показателя – ВРП на душу населения, что позволяет сформировать репрезентативные, но все же предварительные выводы о сходстве и различии субъектов. Применение дополнительных оценочных показателей даст возможность повысить устойчивость выводов. Во-вторых, – в достаточно высокой статистической вариативности субъектов

¹¹ Морошкина М.В. Межрегиональная дифференциация субъектов Российской Федерации...

¹² Бисултанова А.А. ВРП как индикатор развития экономики Чеченской Республики. *Инновации. Наука. Образование*. 2021;(33):714–718. <https://www.elibrary.ru/aoojq>

внутри каждой классификационной группы. Несмотря на выявленные общие внутригрупповые признаки и разные уровни средних значений, некоторые отклонения в динамике регионов допускают погрешность в результатах исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lombardini S. Italian Regional Econometric Model. *Papers in Regional Science*. 2024;103(6):100060. <https://doi.org/10.1016/j.pirs.2024.100060>
2. Billé A.G., Tomelleri A., Ravazzolo F. Forecasting Regional GDPs: A Comparison with Spatial Dynamic Panel Data Models. *Spatial Economic Analysis*. 2023;18(4):530–551. <http://doi.org/10.1080/17421772.2023.2199034>
3. Коломенский Г.А., Селиванова Л.А., Васильева Н.В. Анализ и оценка неравномерности развития регионов (на примере Северо-Западного федерального округа). *Журнал правовых и экономических исследований*. 2019;(4):196–202. <http://doi.org/10.26163/GIEF.2019.30.46.031>
4. Wang X., Wang Y., Liu N. Does Environmental Regulation Narrow the North-South Economic Gap? – Empirical Evidence Based on Panel Data of 285 Prefecture-Level Cities. *Journal of Environmental Management*. 2023;340(15):117849. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2023.117849>
5. Wen H., Liang W., Lee C.-C. China's Progress Toward Sustainable Development in Pursuit of Carbon Neutrality: Regional Differences and Dynamic Evolution. *Environmental Impact Assessment Review*. 2023;98:106959. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2022.106959>
6. Çınar İ.T. Regional Development Trap and Economic Complexity in Turkey: Evidence from Provincial Data. *Regional Science Policy and Practice*. 2023;15(9):2224–2253. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12719>
7. Aşık G., Karakoç U., Pamuk Ş. Regional Inequalities and the West–East Divide in Turkey Since 1913. *The Economic History Review*. 2023;76(4):1305–1332. <https://doi.org/10.1111/ehr.13245>
8. Бенц Д.С. Долгосрочные тренды межрегиональной дифференциации. *Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки*. 2022;(4):56–71. <http://dx.doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10406>
9. Валеев Э.Р., Киршин И.А., Кузнецова А.М. Анализ неравномерности регионального развития на основе асимметрии эмпирического распределения ВРП на душу населения субъектов Российской Федерации. *Статистика и экономика*. 2023;20(5):54–64. <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2023-5-54-64>
10. Jardim B., Neto M., Sousa N., Barriguiha A., Sarmento P. An Indicator for Integrated Regional Planning: A Case Study of Portugal's West Region. *Cities*. 2025;159:105762. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.105762>
11. Mustafin A.N., Kotenkova S.N., Vozárová I.K., Kotulič R. Impact of Import Substitution Policy on Economic Growth. *Economies*. 2022;10(12):324. <https://www.elibrary.ru/hrnxxq>
12. Стариков К.С., Пономарева Т.Н. Анализ процессов концентрации экономической активности в приграничных регионах Российской Федерации. *Российское предпринимательство*. 2018;19(10):2865–2880. <https://www.elibrary.ru/ppvpwl>
13. Гончаренко В.Е., Коробова В.Ф. Оценка неравномерности развития регионов РФ по социально-экономическим ресурсным составляющим. *Статистика и экономика*. 2019;16(4):54–72. <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-4-54-72>
14. Ianoş I., Cocheci R.M., Petrişor A.I. Exploring the Relationship between the Dynamics of the Urban–Rural Interface and Regional Development in a Post-Socialist Transition. *Urban Science*. 2024;8(2):47. <https://doi.org/10.3390/urbansci8020047>
15. Gutman S., Malashenko M. The Impact of Transport Infrastructure on Sustainable Economic Development of Russian Regions. *Sustainability*. 2025;17(9):3776. <https://doi.org/10.3390/su17093776>
16. Митрюкова К.А. Влияние транспортной инфраструктуры на социально-экономическое развитие регионов: практическая значимость и научные разногласия. *Экономика, предпринимательство и право*. 2023;13(7):2399–2412. <https://doi.org/10.18334/epp.13.7.118352>
17. Ribeiro L.C., Vieira O.H., Souza K.B., Santana J.R. Economic Growth and Regional Disparities: A Long-Term Perspective for the State of Sergipe, Brazil. *Regional Science Policy and Practice*. 2024;16(10):100125. <https://doi.org/10.1016/j.rssp.2024.100125>

18. Fan X., Ding G., Long S., Dong Y., Yan J. Digital Divide or Dividend? Exploring the Impact of Digital Economy on Regional Gaps of High-Quality Economic Development in China Using Relational Data Model. *International Review of Economics and Finance*. 2025;101:104222. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2025.104222>
19. Мухаметова А.Д. Оценка межрегиональной дифференциации Российской Федерации. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2023;(2):54–58. <https://www.elibrary.ru/hdlauo>
20. Gamidullaeva L., Shmeleva N., Mityakov E., Tolstykh T., Vasin S. Strategic Tools for the Formation of Cluster Capital to Implement Technological Innovations. *Systems*. 2025;13(4):270. URL: <https://istina.msu.ru/download/750885434/1u2X9y:a5eMVtxaVaetKilV-XUCKa4j0LE/> (дата обращения: 14.09.2025).
21. Белоусова А.В. Уровень бедности в РФ: пространственный анализ. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2020;(4):73–88. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10043>
22. Барбашова Е.В., Гайдамакина И.В., Лясковская О.В. Построение рейтинга и классификация регионов РФ по показателям системы здравоохранения на основе нелинейного шкалирования. *Human Progress*. 2023;9(3):1–26. <https://doi.org/10.34709/IM.193.1>
23. Гродская Г.Н., Асанова С.С. Интегральная оценка инвестиционной деятельности регионов ПФО. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2017;1(4):230–238. <https://www.elibrary.ru/zvevww>
24. Sibirskaia E.V., Oveshnikova L.V., Mikheykina L.A., Lyapina I.R. Economic Systems Analysis: Statistical Indicators. Springer International Publishing AG, part of Springer Nature; 2019. 139 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-91247-9>
25. Profiroiu C.M., Profiroiu A.G., Constantin D.L., Nica I., Delcea C., Brişcariu M.R. Assessing Regional Economic Performance: Fuzzy Multi-Criteria Decision Making and Panel Regression Approach. *Socio-Economic Planning Sciences*. 2025;(100):102245. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2025.102245>
26. Marhasova V., Tulchynska S., Popelo O., Garafonova O., Yaroshenko I., Semykhulyna I. Modeling the Harmony of Economic Development of Regions in the Context of Sustainable Development. *International Journal of Sustainable Development and Planning*. 2022;17(2):441–448. <https://doi.org/10.18280/ijstdp.170209>
27. Barkhatov V. Instability of Socio-Economic and Sustainable Development of Ural Regions. *E3S Web of Conferences*. 2021;258:06020. <http://doi.org/10.1051/e3sconf/202125806020>
28. Дорошенко С.В., Васильева Р.И. Пространственная оценка неоднородности регионального экономического роста в 2014–2021 гг. *Регионоведение*. 2024;32(3):484–503. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.484-503>
29. Малкина М.Ю. Факторы экономического роста Нижегородской области: моделирование ВРП с использованием данных регионов-двойников. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2025;18(2):76–89. <https://doi.org/10.15838/esc.2025.2.98.4>
30. Васин С.М., Гамидуллаева Л.А. Трансформации отраслевой структуры региона как реакция на динамику международной торговли в период пандемии. *МИП (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2023;14(2):187–206. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.187-206>
31. Клейменкин Д.В., Черкесова Э.Ю. Сравнительный анализ ВРП Ростовской области и Краснодарского края за 2017–2021 годы. *Дневник науки*. 2024;(5):72. <https://www.elibrary.ru/kytftja>
32. Алферова Т.В. Оценка сбалансированности развития социо-эколого-экономических региональных систем. *Проблемы развития территории*. 2025;29(2):45–59. <https://doi.org/10.15838/ptd.2025.2.136.4>

REFERENCES

1. Lombardini S. Italian Regional Econometric Model. *Papers in Regional Science*. 2024;103(6):100060. <https://doi.org/10.1016/j.pirs.2024.100060>
2. Billé A.G., Tomelleri A., Ravazzolo F. Forecasting Regional GDPs: A Comparison with Spatial Dynamic Panel Data Models. *Spatial Economic Analysis*. 2023;18(4):530–551. <http://doi.org/10.1080/17421772.2023.2199034>

3. Kolomenskiy G.A., Selivanova L.A., Vasilyeva N.V. Analysis and Assessment of Unevenness of Development of Regions (by the Example of Northwestern Federal District). *Journal of Legal and Economic Studies*. 2019;(4):196–292. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26163/GIEF.2019.30.46.031>
4. Wang X., Wang Y., Liu N. Does Environmental Regulation Narrow the North-South Economic Gap? – Empirical Evidence Based on Panel Data of 285 Prefecture-Level Cities. *Journal of Environmental Management*. 2023;340(15):117849. <https://doi.org/10.1016/j.jenvman.2023.117849>
5. Wen H., Liang W., Lee C.-C. China's Progress Toward Sustainable Development in Pursuit of Carbon Neutrality: Regional Differences and Dynamic Evolution. *Environmental Impact Assessment Review*. 2023;98:106959. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2022.106959>
6. Çınar İ.T. Regional Development Trap and Economic Complexity in Turkey: Evidence from Provincial Data. *Regional Science Policy and Practice*. 2023;15(9):2224–2253. <https://doi.org/10.1111/rsp3.12719>
7. Aşık G., Karakoç U., Pamuk Ş. Regional Inequalities and the West–East Divide in Turkey Since 1913. *The Economic History Review*. 2023;76(4):1305–1332. <https://doi.org/10.1111/chr.13245>
8. Benz D.S. Long-Term Trends of Interregional Differentiation. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022;(4):56–71. (In Russ., abstract in Eng.) <http://dx.doi.org/10.47475/1994-2796-2022-10406>
9. Valeev E.R., Kirshin I.A., Kuznetsova A.M. Analysis of the Irregularity of Regional Development Based on the Asymmetry of the Empirical Distribution of GRP Per Capita of the Russian Federation Regions. *Statistics and Economics*. 2023;20(5):54–64. (In Russ., abstract in Eng.) <http://dx.doi.org/10.21686/2500-3925-2023-5-54-64>
10. Jardim B., Neto M., Sousa N., Barriguinha A., Sarmento P. An Indicator for Integrated Regional Planning: A Case Study of Portugal's West Region. *Cities*. 2025;159:105762. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2025.105762>
11. Mustafin A.N., Kotenkova S.N., Vozárová I.K., Kotulič R. Impact of Import Substitution Policy on Economic Growth. *Economies*. 2022;10(12):324. <https://www.elibrary.ru/hrmxxq>
12. Starikov K.S., Ponomareva T.N. Analysis of the Economic Activity Concentration Processes in the Border Regions of the Russian Federation. *Russian Journal of Entrepreneurship*. 2018;19(10):2865–2880. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/ppvpwl>
13. Goncharenko V.E., Korobova V.F. Evaluation of the Development Unevenness of the Russian Federation Regions by Socio-Economic Resource Components. *Statistics and Economics*. 2019;16(4). (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2019-4-54-72>
14. Ianoş I., Coheci R., Petrişor A. Exploring the Relationship between the Dynamics of the Urban–Rural Interface and Regional Development in a Post-Socialist Transition. *Urban Science*. 2024;8(2):47. <https://doi.org/10.3390/urbansci8020047>
15. Gutman S., Malashenko M. The Impact of Transport Infrastructure on Sustainable Economic Development of Russian Regions. *Sustainability*. 2025;17(9):3776. <https://doi.org/10.3390/su17093776>
16. Mitryukova K.A. Influence of Transport Infrastructure on the Regional Socio-Economic Development: Practical Significance and Scientific Controversy. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2023;13(7):2399–2412. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/epp.13.7.118352>
17. Ribeiro L.C., Vieira O.H., Souza K.B., Santana J.R. Economic Growth and Regional Disparities: A Long-Term Perspective for the State of Sergipe, Brazil. *Regional Science Policy and Practice*. 2024;16(10):100125. <https://doi.org/10.1016/j.rssp.2024.100125>
18. Fan X., Ding G., Long S., Dong Y., Yan J. Digital Divide or Dividend? Exploring the Impact of Digital Economy on Regional Gaps of High-Quality Economic Development in China Using Relational Data Model. *International Review of Economics and Finance*. 2025;101:104222. <https://doi.org/10.1016/j.iref.2025.104222>
19. Mukhametova A.D. Assessment of Interregional Differentiation of the Russian Federation. *Economics and Management: Research and Practice Journal*. 2023;(2):54–58. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/hdlaao>
20. Gamidullaeva L., Shmeleva N., Mityakov E., Tolstykh T., Vasin S. Strategic Tools for the Formation of Cluster Capital to Implement Technological Innovations. *Systems*. 2025;13(4):270. Avai-

- lable at: <https://istina.msu.ru/download/750885434/1u2X9y:a5eMVtxaVaetKiIV-XUCKa4j0LE/> (accessed 14.09.2025).
21. Belousova A.V. Level of Poverty in Russian Federation: A Spatial Analysis. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. 2020;(4):73–88. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2020-10043>
 22. Barbashova E.V., Gaidamakina I.V., Liaskovskaia O.V. Nonparametric Modeling Methods in the Subjective Quality of Life Assessment. *Human Progress*. (In Russ., abstract in Eng.) 2023;9(3):1–26. <https://doi.org/10.34709/IM.193.1>
 23. Grodskaya G.N., Asanova S.S. Integrated Assessment of Investment Activities of Regions PFD. *Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*. 2017;1(4):230–238. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/zvevww>
 24. Sibirskaya E.V., Oveshnikova L.V., Mikheykina L.A., Lyapina I.R. Economic Systems Analysis: Statistical Indicators. Springer International Publishing AG; 2019. 139 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-91247-9>
 25. Profiroiu C.M., Profiroiu A.G., Constantin D.L., Nica I., Delcea C., Brişcariu M.R. Assessing Regional Economic Performance: Fuzzy Multi-Criteria Decision Making and Panel Regression Approach. *Socio-Economic Planning Sciences*. 2025;(100):102245. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2025.102245>
 26. Marhasova V., Tulchynska S., Popelo O., Garafonova O., Yaroshenko I., Semykhulyna I. Modeling the Harmony of Economic Development of Regions in the Context of Sustainable Development. *International Journal of Sustainable Development and Planning*. 2022;17(2):441–448. <https://doi.org/10.18280/ijstdp.170209>
 27. Barkhatov V. Instability of Socio-Economic and Sustainable Development of Ural Regions. *E3S Web of Conferences*. 2021;258:06020. <http://doi.org/10.1051/e3sconf/202125806020>
 28. Doroshenko S.V., Vasilyeva R.I. Spatial Estimation of Regional Economic Growth Heterogeneity During 2014–2021. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):484–503. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.484-503>
 29. Malkina M.Y. Drivers of Economic Growth of the Nizhny Novgorod Region: Modeling GRP Using Data from Twin Regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2025;18(2):76–89. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2025.2.98.4>
 30. Vasin S.M., Gamidullaeva L.A. Transformations of the Sectoral Structure of the Region as a Response to the Dynamics of International Trade During the Pandemic. *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2023;14(2):187–206. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2023.14.2.187-206>
 31. Kleimenkin D.V., Cherkesova E.Yu. Comparative Analysis of GRP of the Rostov Region and the Krasnodar Region for 2017–2021. *Dnevnik nauki*. 2024;(5):72. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/kytfja>
 32. Alferova T.V. Assessing the Balanced Development of Socio-Ecological-Economic Regional Systems. *Problems of Territory's Development*. 2025;29(2):45–59. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/ptd.2025.2.136.4>

Об авторах:

Сергей Михайлович Васин, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе и инновационной деятельности, профессор кафедры социологии, экономической теории и международных процессов Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0371-5517>, Researcher ID: R-8766-2016, Scopus ID: 56436084600, SPIN-код: 1871-1835, pspu-met@mail.ru

Лейла Айваровна Гамидуллаева, доктор экономических наук, заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления Пензенского государственного университета (440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, д. 40), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3042-7550>, Researcher ID: E-7822-2016, Scopus ID: 56436586400, SPIN-код: 2136-9154, migu@pnzgu.ru

Вклад авторов:

С. М. Васин – разработка концепции; разработка методологии; административное руководство исследовательским проектом; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Л. А. Гамидуллаева – проведение исследования; создание и подготовка рукописи; визуализация; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 18.09.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.

About the authors:

Sergey M. Vasin, Dr.Sci. (Econ.), Professor, Vice-Rector for Research and Innovation, Professor of the Chair of Sociology, Economic Theory and International Processes of Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0371-5517>, Researcher ID: R-8766-2016, Scopus ID: 56436084600, SPIN-code: 1871-1835, pspu-met@mail.ru

Leyla A. Gamidullaeva, Dr.Sci. (Econ.), Head of the Chair of Management and Public Administration of Penza State University (40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3042-7550>, Researcher ID: E-7822-2016, Scopus ID: 56436586400, SPIN-code: 2136-9154, migu@pnzgu.ru

Contribution of the authors:

S. M. Vasin – conceptualization; methodology; project administration; writing – review and editing.

L. A. Gamidullaeva – research; preparation, creation and of the published work; visualization; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 18.09.2025; revised 03.02.2026; accepted 09.02.2026.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.100-120><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/gaxnjf>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 33 (1-924/-925)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Мегапроект Центрально-Евразийского
транспортного коридора: анализ эффективности
методом «затраты–выпуск»

М. В. Пятаев ✉ С. А. Быкадоров Ю. К. Серкова

Сибирский государственный университет путей сообщения, <https://ror.org/02v157r64>
(г. Новосибирск, Российская Федерация)
✉ procedure@inbox.ru

Аннотация

Введение. Оценка макроэкономической эффективности крупнейших инфраструктурных проектов требует методик, учитывающих мультипликативные эффекты в экономике. Цель исследования – провести сравнительный анализ трех альтернативных вариантов реализации мегапроекта Центрально-Евразийского транспортного коридора и выявить наиболее эффективную конфигурацию.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования выступили три комбинации железнодорожных проектов. На основе официальных таблиц «затраты–выпуск» Федеральной службы государственной статистики (Росстата) за 2016 г. реализована статическая модель межотраслевого баланса (модель Леонтьева). Инвестиции распределены по отраслям согласно технологической структуре транспортного строительства. Эффективность оценена для инвестиционной и эксплуатационной фаз в двух сценариях грузопотока (15 и 45 млн т).

Результаты исследования. Выявлен значительный макроэкономический эффект от всех рассматриваемых вариантов. Наибольший мультипликативный эффект на валовой внутренний продукт после 10 лет эксплуатации (до 3,69) показал Мегапроект III (Сабетта – Курагино – Кызыл – Урумчи). Самый высокий прирост валового выпуска и валового внутреннего продукта на инвестиционной фазе характерен для наиболее капиталоемкого Мегапроекта II (Сабетта – Таштагол – Алтай). Представлена детализированная структура формируемой валовой добавленной стоимости.

Обсуждение и заключение. Крупномасштабные железнодорожные проекты оказывают существенное долгосрочное мультипликативное воздействие на экономику, обеспечивая прирост выпуска, валового внутреннего продукта и бюджетных доходов. Результаты исследования позволяют ранжировать варианты по критерию макроэкономической эффективности и обосновывают необходимость учета межотраслевых связей при оценке общественной значимости инфраструктурных мегапроектов.

© Пятаев М. В., Быкадоров С. А., Серкова Ю. К., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: мегапроект, Центрально-Евразийский транспортный коридор, метод «затраты–выпуск», межотраслевой баланс, модель Леонтьева, макроэкономическая эффективность, мультипликативный эффект, железнодорожная инфраструктура, Северо-Сибирская магистраль, Северный широтный ход

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00452 (<https://rscf.ru/project/25-28-00452/>).

Для цитирования: Пятаев М.В., Быкадоров С.А., Серкова Ю.К. Мегапроект Центрально-Евразийского транспортного коридора: анализ эффективности методом «затраты–выпуск». *Регионоведение*. 2026;34(1):100–120. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.100-120>

The Megaproject of the Central Eurasian Transport Corridor: Analysis of Effectiveness Using the Input–Output Method

M. V. Pyataev ✉, S. A. Bykadorov, Yu. K. Serkova
Siberian Transport University, <https://ror.org/02v157r64>
(Novosibirsk, Russian Federation)
✉ procedure@inbox.ru

Abstract

Introduction. Assessing the macroeconomic efficiency of major infrastructure projects requires methods that take into account multiplier effects in the economy. The purpose of this study is to conduct a comparative analysis of three alternative implementation options for the Central Eurasian Transport Corridor megaproject and identify the most effective configuration.

Materials and Methods. The study focused on three combinations of railway projects. A static input-output model (Leontief model) was implemented using the official input-output tables of the Federal State Statistics Service (Rosstat) for 2016. Investments were distributed across industries according to the technological structure of transport construction. Efficiency was assessed for the investment and operational phases under two freight flow scenarios (15 and 45 million tonnes).

Results. Significant macroeconomic impacts were identified for all options under consideration. Megaproject III (Sabetta-Kuragino-Kyzyl-Urumqi) demonstrated the highest multiplier effect on gross domestic product after 10 years of operation (up to 3.69). The highest increase in gross output and gross domestic product during the investment phase was demonstrated by the most capital-intensive Megaproject II (Sabetta-Tashtagol-Altai). A detailed breakdown of the resulting gross added value is presented.

Discussion and Conclusion. Large-scale railway projects have a significant long-term multiplier effect on the economy, providing increases in output, gross domestic product, and budget revenues. The study's results allow for ranking options based on macroeconomic efficiency and substantiate the need to consider intersectoral linkages when assessing the social significance of infrastructure megaprojects.

Keywords: megaproject, Central Eurasian Transport Corridor, input–output method, input–output balance, Leontief model, macroeconomic efficiency, multiplier effect, railway infrastructure, North-Siberian Railway, Northern Latitudinal Passage

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Funding. The study was supported by grant No. 25-28-00452 from the Russian Science Foundation (<https://rscf.ru/project/25-28-00452/>).

For citation: Pyataev M.V., Bykadorov S.A., Serkova Yu.K. The Megaproject of the Central Eurasian Transport Corridor: Analysis of Effectiveness Using the Input–Output Method. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):100–120. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.100-120>

ВВЕДЕНИЕ

Поскольку ограниченные возможности Транссибирской и Байкало-Амурской магистралей сдерживают экспортный потенциал сырьевых товаров из России, крупномасштабные транспортные проекты регулярно рассматриваются на транспортных форумах и конференциях¹ в контексте их эффективности. С подачи властей Кемеровской области началось активное обсуждение проекта Центрально-Евразийского транспортного коридора, предполагающего трансформацию Северо-Сибирской железнодорожной магистрали из широтного транспортного коридора в меридиональный. Предлагается соединить арктический морской порт Сабетта и Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая.

Любой инвестор будет сравнивать чистую доходность по различным проектам из реального сектора экономики и (или) финансовые активы. Применение методик на основе чистой приведенной стоимости (*Net Present Value, NPV*) уместно при участии частного инвестора. Однако для экспертизы проектов крупномасштабного класса (мегапроектов), имеющих значение для общества в целом [1], недопустимо использовать методики, предназначенные для коммерческой оценки эффективности.

В крупномасштабных железнодорожных проектах нового транспортного строительства, в которых основным инвестором выступает государство, показатели эффективности соотносятся с обществом в целом, поскольку их реализация дает импульс всей экономической системе. При этом следует учитывать эффекты: прямые (увеличение выпуска, связанного с капитальными затратами и выпуском по проекту); косвенные (увеличение выпуска в смежных отраслях, которые через систему межотраслевых связей взаимодействуют с данным проектом, т. е. поставщиками сырья, материалов или комплектующих); индуцируемые, или сопряженные (увеличение выпуска в отраслях экономики за счет роста доходов у населения, государства и бизнеса за счет роста прямых и косвенных эффектов) [2].

В числе методик, которые учитывают интересы всего населения, назовем, например, «затраты–выгоды» (*Cost-Benefit Analysis, CBA*), «затраты–эффективность» (*Cost-Effectiveness Analysis, CEA*), многофакторный анализ (*Multicriteria Analysis, MCA*), метод «затраты–выпуск» (*Input-Output, IO*), оптимизационные межотраслевые модели (в том числе межрегиональные). Их использование позволяет учитывать различные эффекты, включая социальные, экологические и другие, которые достаточно сложно структурированы.

Модели, основанные на анализе классических финансовых показателей, включая методы дисконтирования (*Discounted Cash Flow, DCF*), учитывают так называемые эндогенные эффекты, необходимые частному инвестору, но игнорируют мультипликативные эффекты от реализации проекта. В некоторых случаях бюджетная эффективность проекта ошибочно преподносится как народно-хозяйственная, хотя это только часть общественной пользы.

Оценка крупномасштабных транспортных проектов через призму DCF заведомо занижает их значимость, фокусируясь на коммерческой составляющей. Например,

¹ Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2025): Труды Восемнадцатой международной конференции. Москва, 24–26 сентября 2025 года. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова Российской академии наук; 2025. 1330 с. <https://elibrary.ru/gitzgc>

проект Транссибирской железнодорожной магистрали поначалу считался неэффективным, но сегодня его роль для государства неопределима. Также существуют проблемы с оценкой сметной стоимости транспортных мегапроектов и сроков их реализации.

В рамках данного исследования сравниваются проекты выхода в Китай из Западной Сибири (меридиональные коридоры через Курагино – Кызыл – Урумчи и Таштагол – Горно-Алтайск – Алтай (КНР)). Фактически анализируются три альтернативных варианта реализации мегапроекта: Сабетта – Курагино – Урумчи, Сабетта – Горно-Алтайск – Алтай (КНР) и Сабетта – Усть-Илимск (традиционная Северо-Сибирская магистраль).

Цель исследования – сравнительная оценка макроэкономической эффективности трех альтернативных вариантов реализации мегапроекта Центрально-Евразийского транспортного коридора на основе метода «затраты–выпуск».

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В середине 1990-х годов коллектив Института народнохозяйственного программирования Российской академии наук исследовал макроэкономическую эффективность системы транспортировки нефти в рамках проекта «Северные ворота»² методом «затраты – выпуск» (без указания периода отчетных таблиц). На этой основе был разработан подход к определению мультипликаторов проектов³, который послужил базой официальных «Методических рекомендаций по расчету макроэкономической эффективности инновационных проектов» (2005 г.). Однако методика не получила широкого применения ввиду сложности сбора данных и исходной информации, достаточной для расчетов.

Исследования демонстрируют разнообразное приложение метода «затраты–выпуск»: оценка углеродного следа проектов [3]; анализ рыночной эффективности и достижения экологических целей через перераспределение производства [4]; экспертиза конкретных мегапроектов – от нефтеперерабатывающих заводов в Индии (с учетом инвестиционных и эксплуатационных расходов) [5] до ветряных электростанций в Бразилии с использованием межрегиональных таблиц [6]; комплексная оценка транспортной инфраструктуры, интегрирующая экономические, социальные и экологические показатели с помощью всемирной базы данных «затраты–выпуск» [7]; количественная оценка социальной ценности инфраструктурных проектов [8].

Кроме того, современные тенденции включают декомпозицию таблиц до межрегионального уровня с учетом экспортной переработки [9], моделирование инфляции, вызванной спросом [10], анализ проектов с использованием матриц капитальных затрат [11], оценку проектов по перераспределению водных ресурсов [12] и влияния нефтегазовых мегапроектов [13]. Разработаны многокритериальные системы оценки на основе межотраслевого баланса [14].

Также метод можно использовать при анализе последствий экономических санкций [15] и эффектов импортозамещения [16; 17], исследовании роли рынков

² Finken R.D., Arbotov A.A., Moukhin A.V., Suvorov A., York H.L. Regional Impact of Project Spending. *Oil and Gas Executive Report*. 1998;(1):38–50. <https://doi.org/10.2118/50955-OGER>

³ Суворов А.В., Иванов В.Н., Сухорукова Г.М. Подходы к оценке воздействия сдвигов в уровне и структуре доходов населения на макроэкономические показатели. *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. 2005;(3):381–394. <https://elibrary.ru/kwodmx>

в экономическом росте развивающихся стран (например, Китая) [18], оценке воздействия внешних шоков на цены [19], изучении стабильности коэффициентов [20] и оцифровке моделей для анализа структурных реформ [21].

Метод «затраты–выпуск» предоставляет широкие возможности для экспертизы эффектов от строительства объектов транспортной инфраструктуры. Например, в работе П. Ю. Серикова, С. В. Корнеевой, Ю. А. Петровой⁴ описаны основные принципы и алгоритмы оценки общественной эффективности с учетом мультипликативных эффектов на примере проекта нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан».

Ф. С. Пехтерев показал необходимость межотраслевых балансов при обосновании долгосрочных объемов перевозок грузов железнодорожным транспортом⁵. Он предложил инструментарий для прогнозирования объемов перевозок в зависимости от сценарных условий и прогнозных оценок экономического развития страны (по данным Министерства экономического развития РФ) и отдельно по регионам.

В. В. Ивантер, М. Н. Узяков, А. А. Широ и др. развивают методы оценки с использованием метода «затраты–выпуск» применительно к железнодорожному транспорту [22]. Авторы уделяют внимание различным долгосрочным стратегиям развития России, задействовав топливно-энергетический и транспортно-экономический балансы страны, а также предлагают «расширенную модель железнодорожного транспорта», которая позволяет проводить прогнозные расчеты.

Комплексная оценка эффектов проекта Северо-Сибирской железнодорожной магистрали проводится в работах⁶. Для расчетов применена оптимизационная межотраслевая межрегиональная модель с целевой функцией максимизации конечного потребления. Интеграция проектов в модель происходит путем введения в ее структуру новых производственных способов, что позволяет проводить анализ в логике «что будет, если?». Для оценки используются транспортно-экономические балансы по федеральным округам с детализацией по регионам Сибирского федерального округа. Коммерческая эффективность магистрали в современных условиях рассматривается отдельно [2, с. 319].

Ряд недостатков метода «затраты–выпуск» раскрыт в публикациях⁷.

⁴ Сериков П.Ю., Корнеева С.В., Петрова Ю.А. Оценка инвестиционных проектов с точки зрения общественной эффективности с учетом мультипликативных эффектов. *Наука и технологии трубопроводного транспорта нефти и нефтепродуктов*. 2014;(3):108–115. <https://elibrary.ru/snllbn>

⁵ Пехтерев Ф.С. Обоснование долгосрочных перспектив объемов перевозок грузов железнодорожным транспортом с использованием межотраслевых балансов. *Экономика железных дорог*. 2013;(12):23–30. <https://elibrary.ru/rlnzzx>

⁶ Малов В., Мелентьев Б., Ионова В. Транспортная безопасность экономики России: опыт количественных оценок. *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2013;(6):120–133. <https://elibrary.ru/rudvwl>; Буфетова А.Н., Вижина И.А., Воробьева В.В. и др. Оптимизация территориальных систем. Новосибирск; 2010. С. 413–436. <https://elibrary.ru/qupifz>; Блам Ю.Ш., Крюков В.А., Малов В.Ю., Токарев А.Н., Чурашев В.Н. Оценка перспектив создания Северного широтного транспортного коридора. В кн.: *Актуализация транспортной стратегии России как необходимое условие обеспечения экономического прорыва и национальной безопасности страны на этапах геополитического противостояния*. Н. Новгород; 2023. С. 308–319. <https://elibrary.ru/jwkgfw>

⁷ Узяков М.Н. Проблемы построения межотраслевой модели равновесия российской экономики. *Проблемы прогнозирования*. 2000;(2):18–33. <https://elibrary.ru/gxujmf>; Суслов В.И., Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М. Проблемы информационного обеспечения межрегиональных межотраслевых моделей. В кн.: *Экономическая политика России в межотраслевом и пространственном измерении: Материалы VI конференции ИМП РАН и ИЭОПП СО РАН по межотраслевому и региональному анализу и прогнозированию*. Томск, 21–22 марта 2024 года. Новосибирск; 2024. С. 85–93. <https://elibrary.ru/rbtsfb>

Анализ литературы показывает, что, несмотря на активное применение названного метода для оценки инфраструктурных проектов, включая нефтегазовые⁸ [15], энергетические [5; 6] и транспортные [7; 8; 22], в исследованиях имеются существенные пробелы. В частности, недостаточно представлен сравнительный анализ именно взаимоисключающих конфигураций единого транспортного коридора. Отмечается разрыв в учете фаз проекта: многие подходы фокусируются либо на инвестиционной [11], либо на эксплуатационной стадии [5; 13]. Для моделирования первоначального экономического импульса нередко применяется упрощенная отраслевая структура инвестиций, что не позволяет полноценно отследить мультипликативные цепочки. Наконец, слабо проработана связь результатов оценки с контекстом текущих инфраструктурных ограничений.

Настоящее исследование направлено на преодоление указанных ограничений. Оно предусматривает сравнительный анализ трех альтернативных проектов коридора с детализацией отраслевой структуры капиталовложений, учетом эффектов инвестиционной и эксплуатационной фаз, а также их интерпретацию в контексте снятия действующих узких мест транспортной сети.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Характеристика объекта исследования: структура и технико-экономические параметры мегапроекта. Варианты строительства *Северо-Сибирской железнодорожной магистрали (Севсиб)* изучались ОАО «Сибгипротранс» еще в 1983–1984 гг. В пояснительной записке камерального трассирования магистраль состоит из трех участков: Восточного, Центрального и Западного. На основе перспективной топологии развития сети железных дорог России⁹ актуальными для рассмотрения остаются первые два отрезка. Западный выход в Нижневартовске примыкает к действующим железным дорогам.

Обсуждаются два варианта Восточного участка: Основной (Усть-Илимск, Чадобец, Ельчимо, мост через Ангару, Абалаково), а также Богучанский (Усть-Илимск, мост через Ангару, Карабула, Пинчуга, мост через Ангару, Ельчимо, мост через Ангару, Абалаково)¹⁰. Первый с длиной пути 932,5 км отражен в перспективной топологии развития сети железных дорог. Он включен в «Стратегию развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года»¹¹, где стоимость его строительства оценена в 230,5 млрд руб. в ценах на 01 января 2007 года, и предполагает сооружение двух тоннелей (каждый по 400 м), а также моста через Енисей длиной 1 188 м.

Центральный участок имеет длину 1 056,4 км и состоит из опорных пунктов: Лесосибирск, Белый Яр, Колпашево, Нижневартовск. Рассматривается и другой

⁸ Новикова Т.С., Гулакова О.И., Ибрагимов Н.М., Ершов Ю.С. Методы оценки инфраструктурных проектов различных типов. В кн.: Анализ, моделирование, управление, развитие социально-экономических систем (АМУР-2021): XV Всероссийская с международным участием школа-симпозиум: сб. науч. тр. Симферополь–Судак, 14–27 сентября 2021 года. Симферополь; 2021. С. 305–307. <https://elibrary.ru/ewqrho>; Гулакова О.И., Новикова Т.С. Оценка инвестиционных проектов с учетом межотраслевых межрегиональных взаимодействий. В кн.: Модели, анализ и прогнозирование пространственной экономики. Новосибирск; 2022. С. 156–195. <https://elibrary.ru/gndekz>

⁹ Стратегия развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.06.2008 г. № 877-р [Электронный ресурс]. URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/1/1010> (дата обращения: 02.02.2026).

¹⁰ Есть и третий вариант Восточного участка – Осиновский, но он находится в сложных топографических условиях.

¹¹ Стратегия развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года...

вариант опорных пунктов Северо-Сибирской железнодорожной магистрали: Усть-Илимск, Кодинск, Ярки, Лесосибирск, Белый Яр, Колпашево, Нижневартовск [2, с. 319]. В данный момент в открытых источниках нет информации о его камеральном трассировании, разведке или изысканиях на местности.

Основной вариант проекта предполагает освоение богатых месторождений нефти и газа Южной Эвенкии и представляет собой реальный опцион на расширение. Он является наиболее изученным и имеет преимущество: необходимость одного мостового перехода Ангары. В Богучанском варианте потребуется строительство двух переходов через Ангару и одного через Енисей, что существенно увеличивает стоимость и строительства, и эксплуатации.

Реализация любого варианта Восточного участка создаст условия для освоения богатых месторождений не только Нижнего Приангарья, но и других сибирских территорий севернее Ангары.

Один из объектов оценки – проект железнодорожной магистрали на участке от Усть-Илимска до Нижневартовска (Основной вариант). Интересно, что ОАО «Сибгипротранс» указывает его строительную длину 1 988,9 км, в то время как большинство современных публикаций – 2 002 км, хотя других работ по обследованию этих территорий не велось¹². Капитальные затраты на его строительство, по аналогии с подобными объектами, составляют 1,24–2,1 трлн руб. (без учета операционных и финансовых затрат) в ценах 2024 года (расчет: 1,06 млрд руб. × 1 988,9 км).

Структура грузопотока: каменный уголь (40 %); руда железная и марганцевая (20); черные металлы (12); лесные грузы (14); нефть и нефтепродукты (9,8); прочее (4,2 %).

Северный широтный ход (СШХ) в настоящее время ближе всего к началу реализации: некоторые участки существующей дороги уже реконструируются. Например, на завершение строительства (усиление) железнодорожной линии «Надым – Пангоды» длиной в 109 км заключен контракт¹³ на 43,166 млрд руб. в ценах 2022 года. С учетом инфляции стоимость модернизации 1 км пути составляет 472 млн руб. в ценах 2024 года.

Обозначим СШХ как проект, который состоит из двух участков. Первый – СШХ-1 (Обская, мост через Обь, Салехард, Надым, мост через Надым, Пангоды). Стоимость строительства и модернизации – 746 млрд руб. в ценах 2024 года, ключевой барьер – мост через Обь в районе Салехарда. Второй – СШХ-2 (Бованенково–Сабетта). Стоимость строительства при пропускной способности 8–10 млн т в год – 180,5 млрд руб. в ценах 2024 года, 1 км пути при протяженности 173 км – более 1 млрд руб. Проект подготовило АО «Ленгипротранс».

Основная структура грузопотока: конденсат газовый (64 %); фракция широких легких углеводородов (7); нефть сырая (18); полиэтилен (7) и прочие грузы, в том числе в контейнерах (4 %).

Нижневартовск – Белый Яр (с опорным пунктом в Колпашево) выделен как связующее звено между Северным широтным ходом и Транссибирской магистралью. Камеральное трассирование участка (в составе Севсиба) выполнялось ОАО «Сибгипротранс».

¹² Суслов В. Северо-Сибирская железнодорожная магистраль: от XIX до XXI века. *Проблемы теории и практики управления*. 2008;(10):33–44. <https://elibrary.ru/jvnvff>

¹³ «Газпром» начал строить железнодорожный участок Северного широтного хода [Электронный ресурс]. Роснедра: Федеральное агентство по недропользованию. URL: <https://clck.ru/3Rbw7J> (дата обращения: 02.02.2026).

Таштагол – Алтай (КНР). Предложен в 2022 году. Ранее рассматривались два варианта через Бийск до Горно-Алтайска (Катунский и Полевой). Реализация проекта предполагает проход через Горно-Алтайск, перевал Канас на городской уезд Алтай (ближайшая железнодорожная станция на севере Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая), который дальше по действующим железным дорогам соединяется с Урумчи.

Переход перевала Канас планировалось осуществить посредством строительства двух тоннелей (длиной 20 км со стороны России и 23 км – со стороны Китая). Если в качестве аналога использовать второй Северомуйский тоннель и опираться на его технико-экономическое обоснование, разработанное Институтом экономики и развития транспорта¹⁴, то минимальная стоимость сооружения на территории России составит 533 млрд руб. в ценах 2024 года и при современных технологиях его возведение займет не меньше 10 лет. Рассматривается замена тоннелей на эстакады; стоимость проекта оценивается в 4,14 трлн руб. [23].

Курагино – Кызыл. Технико-экономическое обоснование проекта выполнено ОАО «Сибгипротранс» в 1982 г. и пересмотрено в 2004 г. Паспорт проекта «Строительство железной дороги Элегест – Кызыл – Курагино ...» был утвержден в 2014 г., но его реализация до сих пор не начата. Предусматривается однопутная железнодорожная линия с тепловозной тягой; пропускная способность – 19 пар поездов в сутки. Эксплуатационная длина участка от Курагино до Кызыла составляет 410 км. Срок реализации проекта – 4 года; требуемый объем капитальных вложений – 212 млрд руб. в ценах 2024 года. Основной груз: каменный уголь.

Кызыл – Урумчи. Представляет собой продолжение проекта Курагино – Кызыл. Строительство требуется также по территории Монголии.

Программа создания Экономического коридора Китай – Монголия – Россия и Транспортная стратегия Республики Тыва до 2030 г.¹⁵ рассматривают два варианта реализации проекта: как основной «Западный железнодорожный коридор» (Кызыл – Хандагайты – Боршо – Ховд (Кобдо) – Такешкен – район Хами – Чанци-Хуэйский автономный округ – Урумчи), а также «Северный железнодорожный коридор» (Кызыл – Цаган-Тологой – Арсурсь – Овот – Эрдэнэт – Салхит-Замын-Удэ – Эрлянъ – Уланчаб-Чжанцзякоу – Пекин – Тяньцзинь), значительная часть которого проходит по территории Монголии, минуя Урумчи.

Проработкой проекта занимается АНО «Корпорация развития Енисейской Сибири», которая суммарно оценивает строительство участка от Курагино до Урумчи (т. е. два последних описанных проекта) в 1 млрд руб. С учетом этого стоимость сооружения магистрали от Кызыла до Урумчи составит 788 млрд руб. Добавим: показатель занижен минимум в два раза. Возможно участие в качестве инвестора Китая – при прокладывании железной дороги на его территории. Однако для расчетов макроэкономической эффективности с использованием метода «затраты–

¹⁴ Представлен проект ТЭО строительства второго Северомуйского тоннеля [Электронный ресурс]. Гудок: сайт. URL: <https://gudok.ru/content/analitika/infrastructure/1444943/> (дата обращения: 02.02.2026).

¹⁵ Программа создания Экономического коридора Китай – Монголия – Россия: принята 23.06.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3SJKy9> (дата обращения: 02.02.2026) ; Об утверждении Транспортной стратегии Республики Тыва до 2030 года: Постановление правительства Республики Тыва от 28.03.2018 г. № 136 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/446686347> (дата обращения: 02.02.2026).

выпуск» необходимо оперировать объемом инвестиций, который «локализован» на территории России.

При условии ввода в эксплуатацию только участка Кызыл – Урумчи (что маловероятно) наполнение грузопотока – каменный уголь. В случае ввода в эксплуатацию проектов Курагино – Кызыл и Кызыл – Урумчи структура грузов Транссиба и БАМа будет сходна, так как транспортные потоки, генерируемые в Европейской части России и Западной Сибири и направленные в КНР, могут обеспечить более эффективный маршрут доставки.

Описание этапов исследования. На первом проводился анализ аналогов крупномасштабных транспортных проектов с целью установления сметной стоимости рассматриваемого проекта.

На втором этапе устанавливалась отраслевая структура и распределялись инвестиции в строительство железнодорожных проектов.

Оценка мультипликативных эффектов от инвестиционной деятельности в создание объектов транспортной инфраструктуры требует распределения инвестиций по соответствующим видам деятельности. Наиболее очевидный способ – увеличить значение конечного спроса по отрасли строительных работ.

Для более точного расчета распределим общую сумму инвестиций между различными отраслями, представленными в симметричной таблице «затраты–выпуск», опубликованной Росстатом. При этом учитывается доля каждой отрасли в зависимости от ее участия в создании объектов железнодорожной инфраструктуры. Укрупненная структура такого распределения дана в таблице 1. Наименования отраслей представлены в формате ОКВЭД 1.1 в соответствии с Базовыми таблицами «затраты–выпуск» за 2016 год¹⁶.

Представленная отраслевая структура инвестирования позволяет корректно идентифицировать источник первичного экономического импульса. В отличие от упрощенного подхода (когда все инвестиции относятся к отрасли «Услуги железнодорожного транспорта») разработанная структура декомпозирует затраты по видам экономической деятельности в соответствии с их фактической ролью в создании коммуникаций.

Как видно из таблицы 1, наибольшая доля (42 %) приходится на строительные работы, что изначально делает отрасль «Строительство» основным реципиентом инвестиций. Существенную роль играют также металлургическое производство (9 %) и транспортное машиностроение (9 %), продукция которых формирует материальную базу новых магистралей. Такой подход в рамках модели «затраты–выпуск» обеспечивает более точную оценку мультипликативных эффектов и общего влияния на рост валового внутреннего продукта (ВВП).

На третьем этапе осуществлялся расчет сбалансированных выпусков отраслей, обеспечивающих заданные варианты конечного спроса на создаваемые объекты железнодорожной инфраструктуры в инвестиционной фазе проекта.

На четвертом этапе была рассчитана добавленная стоимость по всей структуре экономики, после чего выполнялась ее декомпозиция до функциональных элементов.

¹⁶ Базовые таблицы «затраты–выпуск» Российской Федерации за 2016 год [Электронный ресурс]. Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/baz-tzv-2016\(1\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/baz-tzv-2016(1).xlsx) (дата обращения: 30.01.2025).

Затем осуществлялись расчеты, аналогичные проведенным на этапах 3, 4, для эксплуатационной фазы проекта. Прирост конечного спроса генерируется в отраслях, создающих дополнительную нагрузку на железнодорожную сеть (например, за счет прироста экспорта). При этом расчет производился для разных сценариев внешней среды, а именно для различных объемов погрузки.

На пятом этапе определялся мультипликативный эффект по проектам.

Оценка эффектов реализовывалась для двух разных фаз проекта: инвестиционной, или строительной (эффекты генерируются за счет создания объектов инфраструктуры), и эксплуатационной (эффекты создаются дополнительным объемом погрузки как в зоне тяготения новой железной дороги, так и по другим магистралям при снижении грузонапряженности на имеющихся путях).

Методологическая база исследования. Оценка эффектов проводилась с использованием классической модели межотраслевого баланса (модели Леонтьева) [24; 25], которая в векторно-матричной форме имеет вид:

$$X = AX + Y, \text{ или } (I - A)X = Y, \quad (1)$$

где X – вектор-столбец стоимостных объемов выпуска по видам деятельности; A – матрица прямых затрат (технологические коэффициенты); Y – вектор-столбец стоимостных объемов конечного спроса; I – единичная матрица.

Матрица прямых затрат A представляет собой квадратную матрицу n -порядка с коэффициентами a_{ij} , которые показывают затраты продукции i -й отрасли на производство единицы продукции j -й отрасли и рассчитываются следующим образом:

$$a_{ij} = \frac{X_{ij}}{X_j}. \quad (2)$$

Формулу (1) можно представить в виде:

$$X = (I - A)^{-1}Y,$$

где $(I - A)^{-1}$ – квадратная матрица, обратная $(I - A)$.

Матрица коэффициентов полных затрат имеет вид: $B = (I - A)^{-1}$. Ее элементы показывают полный объем выпуска каждой отрасли, необходимый для обеспечения единицы конечного спроса по всем отраслям экономики. Таким образом, B служит матричным мультипликатором, переводящим вектор конечного спроса в вектор валового выпуска.

Расчет добавленной стоимости также проводится с использованием статической модели межотраслевого анализа:

$$z_k = r_k (I - A)^{-1}Y, \quad (3)$$

где z_k – вектор-строка k -го элемента валовой добавленной стоимости ($k = 1, \dots, n$); r_k – вектор-строка коэффициентов прямых затрат k -го элемента добавленной стоимости.

Таким образом, используя выражение (3), можно найти структуру добавленной стоимости по отраслям: оплату труда, налоги на производство, потребление основного капитала, чистую прибыль и др.

Таблица 1. Отраслевая структура инвестиций в железнодорожные проекты, %¹⁷
 Table 1. Sectoral structure of investments in railway projects, %

Отрасли ОКВЭД / OKVED industries	Описание класса (подкласса, подгруппы, группы, подгруппы или вида) / Description of the class (subclass, subgroup, group, sub-group or type)	Доля в затратах / Share in costs
1	2	3
Работы строительные / Construction works	Производство земляных работ; производство общестроительных работ по строительству мостов, тоннелей и подземных дорог. Производство общестроительных работ по прокладке магистральных трубопроводов, линий связи и линий электропередачи. Производство общестроительных работ по строительству железных дорог. Производство бетонных и железобетонных работ / Production of earthworks; production of general construction works for the construction of bridges, tunnels, and underground roads. Production of general construction works for the laying of main pipelines, communication lines, and power transmission lines. Production of general construction works for the construction of railways. Production of concrete and reinforced concrete works	42
Железо, чугун, сталь и ферросплавы, трубы и элементы трубопроводные соединительные, продукция первичной обработки черных металлов прочая / Iron, cast iron, steel and ferroalloys, pipes and connecting pipeline elements, primary ferrous metal processing products, other	Производство горячекатаного и кованого сортового (длинномерного) проката из литой и катаной заготовки, а также из стальных слитков нелегированной, легированной и нержавеющей стали, в том числе рельсов, черновых колес и бандажей, получаемых горячей прокаткой на колесопрокатных и бандажных станах / Production of hot-rolled and forged long-range (long-length) rolled products from cast and rolled billets, as well as from steel ingots of non-alloy, alloy and stainless steel, including rails, roughing wheels and bandages obtained by hot rolling on rolling and banding mills	9
Суда, летательные и космические аппараты, прочие транспортные средства и оборудование / Ships, aircraft and space-craft, other vehicles and equipment	Производство железнодорожного подвижного состава (локомотивов, вагонов и прочего подвижного состава). Производство несамостоятельных железнодорожных вагонов для перевозки грузов / Production of railway rolling stock (locomotives, wagons, and other rolling stock). Production of non-self-propelled railway wagons for cargo transportation	9
Прочие услуги, связанные с предпринимательской деятельностью / Other services related to entrepreneurial activity	Инженерные изыскания для строительства / Engineering surveys for construction	8
Механическое оборудование, станки и прочее оборудование общего или специального назначения / Mechanical equipment, machines, and other general-purpose or special-purpose equipment	Производство двигателей и подъемно-транспортного оборудования / Production of engines and lifting and transport equipment	7

¹⁷ Содержание первого и второго столбцов соответствует классификатору ОКВЭД 1.1 (версия ОКВЭД 1.1 для полной совместимости с опубликованными Базовыми таблицами «затраты-выпуск»), третьего – определяется материалом исследования.

Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3
Изделия из бетона, гипса и цемента, камень и изделия из него; продукция минеральная неметаллическая прочая / Products made of concrete, plaster, and cement, stone and products made of it; other non-metallic mineral products	Производство изделий из бетона для использования в строительстве (производство строительных изделий из бетона, цемента и искусственного камня: плит, кирпича, листов, панелей, труб, шпал, столбов и т. п.), а также сухих бетонных смесей / Production of concrete products for use in construction (production of construction products made of concrete, cement, and artificial stone: slabs, bricks, sheets, panels, pipes, sleepers, poles, etc.), as well as dry concrete mixtures	5
Электрические машины и электрооборудование / Electrical machinery and electrical equipment	Производство электродвигателей, генераторов и трансформаторов. Производство изолированных проводов и кабелей. Производство электрооборудования для двигателей и транспортных средств / Production of electric motors, generators, and transformers. Production of insulated wires and cables. Production of electrical equipment for engines and vehicles	5
Прочие / Other	Прочие виды деятельности / Other activities	4
Цемент, известь и гипс / Cement, lime, and gypsum	Производство цемента / Cement production	3
Продукция горнодобывающих производств прочая / Other mining products	Добыча гравия, песка и глины / Extraction of gravel, sand, and clay	3
Конструкции строительные металлические, резервуары, цистерны и аналогичные емкости из металлов / Construction of metal structures, tanks, cisterns, and similar metal containers	Производство строительных металлических конструкций и изделий / Production of metal structures and products for construction	2
Древесина и изделия из дерева и пробки (кроме мебели) / Wood and wood products (except furniture)	Распиловка и строгание древесины; пропитка древесины / Sawing and planing of wood; impregnation of wood	1
Изделия полимерные / Polymer products	Производство пластмассовых изделий, используемых в строительстве / Production of plastic products used in construction	1
Автотранспортные средства, прицепы и полуприцепы / Motor vehicles, trailers, and semi-trailers	Производство контейнеров, предназначенных для перевозки одним или несколькими видами транспорта / Production of containers intended for transportation by one or more modes of transport	1

Источник: здесь и далее таблицы составлены авторами по материалам исследования.

Source: Here and below, the tables are compiled by the authors based on the research materials.

Кроме того, выражение (3) предоставляет возможность определить затраты элементов добавленной стоимости, которые обеспечивают конечное потребление: расходы домашних хозяйств на конечное потребление, расходы государственного управления (на индивидуальные товары и услуги, коллективные услуги); валовое накопление капитала и другие элементы конечного спроса. Для этого выражение (3) необходимо представить в виде:

$$z_k^s = r_k^s (I - A)^{-1} Y^s, \quad (4)$$

где z_k^s – вектор-строка k -го элемента добавленной стоимости, который обеспечивает s -ю функциональную часть конечного спроса; Y^s – вектор-столбец s -й функциональной части конечного спроса.

Методические уточнения:

1) все стоимостные показатели приведены в сопоставимых ценах с учетом инфляционной корректировки к уровню декабря 2024 года, если иное не указано специально. Инфляционная корректировка осуществлялась с применением официальных индексов производителей. Для приведения к ценам 2024 года использованы индексы цен производителей по соответствующим товарным группам;

2) экспортные потоки в межотраслевом балансе учтены в ценах FOB (Free On Board, т. е. «свободно на борту»). Это означает, что в стоимость экспортных потоков включены только внутренние российские транспортные расходы (затраты на международную перевозку, страхование и таможенное оформление в стране назначения не указаны).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнение перечисленных проектов в разрезе объемов капитальных вложений приведено в таблице 2.

Т а б л и ц а 2. Объем капитальных вложений по шести проектам, трлн руб.

Table 2. Capital investment volume by project, trillion rubles

Проект / Project	Объем капитальных вложений / Volume of capital investments
1. Севсиб (Усть-Илимск – Нижневартовск) / Sevsib (Ust-Ilimsk – Nizhnevartovsk)	1,24–2,10
2. Северный широтный ход (СШХ-1 и СШХ-2) (Сабетта – Бованенково) / Northern Latitudinal Route (NLR-1 and NLR-2) (Sabetta – Bovanenkovo)	0,93
3. Нижневартовск – Белый Яр / Nizhnevartovsk – Bely Yar	0,56
4. Таштагол – Алтай (КНР) / Tashtagol – Altai (China)	4,14
5. Курагино – Кызыл / Kuragino – Kyzyl	0,21
6. Кызыл – Урумчи / Kyzyl – Urumqi	0,79

Мегапроекты и их эффективность. Перечисленные проекты были скомбинированы в мегапроекты для того, чтобы иметь сквозной транспортный коридор (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. Рассматриваемые комбинации проектов (мегапроекты), трлн руб.

Table 3. Project combinations under consideration (megaprojects), trillion rubles

Мегапроект / Megaproject	Комбинация проектов / A combination of projects	Объем капитальных вложений / Capital investment volume	Опорные пункты (кратко) / Support points (briefly)	Магистраль / Mainline
I	1, 2	2,60	Усть-Илимск, Сабетта / Ust-Ilimsk, Sabetta	широтная / latitudinal
II	2, 3, 4	5,62	Сабетта, Таштагол, Алтай (КНР), Колпашево / Sabetta, Tashtagol, Altai (China), Kolpashevo ¹⁸	меридиональная / meridional
III	2, 3, 5, 6	2,48	Сабетта, Курагино, Кызыл, Урумчи / Sabetta, Kuragino, Kyzyl, Urumqi	меридиональная / meridional

На основе межотраслевого анализа рассчитывались и сопоставлялись прирост валового выпуска, ВВП, доходы бюджета и мультипликативный эффект для трех мегапроектов в сравнении с базовым сценарием («без проекта») (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. Сравнительная оценка макроэкономических эффектов от реализации мегапроектов относительно сценария «без проекта»

Table 4. Comparative assessment of macroeconomic effects from the implementation of megaprojects relative to the “no project” scenario

Мегапроект / Megaproject	Показатель / Indicator	Эффект / Effect		
		от инвестиций в создание транспортной инфраструктуры за весь период строительства, % / from investments in the creation of transport infrastructure over the entire construction period, %	среднегодовой на этапе эксплуатации от прироста объема погрузки, ежегодно в двух сценариях, млн т / average annual during the operation phase from the increase in loading volume, annually in two scenarios, million tons	
1	2	3	4	5
I	Прирост валового выпуска, % / Increase in gross output, %	2,69	0,62	1,27
	Прирост ВВП, % / GDP growth, %	2,55	0,59	1,20
	Прирост доходов бюджета, % / Budget revenue growth, %	2,01	0,42	0,89
	Мультипликативный эффект на ВВП после 10 лет эксплуатации / Multiplicative effect on GDP after 10 years of operation	–	1,75	3,56

¹⁸ Маршруты II и III мегапроектов на некоторых участках совпадают. В связи с этим в данной таблице они представлены не полностью, а с указанием различающихся опорных пунктов.

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5
	Прирост валового выпуска, % / Increase in gross output, %	6,19	1,12	1,62
	Прирост ВВП, % / GDP growth, %	5,52	1,06	1,50
II	Прирост доходов бюджета, % / Budget revenue growth, %	4,35	0,70	1,12
	Мультипликативный эффект на ВВП после 10 лет эксплуатации / Multiplicative effect on GDP after 10 years of operation	–	1,45	2,05
	Прирост валового выпуска, % / Increase in gross output, %	2,55	0,60	1,26
	Прирост ВВП, % / GDP growth, %	2,44	0,58	1,19
III	Прирост доходов бюджета, % / Budget revenue growth, %	1,92	0,41	0,88
	Мультипликативный эффект на ВВП после 10 лет эксплуатации / Multiplicative effect on GDP after 10 years of operation	–	1,79	3,69

С использованием формул (3) и (4) была определена структура добавленной стоимости в ценах 2024 года по мегапроекту III (табл. 5). Применялся сценарный подход: расчеты выполнялись для двух вариантов грузопотока (15 и 45 млн т). Очевидно, что при сценарии для 45 млн т валовая добавленная стоимость выше, однако главная цель расчета – продемонстрировать разницу между вариантами.

Таблица 5. Структура валовой добавленной стоимости мегапроекта III, трлн руб.

Table 5. Structure of gross value added, Mega Project III, trillion rubles

Элемент валовой добавленной стоимости / Element of gross value added	Сценарий погрузки, млн т / Loading scenario, million tons	
	15	45
Оплата труда / Wages	53,1	55,7
Другие налоги за вычетом других субсидий на производство / Other taxes less other production subsidies	1,5	1,6
Потребление основного капитала / Consumption of fixed capital	20,0	20,8
Чистая прибыль (чистый смешанный доход) / Net profit (net mixed income)	60,3	64,7
Валовая добавленная стоимость / Gross value added	135,0	142,8

Доля непосредственно инвестиционных эффектов относительно небольшая, и они не специфичны для транспортных проектов, поскольку могут наблюдаться при реализации объектов разного назначения. Таким образом, основной экономический эффект обусловлен дополнительным выпуском продукции на этапе эксплуатации проекта.

Создание новых транспортных коридоров приводит не только к росту объемов производства, но и к существенной экономии времени доставки существующих

грузов, что позволяет снизить потребность в оборотном капитале. Этот эффект значим для товаров с высокой добавленной стоимостью, где временной фактор играет критическую роль в формировании конечной цены продукции. Экономия возникает благодаря сокращению периода замораживания средств в процессе транспортировки, что ускоряет оборачиваемость капитала предприятий и снижает их финансовые издержки.

Вариативность данного эффекта зависит от типа груза: она значительна для высокотехнологичной продукции, скоропортящихся товаров и изделий с коротким жизненным циклом, менее выражена – для массовых сырьевых грузов. Точная оценка эффекта требует учета множества факторов, включая стоимость капитала для грузовладельцев, длительность транспортного цикла и долю логистической составляющей в стоимости продукции. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к определению экономической эффективности новых транспортных проектов, учитывающего как прямые, так и косвенные эффекты от сокращения времени доставки.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, с точки зрения макроэкономической эффективности все мегапроекты продуктивны даже в пессимистическом сценарии (увеличение погрузки на 15 млн т). Наибольший мультипликативный эффект (3,69) дает мегапроект III (Сабетта, Курагино, Кызыл, Урумчи), на 2-м месте – Севсиб (3,56). Однако с учетом темпов прироста ВВП максимальным нужно признать эффект более затратного мегапроекта II (Сабетта, Таштагол, Алтай (КНР)), что объясняется разным объемом инвестиций. Другими словами, если цель государства – дать быстрый и мощный импульс экономике в связи с такой стройкой, то Мегапроект II эффективнее. Если же в приоритете долгосрочная отдача на вложенный рубль (эффективность инвестиций), то лидирует Мегапроект III.

В исследовании не моделируется источник финансирования инвестиционных проектов. Предполагается, что средства выделяются в рамках утвержденных бюджетных ассигнований, без углубления в вопросы перераспределения бюджетных средств или накопления бюджетного дефицита. Соответственно, не рассматриваются такие эффекты, как возможное сокращение других государственных расходов, инфляционное давление, связанное с эмиссионным способом финансирования бюджетного дефицита, изменение процентных ставок в результате увеличения государственных заимствований.

Полученные результаты следует интерпретировать как оценку потенциального максимального экономического эффекта от реализации проектов при условии их полного финансирования и отсутствия бюджетных ограничений. Для более глубокого анализа с учетом фискальных и монетарных последствий рекомендуется использовать модели общего экономического равновесия (*Computable General Equilibrium, CGE*) или гибридные, сочетающие межотраслевой анализ с макроэкономическим моделированием.

Эффекты от реализации крупномасштабных железнодорожных проектов формируют системный экономический импульс, распределяемый практически по всем отраслям экономики. При этом конечный бенефициар таких проектов не столь очевиден, как при оценке коммерческой эффективности. Хотя мегапроект III

демонстрирует наибольшую результативность в рамках 10-летнего периода расчета мультипликативного эффекта, на большем горизонте (выше 30 лет) результаты могут измениться.

Важно учитывать специфику проектов. Так, мегапроект II обеспечивает выход на Урумчи без захода на территорию Монголии, что существенно снижает транзакционные издержки, связанные с двукратным пересечением монгольской границы. Однако мегапроект I, объединяющий Северо-Сибирскую магистраль и Северный широтный ход, имеет лишь один экспортный выход через порт Сабетта. Его реализация будет способствовать освоению месторождений Нижнего Приангарья, а восточный участок проекта стыкуется с уже перегруженной Байкало-Амурской магистралью.

Таким образом, оценить только экономическую эффективность недостаточно, проекты необходимо исследовать системно, с учетом социальных, экологических, фискальных и монетарных аспектов. В частности, за пределами исследования оказалось обеспечение транспортной связанности Республик Алтай и Тыва с другими регионами посредством железной дороги.

Проведенное исследование сознательно ограничено анализом межотраслевого баланса как наиболее разработанного и формализованного подхода к оценке производственно-экономических эффектов и оставляет другие аспекты (социальные, экологические и др.) для последующих публикаций.

Ограничения исследования связаны с тем, что используемая модель межотраслевых связей построена в реальном выражении и не учитывает динамику цен на продукцию отраслей. Это означает, что полученные оценки экономического эффекта от реализации проектов отражают рост физического объема выпуска, но не учитывают возможные инфляционные последствия или изменение относительных цен в зависимости от структуры дополнительного спроса.

Развитие используемой методологии в контексте включения ценового блока и построения модели вычислимого общего равновесия позволит значительно повысить точность и информативность анализа. В будущих исследованиях это даст возможность учитывать обратные связи между изменением спроса, предложения и уровня цен, а также анализировать влияние проектов на инфляционную динамику и структурные сдвиги в экономике.

Результаты данного исследования представляют практическую ценность для органов государственного управления и институтов развития. Они могут использоваться при формировании транспортной стратегии, обосновании бюджетных ассигнований и выборе приоритетных инфраструктурных проектов на основе критерия макроэкономической, а не только коммерческой эффективности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Назукина М.В., Старцева А.С. Мегапроекты как инструмент политики идентичности в регионах России (на примере универсиадов в Казани и Красноярске). *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2023;15(1):84–102. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-84-102>
2. Анализ и оценка процессов создания и развития в Азиатской России транспортной магистральной сети различного назначения. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН СО РАН; 2024. 484 с. <https://doi.org/10.36264/978-5-89665-385-1-2024-021-484>

3. Шилов А.А. Макроструктурный анализ и прогнозирование в современных условиях развития экономики. *Проблемы прогнозирования*. 2022;(5):43–57. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-194-43-57>
4. ten Raa T. Efficiency and Input-Output Analyses: Theory and Applications. World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd; 2021. 432 p. <https://doi.org/10.1142/12131>
5. Bandyopadhyay S., Biswas P.K., Pratap D., Joshi L., Sahu A.K. Economic Impact Analysis of a Mega Project on Petroleum Refinery: A Case Study of the Proposed Ratnagiri Refinery in Maharashtra. *Margin: The Journal of Applied Economic Research*. 2023;16(3/4):254–277. <https://doi.org/10.1177/09738010221150552>
6. Vasconcellos H.A.S., Couto L.C. Estimation of Socioeconomic Impacts of Wind Power Projects in Brazil's Northeast Region Using Interregional Input-Output Analysis. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021;(149):111376. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.111376>
7. Kalyviotis N., Rogers C.D.F., Hewings G.J.D. The Economic Value of Transport Infrastructure in the UK: An Input-Output Analysis. *Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Engineering Sustainability*. 2025;178(5):369–381. <https://doi.org/10.1680/jensu.24.00015>
8. Freelove S., Gramatki I. Creating Long-Term Social Value on Major Infrastructure Projects: A Case Study. *Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Engineering Sustainability*. 2022;175(4):186–193. <https://doi.org/10.1680/jensu.21.00082>
9. Duan Y., Dietzenbacher E., Los B., Yang C. Processing Trade in Chinese Interregional Input-Output Tables: Construction and Application. *Economic Systems Research*. 2023;35(4):566–585. <https://doi.org/10.1080/09535314.2021.2012430>
10. Oosterhaven J. Price Re-Interpretations of the Basic IO Quantity Models Result in the Ultimate Input-Output Equations. *Economic Systems Research*. 2024;36(2):191–200. <https://doi.org/10.1080/09535314.2022.2159792>
11. Steenge A.E., Reyes R.C. Return of the Capital Coefficients Matrix. *Economic Systems Research*. 2020;32(4):439–450. <https://doi.org/10.1080/09535314.2020.1731682>
12. Long Y., Liu Y., Zhao T., Zhang Z., Lei X., Yang Y. Optimal Allocation of Water Resources in the Middle Route of South-to-North Water Diversion Project Based on Multi-Regional Input-Output Model. *Journal of Hydrology*. 2024;(637):131381. <https://doi.org/10.1016/j.jhydrol.2024.131381>
13. Nourelfath M., Lababidi H.M.S., Aldowaisan T. Socio-Economic Impacts of Strategic Oil and Gas Megaprojects: A Case Study in Kuwait. *International Journal of Production Economics*. 2022;(246):108416. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2022.108416>
14. Vanegas-Cantarero M.M., Pennock S., Bloise-Thomaz T., Jeffrey H., Dickson M.J. Beyond LCOE: A Multi-Criteria Evaluation Framework for Offshore Renewable Energy Projects. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2022;(161):112307. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2022.112307>
15. Машкова А.Л., Бахтизин А.Р. Анализ отраслевой структуры и динамики товарообмена между Россией, Китаем, США и Европейским союзом в условиях торговых ограничений. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2023;16(3):54–80. <https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.3>
16. Моисеев Н.А., Внуков И.А., Сокирин П.О. Оценка эффектов различных вариантов импортозамещения методом «затраты–выпуск» на примере Российской Федерации. *Экономика и математические методы*. 2023;59(1):30–47. <https://doi.org/10.31857/S042473880024869-4>
17. Душенин А.И., Ершов Ю.С., Ибрагимов Н.М. Импортоемкость регионов российской экономики. *Экономика региона*. 2024;20(1):33–47. <https://elibrary.ru/kbbapj>
18. Готовский А.В. Углубление сотрудничества с КНР в контексте китайской модели экономического роста. *Вопросы экономики*. 2023;(9):84–102. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-9-84-102>
19. Моисеев Н.А., Внуков И.А., Ребека Е.Е. Моделирование ценового баланса отраслей с учетом роли промежуточного производителя в условиях закрытой экономики. *Экономика и математические методы*. 2023;59(4):32–44. <https://doi.org/10.31857/S042473880028236-8>
20. Чепель А.А., Чернявский А.В. Методологические и информационные проблемы оценки региональных мультипликаторов «затраты–выпуск». *Экономический журнал ВШЭ*. 2022;26(1):37–68. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-1-37-68>
21. Торопцев Е.Л., Мараховский А.С. Анализ макроструктурной динамики в рамках методологии «затраты–выпуск». *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2022;(1):12–30. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-1>

22. Ивантер В.В., Узьяков М.Н., Широ́в А.А. и др. Использование метода межотраслевого баланса для научного обоснования стратегического развития железнодорожной системы России. М.: УП Принт; 2015. 208 с. <https://elibrary.ru/tstnzn>
23. Воробьев В.С., Пак М.В., Попова Ю.В. Формирование экспортно-ориентированного коридора в зоне тяготения Северо-Сибирской железнодорожной магистрали. *Вестник евразийской науки*. 2024;16(5):8. <https://elibrary.ru/efmkpd>
24. Ксенофонтов М.Ю., Широ́в А.А., Ползиков Д.А., Янговский А.А. Оценка мультипликативных эффектов в российской экономике на основе таблиц «затраты–выпуск». *Проблемы прогнозирования*. 2018;29(2):109–105. <https://elibrary.ru/ylxlftr>
25. Hewings G.J.D. Regional Input-Output Models in the U.K.: Some Problems and Prospects for the Use of Nonsurvey Techniques. *Regional Studies*. 1971;5(1):11–22. <https://doi.org/10.1080/09595237100185021>

REFERENCES

1. Nazukina M., Startseva A. Megaprojects as an Instrument of Identity Policy in Russian Regions (the Case of Universiade in Kazan and Krasnoyarsk). *Ars Administrandi*. 2023;15(1):84–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-1-84-102>
2. Analysis and Evaluation of the Processes of Creation and Development of a Transport Backbone Network for Various Purpose in Asian Russia. Ed. by Shirov A.A., Tarasova O.V. Novosibirsk: IEIE; 2024. 484 p. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.36264/978-5-89665-385-1-2024-021-484>
3. Shirov A.A. Macrostructural Analysis and Forecasting in Modern Conditions of Economic Development. *Studies on Russian Economic Development*. 2022;(5):43–57. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47711/0868-6351-194-43-57>
4. ten Raa T. Efficiency and Input-Output Analyses: Theory and Applications. World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd; 2021. 432 p. <https://doi.org/10.1142/12131>
5. Bandyopadhyay S., Biswas P.K., Pratap D., Joshi L., Sahu A.K. Economic Impact Analysis of a Mega Project on Petroleum Refinery: A Case Study of the Proposed Ratnagiri Refinery in Maharashtra. *Margin: The Journal of Applied Economic Research*. 2023;16(3/4):254–277. <https://doi.org/10.1177/09738010221150552>
6. Vasconcellos H.A.S., Couto L.C. Estimation of Socioeconomic Impacts of Wind Power Projects in Brazil's Northeast Region Using Interregional Input-Output Analysis. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2021;(149):111376. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.111376>
7. Kalyviotis N., Rogers C.D.F., Hewings G.J.D. The Economic Value of Transport Infrastructure in the UK: An Input-Output Analysis. *Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Engineering Sustainability*. 2025;178(5):369–381. <https://doi.org/10.1680/jensu.24.00015>
8. Freelove S., Gramatki I. Creating Long-Term Social Value on Major Infrastructure Projects: A Case Study. *Proceedings of the Institution of Civil Engineers – Engineering Sustainability*. 2022;175(4):186–193. <https://doi.org/10.1680/jensu.21.00082>
9. Duan Y., Dietzenbacher E., Los B., Yang C. Processing Trade in Chinese Interregional Input-Output Tables: Construction and Application. *Economic Systems Research*. 2023;35(4):566–585. <https://doi.org/10.1080/09535314.2021.2012430>
10. Oosterhaven J. Price Re-Interpretations of the Basic IO Quantity Models Result in the Ultimate Input-Output Equations. *Economic Systems Research*. 2024;36(2):191–200. <https://doi.org/10.1080/09535314.2022.2159792>
11. Steenge A.E., Reyes R.C. Return of the Capital Coefficients Matrix. *Economic Systems Research*. 2020;32(4):439–450. <https://doi.org/10.1080/09535314.2020.1731682>
12. Long Y., Liu Y., Zhao T., Zhang Z., Lei X., Yang Y. Optimal Allocation of Water Resources in the Middle Route of South-to-North Water Diversion Project Based on Multi-Regional Input-Output Model. *Journal of Hydrology*. 2024;(637):131381. <https://doi.org/10.1016/j.jhydrol.2024.131381>
13. Nourelfath M., Lababidi H.M.S., Aldowaisan T. Socio-Economic Impacts of Strategic Oil and Gas Megaprojects: A Case Study in Kuwait. *International Journal of Production Economics*. 2022;(246):108416. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2022.108416>

14. Vanegas-Cantarero M.M., Pennock S., Bloise-Thomaz T., Jeffrey H., Dickson M.J. Beyond LCOE: A Multi-Criteria Evaluation Framework for Offshore Renewable Energy Projects. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. 2022;(161):112307. <https://doi.org/10.1016/j.rser.2022.112307>
15. Mashkova A.L., Bakhtizin A.R. Analyzing the Industry Structure and Dynamics of Commodity Exchange between Russia, China, the USA and the EU under Trade Restrictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2023;16(3):54–80. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/esc.2023.3.87.3>
16. Moiseev N., Vnukov I., Sokerin P. Evaluation of the Effects from Various Ways of Import Substitution “Input–Output” Method: Evidence from the Russian Federation. *Economics and the Mathematical Methods*. 2023;59(1):30–47. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S042473880024869-4>
17. Dushenin A.I., Ershov Yu.S., Ibragimov N.M. Import Intensity of the Russian Economy. *Economy of Regions*. 2024;20(1):33–47. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/kbbapj>
18. Gotovsky A.V. Deepening Cooperation with China in the Context of its Economic Growth Model. *Voprosy Ekonomiki*. 2023;(9):84–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2023-9-84-102>
19. Moiseev N., Vnukov I., Rebeka E. Modeling the Price Balance of Industries with Intermediate Producers in the Closed Economy. *Economics and the Mathematical Methods*. 2023;59(4):32–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S042473880028236-8>
20. Chepel A., Chernyavskiy A. Regional Input-Output Multipliers: Methodological and Informational Issues. *HSE Economic Journal*. 2022;26(1):37–68. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-1-37-68>
21. Toroptsev E.L., Marakhovskii A.S. Analysis of Macrostructural Dynamics Framed by the “Input–Output” Methodology. *Journal of the New Economic Association*. 2022;(1):12–30. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-53-1-1>
22. Ivanter V.V., Uzyakov M.N., Shirov A.A. et al. [Using the Inter-Industry Balance Method for Scientific Substantiation of the Strategic Development of the Russian Railway System.] Moscow: UP Print; 2015. 208 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/tstnzn>
23. Vorobyov V.S., Pak M.V., Popova Yu.V. The Formation of an Export-Oriented Corridor in the Gravity Zone of the North Siberian Railway. *The Eurasian Scientific Journal*. 2024;16(5):8. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/efmkpd>
24. Ksenofontov M.Y., Shirov A.A., Polzikov D.A., Yantovskii A.A. Assessing Multiplier Effects in the Russian Economy: Input-Output Approach. *Problemy prognozirovaniya*. 2018;29(2):109–105. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/ylxlfir>
25. Hewings G.J.D. Regional Input-Output Models in the U.K.: Some Problems and Prospects for the Use of Nonsurvey Techniques. *Regional Studies*. 1971;5(1):11–22. <https://doi.org/10.1080/09595237100185021>

Об авторах:

Пятаев Максим Викторович, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой системного анализа и управления проектами Сибирского государственного университета путей сообщения (630049, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0844-7574>, Researcher ID: B-8139-2013, Scopus ID: 57214103863, SPIN-код: 8480-9705, procedure@inbox.ru

Быкадоров Сергей Александрович, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры системного анализа и управления проектами Сибирского государственного университета путей сообщения (630049, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2585-143X>, Researcher ID: I-4343-2016, Scopus ID: 57193671235, SPIN-код: 4011-0450, byser1@yandex.ru

Серкова Юлия Кирилловна, ассистент кафедры системного анализа и управления проектами Сибирского государственного университета путей сообщения (630049, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2535-1234>, SPIN-код: 8806-2319, serkovajulia09@yandex.ru

Вклад авторов:

М. В. Пятаев – разработка концепции; курирование данных; формальный анализ; получение финансирования; проведение исследования; разработка методологии; административное руководство исследовательским проектом; научное руководство; визуализация; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

С. А. Быкадоров – проведение исследования; валидация результатов; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Ю. К. Серкова – валидация результатов; формальный анализ.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 17.02.2025; одобрена после рецензирования 08.07.2025; принята к публикации 16.07.2025.

About the authors:

Maksim V. Pyataev, Cand.Sci (Econ.), Associate Professor, Head of the Chair of Systems Analysis and Project Management, Siberian Transport University (191 Dusi Kovalchuk St., Novosibirsk 630049, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0844-7574>, Researcher ID: B-8139-2013, Scopus ID: 57214103863, SPIN-code: 8480-9705, procedure@inbox.ru

Sergey A. Bykadorov, Dr.Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Chair of Systems Analysis and Project Management, Siberian Transport University (191 Dusi Kovalchuk St., Novosibirsk 630049, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2585-143X>, Researcher ID: I-4343-2016, Scopus ID: 57193671235, SPIN-code: : 4011-0450, byser1@yandex.ru

Yulia K. Serkova, Assistant of the Chair of Systems Analysis and Project Management, Siberian Transport University (191 Dusi Kovalchuk St., Novosibirsk 630049, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-2535-1234>, SPIN-code: 8806-2319, serkovajulia09@yandex.ru

Contribution of the authors:

М. В. Пятаев – conceptualization; data curation; formal analysis; funding acquisition; investigation; methodology; project administration; supervision; visualization; writing – review and editing.

С. А. Быкадоров – investigation; validation; writing – review and editing.

Ю. К. Серкова – validation; formal analysis.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 17.02.2025; revised 08.07.2025; accepted 16.07.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.121-142><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/kdakgs>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 331.108.2:339

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Кадровый потенциал торговли:
региональные особенности и проблема дефицита****И. Н. Краковская** ✉ **Н. С. Комлева**

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет,
<https://ror.org/02hf6mx60>
(г. Саранск, Российская Федерация)
✉ krakovskayain@mail.ru*

Аннотация

Введение. В условиях ужесточения кадрового дефицита и конкуренции, распространения новых цифровых форматов торговли актуализируется необходимость пересмотра кадровых практик торгового бизнеса с учетом мировых тенденций и регионального ресурсного потенциала. Цель статьи – исследование проблем кадрового обеспечения и дефицита персонала в организациях торговли в регионе (на примере Республики Мордовия).

Материалы и методы. Проведен статистический анализ данных Росстата за 2019–2023 гг., а также социологического опроса (онлайн-анкетирование с использованием Google Forms) 372 руководителей и предпринимателей торговой сферы Мордовии (2024 г.). Выборка сформирована целенаправленно и отражает структуру торгового бизнеса республики (доля микропредприятий – 88 %). Применялись методы группировки и сравнительного анализа.

Результаты исследования. Установлено, что недостаток кадров в торговле Мордовии усугубляется комплексной ресурсодефицитностью республики: низкими доходами населения, миграционным оттоком, дотационностью бюджета. Основные причины текучести кадров: переезд в другие регионы, неблагоприятные условия и низкая оплата труда (менее 50 % от уровня Москвы). Опрос выявил доминирование оперативных HR-практик (повышение зарплат, гибкий график), низкую вовлеченность в цифровизацию и слабое взаимодействие с образовательными учреждениями.

Обсуждение и заключение. Доказано, что в ресурсодефицитных регионах кадровый менеджмент торговых организаций приобретает адаптивный характер и в значительной степени зависит от общей социально-экономической ситуации. Практическая значимость результатов определяется разработкой рекомендаций для региональных органов власти по корректировке политики в сфере занятости и поддержки торгового бизнеса, а также для руководителей торговых организаций по совершенствованию кадрового менеджмента в условиях ограниченных ресурсов.

© Краковская И. Н., Комлева Н. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: кадровый менеджмент, кадровое обеспечение, ресурсодефицитный регион, оптовая и розничная торговля, кадровый дефицит

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Краковская И.Н., Комлева Н.С. Кадровый потенциал торговли: региональные особенности и проблема дефицита. *Регионоведение*. 2026;34(1):121–142. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.121-142>

Human Resource Potential in Trade: Regional Peculiarities and the Problem of Deficit

I. N. Krakovskaya ✉, N. S. Komleva

National Research Mordovia State University, <https://ror.org/02hf6mx60>
(Saransk, Russian Federation)

✉ krakovskayain@mail.ru

Abstract

Introduction. In the context of increasing labor shortages, competition, and the spread of new digital retail formats, the need to review retail businesses' HR practices, taking into account global trends and regional resource potential, is becoming increasingly urgent. The purpose of this article is to examine the issues of staffing and labor shortages to retail organizations in the region (using the Republic of Mordovia as an example).

Materials and Methods. A statistical analysis of Rosstat data for 2019–2023, as well as a sociological survey (online questionnaire using Google Forms) of 372 managers and entrepreneurs of the Mordovia's trade sector (2024). The sample was formed purposefully and reflects the structure of the republic's trading business (the share of microenterprises is 88 %). Methods of grouping and comparative analysis were used.

Results. It was found that the labor shortage in Mordovia's retail sector is exacerbated by the republic's complex resource shortages: low incomes, migration outflow, and budget subsidies. The main reasons for staff turnover include relocation to other regions, unfavorable working conditions, and low wages (less than 50 % of Moscow's level). The survey revealed a predominance of operational HR practices (salary increases, flexible schedules), low engagement in digitalization, and weak collaboration with educational institutions.

Discussion and Conclusion. It has been proven that in resource-deficient regions, HR management in retail organizations is adaptive and largely dependent on the overall socioeconomic situation. The practical significance of these results lies in the development of recommendations for regional authorities to adjust employment policies and support for retail businesses, as well as for retail managers to improve HR management in resource-constrained environments.

Keywords: HR management, staffing, resource-deficient region, wholesale and retail trade, personnel shortage

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Krakovskaya I.N., Komleva N.S. Human Resource Potential in Trade: Regional Peculiarities and the Problem of Deficit. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):121–142. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.121-142>

ВВЕДЕНИЕ

Торговля является динамично развивающейся отраслью мирового хозяйства, в том числе отечественной экономики, одной из крупнейших сфер приложения трудовой и предпринимательской активности населения. Мировая тенденция к расширению онлайн-бизнеса, государственная политика поддержки предпринимательских инициатив и цифровизации экономики способствуют росту масштабов и появлению новых форматов торговли в России. При этом негативное влияние оказывают санкции, инфляция, низкий уровень доходов населения, демографические проблемы, нехватка квалифицированного персонала. Три последних фактора

проявляются неравномерно в региональном аспекте, оказывая на торговлю более выраженное отрицательное воздействие в так называемых ресурсодефицитных регионах, которые испытывают сложности с привлечением инвестиций и предотвращением миграционного оттока населения.

Нехватка рабочей силы становится все более распространенной проблемой, усугубляющейся на подъеме экономического цикла. Особенно подвержены кадровому дефициту инновационные и быстрорастущие компании, а также компании в регионах с ограниченным предложением трудовых ресурсов [1; 2]. Розничная и оптовая торговля входит в пятерку сфер деятельности с наибольшим числом вакансий, количество которых ежегодно увеличивается, и лидирует по hh-индексу (на одну вакансию линейного персонала приходится в среднем меньше двух соискателей)¹. Упрощенные входные требования облегчают приход новых работников в эти секторы, но одновременно способствуют высокой текучести кадров [3; 4], гендерному и возрастному дисбалансу (преобладанию работниц-женщин, сотрудников среднего и старшего возраста).

Дефицит кадров и изменение структуры занятых в торговле подпитываются стремительным ростом онлайн-сегмента (включая маркетплейсы, сервисы экспресс-доставки продуктов), что резко повысило спрос на курьеров, сборщиков и комплектовщиков заказов, операторов кол-центров и т. д. [5; 6]. Все большую популярность приобретают омниканальные розничные платформы и экосистемы, которые объединяют онлайн- и офлайн-торговлю, требуют соответствующего кадрового обеспечения и формируют особый тип занятости – платформенную [7–11]. Нехватка человеческого капитала может стать серьезным препятствием для развития отрасли, поскольку предпринимателям становится труднее привлекать, мотивировать и удерживать сотрудников.

Кадровый дефицит привел организации торговли и индивидуальных предпринимателей, занятых в этой сфере, к пересмотру кадровой политики, причем в разных странах и регионах прослеживаются похожие тенденции [12; 13].

В слабо развитых и удаленных от центра России регионах торговый бизнес сталкивается с более выраженными проблемами кадрового дефицита и имеет меньший потенциал для их решения². Это связано, во-первых, с невысоким потребительским спросом, что определяет: 1) низкие финансовые возможности по привлечению персонала за счет высоких заработных плат и социальных пакетов; 2) как правило, отсутствие реальных возможностей радикальной цифровизации бизнес-процессов [14]. Кроме того, вытеснение региональных торговых организаций федеральными сетями повышает конкуренцию за работников и сокращает финансовый потенциал местных предпринимателей [15].

Во-вторых, – с особенностями миграции. Жители периферии и депрессивных регионов переселяются в Москву, Подмоскowie, Санкт-Петербург и Ленинградскую область, малых населенных пунктов – в крупные и крупнейшие [16]. Молодежь склонна к переезду в целях учебы и трудоустройства: если в обеих столицах

¹ Рынок труда в ритейле: кадровый голод, рост зарплат и бюджетов на подбор [Электронный ресурс]. URL: <https://www.retail.ru/articles/rynok-truda-v-riteyle-2023-kadrovyy-golod-rost-zarplat-i-byudzhetrov-na-podbor/> (дата обращения: 01.03.2025).

² Мальцева Е. Какие регионы в большей степени страдают от дефицита кадров [Электронный ресурс]. URL: <https://ura.news/news/1052753144> (дата обращения: 01.03.2025).

и Центральном федеральном округе к переезду в другой регион готовы 11–13 % экономически активных жителей 18–24 лет, то в Приволжском и Сибирском – 21, в Дальневосточном федеральном округе – 25 %³. Иностранцами мигрантами региона с низким уровнем жизни населения рассматриваются как непривлекательные либо как транзитные с последующим переездом⁴.

Цель настоящего исследования – изучить проблемы кадрового дефицита и кадрового обеспечения организаций торговли в регионе (на примере Республики Мордовия).

Гипотеза исследования: в ресурсодефицитных регионах кадровый менеджмент организаций торговли приобретает адаптивный, преимущественно оперативный (краткосрочный) характер, обусловленный общей социально-экономической ситуацией региона, и в значительной степени зависит от нее, что выражается в доминировании таких практик, как повышение зарплат и гибкий график при слабом развитии стратегических мер (цифровизации, взаимодействия с образовательными учреждениями, инвестиций в обучение).

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблемам обновления кадровых практик в постпандемийный период в связи с развитием цифровой экономики и усугублением кадрового дефицита посвящены, например, работы⁵ [17; 18]. Подчеркивается необходимость повышения гибкости HR-политики в условиях формирования рынка труда нового типа – «рынка работника»; обозначаются возможности и перспективы применения современных цифровых и HR-технологий для преодоления дефицита персонала, его привлечения и удержания, в том числе представителей поколений Z и Альфа; отмечается, что использование труда мигрантов перестало играть значимую роль в решении проблемы дефицита кадров [19–21].

Нехватка рабочей силы, ставшая очевидной после пандемии, повысила потребность в автоматизации торговых и логистических процессов [22; 23]. В связи с этим предлагаются различные решения на основе новых технологий, помогающие минимизировать ручной труд и снизить нагрузку на торговый персонал, в частности беспилотные грузоперевозки, кассы самообслуживания, электронные ценники, «умные полки», роботизация [9; 15; 24; 25].

Современные цифровые технологии (искусственный интеллект, машинное обучение, Интернет вещей, интеллектуальные датчики, платформы, приложения для социальных сетей или облачные сервисы) предоставляют широкие возможности для существенного повышения производительности компаний в сфере продаж [9; 26; 27]. В то же время потенциал новых инструментов продаж и автоматизации в контексте замены продавцов может быть целесообразен для некоторых бизнес-моделей, но

³ Чем дальше регион от столицы, тем чаще молодежь готова к переезду ради работы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.superjob.ru/pro/6137/> (дата обращения: 01.03.2025).

⁴ Региональная экономика: комментарии ГУ [Электронный ресурс]. Доклад Центрального банка Российской Федерации. № 33. URL: https://cbr.ru/analytics/dkp/reg_review/ (дата обращения: 01.03.2025).

⁵ Sayyadi M., Provitera M. Developing and Implementing HR Strategy on the Cusp of the Digital Era. *International HR Adviser*. Summer. 2023;17–18. Available at: <https://clck.ru/3RAjJE> (accessed 01.03.2025); Sheetal S.K., Agarwal C., Kumar M.S. HR Strategies in the Context of Millennial and Alpha Generation. *Rabindra Bharati University Journal of Economics*. 2024;(17):90–95. Available at: <https://clck.ru/3RAjLp> (accessed 01.03.2025).

ограничен и неэффективен для других (например, в случае высокой сложности продаж, в ситуациях, требующих эмпатии и адаптивности) [26].

Готовность работников торговли к проявлению эмпатии и адаптивности, лояльность к работодателю, в свою очередь, повышаются вследствие не только адекватного материального стимулирования, но и реализации комплексных программ обучения, облегчения труда (сокращения рутинных, физически тяжелых и стрессовых операций), поддержания организационной «культуры признания заслуг» [2; 28–31]. Намерение остаться в компании связано с соответствием требованиям и ценностям фирмы, с отношениями в коллективе, а также с финансовыми, моральными, карьерными и другими затратами и упущенными выгодами, обусловленными увольнением⁶. Высокая текучесть кадров, с одной стороны, повышает физическую и психическую нагрузку на оставшихся сотрудников, что снижает их производительность, с другой – вызывает необходимость постоянного найма и обучения нового персонала, что создает дополнительные издержки для фирм и негативные связи с общественностью [3; 4; 31].

В целом меры по преодолению кадрового дефицита в торговле сводятся к действиям оперативного и стратегического характера, а также их комбинациям [19; 32]. Среди первых повышение заработной платы; снижение возрастных и квалификационных требований к персоналу; привлечение к работе подростков, студентов, женщин в декретном отпуске, лиц с ограниченными возможностями здоровья; внедрение гибких графиков работы; компенсация стоимости медосмотра, питания, проживания для иногородних, затрат на патенты для сотрудников-мигрантов; нестандартные методы рекрутинга (например, бонусы для покупателей, порекомендовавших новых работников в компанию, розыгрыши дорогостоящих призов для сотрудников)⁷ [31].

Стратегические решения предполагают инвестиции в реорганизацию, автоматизацию и цифровизацию рабочих процессов; внутренние программы обучения персонала, долгосрочное взаимодействие с вузами и ссузами по подготовке и переподготовке работников, профориентации молодежи; построение HR-бренда⁸ [15; 19; 32].

С региональной точки зрения (в разрезе субъектов Российской Федерации) проблема кадрового обеспечения торговли изучена в значительно меньшей степени. Официальная статистика по кадровому дефициту в разрезе субъектов РФ и видов экономической деятельности сильно запаздывает (в феврале 2025 года на сайте Росстата были представлены данные за 2022 г.). Есть небольшое число научных публикаций по некоторым аспектам проблемы и отдельно взятым регионам [32], исследования рекрутинговых (HeadHunter, SuperJob) и информационных агентств⁹, отдельные сообщения и доклады министерств и ведомств¹⁰.

⁶ Nilsson H., Backman M. Retail Employee Turnover and Turnover Destinations – the Role of Human Capital. *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*. 2025;35(1):78–102. <https://doi.org/10.1080/09593969.2024.2370256>

⁷ Рудницкая М., Брызгалова Е. Как ритейл и общепит борются с дефицитом кадров [Электронный ресурс]. URL: https://shoppers.media/articles/12764_kak-riteil-i-obshhepit-boriutsia-s-deficitom-kadrov (дата обращения: 01.03.2025).

⁸ Какой будет для торговли 2025 год: дефицит кадров [Электронный ресурс]. URL: <https://retailer.ru/kakoj-budet-dlja-torgovli-2025-god-deficit-kadrov/> (дата обращения: 01.03.2025).

⁹ Названы регионы России с наибольшим дефицитом кадров [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2024/02/20/nazvany-regiony-rossii-s-naibolshim-defitsitom-kadrov/>; Мальцева Е. Какие регионы в большей степени страдают от дефицита кадров...

¹⁰ Региональная экономика: комментарии ГУ...

Таким образом, хотя кадровый дефицит является острой проблемой для организаций торговли как в мире, так и в России, тем не менее исследования, рассматривающие вопросы адаптации отрасли в ресурсодефицитных регионах к ситуации кадрового дефицита, достаточно малочисленны и фрагментарны.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Дизайн исследования и источники данных. Исследование сочетает вторичный анализ данных и первичный социологический опрос. Статистический анализ базируется на материалах Росстата¹¹ и Мордовиястата¹² (2019–2023 гг.). Эмпирическую базу сформировали результаты авторского анкетирования, проведенного в апреле 2024 года.

Процедура и выборка эмпирического исследования. Сбор данных осуществлялся методом онлайн-анкетирования (инструмент – Google Forms) при организационной поддержке Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия.

Генеральная совокупность – руководители, кадровые специалисты и индивидуальные предприниматели в торговле Республики Мордовия ($N = 10\,446$ чел.). Объем выборочной совокупности составил 372 респондента (3,6 %).

Выборка является целевой и стратифицированной: 17 % респондентов – руководители и специалисты по кадрам, 83 – индивидуальные предприниматели; 88 % респондентов представляют микропредприятия (до 15 работников). Опыт работы в отрасли больше 10 лет имеют 55 % опрошенных.

Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Методы анализа данных. Инструментарий исследования – авторская анкета – прошел процедуру валидизации посредством пилотного тестирования, что позволило оптимизировать формулировки вопросов, проверить логическую структуру анкеты и скорректировать шкалирование ответов.

Обработка эмпирических данных включала комплекс аналитических процедур: статистическую группировку по основным признакам и сравнительный анализ выделенных подгрупп.

Предварительная подготовка данных к анализу предусматривала очистку от дублирующих записей, обработку пропущенных значений, выявление и проверку аномальных наблюдений.

Для проведения расчетов использовался пакет Microsoft Excel. В процессе анализа применялись инструменты сводных таблиц, статистические функции, фильтрация данных.

Достоверность полученных результатов подтверждена путем сопоставления эмпирического материала с официальной статистической информацией Росстата и Мордовиястата. Многоступенчатый контроль качества данных и перекрестная проверка выводов обеспечили обоснованность заключений исследования.

¹¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. Росстат. М.; 2024. 1081 с.

¹² Рынок труда и занятость населения: Основные показатели [Электронный ресурс]. Мордовиястат. URL: <https://13.rosstat.gov.ru/folder/27966> (дата обращения: 01.03.2025).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные факторы социально-экономического развития региона, влияющие на трудовую ресурсодефицитность и риски кадрового дефицита. Мордовия отличается дефицитом всех видов ресурсного потенциала [33]. Согласно данным крупнейшего в России рейтингового агентства RAEX, по уровню инвестиционного потенциала (оцениваемого показателями природно-ресурсного, трудового, производственного, потребительского, инфраструктурного, инновационного, институционального, финансового и туристического потенциалов)¹³ республика занимает среди российских регионов 67-е место¹⁴.

Стратегически значимые запасы полезных ископаемых и рекреационные ресурсы, выход к морю и крупным речным артериям отсутствуют. Общая численность населения – менее 760 тыс. чел. Его естественная и миграционная убыль, продолжающаяся с 1990-х гг., только за 2020–2025 гг. составила 25 тыс. чел. Доля населения старше трудоспособного возраста превышает средний российский показатель (28 против 23 % в РФ). Среднедушевые денежные доходы местных жителей в 1,75 раза ниже среднего по РФ значения, и этот разрыв сохраняется на протяжении минимум 15 лет¹⁵.

В рейтингах Центра экономических исследований «РИА Рейтинг», характеризующих уровень и качество жизни населения регионов РФ, Мордовия занимает места в последнем квартиле¹⁶. По данным международного рейтингового агентства «Эксперт РА», экономическое здоровье республики в 2024 г. оценивалось как 3В («ниже среднего»)¹⁷. Уровень бюджетной обеспеченности на 2025 г. составил 0,73 (при среднем по РФ 1,00)¹⁸, что говорит о дотационности и недостаточном ресурсном потенциале региона.

Совокупность факторов ресурсодефицитности (слабый природно-ресурсный, производственный, потребительский, инфраструктурный, инновационный, финансовый потенциал региона, низкий уровень доходов населения) вызывает отток из региона квалифицированных кадров, молодежи и нехватку трудовых ресурсов. Организации многих видов деятельности в Мордовии (включая торговлю) в последние годы ищут оперативные и стратегические способы преодоления кадрового дефицита.

Торговля является одним из социально значимых видов экономической деятельности для республики: в сфере оптовой и розничной торговли здесь работают

¹³ Рейтинг регионов по инвестиционному потенциалу. Методология исследования [Электронный ресурс]. Сайт рейтинговой группы RAEX. URL: <https://raex-rr.com/methods/7/> (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁴ Инвестиционный потенциал российских регионов в 2020 году [Электронный ресурс]. Там же. URL: https://raex-rr.com/regions/investment_appeal/investment_potential_of_regions/2020/ (дата обращения: 01.03.2025).

¹⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024...

¹⁶ Рейтинг регионов по доходам населения – 2024 [Электронный ресурс]. РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20241021/630271231.html> (дата обращения: 15.07.2025).

¹⁷ Экономическое здоровье российских регионов в условиях турбулентности относительно стабильно [Электронный ресурс]. Эксперт РА. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/health_regions_2025/ (дата обращения: 25.05.2025).

¹⁸ Уровень расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации после распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации и индекс бюджетных расходов субъектов Российской Федерации на 2025 год [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=310183 (дата обращения: 25.05.2025).

более 50 тыс. чел. (14 % всех занятых в экономике региона). Среднегодовая численность занятых в торговле Мордовии растет темпами, сопоставимыми со средними по РФ и Приволжскому федеральному округу, но удельный вес занятых отстает от российских и средних по округу значений, а также от показателей экономически развитых территорий (табл. 1).

Финансовые показатели развития торговли в республике (рентабельность активов, оборот на душу населения) также ниже средних по России (табл. 2). Это обусловлено, в том числе, относительно низким платежеспособным спросом при малой численности и невысоких среднедушевых доходах населения региона.

Кадровые практики торговых организаций в Мордовии. Анализ результатов социологического опроса представителей торговых организаций и предпринимателей республики позволил выявить наиболее дефицитные профессии и сложные для заполнения вакансии, популярные инструменты привлечения и удержания сотрудников, проблемы текучести персонала и ее причины, планы в отношении управления персоналом, развития и реорганизации бизнеса.

Выяснилось, что HR-практики в рассматриваемой сфере в условиях кадрового дефицита, с одной стороны, соответствуют российским тенденциям, с другой – имеют специфику, обусловленную ресурсодефицитностью и неравномерностью социально-экономического развития региона. Так, организации торговли в Мордовии в наибольшей степени испытывают потребность в продавцах (26 % опрошенных руководителей) и водителях (11 %), что согласуется с общероссийской практикой. На недостаток специалистов по бизнесу и администрированию указали только 4 % участников опроса, специалистов по информационно-коммуникационным технологиям – 5, служащих, связанных с подготовкой документации, учетом и обслуживанием – 8 % респондентов. При этом в развитых регионах страны в торговле востребованы бизнес-аналитики, маркетологи, специалисты по информационным технологиям (ИТ) и логистике.

Особенностью Мордовии является низкая потребность торговых организаций в курьерах и сборщиках заказов (ее отметили меньше 3 % респондентов), что связано с недостаточным, в сравнении с передовыми регионами, развитием онлайн-торговли, особенно в районах республики.

Маркетплейсы в России стали важным каналом продаж как для малого и среднего бизнеса, так и для крупных компаний. Однако в Мордовии, согласно результатам опроса, 50 % руководителей в торговле в 2024 г. не ощущали существенного влияния маркетплейсов, агрегаторов, электронных сервисов на деятельность организации; 16 % – с электронными площадками не работают, продвигают бизнес в социальных сетях, через свой сайт и т. п. Только 17 % респондентов считают, что маркетплейсы – это конкуренты, из-за которых они теряют выручку и кадры, и 10 % руководителей успешно работают на электронных площадках.

В перспективе трех и пяти лет структура вакансий в торговле региона, по мнению опрошенных, сохранится или изменится незначительно: 33 % представителей торговых организаций республики не испытывают потребности в новых кадрах в настоящее время, 17–20 % считают, что так будет и в дальнейшем. Темпы развития торговли в регионе характеризуются как замедленные в сравнении со среднероссийскими на фоне отсутствия современных стратегий развития кадрового потенциала.

Таблица 1. Численность занятых по виду экономической деятельности TOR, %
Table 1. The number of people employed by type of economic activity WRT, %

Год / Year	Среднегодовая численность занятых, всего, тыс. чел. / The average annual number of people employed, total, thousand people			Индекс роста среднегодовой численности занятых (в сравнении с предыдущим годом) / The index of growth of the average annual number of employed (compared to the previous year)			Удельный вес среднегодовой численности занятых в общей среднегодовой численности занятых в экономике / The share of the average annual number of employed in the total average annual number of employed in the economy		
	РМ / RM	РФ / RF	ПФО / VFVD	РМ / RM	РФ / RF	ПФО / VFVD	РМ / RM	РФ / RF	ПФО / VFVD
2019	52,7	13 496,9	2 377,7	–	–	–	13,6	19,0	17,7
2020	47,2	13 045,7	2 313,1	89,6	96,7	97,3	12,9	18,8	17,6
2021	51,6	13 236,3	2 397,4	109,3	101,5	103,6	13,8	18,7	17,8
2022	54,8	13 250,7	2 413,7	106,2	100,1	100,7	14,2	18,6	17,9
2023	52,7	13 391,2	2 409,0	96,2	101,1	99,8	14,3	18,4	17,6

Примечания / Notes: 1) Здесь и далее таблицы составлены авторами по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024... / Here and below, the tables are compiled by the authors using data from: Regions of Russia. Socioeconomic Indicators. 2024... ; 2) TOR – условное сокращение для вида экономической деятельности «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (Общероссийский классификатор видов экономической деятельности: разделы 45–47) / WRT is a conditional abbreviation for the type of economic activity “Wholesale and retail trade; repair of motor vehicles and motorcycles” (Russian Classification of Economic Activities: sections 45–47) ; 3) РМ – Республика Мордовия, РФ – Российская Федерация, ПФО – Приволжский федеральный округ / RM – Republic of Mordovia, RF – Russian Federation, VFVD – Volga Federal District.

Таблица 2. Основные финансовые показатели развития торговли в Республике Мордовия и в России, %
Table 2. The main financial indicators of trade development in the Republic of Mordovia and Russia, %

Год / Year	Оборот розничной торговли (в фактически действовавших ценах) на душу населения, руб. / Retail trade turnover (in actual prices) per capita, rubles			Рентабельность активов организаций по виду экономической деятельности TOR / Profitability of assets of organizations by type of economic activity WRT			Удельный вес убыточных организаций, от их общего числа по виду экономической деятельности TOR / The share of unprofitable organizations by type of economic activity WRT		
	РМ / RM	РФ / RF	ПФО / VFVD	РМ / RM	РФ / RF	ПФО / VFVD	РМ / RM	РФ / RF	ПФО / VFVD
2019	121 994	227 345	3,2	7,4	23,3	35,8			
2020	125 839	229 329	-0,9	3,1	30,3	20,0			
2021	148 644	268 120	4,2	13,3	18,2	14,0			
2022	175 093	290 205	5,3	6,7	10,0	15,0			
2023	241 199	329 159	6,9	6,7	23,5	21,3			

Сроки закрытия вакансий различаются по категориям работников. Так, поиск специалистов в сфере бизнеса и администрирования осуществляется от 2–3 недель до полугода, ИТ-специалистов – около месяца. Квалифицированный вспомогательный персонал (водители, ремонтники и др.) подбирается в течение 2–3 месяцев, неквалифицированный – от недели до месяца.

Наблюдается четкая градация каналов рекрутинга. Наиболее востребованы традиционные методы: обращение в службу занятости (озвучили 37 % опрошенных) и размещение объявлений в СМИ (23 %). Вместе они закрывают 60 % вакансий, что подчеркивает приверженность работодателей устоявшимся механизмам подбора. Цифровые платформы (Работа.ру, hh.ru и др.) используются реже – 18 %, т. е. внедрение онлайн-инструментов происходит медленно. Менее популярны расклейка объявлений (12 %) и работа с учебными заведениями (11 %). Прочие каналы (кадровые агентства, неформальные сети, межрегиональный поиск) имеют суммарно низкую долю, оставаясь второстепенными.

В ходе исследования на вопрос «Чем ваша организация привлекает и удерживает персонал?» участники анкетирования указали ряд факторов, среди которых наиболее весомую роль играют материальные стимулы и гибкость трудовых условий. Так, высокую заработную плату отметили 40 % опрошенных представителей торговых организаций. Существенное значение имеют гибкий график работы (этот инструмент используют 28 % компаний) и дополнительные выплаты (премии и т. п.), на которые ориентированы 25 % респондентов. Именно эти три механизма демонстрируют наибольшую эффективность в кадровой работе.

Несколько меньшая значимость характерна для социального пакета (24 %), репутационных и бытовых факторов: имиджа успешной организации и хорошего работодателя (15), обеспечения питания (15 %). Кроме того, в 13 % организаций ставка делается на обучение претендентов без профильного образования и опыта работы, что способствует расширению пула потенциальных сотрудников.

Такие инструменты, как повышение квалификации и карьерный рост, доставка к рабочему месту, обеспечение жильем на время работы и возможность удаленной занятости, встречаются значительно реже и не оказывают заметного влияния на привлечение и удержание персонала в торговой сфере региона.

В этом смысле кадры и бизнес в торговле республики следуют общероссийским и даже мировым HR-практикам. Однако в развитых регионах с высоким уровнем заработной платы работники становятся более чувствительными к немонетарным инструментам мотивации и удержания в компании (гибкий график, частичная занятость, обучение, карьерный рост, условия труда, климат в коллективе), и торговые организации постепенно отказываются от «гонки зарплат». В республике же, вследствие низкого уровня оплаты труда в целом, менеджеры торговых организаций и индивидуальные предприниматели планируют для привлечения сотрудников и в дальнейшем повышать заработную плату и дополнительные выплаты.

Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата торгового персонала в Мордовии в последние годы отставала от среднереспубликанской, составляя немногим более 60 % от средней в торговле РФ и менее 50 % от заработной платы работников торговли в Москве и Санкт-Петербурге, которые являются «точками притяжения» трудовых мигрантов из республики (табл. 3). Это создавало и создает дополнительные стимулы для текучести кадров.

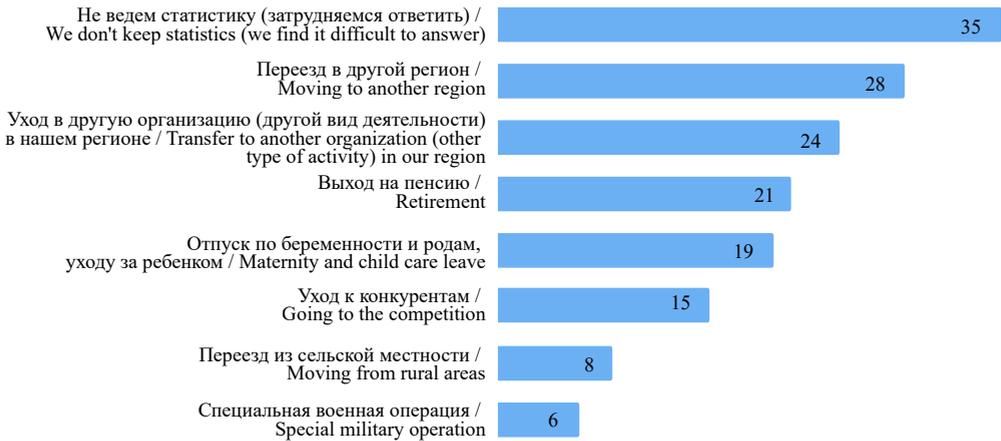
Таблица 3. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций Мордовии в сравнении со среднероссийскими показателями

Table 3. Average monthly nominal accrued wages of employees of Mordovia organizations compared to the Russian average

Регион / Region	Год / Year				
	2019	2020	2021	2022	2023
<i>Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций, руб. / The average monthly nominal accrued salary of employees in the full range of organizations, rubles</i>					
PM / RM	24 150	27 257	30 521	34 982	40 661
РФ / RF	40 137	41 867	50 389	57 806	66 226
г. Москва / Moscow	74 868	74 854	94 130	104 986	105 664
г. Санкт-Петербург / Saint-Petersburg	58 160	60 474	69 018	80 853	83 990
ПФО / VFD	26 268	27 842	32 800	38 575	47 186
<i>Отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников организаций, % / The ratio of the average monthly nominal accrued wages of employees organizations, %</i>					
к среднему уровню по PM / to the RM average level	83,8	87,6	88,5	88,5	89,5
к среднему в РФ уровню по виду экономической деятельности TOP / to the average level in the RF for the type of economic activity WRT	60,2	65,1	60,6	60,5	61,4
к среднему в ПФО уровню по виду экономической деятельности TOP / to the average level in the VFD for the type of economic activity WRT	91,9	97,9	93,1	90,7	86,2

Ритейл в республике на протяжении многих лет остается отраслью с самым высоким уровнем текучести кадров. Общий процент текучести персонала в их организации респонденты оценили следующим образом: 83 % – около 20 %, 12 – как 20–30, 5 % – на уровне 34–50 % и выше. Самый высокий показатель (более 50 %) характерен для неквалифицированных работников, менее 20 % – для квалифицированных работников по основной деятельности и квалифицированного вспомогательного персонала. Проблема универсальна не только в российской, но и в мировой практике: 1) сотрудники часто меняют работу в поисках лучших условий труда; 2) на коэффициент текучести кадров влияет статус исполнителя (чем ниже квалификация и должность, тем быстрее уходят, на высоких позициях задерживаются максимально долго).

В результате опроса выяснилось, что значительная доля организаций (35 %) не ведет учет текучести кадров. Это может свидетельствовать о недостаточной развитости HR-аналитики, системы мониторинга кадровых рисков на предприятиях. Однако, отвечая на вопрос «Каковы причины текучести кадров в Вашей организации?», 28 % опрошенных главным фактором назвали переезд работника в другой регион РФ, 24 % – уход в другую организацию (рис. 1). Основные причины ухода персонала в другую организацию – это низкий уровень заработной платы, отсутствие карьерного роста и перспектив развития, неподходящие условия труда. Последний сегмент требует особого внимания, поскольку включает управляемые факторы.

Р и с. 1. Распределение мнений респондентов о причинах текучести кадров в организациях торговли Республики Мордовия, %

F i g. 1. Distribution of respondents' opinions on the causes of staff turnover in trade organizations of the Mordovia Republic, %

Источник: Здесь и далее рисунки подготовлены авторами по результатам социологического опроса.

Source: Hereinafter the drawings were prepared by the authors based on the results of a sociological survey.

На текучесть персонала, трудности с наймом и формирование кадрового дефицита в торговых организациях, по мнению участников опроса, влияют: занятость полный рабочий день; отсутствие возможности удаленной работы и гибкого графика; ночная работа; работа в выходные и праздничные дни; необходимость замещать недостающий персонал, выполнять работу сверх прямых обязанностей (рис. 2).

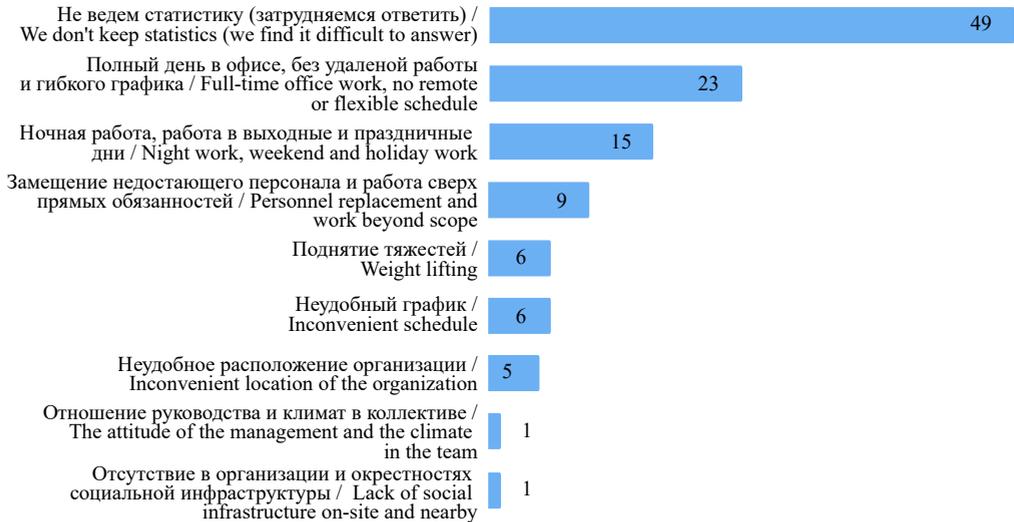
Почти в половине случаев (49 %) статистика причин увольнений не ведется, а следовательно, не могут быть приняты адекватные и эффективные меры для снижения текучести кадров и повышения привлекательности работы в своей организации.

В качестве адаптационных стратегий, позволяющих компенсировать сложности с набором персонала, руководители ориентируются на снижение квалификационных требований: 42 % опрошенных в последнее время в целом снизили ожидания от соискателей, 20 % – по отдельным категориям работников. Главными способами закрытия потребности в кадрах являются: наем сотрудников без профильного образования и опыта работы, обучение на рабочем месте (45 %), переманивание специалистов из других организаций (23), расширение возрастных границ найма за счет привлечения молодежи и лиц «серебряного возраста» (23 %). Предполагается, что данная тенденция в перспективе сохранится.

Возрастная структура персонала торговых организаций республики, согласно полученным данным, следующая. Преобладающая группа – от 40 до 49 лет (больше чем в 50 % организаций), на 2-м месте – категория от 50 до 59 лет (14), доля сотрудников моложе 25 лет представлена минимально (1 %). При этом в восприятии ситуации руководителями преобладает нейтральная позиция: 20 % не видят проблемы с омоложением коллектива в их организации, считая текущий уро-

вень молодых кадров достаточным; 49 % – полагают, что возраст работников не принципиален. Только 28 % управленцев признают наличие проблемы в том, что молодежь не хочет трудоустроиваться или быстро увольняется, и лишь 3 % указали на необходимость омоложения кадрового состава для решения задач по развитию бизнеса. Как проблемы были отмечены также недостаток молодых специалистов в ряде муниципальных районов республики (23 % опрошенных), их низкий уровень подготовки, дисциплины и мотивации (13 % опрошенных).

Р и с. 2. Распределение мнений респондентов о факторах условий труда, в наибольшей степени вызывающих неприятие со стороны действующего персонала и соискателей вакансий в организациях торговли Республики Мордовия, %

Fig. 2. Distribution of respondents' opinions on the factors of working conditions that most cause rejection by current staff and job seekers in trade organizations of the Mordovia Republic, %

Стратегии предпринимателей в торговле Мордовии по обеспечению кадровой потребности неоднородны: готовы нанимать выпускников вузов, ссузов – 27 %; брать студентов на практику с перспективой трудоустройства – 20; заключать договоры о целевом обучении, направлять сотрудников на повышение квалификации, переподготовку в вузы и ссузы, участвовать в разработке и реализации программ профессиональной подготовки и переподготовки – лишь 3–6 %. Отказываются взаимодействовать с образовательными учреждениями 25 % менеджеров. Основная масса руководителей (39 %) ориентирована на специалистов с опытом работы (рис. 3), что может быть связано как со стремлением минимизировать затраты на адаптацию и обучение, дефицитом внутренних ресурсов для развития персонала, так и с высоким спросом на узкоспециализированные компетенции, которые сложно сформировать с нуля.

Перспективы развития кадрового потенциала и кадрового менеджмента торговых предприятий Мордовии. В 2021–2024 годах в большинстве исследованных организаций расходы на обучение персонала остались неизменными. В перспективе менее 10 % респондентов планируют тратить средства на обучение сотрудников, 33 % – не планируют увеличивать расходы на персонал.

Р и с. 3. Распределение мнений респондентов о необходимости и формах взаимодействия с вузами и ссузами для решения кадровых проблем, %

F i g. 3. Distribution of respondents' opinions on the need and forms of interaction with universities and colleges to solve personnel problems, %

Оптимизацию административных процессов в торговой сфере региона провели 7 % опрошенных руководителей и специалистов; аналогичная доля (7 %) планирует осуществить такие изменения в будущем. При этом подавляющее большинство – 36 % респондентов – не проводили оптимизацию и не намерены делать это в перспективе.

Цифровизацию бизнес-процессов (как основных, так и административных) реализовали лишь 5 % участников опроса; 25 % опрошенных четко обозначили, что не планируют внедрять цифровые решения в своей деятельности. Это может свидетельствовать о недостаточности финансовых возможностей, недопонимании современных бизнес-тенденций и рисков, попытке продолжать бизнес по отработанной схеме, даже если она становится неконкурентоспособной.

Подавляющее большинство при этом понимает, что кадровый дефицит сохранится. Уже закрыли некоторые торговые точки в связи с этим 11 % опрошенных предпринимателей, 7 % планируют закрыть. В сложившихся условиях бизнес демонстрирует разную стратегию адаптации. В дальнейшем 46 % предпринимателей планируют справиться имеющимися силами; 28 – привлекать персонал даже ценой роста затрат, поскольку это необходимо для развития организации; 13 – совершенствовать деятельность организации, чтобы снизить потребность в сотрудниках; 10 % предпринимателей – сокращать деятельность организации в отсутствие специалистов. Небольшая часть опрошенных (3 %) затруднилась определить дальнейшую стратегию в условиях кадрового дефицита.

Для решения проблемы обеспечения кадрами руководители торговых организаций планируют задействовать меры государственной поддержки. Наиболее популярны среди них использование государственных информационных ресурсов в сети Интернет (28 % опрошенных), участие в мероприятиях, организуемых Торгово-промышленной палатой Республики Мордовия и центром «Мой бизнес» (23 %). Заметная доля респондентов намерена обращаться к такому инструменту, как ярмарки вакансий (17 %), и рассчитывает на получение налоговых льгот (16 %).

При этом целевое обучение кадров рассматривают в качестве возможного решения лишь 7 % руководителей и 9 % – не используют указанные меры государственной поддержки. Это может быть связано как с недостаточной информированностью о доступных механизмах, так и с отсутствием объективной потребности в них либо с сомнениями в их практической эффективности.

По мнению предпринимателей и руководителей, предотвращение оттока кадров из региона требует комплексного подхода. Наиболее значимыми мерами они считают развитие здравоохранения, включая расширение сети учреждений и повышение качества медицинских услуг (67 % респондентов). Существенную роль, по оценкам участников опроса, играют поддержка малого бизнеса (62 %) и создание новых рабочих мест (61 %). Также в качестве значимого фактора удержания кадров называлось развитие инфраструктуры: строительство и ремонт дорог, благоустройство территорий, повышение доступности и качества связи и Интернета (58 % опрошенных). Почти половина респондентов (49 %) выступает за введение дополнительных льгот по обеспечению жильем.

В то же время актуализация образовательных программ вузов и ссузов в соответствии с потребностями предприятий и организаций республики рассматривается как необходимое, но менее приоритетное направление – его отметил 21 % участников опроса.

Таким образом, результаты анализа статистических показателей развития Мордовии и торговли в регионе, а также проведенного опроса представителей торгового бизнеса республики демонстрируют наличие факторов, усугубляющих трудовую ресурсодефицитность и оказывающих негативное влияние на кадровую обеспеченность оптовой и розничной торговли, а именно:

- низкого платежеспособного спроса,
- специфической сегментации рынка по социальному, половозрастному и географическому признакам (преобладания эконом-сегмента покупателей, их неравномерного распределения по муниципальным районам),
- отставания во внедрении передовых бизнес-моделей продаж, ограниченного финансового потенциала,
- недостаточности преимуществ для конкуренции с крупными торговыми сетями за рынок и работников.

Вследствие этого торговый бизнес приспосабливается к ситуации, применяя в основном меры оперативного характера (повышение заработной платы и дополнительных выплат, гибкие графики работы), поскольку решение проблемы кадрового дефицита связывается не с практиками осуществляемого HR-менеджмента и модернизацией бизнес-моделей, а с повышением уровня и качества жизни в регионе.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существенной проблемой, затрудняющей развитие экономики многих стран мира (в том числе России) в последние годы, является кадровый дефицит, который наиболее остро ощущается в торговле. Кадровому обеспечению предприятий торговли в современных условиях уделяется все больше внимания, поскольку от этого зависят удовлетворенность покупателей, конкурентные преимущества бизнеса, реализация планов развития. Наличие гибкой, адекватной кадровой политики

сегодня становится одним из главных факторов конкуренции. При этом в развитых регионах торговый бизнес конкурирует за рабочую силу с предприятиями как торговли, так и других отраслей, а в ресурсодефицитных – еще и с более благополучными регионами, куда специалисты переезжают в поисках лучших условий труда и жизни.

Опрос показал, что HR-практики регионального торгового бизнеса в Мордовии (исключая федеральные сети) в основном характеризуются как оборонительные, используют стратегии адаптации и/или ограниченного роста. Инвестиции в персонал (в частности, в целевое обучение) и новые технологии (автоматизацию и цифровизацию процессов) практически не рассматриваются как долгосрочный способ решения проблемы кадрового дефицита при недостатке финансовых возможностей. Значительная часть предпринимателей реагируют на эту проблему повышением нагрузки на действующий трудовой состав либо ведут бизнес при минимальном штате или отсутствии наемных сотрудников (ИП).

Показательно, что предприниматели, работающие в торговле республики, в большей степени связывают решение проблемы кадрового дефицита не с адресными государственными мерами по подготовке и информированию соискателей, а с повышением уровня и качества жизни населения.

Результаты исследования подтвердили гипотезу о влиянии региональных особенностей на степень выраженности проблемы кадрового дефицита в торговле и способы ее решения. Ресурсодефицитность региона предопределяет низкие уровень и качество жизни населения, порождает миграционные настроения у наиболее пассионарной его части, вызывает повышение среднего возраста и снижение мотивации остающихся жителей (особенно в муниципальных районах). Это накладывает ряд ограничений на развитие регионального торгового бизнеса и его HR-практики.

Негативные факторы, усиливая друг друга, отражаются на кадровом обеспечении и HR-менеджменте торговых организаций в ресурсодефицитном регионе (например, в Республике Мордовия) тем более выражено, чем больший дефицит ресурсов свойствен территории (региону, муниципальному району, населенному пункту).

Таким образом, в современных условиях ресурсодефицитные регионы и действующие в них организации сталкиваются с особыми вызовами в области управления человеческими ресурсами. Кадровый менеджмент в сфере торговли здесь должен быть направлен на привлечение, удержание и развитие квалифицированных специалистов. Выбор конкретных практик зависит от специфики региона, целей торговой организации и имеющихся ресурсов. Успешная кадровая политика в ситуации ресурсного дефицита требует комплексного подхода, инновационных решений и активного взаимодействия заинтересованных сторон.

В целях сохранения конкурентоспособности руководству торговых организаций республики необходимо уделять особое внимание проактивным мерам удержания, развития, привлечения и адаптации персонала, шире использовать как лучшие HR-практики, так и региональные меры государственной поддержки бизнеса. Это позволит оптимизировать потребность в кадрах и сократить их текучесть даже в условиях ограниченности ресурсов.

Отмеченные тенденции и проблемы актуальны не только для Мордовии, но и для других регионов с дефицитом экономических ресурсов (включая кадровые)

и низким уровнем жизни населения. Решение таких проблем требует мер стратегического характера, предполагающих, с одной стороны, совершенствование кадрового менеджмента и бизнес-процессов в торговле, с другой – масштабные инвестиции в социально-экономическое развитие территории в контексте преодоления недостаточной ресурсной обеспеченности.

Научная новизна исследования состоит в выявлении актуальных проблем и практик кадрового обеспечения, оценке влияния факторов дефицита персонала и недостаточной ресурсной обеспеченности региона на состояние и перспективы развития кадрового потенциала и HR-менеджмента организаций торговли.

Результаты настоящей работы могут быть использованы при разработке стратегических и программных документов, направленных на решение проблем кадрового дефицита в республике и подобных регионах.

Ограничения исследования связаны с невероятностным характером выборки. Использованная выборочная совокупность является целевой, а не случайной вероятностной выборкой. Это означает, что процесс отбора участников осуществлялся целенаправленно исходя из определенных критериев, что снижает степень статистической репрезентативности результатов относительно всей изучаемой совокупности. Следовательно, полученные выводы нельзя автоматически распространять на всю генеральную совокупность с расчетной доверительной точностью и установленной величиной стандартной ошибки.

Направления дальнейших научных изысканий в данной проблемной области видятся в расширении объекта исследования (изучении кадровых практик организаций других видов деятельности, опыта других регионов), совершенствовании методики исследования (в частности, повышении репрезентативности выборочной совокупности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Groiss M., Sondermann D. Help Wanted: the Drivers and Implications of Labour Shortages. *Applied Economics*. 2025;57(33):4882–4896. <https://doi.org/10.1080/00036846.2024.2364102>
2. Калабина Е.Г., Ананьина Н.А. Новые вызовы рынка труда: как технологии и дефицит кадров меняют подбор и удержание персонала. *Лидерство и менеджмент*. 2024;11(2):677–690. <https://doi.org/10.18334/lim.11.2.121035>
3. Литвинюк А.А., Косарева Е.А. Актуальные проблемы управления персоналом в розничной торговле. *Экономика, предпринимательство и право*. 2020;10(3):677–688. <https://doi.org/10.18334/epp.10.3.100609>
4. Backman M., Nilsson H., Öner Ö. Career Trajectories in Retail and Wholesale – Turnover, Retention, and Labor Status. *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*. 2025;35(3):334–354. <https://doi.org/10.1080/09593969.2024.2411201>
5. Choe C., Kang D., Lee H. The Impact of E-Commerce on Local Retail Employment: Examining Heterogeneous Impacts by Employment and Regional Types. *Global Economic Review*. 2024;53(2):99–115. <https://doi.org/10.1080/1226508X.2024.2317123>
6. Gibson S., Dahl A.J., Hsu M.K., Moreno G. Understanding the Complexities of Omnichannel Retailing Through a Service-Dominant Logic Framework: Exploring the Role of Digitalization in the Retail Ecosystem. *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*. 2024;34(5):669–702. <https://doi.org/10.1080/09593969.2024.2347931>
7. Gupta S., Jeyaraj A. Online-to-Offline (O2O) Commerce in Emerging Markets: Analysis of the Retail Sector. *Journal of Asia-Pacific Business*. 2021;22(4):260–278. <https://doi.org/10.1080/10599231.2021.1983501>

8. Asmare A., Zewdie S. Omnichannel Retailing Strategy: A Systematic Review. *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*. 2022;32(1):59–79. <https://doi.org/10.1080/09593969.2021.2024447>
9. Белоумцева А.А., Бубновская Т.В. Тенденции развития отрасли торговли в период цифровой трансформации экономики. *Креативная экономика*. 2024;18(6):1467–1486. <https://doi.org/10.18334/ce.18.6.121067>
10. Климанова Я.Д., Басаев З.В. Стратегии цифровой трансформации бизнес-моделей на российском рынке розничной торговли. *Экономика, предпринимательство и право*. 2022;12(6):1723–1742. <https://doi.org/10.18334/epp.12.6.114964>
11. Карпенко А.А. Новые вызовы для российского рынка труда в процессе возрастания масштабов платформенной занятости. *Экономика труда*. 2024;11(12):2051–2064. <https://doi.org/10.18334/et.11.12.122143>
12. Meyer-Ohle H. Working the Shopping Mall: Labour Shortages and the Dualities in Japan’s Labour Economy. *Contemporary Japan*. 2022;34(1):42–57. <https://doi.org/10.1080/18692729.2022.2028226>
13. Tessema M., Tesfom G., Faircloth M., Tesfagiorgis M., Teckle P. The “Great Resignation”: Causes, Consequences, and Creative HR Management Strategies. *Journal of Human Resource and Sustainability Studies*. 2022;10(1):161–178. <https://doi.org/10.4236/jhrss.2022.101011>
14. Сорокина Е.А. Ключевые тенденции социально-экономического развития ресурсодефицитного региона. *Креативная экономика*. 2023;(5):1807–1822. URL: <https://clck.ru/3Re5V9> (дата обращения: 05.02.2026).
15. Мунши А.Ю., Александрова Л.Ю., Мунши Ш.М. Развитие розничной торговли России в контексте ее цифровизации. *Экономика, предпринимательство и право*. 2022;12(5):1599–1612. <https://doi.org/10.18334/epp.12.5.114640>
16. Пруель Н.А., Липагова Л.Н., Градусова В.Н. Миграция в современной России: масштабы, основные направления и проблемы. *Регионоведение*. 2020;28(1):133–158. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158>
17. Luković S., Tepavčević J. HR Practices and Firm Performance: The Mediating Effect of Business Strategy. *BizInfo Blace*. 2022;13(2):1–11. <https://doi.org/10.5937/bizinfo2202001L>
18. Kołodziej D. HR Strategy Flexibility as a Basis for Building Organisational Resilience. Scientific Papers of Silesian University of Technology. *Scientific Papers of Silesian University of Technology. Organization and Management Series*. 2023;(181):237–247. <https://doi.org/10.29119/1641-3466.2023.181.16>
19. Краковская И.Н. Кадровый голод – стимул к цифровой трансформации бизнеса? Инвестиционные решения с позиций управленческой экономики. *Экономика труда*. 2024;11(11):1759–1774. <https://doi.org/10.18334/et.11.11.121986>
20. Махмудова М., Ефремова В. Международная трудовая миграция в Россию в условиях кадрового дефицита в экономике: анализ современных тенденций. *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*. 2024;13(1):50–55. <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2024-13-1-50-55>
21. Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в Россию: сокращение потоков на фоне мало меняющейся географии. *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2024;2(63):223–232. URL: <https://www.econorus.org/repec/journl/2024-63-223-232r.pdf> (дата обращения: 01.03.2025).
22. Zheng B., Yuan Y., Lv K. Spatial Peer Effect of Retail Stores’ Digital Transformation: An Analysis Using the Survey Data from China. *Applied Economics Letters*. 2025;32(4):523–527. <https://doi.org/10.1080/13504851.2023.2276070>
23. Thomas-Francois K., Somogyi S. A Model for Sustainable Development: Advancing Digital Food Retailing. *Journal of International Food and Agribusiness Marketing*. 2025;37(5):729–747. <https://doi.org/10.1080/08974438.2024.2421573>
24. Городнова Н.В., Руденко К.С. Электронная торговля в России и за рубежом: анализ динамики, проблемы регулирования и перспективы. *Экономика, предпринимательство и право*. 2024;14(7):3839–3860. <https://doi.org/10.18334/epp.14.7.121312>

25. Garcia Ricardez G.A., Uriguen Eljuri P.M., Kamemura Y. et al. Autonomous Service Robot for Human-Aware Restock, Straightening and Disposal Tasks in Retail Automation. *Advanced Robotics*. 2022;36(17/18):936–950. <https://doi.org/10.1080/01691864.2022.2109429>
26. Alavi S., Habel J. The Human Side of Digital Transformation in Sales: Review and Future Paths. *Journal of Personal Selling and Sales Management*. 2021;41(2):83–86. <https://doi.org/10.1080/08853134.2021.1920969>
27. Rejeb A., Rejeb K., Treiblmaier H. How Augmented Reality Impacts Retail Marketing: A State-of-the-art Review from a Consumer Perspective. *Journal of Strategic Marketing*. 2021;31(3):718–748. <https://doi.org/10.1080/0965254X.2021.1972439>
28. Dzoghbenuku R., Keelson S., Amoako G.K., Gabrah A.Y.B. Retail Mix and Retail Image Amongst Women: The Mediating Role of Employee Attitude. *Cogent Business and Management*. 2024;11(1):2329042. <https://doi.org/10.1080/23311975.2024.2329042>
29. Westbrook K.W., Peterson R.M. Servant Leadership Effects on Salesperson Self-Efficacy, Performance, Job Satisfaction, and Turnover Intentions. *Journal of Business-to-Business Marketing*. 2022;29(2):153–175. <https://doi.org/10.1080/1051712X.2022.2068820>
30. Butler P., Hammer A. Practice in a Fast Food MNC: Exploring the Low Discretion, High Commitment Phenomenon. *The International Journal of Human Resource Management*. 2020;33(4):763–783. <https://doi.org/10.1080/09585192.2020.1751239>
31. Корчагина С., Плутова М., Царегородцева С. Кадровый голод или конкуренция на рынке труда среди торговых сетей. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2022;(2):129–133. <https://doi.org/10.34773/EU.2022.2.23>
32. Петров С.К., Макекадырова А.С. Современные аспекты управления персоналом розничной торговли в условиях пандемии. *Лидерство и менеджмент*. 2022;9(1):245–258. <https://doi.org/10.18334/lim.9.1.114295>
33. Сорокина Е.А. Диагностика обеспеченности субъектов РФ ключевыми видами ресурсов в повышении инвестиционной привлекательности. *Проблемы развития территории*. 2024;28(6):39–50. <https://doi.org/10.15838/ptd.2024.6.134.4>

REFERENCES

1. Groiss M., Sondermann D. Help Wanted: The Drivers and Implications of Labour Shortages. *Applied Economics*. 2025;57(33):4882–4896. <https://doi.org/10.1080/00036846.2024.2364102>
2. Kalabina E.G., Ananina N.A. New Challenges of the Labor Market: How Technology and Staff Shortages are Changing Recruitment and Retention. *Leadership and Management*. 2024;11(2):677–690. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/lim.11.2.121035>
3. Litvinyuk A.A., Kosareva E.A. Actual Problems of Personnel Management in Retailing. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2020;10(3):677–688. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/epp.10.3.100609>
4. Backman M., Nilsson H., Öner Ö. Career Trajectories in Retail and Wholesale – Turnover, Retention, and Labor Status. *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*. 2025;35(3):334–354. <https://doi.org/10.1080/09593969.2024.2411201>
5. Choe C., Kang D., Lee H. The Impact of E-Commerce on Local Retail Employment: Examining Heterogeneous Impacts by Employment and Regional Types. *Global Economic Review*. 2024;53(2):99–115. <https://doi.org/10.1080/1226508X.2024.2317123>
6. Gibson S., Dahl A.J., Hsu M.K., Moreno G. Understanding the Complexities of Omnichannel Retailing Through a Service-Dominant Logic Framework: Exploring the Role of Digitalization in the Retail Ecosystem. *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*. 2024;34(5):669–702. <https://doi.org/10.1080/09593969.2024.2347931>
7. Gupta S., Jeyaraj A. Online-to-Offline (O2O) Commerce in Emerging Markets: Analysis of the Retail Sector. *Journal of Asia-Pacific Business*. 2021;22(4):260–278. <https://doi.org/10.1080/10599231.2021.1983501>

8. Asmare A., Zewdie S. Omnichannel Retailing Strategy: A Systematic Review. *The International Review of Retail, Distribution and Consumer Research*. 2022;32(1):59–79. <https://doi.org/10.1080/09593969.2021.2024447>
9. Beloumtseva A.A., Bubnovskaya T.V. Trends in the Development of the Trade Industry During the Digital Transformation of the Economy. *Creative Economy*. 2024;18(6):1467–1486. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/ce.18.6.121067>
10. Klimanova Y.D., Basaev Z.V. Strategies for Digital Transformation of Business Models in the Russian Retail Market. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(6):1723–1742. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/epp.12.6.114964>
11. Karpenko A.A. New Challenges for the Russian Labor Market in the Process of Increasing the Scale of Platform Employment. *Russian Journal of Labour Economics*. 2024;11(12):2051–2064. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/et.11.12.122143>
12. Meyer-Ohle H. Working the Shopping Mall: Labour Shortages and the Dualities in Japan’s Labour Economy. *Contemporary Japan*. 2022;34(1):42–57. <https://doi.org/10.1080/18692729.2022.2028226>
13. Tessema M., Tesfom G., Faircloth M., Tesfagiorgis M., Teckle P. The “Great Resignation”: Causes, Consequences, and Creative HR Management Strategies. *Journal of Human Resource and Sustainability Studies*. 2022;10(1):161–178. <https://doi.org/10.4236/jhrss.2022.101011>
14. Sorokina E.A. Key Trends in the Socio-Economic Development of a Resource-Deficient Region. *Creative Economy*. 2023;(5):1807–1822. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://elck.ru/3Re5V9> (accessed 05.02.2026).
15. Munshi A.Yu., Aleksandrova L.Y., Munshi S.M. Development of Retail Trade in Russia Amidst Digitalization. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(5):1599–1612. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/epp.12.5.114640>
16. Pruel N.A., Lipatova L.N., Gradusova V.N. Migration in Modern Russia: Scope, Main Directions and Problems. *Russian Journal of Regional Studies*. 2020;28(1):133–158. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.110.028.202001.133-158>
17. Luković S., Tepavčević J. HR Practices and Firm Performance: The Mediating Effect of Business Strategy. *BizInfo Blace*. 2022;13(2):1–11. <https://doi.org/10.5937/bizinfo2202001L>
18. Kołodziej D. HR Strategy Flexibility as a Basis for Building Organisational Resilience. *Scientific Papers of Silesian University of Technology. Organization and Management Series*. 2023;(181):237–247. <https://doi.org/10.29119/1641-3466.2023.181.16>
19. Krakovskaya I.N. Is Staff Shortage an Incentive for Digital Business Transformation? Investment Decisions from the Perspective of Managerial Economics. *Russian Journal of Labour Economics*. 2024;11(11):1759–1774. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/et.11.11.121986>
20. Mahmudova M., Efremova V. International Labor Migration to Russia in the Context of a Shortage of Personnel in the Economy: Analysis of Current Trends. *Management of the Personnel and Intellectual Resources in Russia*. 2024;13(1):50–55. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.12737/2305-7807-2024-13-1-50-55>
21. Florinskaya Yu.F. Labor Migration to Russia: Reduction of Flows Accompanied by a Little-Changing Geography. *Journal of the New Economic Association*. 2024;2(63):223–232 (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.31737/22212264_2024_2_223-232
22. Zheng B., Yuan Y., Lv K. Spatial Peer Effect of Retail Stores’ Digital Transformation: An Analysis Using the Survey Data from China. *Applied Economics Letters*. 2025;32(4):523–527. <https://doi.org/10.1080/13504851.2023.2276070>
23. Thomas-Francois K., Somogyi S. A Model for Sustainable Development: Advancing Digital Food Retailing. *Journal of International Food and Agribusiness Marketing*. 2025;37(5):729–747. <https://doi.org/10.1080/08974438.2024.2421573>
24. Gorodnova N.V., Rudenko K.S. E-Commerce in Russia and Abroad: Analysis of Dynamics, Regulatory Issues and Prospects. *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2024;14(7):3839–3860. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/epp.14.7.121312>
25. Garcia Ricardez G.A., Uriguén Eljuri P.M., Kamemura Y. et al. Autonomous Service Robot for Human-Aware Restock, Straightening and Disposal Tasks in Retail Automation. *Advanced Robotics*. 2022;36(17/18):936–950. <https://doi.org/10.1080/01691864.2022.2109429>

26. Alavi S., Habel J. The Human Side of Digital Transformation in Sales: Review and Future Paths. *Journal of Personal Selling and Sales Management*. 2021;41(2):83–86. <https://doi.org/10.1080/08853134.2021.1920969>
27. Rejeb A., Rejeb K., Treiblmaier H. How Augmented Reality Impacts Retail Marketing: A State-of-the-Art Review from a Consumer Perspective. *Journal of Strategic Marketing*. 2021;31(3):718–748. <https://doi.org/10.1080/0965254X.2021.1972439>
28. Dzoghbenuku R., Keelson S., Amoako G.K., Gabrah A.Y.B. Retail Mix and Retail Image Amongst Women: The Mediating Role of Employee Attitude. *Cogent Business and Management*. 2024;11(1):2329042. <https://doi.org/10.1080/23311975.2024.2329042>
29. Westbrook K.W., Peterson R.M. Servant Leadership Effects on Salesperson Self-Efficacy, Performance, Job Satisfaction, and Turnover Intentions. *Journal of Business-to-Business Marketing*. 2022;29(2):153–175. <https://doi.org/10.1080/1051712X.2022.2068820>
30. Butler P., Hammer A. HR Practice in a Fast Food MNC: Exploring the Low Discretion, High Commitment Phenomenon. *The International Journal of Human Resource Management*. 2020;33(4):763–783. <https://doi.org/10.1080/09585192.2020.1751239>
31. Korchagina S., Plutova M., Tsaregorodtseva S. [Personnel Shortage or Competition in the Labor Market among Retail Chains.] *Economics and Management: A Scientific and Practical Journal*. 2022;(2):129–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.34773/EU.2022.2.23>
32. Petrov S.K., Makekadyrova A.S. Modern Trends in Retail Personnel Management amid a Pandemic. *Leadership and Management*. 2022;9(1):245–258. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/lim.9.1.114295>
33. Sorokina E.A. Diagnosing the Provision of RF Constituent Entities with Key Types of Resources in Increasing Investment Attractiveness. *Problems of Territory's Development*. 2024;28(6):39–50. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15838/ptd.2024.6.134.4>

Об авторах:

Краковская Ирина Николаевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3332-2332>, Scopus ID: 57191500142, Researcher ID: AAP-5301-2020, SPIN-код: 4109-8837, krakovskayain@mail.ru

Комлева Наталья Станиславовна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Российская Федерация, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5360-712X>, Scopus ID: 57191526340, SPIN-код: 7142-8357, komlevans2008@rambler.ru

Вклад авторов:

И. Н. Краковская – разработка концепции; разработка методологии; административное руководство исследовательским проектом; курирование данных; проведение исследования; формальный анализ; валидация результатов; визуализация; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Н. С. Комлева – разработка методологии; проведение исследования; формальный анализ; валидация результатов; написание черновика рукописи; написание рукописи – рецензирование и редактирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 05.03.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 02.09.2025.

About the authors:

Irina N. Krakovskaya, Dr.Sci (Econ.), Associate Professor, Professor of the Chair of Management, National Research Mordovia State University (68 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3332-2332>, Scopus ID: 57191500142, Researcher ID: AAP-5301-2020, SPIN-code: 4109-8837, krakovskayain@mail.ru

Nataliya S. Komleva, Cand.Sci. (Econ.), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Management, National Research Mordovia State University (68 Bolchevistskaya St., Saransk 430005, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5360-712X>, Scopus ID: 57191526340, SPIN-code: 7142-8357, komlevans2008@rambler.ru

Contribution of the authors:

I. N. Krakovskaya – conceptualization; methodology; project administration; data curation; investigation; formal analysis; validation; visualization; writing – review and editing.

N. S. Komleva – methodology; investigation; formal analysis; validation; writing – original draft preparation; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 05.03.2025; revised 25.08.2025; accepted 02.09.2025.

РЕГИОНАЛЬНАЯ И ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА /
REGIONAL AND SECTORAL ECONOMICS

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.143-158>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/mqiccb>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 33:004.9(470.6)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Экономические эффекты цифровой трансформации
в регионах Северо-Кавказского федерального округа

Г. Х. Батов

*Институт информатики и проблем регионального управления – филиал Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»,
<https://ror.org/031aa5q21>*

*(г. Нальчик, Российская Федерация)
gumarbatov@mail.ru*

Аннотация

Введение. Цифровая трансформация, выступая механизмом структурной перестройки экономики в отстающих экономически и технологически регионах, в современных условиях служит новой парадигмой ускорения экономического роста и повышения качества жизни населения. Цель статьи – определить уровень цифровой трансформации регионов слабо развитого макрорегиона на основе анализа использования цифровых технологий.

Материалы и методы. Исследование основано на материалах Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и федеральных служб государственной статистики регионов Северо-Кавказского федерального округа за 2021–2023 гг. Методами многомерного статистического анализа и таксономии рассчитан интегральный показатель уровня цифровой трансформации, необходимый для ранжирования регионов. Теснота связи и взаимовлияние параметров интегрального показателя уровня цифровой трансформации определялись с помощью коэффициентов ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования. Выявлено отсутствие четкой линейной связи между интегральным показателем цифровой трансформации, выпуском продукции и производительностью труда в регионах округа. При этом цифровые технологии и в целом цифровая трансформация постепенно становятся основной движущей силой в повышении уровня производства, производительности труда и конкурентоспособности субъектов, что связано с расширением используемых цифровых технологий, численности соответствующих специалистов и целевых финансовых затрат.

Обсуждение и заключение. В Северо-Кавказском федеральном округе цифровая трансформация не стала императивом обеспечения экономического роста, и развитие по-прежнему базируется на традиционных отраслях и методах. Прогрессивной видится модернизация материально-технологической базы экономики макрорегиона посредством цифровых технологий и специальных

© Батов Г. Х., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

программных средств. Полученные результаты возможно использовать при разработке планов и программ социально-экономического развития округа, оценке уровня цифровизации и цифровой трансформации отдельного региона, анализе влияния показателя цифровой трансформации на различные индикаторы экономических процессов. Перспективы исследования связаны с разработкой научных методов или методических положений, которые позволят ускорить осуществление цифровой трансформации. Статья может быть полезна научным работникам, экспертам, органам регионального управления.

Ключевые слова: регион, округ, цифровые технологии, цифровая трансформация, методика, интегральный показатель, ранжирование

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Батов Г.Х. Экономические эффекты цифровой трансформации в регионах Северо-Кавказского федерального округа. *Регионоведение*. 2026;34(1):143–158. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.143-158>

Economic Effects of Digital Transformation in the Regions of the North Caucasus Federal District

G. Kh. Batov

*Institute for Computer Science and Problems of Regional Management – Branch
of Federal Scientific Center “Kabardino-Balkarian Scientific Center
of Russian Academy of Sciences”, <https://ror.org/031aa5q21>
(Nalchik, Russian Federation)
gumarbatov@mail.ru*

Abstract

Introduction. Digital transformation, acting as a mechanism for the structural restructuring of the economy in economically and technologically lagging regions, serves in modern conditions as a new paradigm for accelerating economic growth and improving the quality of life of the population. The purpose of the article is to determine the level of digital transformation of regions in a poorly developed macroregion based on the analysis of the use of digital technologies.

Materials and Methods. The study is based on materials from the Federal State Statistics Service (Rosstat) and the federal statistical services of the regions of the North Caucasian Federal District for 2021–2023. Using methods of multivariate statistical analysis and taxonomy, an integral indicator of the level of digital transformation was calculated, which is necessary for ranking the regions. The strength of the relationship and the mutual influence of the parameters of the integral indicator of the level of digital transformation were determined using Spearman's rank correlation coefficients.

Results. No clear linear relationship was found between the integral indicator of digital transformation, production output, and labor productivity in the regions of the district. At the same time, digital technologies and digital transformation as a whole are gradually becoming the main driving force in increasing production levels, labor productivity, and the competitiveness of entities, which is associated with the expansion of the digital technologies used, the number of relevant specialists, and targeted financial investments.

Discussion and Conclusion. In the North Caucasus Federal District, digital transformation has not become an imperative for ensuring economic growth, and development still relies on traditional industries and methods. Modernization of the macroregion's material and technological base through digital technologies and specialized software tools appears to be a progressive approach. The results obtained can be used in the development of plans and programs for the socio-economic development of the district, assessing the level of digitalization and digital transformation of a particular region, and analyzing the impact of digital transformation indicators on various economic process metrics. The prospects of the study are related to the development of scientific methods or methodological guidelines that will accelerate the implementation of digital transformation. The article may be useful for researchers, experts, and regional government authorities.

Keywords: region, district, digital technologies, digital transformation, methodology, integral indicator, ranking

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Batov G.Kh. Economic Effects of Digital Transformation in the Regions of the North Caucasus Federal District. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):143–158. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.143-158>

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир высокими темпами преобразуется в цифровой. Формируется цифровое пространство, деятельность акторов и стейкхолдеров переносится в цифровую среду, которая становится центром создания добавленной стоимости. Детерминированная цифровой экономикой трансформация выступает новой парадигмой ускорения экономического роста и повышения качества жизни населения, основным драйвером экономики и общества.

Цифровую трансформацию региональных систем предлагается воспринимать как предполагающий решение сложных задач процесс, «...при котором необходимо оптимизировать систему в целом, а не отдельные ее фрагменты... замена не только технологий, но и устройства компании в целом для создания условий по обеспечению и поддержанию цифровой трансформации» [1, с. 74]. При этом «...для процветания... понадобится переосмыслить свой бизнес и проводить значительные изменения в своих организациях, в том числе изменять бизнес-модели, подходы к управлению персоналом, структуры, критически важные компетенции и культуру»¹.

Особенностью цифровой трансформации является то, что это «...постоянно действующий процесс преобразования технологических, операционных, экономических, социальных и управленческих видов деятельности посредством применения цифровых технологий. ...В ходе цифровой трансформации управление основным производством, вспомогательными и обслуживающими процессами осуществляется интеллектуальными системами, а не человеком» [2, с. 29–30].

Преобразование основ экономики и социальной сферы слаборазвитых регионов необходимо, поскольку это позволит преодолеть качественные и количественные ограничения, характерные для традиционных отраслей, а также эффективно использовать органичные ресурсы. В то же время оно запускает четыре важных процесса: «созидательное разрушение»², преобразование, ужесточение конкуренции и бережливое производство. Под его воздействием «миры высоких технологий и промышленности сливаются воедино»³: выстраивается новая структура экономики, создание добавленной стоимости переносится на цифровые платформы, формируется цифровое пространство, где успешными могут быть те участники, которые обладают цифровыми ресурсами и компетенциями.

Интенсификация применения цифровых технологий в экономике страны и ее регионах становится безальтернативной. Такой подход вписывается в модель развития российской экономики на основе экономики предложения, которая была представлена президентом страны В. В. Путиным на Петербургском международном экономическом форуме в июне 2024 года⁴. Однако российские регионы «...достаточно разнородны в плане потенциала цифровизации и возможностей

¹ Weill P., Woerner S. *What's Your Digital Business Model?: Six Questions to Help You Build the Next-Generation Enterprise*. Boston: Harvard Business Review Press; 2018. Pp. 11, 12.

² Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. London: Routledge; 2010. 456 p.

³ Kranz M. *Building the Internet of Things: Implement New Business Models, Disrupt Competitors, Transform Your Industry*. Hoboken: John Wiley and Sons Limited; 2016. Pp. 208.

⁴ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74234> (дата обращения: 14.03.2025).

для адаптации к меняющимся условиям» [3, с. 85], что диктует необходимость учета особенностей территорий при осуществлении процессов цифровизации и цифровой трансформации.

Цель исследования заключается в анализе уровня использования цифровых технологий регионами слаборазвитого федерального округа для оценки уровня их цифровой трансформации, а также для изучения взаимовлияния цифровой трансформации, выпуска товаров и услуг, производительности труда.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблемы цифровой экономики, вопросы использования цифровых технологий, процессы цифровой трансформации рассматриваются как отечественными [4], так и зарубежными учеными [5–7]. В то же время особенности цифровой трансформации экономики регионов и методы ее оценки требуют дальнейшего изучения; не определено содержание понятия «цифровая трансформация».

Одни авторы под цифровой трансформацией понимают интеграцию информационно-коммуникационных технологий во все экономические процессы, что изменяет качественные характеристики экономической системы [8]. Другие – акцентируют внимание на формировании цифровой среды и сетей искусственного интеллекта, использовании Интернета вещей, анализе больших данных и т. д. Цифровые платформы и экосистемные бизнес-модели выступают институтами, которые создают структуру стимулов и мотивацию к созданию новых технологий [9]. Третьи – считают, что цифровая трансформация междисциплинарна, это явление, охватывающее всю компанию, с широкими организационными последствиями, в которых, в частности, основная бизнес-модель фирмы может быть изменена посредством использования цифровых технологий [10, с. 892].

В контексте региона цифровая трансформация рассматривается, например, в [1; 9; 11; 12]. Определив индекс цифровизации различных регионов, исследователи пришли к выводу о территориальной неравномерности в развитии цифровой экономики в разрезе субъектов РФ и федеральных округов, а также в развитии акторов в составе федеральных округов [11]. В результате неравномерности цифровой трансформации в организациях, субъектах и регионах возникают дисбалансы, что представляет угрозу для комплексного использования возможностей цифровизации. Она преодолевается путем разработки и реализации региональными органами исполнительной власти стратегий цифровой трансформации субъектов РФ [12, с. 67].

Много внимания уделено особенностям цифровой трансформации индустриально развитых регионов страны, т. е. тех, «...доля обрабатывающих производств в валовом региональном продукте которых составляла более 25 % в последние 5 лет. Этот критерий... позволяет сконцентрироваться на регионах, в которых возможно формирование высокотехнологичных производств». Исследовав количество специалистов по цифровым технологиям, а также расходы на внедрение и использование подобных технологий, авторы заключили, что «...при оценке макрорегионов по уровню цифровизации бизнеса лидерами выступают высоко развитые регионы европейской части России и что индустриальные регионы более интенсивно используют цифровые технологии на этих территориях» [13, с. 9]. Чем выше доля промышленного производства в валовом региональном продукте (ВРП), тем выше уровень цифровой трансформации регионов [8].

Индийские исследователи отмечают, что, несмотря на очевидные преимущества цифровой трансформации, этот путь полон барьеров, начиная от технологических проблем и заканчивая нехваткой навыков и организационным сопротивлением⁵. Без учета ценностей и взглядов персонала осуществить цифровую трансформацию будет затруднительно, напротив, их понимание поможет менеджменту сформировать инновационную культуру, повысить ее конкурентоспособность и устойчивость [14].

Российский исследователь Д. А. Жданов одно из главных препятствий для цифровизации отечественных производственных компаний видит в низком уровне квалификации персонала. Преодолеть проблему возможно путем разработки матрицы цифровых компетенций предприятия и контроля соответствия работников введенным требованиям [15].

По оценкам зарубежных экспертов, 70 % всех инициатив по цифровой трансформации промышленных субъектов не достигли целей; проблема заключается в оцифровке бизнеса. Для ее решения рекомендуется использовать структуру динамических возможностей Д. Тиса. Она представляет собой основу стратегического управления, которое способно целенаправленно интегрировать внутренние и внешние компетенции и тем самым перестроить и адаптировать ресурсную базу промышленного субъекта для достижения устойчивого конкурентного преимущества в изменяющейся среде [16].

Предлагается модель оценки влияния цифровой трансформации на результативность региональных экономик, где в качестве индикаторов приводятся показатели использования цифровых технологий в организациях, а также затрат на их внедрение и эксплуатацию [17]. Однако возможность комплексной оценки цифровой трансформации региона не упоминается.

Китайские исследователи проанализировали функционирование ряда фирм в 2009–2019 гг. и обнаружили, что у предприятий, использующих цифровые технологии, выше и производительность (в среднем на 0,33 %), и доходность (примерно на 7,29 %) [18].

На международном уровне Россия по степени цифровизации рассматривается в числе догоняющих, поэтому на первый план должно выйти активное инвестирование в цифровые активы, так как увеличение доли цифровых инвестиций в валовом внутреннем продукте (ВВП) на один процентный пункт приводит к росту производительности труда на 0,9 % [19, с. 106].

Обзор литературы показывает, что вне зоны внимания остаются проблемы внутрирегиональных⁶ отличий, дифференциации по уровню использования цифровых технологий, оценки уровня цифровой трансформации. Как правило, при исследовании данной тематики в экономической литературе проводится сравнение между регионами или округами (макрорегионами), а внутренние процессы, т. е. региональное взаимодействие в рамках отдельного округа, рассматриваются эпизодически.

Необходимость сосредоточения на внутрирегиональных различиях обусловливается тем обстоятельством, что базовые элементы экономики, такие как

⁵ Swargjary K., Roy K. Digital Transformation and Economic Growth in Post-Pandemic India: A Comprehensive Study [Электронный ресурс]. Available at: <https://elck.ru/3N2NnS> (accessed 14.03.2025).

⁶ В данном случае термином «внутрирегиональный» обозначаются регионы, которые входят в состав отдельного округа (макрорегиона) и находятся в его границах.

инфраструктура, региональные институты и институты развития, для разных регионов неодинаковы. В связи с этим цифровую трансформацию нужно осуществлять с учетом эксклюзивных особенностей конкретной территории.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объектами исследования выступили регионы Северо-Кавказского федерального округа (СКФО): Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия–Алания (РСО–А), Чеченская Республика, Ставропольский край. Общая площадь СКФО составляет 170,5 тыс. кв. км. На 01 января 2025 года численность населения достигла 10,2 млн чел.⁷, доля городского населения – 49,08 %, сельского – 50,92 %.

По социально-экономическому развитию округ относится к слаборазвитым⁸. Особенностью подобных субъектов является то, что, располагая определенным производственным, экономическим и ресурсным потенциалом, они в силу различных причин развиваются темпами ниже среднероссийских и отстают по показателям социально-экономического развития. Так, в 2022 г. ВВП на душу населения по РФ составил 958,8 тыс. руб., ВРП в СКФО – 305,3 тыс. руб.⁹; в 2023 г. инвестиции в основной капитал на душу населения по России были равны 232,6 тыс. руб., в СКФО – 100,7 тыс. руб.; уровень безработицы в стране – 3,2 %, в округе – 9,7 %; среднедушевые денежные доходы населения по РФ – 53,6 тыс. руб., в СКФО – 35,4 тыс. руб.¹⁰ Округ также относится к геостратегическим территориям.

Макрорегион остается трудоизбыточным. Так, в 2023 году численность безработных здесь составила 466,2 тыс. чел., притом основной контингент – это люди в трудоспособном возрасте, имеющие разное образование и квалификацию. По данным ряда источников, в том числе властных структур, в настоящее время в России отмечается низкий уровень безработицы, который в 2023 г. по стране достигал лишь 3,2 %, в СКФО же – 9,7 %¹¹.

Материал и методы исследования образовали статистические сведения Федеральной службы государственной статистики (Росстата) и федеральных служб государственной статистики регионов СКФО за 2021–2023 гг. Для анализа и оценки уровня цифровой трансформации в исследуемых регионах использовались методы статистического анализа, построения интегрального таксономического показателя уровня развития.

В ходе исследования в методики [20–22] были внесены изменения. Для построения интегрального индекса цифровой трансформации (ИИЦТ) регио-

⁷ Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб. М.: Росстат; 2025. С. 20. URL: <https://www.rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 30.12.2025).

⁸ Государственно-территориальное устройство России. Под ред. А.Г. Гринберга, В.В. Кистанова. М.: ДеКА; 2003. 446 с.; Ивашкова Т.К., Морозова Н.В. Типология регионов Российской Федерации. *Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ»*. 2014;(6):87E VN614. <https://doi.org/10.15862/87E VN614>; Виолин С.И. Типологизация регионов как основа для проведения дифференцированной государственной региональной политики. *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2018;(2):5406. URL: <https://eee-region.ru/article/5406/> (дата обращения: 14.03.2025).

⁹ Регионы России. Социально-экономические показатели... С. 468.

¹⁰ Там же. С. 200.

¹¹ Там же. С. 152, 468.

нов, а также для его сопоставления с индексом валового регионального продукта (ИВРП), индексом производительности труда (ИПТ) значения нормировались с применением рекомендованной формулы [20, с. 232].

Формула имеет вид: $I_{ij} = X_{ij} / 100$, где I_{ij} – частный индекс i -го блока для j -го региона; X_{ij} – показатель i -го блока для j -го региона.

В состав показателей для разработки интегрального индекса цифровой трансформации вошли:

1) цифровая мобильность (в аспекте связи со стейкхолдерами, доступа к информации и услугам через цифровые технологии) – доля организаций, использующих облачные сервисы, в процентах от числа обследованных;

2) цифровое равенство – доля организаций, использующих широкополосный (безбарьерный) доступ к технологиям, информациям и услугам в сети Интернет, от числа обследованных;

3) цифровое взаимодействие – доля организаций, использующих электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами, от числа обследованных [20];

4) цифровые технологии – составлен из показателей, отражающих активное участие в цифровой трансформации, а именно: доля организаций, использующих технологии сбора, обработки и анализа больших данных; Интернет вещей; технологии искусственного интеллекта; цифровые платформы для управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами; CRM- (*Customer Relationship Management*, т. е. «управление взаимоотношениями с клиентами»), ERP- (*Enterprise Resource Planning*, т. е. «планирование ресурсов предприятия») и SCM-системы (*Supply Chain Management*, т. е. «система управления цепочками поставок»), все в процентах от числа обследованных организаций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Использование цифровых технологий в регионах СКФО. Процесс материализации цифровой трансформации зависит от качества использования цифровых технологий. Рассмотрим, как это реализуется в регионах округа (табл. 1).

По данным таблицы 1, в регионах СКФО в 2023 г. число организаций, применявших цифровые технологии, увеличилось на 253. При этом Ставропольский край допустил уменьшение количества эксплуатируемых промышленных роботов, в Чеченской Республике снизилось число обращений к Интернету вещей. Наибольшее сокращение отмечается по применению искусственного интеллекта и зафиксировано в Республиках Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкессия, Чечня и в Ставропольском крае. По другим технологиям наблюдается положительная динамика.

В целом при прогрессе в распространении цифровых технологий число организаций, которые их применяют, остается незначительным. Например, в 2023 году в РФ только 11,2 % учреждений использовали Интернет вещей (в СКФО – 10,8); 4,9 – искусственный интеллект (5,5); 17,1 % – цифровые платформы (в СКФО – 16,3) учреждений. Наилучшие результаты по этим показателям имели Чеченская и Карачаево-Черкесская Республики.

Таблица 1. Число организаций, использовавших цифровые технологии в регионах СКФО, ед.
 Table 1. The number of organizations that used digital technologies in the regions of the North Caucasus Federal District, units

Год / Year	РФ, тыс. ед. / RF, k	СКФО / NCFD	РД / RD	РИ / RI	КБР / KBR	КЧР / KCR	РСО-А / RNO-A	ЧР / CR	СК / ST
<i>Число организаций / Number of organizations</i>									
2022	247,8	10 209	2 735	391	902	688	787	1 173	3 533
2023	248,5	10 462	2 783	408	965	680	803	1 309	3 514
2023 к 2022, %	100,2	102,4	101,7	104,3	106,9	98,9	102,0	111,5	99,4
<i>В том числе организации, использовавшие промышленных роботов / Including organizations that used industrial robots</i>									
2022	8,1	294	67	6	21	21	27	33	119
2023	8,4	316	96	14	28	22	28	63	65
<i>Интернет вещей / Internet of Things</i>									
2022	31,0	1 635	363	63	91	87	105	473	453
2023	34,5	1 713	410	72	103	88	105	424	511
<i>Искусственный интеллект / Artificial intelligence</i>									
2022	20,5	934	150	38	70	71	75	193	337
2023	15,3	772	145	40	84	57	76	182	188
<i>Аддитивные технологии / Additive technologies</i>									
2022	4,0	193	78	4	10	11	18	12	60
2023	5,7	338	104	17	28	19	27	73	70
<i>Цифровые платформы / Digital platforms</i>									
2022	46,3	1 753	393	67	148	127	157	159	702
2023	53,0	2 534	569	87	196	153	196	522	811
<i>Цифровой двойник / Digital twin</i>									
2022	3,9	212	79	4	19	5	19	29	57
2023	4,5	269	70	13	28	13	31	50	64

Примечания / Notes. 1) Здесь и далее таблицы составлены на основе авторских расчетов по данным: Цифровые технологии [Электронный ресурс]. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> / Here and below, the tables are compiled based on the author's calculations using data from: Digital Technologies. Rosstat; 2) РФ – Российская Федерация, РД – Республика Дагестан, РИ – Республика Ингушетия, КБР – Кабардино-Балкарская Республика, КЧР – Карачаево-Черкесская Республика, РСО-А – Республика Северная Осетия-Алания, ЧР – Чеченская Республика, СК – Ставропольский край / RF – Russian Federation, RD – Republic of Dagestan, RI – Republic of Ingushetia, KBR – Kabardino-Balkarian Republic, KCR – Karachayevo-Circassian Republic, RNO-A – Republic of North Ossetia-Alania, CR – Chechen Republic, ST – Stavropol Territory.

Наряду с цифровыми технологиями регионы СКФО внедряют специальные программные средства. Так, в 2023 году к ним обращались 60,9 % организаций, что на 7,7 % больше, чем в 2020 г. Максимальный прирост наблюдается в сфере средств для проектирования и управления автоматизированными и технологизированными процессами (17,3 и 17,2 % соответственно). Во внедрении CRM-, ERP-, SCM-систем отмечается резкий скачок: с 19,6 до 61,8 %.

Несмотря на положительную тенденцию, общее число цифровых технологий и программных средств, задействованных организациями макрорегиона, следует охарактеризовать как скромное, если учитывать численность хозяйствующих субъектов (53 926 ед.), функционирующих в экономике округа, и масштаб тех задач, которые необходимо решить.

Определение динамики индексов цифровой трансформации. Представленные в таблице 1 данные указывают на увеличение числа организаций, которые используют цифровые технологии. Это позволяет сделать вывод о том, что цифровая трансформация экономики в округе набирает темп. Выясним, какое влияние данный процесс может оказать на выпуск товаров и услуг, а также на производительность труда (табл. 2).

Таблица 2. Динамика индексов цифровой трансформации, выпуска товаров и услуг и производительности труда по регионам СКФО

Table 2. Dynamics of indices of digital transformation, the production of goods and services and labor productivity in the regions of the North Caucasus Federal District

РФ / RF	СКФО / NCFD	РД / RD	РИ / RI	КБР / KBR	КЧР / KCR	РСО-А / RNO-A	ЧР / CR	СК / ST
<i>Цифровое равенство / Digital equality</i>								
0,742	0,668	0,559	0,519	0,564	0,712	0,669	0,661	0,842
<i>Цифровая мобильность / Digital mobility</i>								
0,277	0,260	0,194	0,203	0,287	0,243	0,250	0,414	0,270
<i>Цифровые технологии / Digital technologies</i>								
0,145	0,146	0,133	0,126	0,092	0,175	0,156	0,225	0,288
<i>Цифровое взаимодействие / Digital interaction</i>								
0,550	0,475	0,401	0,340	0,353	0,520	0,499	0,551	0,593
<i>Интегральный индекс цифровой трансформации (ранг) / Integral digital transformation index (rank)</i>								
1,714	1,549	1,287(6)	1,188(7)	1,296(5)	1,380(4)	1,604(3)	1,851(2)	1,993(1)
<i>Индекс валового регионального продукта (ранг) / Gross regional product index (rank)</i>								
1,041	1,048	1,032(6)	1,025(7)	1,068(2)	1,061(3)	1,035(5)	1,078(1)	1,051(4)
<i>Индекс производительности труда (ранг) / Labor productivity index (rank)</i>								
0,1005	0,1000	0,0949 (7)	0,0981 (6)	0,1043 (1)	0,1000 (4)	0,1012 (3)	0,0987 (5)	0,1033 (2)

В таблице 2 представлено ранжирование регионов СКФО по трем показателям: интегральному индексу цифровой трансформации, индексу валового регионального продукта, индексу производительности труда. Научный и практический интерес представляет установление связи между ними в региональном контексте, а также характера их взаимовлияния друг на друга.

Теоретически чем выше интегральный индекс цифровой трансформации, тем выше должны быть показатели выпуска товаров и услуг и производительность труда. Подтверждение данного вывода можно найти, например, в [4; 7; 9; 10; 20; 23]. Однако практика регионов СКФО показывает иную картину, а именно отсутствие четкой линейной (прямой) связи между этими индикаторами.

Встает вопрос: почему более высокий уровень цифровизации не трансформируется в более высокий уровень объемов производства продукции и производительности труда? Для того чтобы ответить на него, необходимо рассмотреть состояние каждого региона в отдельности и выявить его особенности в контексте названных показателей.

Рассмотрим ситуацию на примере трех регионов, которые занимают первые места по показателям ИИЦТ (Ставропольский край), ИВРП (Чеченская Республика) и ИПТ (Кабардино-Балкарская Республика).

По интегральному индексу цифровой трансформации на 1-м месте находится Ставропольский край, лидерство которого обеспечивается за счет частного использования широкополосного доступа к сети Интернет и высокой цифровой мобильности, связанных с востребованностью облачных сервисов. Однако по индексам выпуска товаров и услуг и производительности труда край занимает соответственно 4 и 2-е места. Это показывает, что цифровая трансформация не является основным инструментом ни для увеличения выпуска товаров и услуг, ни для повышения производительности труда.

Первенство же региона по цифровой трансформации можно объяснить относительно высокой долей промышленного производства в ВРП (20,5 %) при среднеевропейском показателе 12,4 %, а также величиной инвестиций в цифровые технологии от общего объема инвестиций в основной капитал (3,5 %) при среднем по СКФО значении 2,1 %. Тем не менее в данном случае подтверждается положение о том, что чем выше доля промышленного производства в ВРП, тем выше уровень цифровой трансформации региона.

Чеченская Республика занимает 1-е место по индексу производства товаров и услуг, 2-е – по индексу цифровой трансформации и только 5-е – по индексу производительности труда. Высокий темп производства продукции здесь обеспечивается созданием новых рабочих мест в низкотехнологичных отраслях экономики, которые требуют большого количества трудовых ресурсов. Так как регион является трудоизбыточным и располагает достаточным количеством экономически активного населения, практикуются экстенсивные методы развития.

Наконец, Кабардино-Балкарская Республика, которая по индексу производительности труда занимает 1-е место, по цифровой трансформации – 5-е, по выпуску товаров и услуг – 2-е место. Высокий уровень производительности труда в данном случае объясняется тем, что регион получает большие объемы сельскохозяйственной продукции за счет мелиорации, хорошей урожайности зерновых, увеличения площади плодовых насаждений и объема плодов. Кроме того, республика активно использует передовые производственные и инновационные технологии.

Для установления характера влияния цифровой трансформации (ИИЦТ) на производство валового регионального продукта (ИВРП) и производительность труда (ИПТ) в целом по округу были рассчитаны коэффициенты корреляции рангов r_s Спирмена: между ИИЦТ и ИВРП $r_s = 0,524$, между ИИЦТ и ИПТ $r_s = 0,470$.

Корреляция между показателями статистически не значима. В целом цифровые технологии оказывают влияние в большей степени на производство продукции, чем на повышение производительности труда, однако пока они не стали основным фактором развития регионов, хотя положительная тенденция наметилась.

Процессы цифровой трансформации в регионах округа тесно связаны как с отраслевой структурой экономики, так и с инвестициями в основной капитал. В тех субъектах, в структуре экономики которых доминирует промышленность и доля вложений в цифровые технологии высока, трансформация осуществляется быстрее (Ставропольский край). В подобных случаях имеет место более высокий уровень производства и производительности труда, создается больше новых рабочих мест, основной поток инвестиций направляется в традиционные отрасли, осуществляется внедрение новых производственных технологий в низкотехнологичных отраслях. В структуре экономики округа в целом доминируют отрасли среднетехнологичные низкого уровня и низкотехнологичные. Интенсивная цифровизация этих отраслей в будущем позволит местной экономике развиваться ускоренно.

Цифровые технологии, и цифровая трансформация вообще, медленно, но неуклонно становится главной движущей силой в повышении уровня производства, производительности труда и конкурентоспособности субъектов округа. Такое заключение основано на расширении как используемых технологий, так и организаций, которые занимаются цифровизацией производства и оказания услуг. Если в 2021 году таких организаций было 9 776, то в 2022 – 10 209, в 2023 г. – 10 462¹². В экономике регионов округа растет число вакансий по замещению специалистов, которые могут обеспечить функционирование технологических процессов с участием цифровых технологий: 622 в 2021 г., 1 064 – в 2022 и 4 339 в 2023 г.¹³

Финансовое обеспечение цифровой трансформации в регионах округа (табл. 3) следует охарактеризовать как имеющее тенденцию к увеличению.

Т а б л и ц а 3. **Общие и собственные затраты организаций на внедрение и использование цифровых технологий**, млн руб.

T a b l e 3. **General and own costs of organizations for the implementation and use of digital technologies**, million rubles

Год / Year	СКФО / NCFD	РД / RD	РИ / RI	КБР / KBR	КЧР / KCR	PCO-A / RNO-A	ЧР / CR	СК / ST
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Затраты на внедрение и использование цифровых технологий / The costs of implementing and using digital technologies</i>								
2021	18 526,0	2 734,4	1 065,1	1 519,3	952,0	1 198,6	1 744,2	9 312,1
2022	17 954,1	2 202,3	1 070,5	1 523,1	902,6	1 160,8	1 904,3	9 190,2
2023	19 814,9	1 907,5	1 088,7	1 392,9	890,6	1 775,2	3 704,9	9 054,8
2023 / 2021, %	106,9	69,7	102,2	91,6	93,5	148,1	212,4	97,1
2023 / 2022, %	110,3	86,6	101,7	91,4	98,6	152,9	194,5	98,5

¹² Наука, инновации и технологии [Электронный ресурс]. 1 ОКАТО. 2021, 2022, 2023 гг. Федеральная служба государственной статистики: сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 14.03.2025).

¹³ Наука, инновации и технологии [Электронный ресурс]. 141 ОКАТО. 2021, 2022, 2023 гг. Там же.

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Собственные затраты / Own costs</i>								
2021	10 479,8	1 703,2	374,7	709,1	428,0	615,7	992,1	5 656,6
2022	10 669,8	1 273,1	630,5	741,8	465,7	673,8	901,5	5 983,2
2023	10 812,5	1 110,1	165,6	743,5	514,5	1 385,6	1 434,4	5 458,6
2023 / 2021, %	103,1	65,1	44,1	104,8	120,2	225,0	144,5	96,4
2023 / 2022, %	101,3	87,1	26,2	100,2	110,4	205,6	159,1	91,2

Данные таблицы 3 показывают, что динамика общих затрат организаций округа на внедрение и использование цифровых технологий положительная. Такая картина наблюдается как в целом по России, так и в СКФО. Важным фактором выступает рост собственных затрат регионов округа на применение цифровых технологий.

Если проанализировать положение дел в разрезе регионов, то в 2023 г. Ставропольский край, а также Республики Дагестан и Ингушетия снизили затраты на внедрение и использование цифровых технологий, а Северная Осетия–Алания и Чеченская, напротив, повысили. Можно констатировать: хозяйствующие субъекты СКФО уделяют пристальное внимание цифровым технологиям, внедрение и использование последних становится приоритетным; необходимость цифровой трансформации признана. Такая направленность инвестиций, безусловно, окажет положительное влияние на увеличение темпов цифровой трансформации.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выявить специфику цифровой трансформации регионов слаборазвитого макрорегиона на примере Северо-Кавказского федерального округа. Результаты показали отсутствие сильной линейной зависимости между интегральным показателем цифровой трансформации, объемом выпуска товаров и услуг и производительностью труда, что противоречит ряду уже проведенных исследований [1; 8; 12; 19]. Это указывает на то, что в условиях слаборазвитых регионов цифровая трансформация не становится автоматически драйвером экономического роста, а ее эффекты могут быть опосредованы структурными и институциональными факторами.

В регионах СКФО невысокие темпы цифровой трансформации экономики определяются следующими причинами:

- сельскохозяйственной специализацией, в условиях которой в сравнении с промышленными отраслями использование цифровых технологий является более сложным;
- отсутствием высокотехнологичных компаний, которые новым технологиям и инновациям уделяют больше средств и внимания;
- нехваткой кадров нужных специальностей;
- необходимостью перехода на отечественные технологические разработки по причине ухода иностранных вендоров.

В целях сохранения наметившегося курса и его темпов, эффективного использования цифровых технологий регионам требуется решить две взаимосвязанные

задачи: подготовить необходимые кадры, для чего нужно располагать соответствующими трудовыми ресурсами, и увеличить число применяемых цифровых технологий.

Одним из вариантов решения проблемы может служить создание нескольких специализированных центров (например, в Республике Дагестан и Ставропольском крае) по подготовке и переподготовке специалистов для хозяйствующих субъектов округа. Речь идет не о том, чтобы формировать новые учебные заведения, которые функционировали бы параллельно с существующими, а о двух-трехмесячных и более долгих курсах переподготовки работников со средним и высшим образованием. Такие центры возможно организовать на основе частного-государственного партнерства.

Цифровая трансформация позволит интенсифицировать деятельность как отдельных бизнес-структур, так и региональных отраслей, увеличить объемы выпуска товаров и услуг, поднять уровень производительности труда и конкурентоспособности субъектов округа, повысить качество жизни его населения.

Практическая значимость данного исследования определяется тем, что предлагаемая методика может использоваться на региональном и федеральном уровнях для выяснения и расчета актуальных параметров цифровой трансформации, разработки планов и программ развития, повышения компетенции работников и специалистов в области применения цифровых технологий.

Важными ограничениями исследования выступают: недостаточность статистического материала, что не позволяет комплексно подойти к углубленному изучению данной тематики; нюансы методических разработок, содержащих информацию о том, как именно необходимо проводить внедрение цифровых технологий; отсутствие работ, сосредоточенных собственно на процессе внедрения и предлагающих четкие алгоритмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белякова Г.Я., Аврамчиков В.М. Современные подходы к цифровой трансформации экономики региона. *Фундаментальные исследования*. 2023;(5):71–75. <https://doi.org/10.17513/fr.43462>
2. Батов Г.Х. Цифровизация как детерминант преобразования реального сектора экономики макрорегиона (на примере Северо-Кавказского федерального округа). *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2024;15(1):27–42. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2024.15.1.27-42>
3. Земцов С., Баринаева В., Семенова Р. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России. *Форсайт*. 2019;13(2):84–96. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.84.96>
4. Ардашкин И.Б., Суровцев В.А. СМАРТ-технологии как понятие и феномен: к вопросу о критериях. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021;(60):32–44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-tehnologii-kak-ponyatie-i-fenomen-k-voprosu-o-kriteriyah> (дата обращения: 14.03.2025).
5. Lee S.M., Trimi S. Convergence Innovation in the Digital Age and in the COVID-19 Pandemic Crisis. *Journal of Business Research*. 2021;(123):14–22. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.09.041>
6. Vial G. Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda. *The Journal of Strategic Information Systems*. 2019;28(2):118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>
7. Hinings B., Gegenhuber T., Greenwood R. Digital Innovation and Transformation: An Institutional Perspective. *Information and Organization*. 2018;28(1):52–61. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2018.02.004>

8. Миролубова Т.В., Радионова М.В. Цифровая трансформация и ее влияние на социально-экономическое развитие российских регионов. *Экономика региона*. 2023;19(3):697–710. URL: <https://clck.ru/3R8axh> (дата обращения: 14.03.2025).
9. Кадочникова Е.И., Багаутдинова Н.Г. Когнитивный эффект цифровизации в экономике регионов. *Креативная экономика*. 2024;18(1):97–114. <https://doi.org/10.18334/ce.18.1.120250>
10. Verhoef P.C., Broekhuizen T., Bart Y. et al. Digital Transformation: A Multi-disciplinary Reflection and Research Agenda. *Journal of Business Research*. 2021;(122):889–901. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.09.022>
11. Аликаева М.В., Асланова Л.О., Гурфова Р.В., Уянаева М.Б. Оценка уровня развития цифровой экономики субъектов Северо-Кавказского федерального округа. *Вестник Российского университета кооперации*. 2021;(2):4–12. <https://www.elibrary.ru/cbpphd>
12. Лясковская Е.А. Региональные особенности цифровизации в субъектах Российской Федерации. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономика и менеджмент»*. 2024;18(1):53–68. <https://doi.org/10.14529/em240105>
13. Лаврикова Ю.Г., Бодрунов С.Д., Акбердина В.В., Коровин Г.В. Цифровая трансформация экономики: особенности индустриально развитых регионов. *Экономическое возрождение России*. 2024;(1):5–24. <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-1-79-5-24>
14. Багратиони К., Тернер Т. Сопротивление менеджеров среднего звена цифровой трансформации. *Форсайт*. 2023;(2):49–60. <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.2.49.60>
15. Жданов Д.А. Цифровизация отечественных производственных компаний: состояние и перспективы. *Экономическая наука современной России*. 2023;(2):127–141. [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2\(101\)-127-141](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2(101)-127-141)
16. Ghosh S., Hughes M., Hodgkinson I., Hughes P. Digital Transformation of Industrial Businesses: A Dynamic Capability Approach. *Technovation*. 2022;(113):102414. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102414>
17. Чистникова И.В., Антонова М.В., Михайличенко М.Ю. Научный подход к исследованию влияния цифровизации на экономику региона. *E-Management*. 2022;5(4):72–81. <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-4-72-81>
18. Zhai H., Yang M., Chan K.C. Does Digital Transformation Enhance a Firm's Performance? Evidence from China. *Technology in Society*. 2022;(68):101841. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101841>
19. Курушина Е.В., Петров Л.Б. Цифровизация экономики на уровне макрорегиона. *Журнал экономической теории*. 2020;17(1):101–116. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-1.8>
20. Садырtdинов Р.Р. Уровень цифровизации регионов России. *Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки*. 2020;(10):230–235. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-11029>
21. Казанбиева А.Х. Оценка уровня цифровизации российских регионов. *Инновации и инвестиции*. 2023;(4):369–375. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-urovnya-tsifrovizatsii-rossiyskih-regionov/viewer> (дата обращения: 14.03.2025).
22. Абрамов В.И., Андреев В.Д. Совершенствование методики оценки индекса цифровой зрелости регионов России с учетом аспектов второго и третьего этапа цифровой трансформации ГМУ на основе зарубежного опыта. *Управленческие науки*. 2023;(13):32–46. <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-1-32-46>
23. Булетова Н.Е., Золотко Т.А., Клейтман Е.В. Цифровая трансформация как условие существования и развития бизнеса: современные модели и отраслевые особенности. *Вопросы инновационной экономики*. 2024;14(2):555–570. <https://doi.org/10.18334/vinec.14.2.121031>

REFERENCES

1. Belyakova G.Ya., Avramchikov V.M. Modern Approaches to the Digital Transformation of the Region's Economy. *Fundamental Research*. 2023;(5):71–75. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17513/fr.43462>
2. Batov G.Kh. Digitalization as a Determinant of Transformation of the Real Sector of the Economy of the Macregion (Using the Example of the North Caucasus Federal District). *MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2024;15(1):27–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2024.15.1.27-42>

3. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R. The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia. *Foresight and STI Governance*. 2019;13(2):84–96. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.84.96>
4. Ardashkin I.B., Surovtsev V.A. SMART Technologies as a Concept and Phenomenon: On Criteria. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2021;(60):32–44. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/smart-tehnologii-kak-ponyatie-i-fenomen-k-voprosu-o-kriteriyah> (accessed 14.03.2025).
5. Lee S.M., Trimi S. Convergence Innovation in the Digital Age and in the COVID-19 Pandemic Crisis. *Journal of Business Research*. 2021;(123):14–22. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.09.041>
6. Vial G. Understanding Digital Transformation: A Review and a Research Agenda. *The Journal of Strategic Information Systems*. 2019;28(2):118–144. <https://doi.org/10.1016/j.jsis.2019.01.003>
7. Hinings B., Gegenhuber T., Greenwood R. Digital Innovation and Transformation: An Institutional Perspective. *Information and Organization*. 2018;28(1):52–61. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2018.02.004>
8. Mirolubova T.V., Radionova M.V. Digital Transformation and its Impact on the Socio-Economic Development of Russian Regions. *Economy of Regions*. 2023;19(3):697–710. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3R8acx> (accessed 14.03.2025).
9. Kadochnikova E.I., Bagautdinova N.G. The Cognitive Effect of Digitalization in the Regional Economy. *Creative Economy*. 2024;18(1):97–114. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/ce.18.1.120250>
10. Verhoef P.C., Broekhuizen T., Bart Y. et al. Digital Transformation: A Multidisciplinary Reflection and Research Agenda. *Journal of Business Research*. 2021;(122):889–901. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.09.022>
11. Alikaeva M.V., Aslanova L.O., Gurfova R.V., Uyanaeva M.B. Analysis of the Digital Economy Development Level in the Regions of the North Caucasus Federal District. *Vestnik of the Russian University of Cooperation*. 2021;(2):4–12. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/cbpphd>
12. Lyaskovskaya E.A. Regional Features of Digitalization in the Constituent Entities of the Russian Federation. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Economics and Management*. 2024;18(1):53–68. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14529/em240105>
13. Lavrikova Yu.G., Bodrunov S.D., Akberdina V.V., Korovin G.V. Digital Transformation of the Economy: Peculiarities of Industrialized Regions. *Economic Revival of Russia*. 2024;1(79):5–24. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.37930/1990-9780-2024-1-79-5-24>
14. Bagrationi K., Thurner T. Middle Management's Resistance to Digital Change. *Foresight and TI Governance*. 2023;17(2):49–60. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2023.2.49.60>
15. Zhdanov D.A. Digitalization of Domestic Manufacturing Companies: Status and Prospects. *Economics of Contemporary Russia*. 2023;2(101):127–141. (In Russ., abstract in Eng.) [https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2\(101\)-127-141](https://doi.org/10.33293/1609-1442-2023-2(101)-127-141)
16. Ghosh S., Hughes M., Hodgkinson I., Hughes P. Digital Transformation of Industrial Businesses: A Dynamic Capability Approach. *Technovation*. 2022;(113):102414. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102414>
17. Chistnikova I.V., Antonova M.V., Mikhailichenko M.I. Scientific Approach to the Study of the Digitalization Impact on the Regional Economy. *E-Management*. 2022;5(4):72–81. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-4-72-81>
18. Zhai H., Yang M., Chan K.C. Does Digital Transformation Enhance a Firm's Performance? Evidence from China. *Technology in Society*. 2022;(68):101841. <https://doi.org/10.1016/j.techsoc.2021.101841>
19. Kurushina E.V., Petrov M.B. Digitalization of the Economy at the Macroregion Level. *The Russian Journal of Economic Theory*. 2020;17(1):101–116. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-1.8>
20. Sadyrtidinov R.R. The Level of Digitalization of the Regions of Russian. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2020;(10):230–235. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2020-11029>
21. Kazanbieva A.Kh. Assessment of the Level of Digitalization of Russian Regions. *Innovations and Investments*. 2023;(4):369–375. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-urovnya-tsifrovizatsii-rossijskih-regionov/viewer> (accessed 14.03.2025).

22. Abramov V.I., Andreev V.D. Improving the Methodology for Assessing the Digital Maturity Index of Russian Regions, Taking into Account Aspects of the Second and Third Stages of Digital Transformation of PMA Based on Foreign Experience. *Management Sciences*. 2023;13(1):32–46. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26794/2304-022X-2023-13-1-32-46>
23. Buletova N.E., Zolotyko T.A., Kleytman E.V. Regional Peculiarities of Digitalization in the Constituent Entities of the Russian Federation. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2024;14(2):555–570. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/vinec.14.2.121031>

Об авторе:

Гумар Хасанович Батов, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела Экономики интеллектуальных систем и сред Института информатики и проблем регионального управления – филиала Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (360000, Российская Федерация, г. Нальчик, ул. И. Арманд, д. 37а), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8632-7407>, Scopus ID: 57193362469, SPIN-код: 6771-1828, gumarbatov@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 13.12.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 27.05.2025.

About the author:

Gumar Kh. Batov, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Researcher of the Department of Knowledge Economics Intelligent Systems and Environments, Institute for Computer Science and Problems of Regional Management – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (37a Armand St., Nalchik 360000, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8632-7407>, Scopus ID: 57193362469, SPIN-code: 6771-1828, gumarbatov@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 13.12.2024; revised 12.05.2025; accepted 27.05.2025.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.159-180>

<http://regionsar.ru>

EDN: <https://elibrary.ru/pyxcmg>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 159.923.2-027.541 (571.54/.55)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Забайкальская идентичность: стереотипы в структуре регионального самосознания

Д. В. Трубицын И. С. Дорогавцева ✉

*Забайкальский государственный университет, <https://ror.org/00d55g310>
(г. Чита, Российская Федерация)*

✉ irinadorogawzewa@mail.ru

Аннотация

Введение. Трансформационные процессы в российском обществе актуализируют изучение региональных идентичностей как фактора сохранения социокультурной стабильности, особенно для удаленных и приграничных территорий. Сложность демографической и социально-экономической ситуации в Забайкальском крае требует поиска новых методов анализа самосознания его жителей. Цель статьи – апробация и обоснование продуктивности стереотипологического подхода (анализа устоявшихся представлений о себе и о регионе со стороны) для выявления глубинных, устойчивых компонентов регионального самосознания.

Материалы и методы. Теоретическая основа исследования – конструктивистский подход. Эмпирическая база включает в себя корпус текстов из интернет-блогов, прессы и научных публикаций, проанализированных с помощью дискурс-анализа и исторического анализа. Для получения количественных данных в 2024 г. был проведен репрезентативный социологический опрос среди жителей Забайкальского края ($n = 400$, квотно-пропорциональная выборка по полу и возрасту). Методология исследования обеспечила учет формальности/неформальности репрезентации стереотипов при явном доминировании в идентичности последней.

Результаты исследования. Подтверждена эффективность анализа авто- и гетеростереотипов как метода, выявляющего устойчивые, часто нерелексируемые компоненты идентичности. Выявлена специфика забайкальской идентичности: будучи органичной частью общероссийской, она обладает уникальным комплексом смыслов, основанных на географическом пограничье, полиэтничности и историческом опыте. Зафиксировано смысловое расхождение: внешние гетеростереотипы формируют образ «глухой провинции», тогда как автостереотипы акцентируют самобытность, независимость и «срединное» положение. Внутренняя динамичность идентичности и ее способность к интеграции противоположных оценок обеспечивают устойчивость и потенциал развития.

© Трубицын Д. В., Дорогавцева И. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Исследование доказывает существование выраженной забайкальской региональной идентичности и продуктивность стереотипологического подхода к ее изучению. Полученные выводы имеют практическую ценность для формирования региональной и культурной политики, а также для дальнейших исследований в области социологии культуры и регионоведения.

Ключевые слова: региональная идентичность, Забайкалье, забайкальцы, гетеростереотипы, автостереотипы, пограничье

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Трубицын Д.В., Дорогавцева И.С. Забайкальская идентичность: стереотипы в структуре регионального самосознания. *Регионоведение*. 2026;34(1):159–180. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.159-180>

Transbaikalian Identity: Stereotypes in the Structure of Regional Self-Consciousness

D. V. Trubitsyn, I. S. Dorogavtseva ✉

Transbaikal State University, <https://ror.org/00d55g310>
(Chita, Russian Federation)

✉ irinadorogawzewa@mail.ru

Abstract

Introduction. Transformational processes in Russian society are highlighting the importance of studying regional identities as a factor in maintaining sociocultural stability, particularly in remote and border regions. The complex demographic and socioeconomic situation in the Trans-Baikal Territory necessitates the search for new methods for analyzing the self-awareness of its residents. The purpose of this article is to test and substantiate the effectiveness of a stereotypical approach (analyzing established ideas about oneself and the region from the outside) to identify the underlying, stable components of regional self-awareness.

Materials and Methods. The theoretical basis of the study is a constructivist approach. The empirical base includes a corpus of texts from internet blogs, the press, and scientific publications, analyzed using discourse analysis and historical analysis. To obtain quantitative data, a representative sociological survey was conducted in 2024 among residents of the Trans-Baikal Territory ($n = 400$, quota-proportional sample by gender and age). The research methodology ensured that the formality/informality of stereotype representation was taken into account, with the latter clearly dominating identity.

Results. The effectiveness of auto- and hetero-stereotype analysis as a method for identifying stable, often unreflected, components of identity has been confirmed. The specificity of Transbaikalian identity has been revealed: while being an integral part of the pan-Russian identity, it possesses a unique set of meanings based on its geographical borderland, multi-ethnicity, and historical experience. A semantic discrepancy has been recorded: external heterostereotypes form the image of a “backwater province”, while autostereotypes emphasize originality, independence, and a “middle” position. Internal dynamism and ability to integrate opposing assessments ensure stability and potential for development.

Discussion and Conclusion. The study demonstrates the existence of a distinct Transbaikalian regional identity and the effectiveness of a stereotypical approach to its study. The findings have practical value for shaping regional and cultural policy, as well as for further research in the fields of cultural sociology and regional studies.

Keywords: regional identity, Transbaikalia, Transbaikalians, heterostereotypes, autostereotypes, frontier

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

For citation: Trubitsyn D.V., Dorogavtseva I.S. Transbaikalian Identity: Stereotypes in the Structure of Regional Self-Consciousness. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):159–180. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.159-180>

ВВЕДЕНИЕ

Стабильная идентичность необходима в быстро меняющемся мире, поскольку она снижает уровень неопределенности, повышает внутригрупповое доверие, а также обеспечивает психологический комфорт и устойчивую связь с группой¹. В то же время исследования показывают, что идентичность не бывает «достигнутой», ее нельзя ни утратить, ни возродить; в современном обществе стабильная идентичность невозможна в принципе, а ее кризис – нормальное состояние². Гармоничная идентичность требует совмещения устойчивости и гибкости, готовности к изменениям с сохранением базовых элементов. Открытый, незавершенный характер позволяет ей развиваться, дополняться новыми чертами и благодаря этому сохранять себя. Важно, чтобы сложная реальность Я не теряла уникальности и не сводилась к примитивному застывшему образу, лишенному способности эволюционировать.

Сказанное тем более актуально для региональной идентичности, которая должна находиться в сложных отношениях с национальной, обеспечивать экзистенциально важную для индивида опору на местное сообщество и макрогруппу одновременно. Практически важен вопрос о месте в структуре общероссийского самосознания идентичности отдаленных и экономически депрессивных регионов, особенно в связи с депопуляцией населения.

Когнитивной сложностью является неоднократно отмеченная учеными неявность региональной идентичности в России [1]. Как показывают исследования, идентичность регионов с невыраженной этнической составляющей скорее номинальна, чем актуальна; ее содержание образуют ожидаемые и присущие всей стране характеристики [1]. Относительно рассматриваемого региона есть и другое мнение: «забайкальский народ – реально сложившееся территориальное межэтническое объединение людей с особыми, подчас яркими ментальными чертами»³.

Тезис о содержательной невыраженности региональной идентичности по отношению к Забайкалью видится неверным: оригинальность сложно обнаружить привычным социологическим методом – «предваряющим» ответ и настраивающим респондента на официальный лад опросом. На подлинное содержание указывают неформальные данные, поэтому проанализированы блоги и неофициальные самоназвания, а в качестве базового компонента в структуре идентичности – стереотипы. Они практически не подвергаются рефлексии, воспринимаются некритично, их модификация происходит медленно.

Названные черты традиционно оцениваются негативно, как нечто косное и препятствующее развитию, однако они выполняют важную функцию. Их устойчивость, ригидность, упрощенный характер и эмоциональная окрашенность способствуют

¹ Osborne E., Sablonniere R. Understanding My Culture Means Understanding Myself: The Function of Cultural Identity Clarity for Personal Identity Clarity and Personal Psychological Well-Being. *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2014;44(4):436–458. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12061>

² См. Hall S. Who Needs “Identity”? In: Hall S., Gay P. (eds) *Questions of Cultural Identity*. London: Sage; 1996. Pp. 4–5 ; Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ. *Социологические исследования*. 2004;(10):27–30 ; Санина А.Г. Генезис идеи идентичности в социологии и смежных науках. *Там же*. 2014;(12):3–11.

³ Константинов М.В. Забайкальцы. В кн.: *Энциклопедия Забайкалья*. Том II. Новосибирск: Наука; 2004. С. 388.

закреплению определенных тезисов в массовом сознании, обеспечивая защиту идентичности от распада, особенно в периоды социальных трансформаций.

Современная трактовка стереотипа предполагает признание его способности к реинтерпретации и деконструкции содержания, благодаря чему казавшийся застывшим образ становится переходной формой и создает возможности для возникновения новых смыслов⁴. Поэтому, несмотря на не самую лучшую репутацию, обусловленную чрезмерной обобщенностью и потенциальной дискриминационностью в процессе коммуникации, стереотипы могут быть реабилитированы как важное средство конструирования Я-образа.

Речь идет не столько об отрицании, сколько о переработке и переоценке закрепленных в массовом сознании типичных образов, их позитивном или негативном рефрейминге. Более того, определение возможных факторов конструирования образа региона невозможно без ответа на вопрос о том, как его жители видят сами себя и как их видят другие. В любой идентичности есть две составляющие: представление субъекта о самом себе и его восприятие внешним наблюдателем.

Цель работы – проанализировать выявленные и исторически сложившиеся авто- и гетеростереотипы о Забайкалье и забайкальцах в качестве источников формирования и средств изучения региональной идентичности.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В числе теоретических основ исследования присутствуют идеи классиков конструктивизма⁵, однако для успешного изучения идентичности в роли субъективного компонента социальной реальности необходимо различение формальных и неформальных территориальных единиц [2, с. 56]. Выбранный объект именно таков: Забайкалье как регион сложился в сознании населения задолго до его институционализации. Эта полуформальность конструирует идентичность искреннее и эффективнее, более явно отражает реальность и объективные компоненты процедуры самоидентификации, которым в классическом конструктивизме уделяется мало внимания.

Понимание идентичности в виде суммы типизаций и сложного социального конструкта, которое формируется на основе стереотипных образов, представленное в работах П. Бергера и Т. Лукмана⁶, в настоящей статье дополнено непосредственными исследованиями функций стереотипов в конкретных обществах. Стереотипы здесь предстают в качестве важных конституирующих элементов в структуре идентичности. Их роль в восприятии групп, консолидации ценностей и конструировании социокультурного кода анализируется на примерах конкретных стран и регионов – Бретани, Германии, Бразилии, Австрии⁷ [3; 4]. К анализу стереотипов, формирующихся почти бессознательно под влиянием социальных отношений, обязывают работы, констатирующие трехкомпонентную структуру

⁴ Rolling J.H. Stereotypes. In: *Encyclopedia of Identity*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications; 2010. Vol. 2. Pp. 791.

⁵ Brubaker R. *Ethnicity without Groups*. In: *Études Critiques*. Cambridge University Press; 2002. Vol. 43. No. 2. Pp. 167, 170; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Медиум; 1995. С. 210–279.

⁶ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности...

⁷ Kleinig G. Über das Nationale Selbstbild der Deutschen. *Psychologie und Praxis*. 1963;(7):49–59; Rezende C.B. Stereotypes and National Identity: Experiencing the “Emotional Brazilian”. *Identities*. 2008;(15):103–122. <http://dx.doi.org/10.1080/10702890701801866>

групповой идентичности: 1) представления индивида о группе; 2) маркировка; 3) социальная реальность⁸.

Не менее важны выводы о том, что идентичности как социальные целостности являются зонами в сетях отношений⁹. Хотя влияние внешнего взгляда на формирование идентичности порой отрицается (так, М. П. Крылов противопоставляет собственно региональную идентичность и внешний имидж региона¹⁰), современные исследования доказывают воздействие негативных гетеростереотипов на восприятие себя членами групп [5–9]. То же надо сказать о положительных стереотипах¹¹.

Территориальную идентичность

следует отличать от территориального сознания¹². Часто они не разделяются, что В. Т. Михайлов и Й. Рунге считают неверным [2]. Если для первой достаточно лишь знаний (представлений о морфологии пространства, ее природных и антропогенных компонентах), второе должно включать и эмоциональный компонент. Исследования территориальной и региональной идентичностей¹³ в качестве нематериального ресурса развития общества¹⁴ дают понимание о том, как географические образы выступают в структуре региональной идентичности в роли базовых, формируя геокультурный образ пространства; как пространство аксиологизируется в процессе культурного освоения, наполняясь смыслами, ценностями [10–12].

Значимость региональной идентичности – дискуссионная тема. Некоторые авторы убеждены в угрозе сепаратизма со стороны регионалистских движений и идей (хотя и признают их созидательный потенциал в контексте локальных проблем)¹⁵. Они считают необходимым проведение в регионах политики идентичности, ориентированной в первую очередь на общероссийские интересы¹⁶. Е. Ю. Цумарова указывает на важность развития региональной идентичности как инклюзивной для формирования стабильной общероссийской идентичности¹⁷.

В целом проблеме идентичности регионов России и ближнего зарубежья посвящены немало работ [13–18]. Часть публикаций касается вопросов регио-

⁸ Wan Ch., Chew P.Y. Cultural Knowledge, Category Label, and Social Connections: Components of Cultural Identity in the Global, Multicultural Context. *Asian Journal of Social Psychology*. 2013;(16):247–259.

⁹ White H.C. Identity and Control: A Structural Theory of Social Action. N.Y.: Princeton University Press; 1992. 423 p.

¹⁰ Крылов М.П. Региональная идентичность в европейской России. М.: Новый хронограф; 2010. С. 71, 207.

¹¹ Marx D.M., Stapel D.A. Understanding Stereotype Lift: On the Role of the Social Self. *Social Cognition*. 2006;(24):776–791. <https://doi.org/10.1521/soco.2006.24.6.776>

¹² Мирошниченко И.В. Нематериальные ресурсы развития. В кн.: Идентичность: личность, общество, политика. Под ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир; 2023. С. 57–66.

¹³ Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак; 2006. С. 16, 63–64, 99–100, 199–201 ; Ким Х.Ч., Шабаев Ю.П., Истомина К.В. Локальная группа в поиске идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций). *Социологические исследования*. 2015;(8):85–92 ; Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Идентичности молодежи Арктики. *Там же*. 2015;(5):139–144.

¹⁴ Мирошниченко И.В. Нематериальные ресурсы развития...

¹⁵ Шабаев Ю.П. Регионализм и этничность в пространстве публичной политики: идеологии и политические практики. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2012;8(2):126–149.

¹⁶ Омаров М.А., Шабаев Ю.П. Полиэтничность как фактор исторического развития России: инструменты формирования и укрепления общероссийской идентичности. В кн.: Россия в новых измерениях: единство и многообразие: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 30 октября 2023 года. М.: Российский государственный гуманитарный университет; 2024. С. 254–255. <https://elibrary.ru/bqntgz>

¹⁷ Цумарова Е.Ю. Единство в многообразии, или Как российским регионам сохранить себя и укрепить Россию. Неприкосновенный запас. *Дебаты о политике и культуре*. 2015;(5):57–66.

нальной мифологии [19–21], часть – специфики приграничных регионов [22–25]. Значительное число исследований рассматривает проблему сибирской идентичности [24; 26; 27]. Так, А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская воспринимают региональную идентичность в качестве «...ресурса преобразования и развития Сибири силами самих сибиряков», подчеркивая ее консолидирующий, но ни в коем случае не сепаратистский характер¹⁸. А. О. Бороньев высказывает опасения по поводу ослабления «сибирскости», связывая с этим упадок регионального патриотизма в постсоветский период. По его мнению, необходимо возрождение сибирской ментальности как российской, но имеющей специфику¹⁹.

М. В. Васеха представляет обзор как формальных, так и стихийно сложившихся за пределами официального мейнстрима форм идентичностей Сибири [26], однако оставляет вне поля зрения Забайкалье. Видение его отдельным, исключение из дискурса о сибирской идентичности типично: Е. В. Головнева отмечает, что в настоящее время Сибирь имеет тенденцию рассматриваться в отрыве от Дальнего Востока, Алтая, Заполярья и Забайкалья²⁰. Сказанное актуализирует изучение региональной забайкальской идентичности, все чаще игнорируемой в исследованиях Сибири и Дальнего Востока.

В подавляющем большинстве современные исследования региональной идентичности используют классические социологические методы (прежде всего, социологический опрос), которые не в состоянии учесть эмоциональный компонент в полной мере. Идентичность забайкальцев фиксируется в целом как состоявшаяся, однако анализ стереотипов позволит прояснить ситуацию с ее невыраженностью на фоне общероссийского самосознания. Изучение стереотипов может дополнить полученную картину; востребовано при уточнении результатов непосредственных исследований забайкальской идентичности²¹.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Объект и предмет исследования. Объектом исследования послужили авто- и гетеростереотипы о Забайкалье и забайкальцах, понимаемые как компоненты идентичности и включающие в себя официальные и неформальные составляющие; предметом – собирательные образы Забайкалья и забайкальцев, создаваемые закрепившимися в языке наименованиями и самонаименованиями жителей региона, путевыми заметками.

¹⁸ Анисимова А.А., Ечевская О.Г. Сибирская идентичность как фактор устойчивого развития Сибири. *ЭКО*. 2013;(1):69.

¹⁹ Бороньев А.О. Сибирская идентичность: становление и содержание. *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2004;(3):156.

²⁰ Головнева Е.В. Сибирь как «воображаемое сообщество»: конструктивистский подход. *Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. 2018;(25):79–81.

²¹ Базаров А.А., Бураева С.В. Семейная книга и Забайкальская идентичность. *Библиосфера*. 2015;(1):21–27 ; Васильева К.К., Мельническая С.А. Менталитет социокультурных обществ Забайкальского края. Чита: ЧитГУ; 2008. 191 с. ; Зимина Н.С. Структура, факторы формирования и развития регионального социокультурного пространства Забайкальского края. *Вестник ЗабГУ*. 2012;(12):98–105 ; Новикова М.С., Новиков А.Н. Позиционирование символов территорий в общественном сознании россиян как механизм повышения инвестиционной привлекательности. *Вестник евразийской науки*. 2014;(3):53 ; Филиппова Н.П. Символо-знаковые системы региональной культуры Забайкалья. *Вестник ЗабГУ*. 2009;(2):21–27.

Эмпирическую базу исследования образовали тексты массовой коммуникации (блоги, онлайн-дневники, комментарии «Живого Журнала»²²), выполняющие функции закрепления и трансляции информации, которая становится частью массового Я-образа. Методом ручной тематической выборки по тегам «Забайкалье» и «Чита» были отобраны 115 постов 69 пользователей, посвященных пребыванию в Забайкалье, и 14 блогов местных авторов²³ (2007–2023 г.).

Формат блога предполагает быстрое («по горячим следам»), не всегда вдумчиво отредактированное размещение информации. Это позволяет увидеть субъективную сторону текста – непосредственные живые впечатления авторов, их личные мнения, в условиях относительной анонимности и отсутствия цензуры выражаемые более откровенно. Поэтому изучение текстов тревел-блогов дает больше возможностей для выявления распространенных стереотипов, чем анализ текстов официальных средств массовой информации (СМИ).

Меньшая представленность собственно забайкальских авторов в выборке обусловлена тем, что число блогеров, эксплицитно обозначивших себя «забайкальцами», невелико и значительная их доля продуцирует тексты, не связанные с регионом (о личной жизни, хобби, отзывы на прочитанные книги и пр.). Полагаем, что подобная выборка обеспечивает необходимую объективность и возможность обобщения результатов анализа на более широкую аудиторию.

Популярные сети лучше отражают динамический аспект само- и внешней идентичности. Ее более устойчивые компоненты фиксируют официальные источники, поэтому для выявления содержания автостереотипов использовались научные публикации, пресса, энциклопедические издания.

Методы исследования. Исследование дискурса, понимаемого как единство языковой практики и экстралингвистических факторов (высказываний на определенную тему и социокультурного контекста их создания и трансляции)²⁴, предполагает изучение повседневного опыта, который передается авторами блогов через текстовую и графическую коммуникацию. Анализ использования в корпусе текстов тех или иных языковых средств для описания конкретного объекта позво-

²² Одна из наиболее популярных в начале XXI века интернет-платформ в РФ. Из 40 миллионов пользователей 28 находятся в России. Благодаря возможности публиковать объемные тексты и размещать большое количество фотографий сайт активно использовался для создания дневников путешествий (тревел-блогов).

²³ Индивидуальные блоги: a-krotov, albinos76, an-babushkin, anthrax-urbex, arissston, atlantas, bepowerback, borh-84, boris-mavlyutov, chistoprudov, consigliere77, cvarnou, ded-pasha, denokan, dergachev-va, dimabalakirev, dimorfant, dracomare, e-kaspersky, flackelf, foto-land, gelio, gmichailov, griphon, helen-i-rebyata, ice-ti, karpukhins, kasimys, kitv, korepov1986, lena-miro, liseykina, majorfonskrip, mane4kasakh, me-frai, mikka, nefer, o-avgust, olly-ru, panterka93, pereverzinroman, plemiyash-sergei, polyn-blog, pretre-philippe, rudolf-khb, rsbratsk, rumata-anton, sandrina, sapojnik, sergeydolya, sergey-nb, serzh zaguman, shpilenok, varandej, victorborisov, vkouznetsov, timaldo, travelfoxes, yapet, yuvlatyshev, zavodfoto, zbarsology, zhzhitel; записи сообществ: «Архитектурный стиль» (architectstyle), «Города и веси России» (russiantowns), «Мы родом...» (yarodom), «Путешествия и прочее» (ru-travel), «Походы по горам» (trekking-hiking) и «Сообщество путешественников по России» (travel-russia). Блоги пользователей Livejournal из Забайкалья: andreydehtyaruk, boltunovag, cho-oyu-cho, eaquilla, lesnyanskiy, mogochadp, mornere, pustyarnick, str-albatros, top-view, vl-dashiev, vololo, zabinok, zabivan. Приведенные в статье цитаты (выделены курсивом) взяты из перечисленных блогов.

²⁴ Йоргенсен М.В., Филлипп Л.Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Гуманитарный центр; 2008. С. 118; Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Пер. с англ. Х.: Гуманитарный центр; 2009. С. 47.

ляет выявить тенденции репрезентации последнего в массовом сознании. Если отдельные тексты можно рассматривать как выражение частной точки зрения, то дискурс в целом благодаря постоянно повторяющимся элементам содержания, образующим культурные стереотипы, является мощным средством формирования социокультурных установок и отношений²⁵.

Коллективная символика, представляющая собой совокупность передающихся в традиции культурных стереотипов²⁶, выступает важным компонентом дискурсивного пространства, как правило, в текстах массовой коммуникации.

Вопрос исследования в рамках анализа текстов формулировался так: как в текстах блогов репрезентируются Забайкалье и забайкальцы? Выяснились наиболее часто встречающиеся в описаниях региона темы, стереотипы и лексические средства их выражения.

Обобщение полученных данных и их интерпретация позволили выявить, каким образом анализируемые высказывания формируют образ края и его жителей, а также предположить ракурс их влияния на восприятие региона самими забайкальцами и россиянами в целом. Анализ текстов показал, как в языковых конструкциях, с одной стороны, отражается, а с другой – создается определенная социальная реальность – какие именно высказывания и дискурсы формируют образ региона. Определены наиболее распространенные мнения и некоторые общие тенденции в восприятии блогами Забайкалья.

Применялись методы критического дискурс-анализа и анализа самоназваний в контексте исторической динамики.

В качестве дополнительного метода был реализован социологический опрос. Анкета включала 26 вопросов, направленных на получение количественных данных об иерархии российской и региональной идентичностей, о ценностном наполнении понятий «россиянин» и «забайкалец», об оценке качества отношений региона и страны. Полевой этап осуществлялся в сентябре–октябре 2024 года в Читинском, Карымском и Улетовском муниципальных районах, а также городском округе город Чита Забайкальского края²⁷. Объем выборочной совокупности – 400 респондентов. Все они были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Использовался метод квотно-пропорциональной выборки в соответствии с квотами, отражающими ключевые параметры генеральной совокупности – населения Забайкальского края старше 18 лет. Выборка структурирована по полу (женщины – 54 %, мужчины – 46 %) и возрасту (от 18 до 24 лет – 11 %; от 25 до 34 – 18; от 35 до 44 – 22; от 45 до 59 – 24; от 60 до 69 – 16; от 70 лет и старше – 9 %).

²⁵ Jäger S. Kritische Diskursanalyse. Eine Einführung. Überarbeitete und Erweiterte Auflage. Duisburg: DISS; 1999. Pp. 170.

²⁶ Link J. Die Struktur des Symbols in der Sprache des Journalismus. München: Wilhelm Fink Verlag; 1978. Pp. 27.

²⁷ Районы выбраны с учетом экономических, инфраструктурных и климатических различий; в них представлены основные социально-демографические группы населения и национальности Забайкальского края. Охват разных частей региона (центр, восток, запад) обеспечил географическую диверсификацию выборки. Внутри районов были отобраны поселения в зависимости от их административно-территориального статуса и численности населения. Опрос проведен в шести городских поселениях и поселках и 19 селах. Отдельно выделен город Чита – административный, экономический и культурный центр региона, в котором проживает 35,1 % населения края.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Состояние региональной идентичности. Устойчивая идентичность предполагает маркировку. Нельзя согласиться с утверждениями, что в Забайкалье отсутствуют какие-либо общезначимые символы, кроме вездесущего багульника²⁸. О наличии таких говорят результаты конкурсов «Россия-10» и «Семь чудес Забайкалья», в ходе которых местное население голосовало за объекты, достойные представлять регион²⁹. В их числе: Бутинский дворец в Нерчинске, Даурский заповедник, Великий исток (водораздел Амура, Лены и Енисея), Байкало-Амурская магистраль, Чарские пески, национальный парк «Алханай», церковь Успения Божьей Матери в с. Калинине, озеро Арей, ледники Кодара, кафедральный собор Казанской иконы Божией Матери, Агинский дацан и Шумовский дворец в Чите.

Присутствие в самосознании жителей обширного комплекса объектов природного и культурного наследия, выступающих в роли предмета гордости, свидетельствует о наличии как когнитивного, так и аффективного компонентов идентичности. Четкий собирательный геокультурный образ края сопровождается эмоциональным отношением и ощущением родственной связи с ним.

Безусловно, общероссийская идентичность в Забайкалье доминирует: в первую очередь жителем России (русским, россиянином) и лишь во вторую забайкальцем назвали себя 70 % опрошенных; напротив, в первую очередь забайкальцем и лишь во вторую россиянином – 22 %. Несмотря на это, уникальность собственной культуры осознается забайкальцами и занимает важное место в структуре их идентичности: если сибиряками себя считают около 40 % респондентов, то забайкальцами – уже больше 60 %³⁰. Этноним «сибиряки» практически не используется забайкальцами как самоназвание, на что указывает и «Энциклопедия Забайкалья»³¹.

Лучше всего забайкальская идентичность выявляется в приватной сфере. На вопрос «С чем ассоциируется у вас связь с Родиной?» ответили «с местом, где вы родились и выросли» 80 % респондентов, «с родными, близкими, друзьями» – 67, общероссийские ассоциации («государство», «российская история и судьба страны», «богатство российской культуры») составили менее 50 % ответов. На официальные формулировки («с историей вашего региона», «с природой вашего региона», «с известными людьми вашего региона») указали 19, 31 и 10 % соответственно.

На сочетание ближнего и дальнего круга в идентичности указывает соотношение в результатах опроса символов большой и малой родины. В первой тройке оказались государственная символика (от 75 %), герб и флаг края (39), семейный альбом, фотографии родных и друзей (32 %). Очевидно, в «титულной», скорее номинальной, чем актуальной, стороне восприятия региона и страны в целом на первое место ставится общероссийское, значение регионального ниже. В рамках неформального и более искреннего отношения императивы региона проявляются сильнее, что подтверждает тезис о более выраженном процессе региональной самоидентификации в полу- и неофициальном кластере социальных связей.

²⁸ Ермилов Д. Забайкалье: запрос на региональную идентичность [Электронный ресурс]. Центр прикладных исследований и программ. URL: <http://www.prisp.ru/opinion/14476-ermilov-o-proekte-azbuka-zabaykalya-1909> (дата обращения: 15.05.2024).

²⁹ Новикова М.С., Новиков А.Н. Позиционирование символов территорий в общественном сознании россиян...

³⁰ Васильева К.К., Мельницкая С.А. Менталитет социокультурных обществ Забайкальского края... С. 101.

³¹ Константинов М.В. Забайкальцы... С. 387.

Содержание идентичности прежде всего связано с объективными условиями жизни в приграничном, полиэтническом, поликонфессиональном регионе, отдаленном от центра, хотя и не так, как Приморье, Хабаровский край или Амурская область. В экономическом плане это территория перманентно депрессивная (62-е место в рейтинге по доходам населения в 2021 г.³²), с высокими темпами депопуляции даже в годы относительного благополучия для страны в целом. В 2001–2011 годах миграционная убыль в среднем составила 5,7 тыс. ежегодно³³, с 1990 г. население сократилось почти на 1/3 (к 2023 г.)³⁴.

Источники не случайно указывают в качестве типичных черт многонационального региона, расположенного на стыке культур, компромиссность, взаимную толерантность, религиозный синкретизм, гостеприимство, готовность помочь³⁵. Научные тексты в качестве основы менталитета забайкальцев и их самоидентификации называют также контактность, неприхотливость, сострадание, выносливость, упорство, осмотрительность и созерцательность³⁶.

Забайкальцы видят себя суровыми россиянами, не изнеженными мягкими климатическими условиями, комфортом и высоким уровнем жизни³⁷. Они гордятся низкими температурами и часто обращают внимание на разницу в этом отношении с европейской частью страны. Однако «климатическая» составляющая самосознания не оригинальна: все россияне считают себя жителями «сурового края», это один из главных компонентов общероссийской идентичности.

То же касается пограничности. Как показал анализ, окраинным положением объясняются многие особенности местного менталитета даже там, где уже много столетий нет никакой границы. Так, жители Рязани связывают свое «особое героическое воинское сознание» с условиями пограничья с кочевниками, заявляя о «менталитете жителей засечной черты»³⁸. Это относится к поморам, пермякам, уральцам, кубанцам: «пограничный» элемент характеризует российскую культуру в целом.

Сходную ситуацию обнаруживают исследователи сибирской идентичности. С одной стороны, они показывают ее высокий уровень, с другой – ее содержание банально, связано с «суровой природой» и «просторами», а среди качеств характера обнаружилось ожидаемое упорство, искренность, благожелательность, толерантность, коллективизм [27, с. 31]. Социологический опрос выявил, что выраженными чертами местного характера забайкальцы считают стойкость (64 %), терпение (71), трудолюбие (59 %), что не уникально на фоне российской идентичности.

³² Россия сегодня [Электронный ресурс]. РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210706/630203876.html> (дата обращения: 25.10.2024).

³³ Население [Электронный ресурс]. Забайкалкрайстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю. URL: <https://75.rosstat.gov.ru/population> (дата обращения: 26.10.2024).

³⁴ Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа. М.: ВЦГП; 2023. С. 8.

³⁵ Новикова М.С., Новиков А.Н. Позиционирование символов территорий в общественном сознании россиян...

³⁶ Базаров А.А., Бураева С.В. Семейная книга и Забайкальская идентичность... С. 21–27.

³⁷ Константинов М.В. Забайкальцы... С. 387.

³⁸ Филатов С. Культ святого благоверного князя Олега Рязанского. Рязанцы отстаивают свое достоинство [Электронный ресурс]. *Russian Review*. URL: <https://www.keston.org.uk/rr/15/01oleg.html> (дата обращения: 12.08.2024).

Историки и краеведы уверенно пишут об «...особо сложившейся социальной психологии» забайкальцев, включающей в себя «...приобщенность к открытому... небу, связующему с бесконечным космосом, особое мироощущение от сочетания европейского и азиатского миров, своеобразного пересечения их традиций и приоритетов, осознание действительности как некоторой отдаленности от российской и мировых столиц, восприятие своего пространства как привычно обширного, дружественный настрой к людям другой крови и веры, сердобольное отношение к гонимым, искреннее хлебосольство и радушие по отношению к гостям, способность стойко переносить превратности судьбы и тяжелые климатические условия...»³⁹. При этом важно, что тема «неба над бескрайней землей» является также межэтнической: тенгризм – системообразующий компонент в структуре миропредставлений местного населения – хори-бурят и монголов⁴⁰.

Есть также тенденция к описанию своего положения не как маргинального, а, напротив, как центра: известная в регионе международная телепрограмма «Середина Земли» знакомит жителей с новостями Забайкалья, Бурятии, Якутии, Калмыкии, Монголии, Китая.

Тезис о наличии региональной забайкальской идентичности подтверждается исследованиями специфики географических названий с приставкой «за-» (Заволочье, Заонежье, Заволжье, Зауралье). Все подобные топонимы объединяет причастность к процессам освоения новых земель; они фиксируют продвижение относительно России. Эта топонимика характеризуется незавершенностью: не давая осознать в полной мере внутреннее своеобразие региона, название отсылает к территории, с которой началось его присоединение, ориентируя субъекта идентичности вовне. Одновременно окончание топонимов подобного типа («-лье») указывает на внутреннее единство территории: объект перестал быть лишь границей, обретая с именем внутренние связи и образ себя⁴¹. Анализ культурных текстов демонстрирует диалектику российского и забайкальского, их сложное сочетание и одновременно уникальность.

Черты жителей Забайкалья, отраженные в их названиях. Имеется ряд самоназваний, различающихся по степени официальности.

На первом месте – «зabayкальцы». Это распространенное задолго до официального образования Забайкальской области (1851 г.) и Забайкальского края (2008 г.) самоназвание, привязанное к географическому положению. Несмотря на европоцентричность, наименование прижилось и приобрело положительные коннотации, что среди прочего связывается с уважением к уникальному природному объекту – озеру Байкал.

Роман В. И. Балябина «Зabayкальцы», созданная в 1943 г. танковая колонна «Комсомолец Забайкалья», газета «Зabayкальский рабочий»⁴² и многочисленные

³⁹ Константинов М.В. Забайкальцы... С. 388.

⁴⁰ Гомбоева М.И. Образ мироустройства хори-бурят. Чита: Изд-во ЗабГГПУ; 2002. 189 с.

⁴¹ Ершов М.Ф. Фронтир от Северной Америки до Сибири. В кн.: Социокультурная эволюция образов очеловеченного пространства. Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск; 2014. С. 161–242.

⁴² Балябин В.И. Забайкальцы: роман. М.: Сов. писатель; 1959–1969. 3 т.; Забайкальский рабочий: еженедельная региональная общественно-политическая газета [Электронный ресурс]. URL: <https://zabrab75.ru/> (дата обращения: 12.11.2024). Выходит с 1905 г.; Лыцусь А.И. Комсомолец Забайкалья. В кн.: Энциклопедия Забайкалья [Электронный ресурс]. Новосибирск: Наука; 2006. URL: <https://ez.chita.ru/okn/section/?id=3041> (дата обращения: 12.11.2024).

названия организаций, включающие данный этноним, – все это указывает на почти официальный характер наименования, активно используемого для самопрезентации региона. Однако даже в длительный период существования Читинской области и отсутствия в официальном дискурсе соответствующих терминов жители региона именовали себя «забайкальцами».

Найти тексты, в которых понятие наделяется негативным содержанием, невозможно: оно ассоциируется в первую очередь с патриотизмом, героизмом, с событиями и явлениями, вызывающими чувство гордости. Забайкальский военный округ был крупнейшим в структуре Советской армии, а Забайкальская железная дорога – самая протяженная среди российских и обладает наиболее сложным профилем пути. Эти факты не только известны любому военному или железнодорожнику и близким к их кругам забайкальцам, но и вызывают у них уважение.

Параллельно с «Забайкальем» употреблялось более древнее и сегодня устаревшее в официальном дискурсе, хотя по-прежнему популярное, наименование «Даурия» (роман К. Седых и одноименный фильм «Даурия», радиостанция «Даурия»⁴³, ныне множество фирм, предприятий, например гостиница «Даурия» в центре Читы). Сначала именно оно обозначало край. Заметим, что систему двойных названий – исторического и современного, не связанную с названием областного или краевого центра (Новосибирская и Иркутская область, Красноярский и Хабаровский край) имеют и берегут немногие российские регионы.

Менее формальным самоназванием и, соответственно, маркером идентичности, является термин «гуран». В прямом значении он обозначает дикого козла, ставшего с момента русского заселения Забайкалья значимым объектом охоты; переносное – связывается с привычкой первых забайкальских казаков носить шапки из шерсти этого животного. Забайкальцам, из-за административных перипетий порой не знающим, куда себя причислять (официально край относился то к Восточной Сибири, то к Дальнему Востоку), называть себя гуранами было свойственно довольно долго.

Термин не имеет негативных коннотаций, ассоциируется прежде всего с хладнокровием и терпением, стойкостью к испытаниям и суровым климатическим условиям, а также с умом и недоверием к чужакам и центральным властям («себе на уме», «нас не проведешь»). Стереотипные представления о «настоящих гуранах», под которыми часто понимается именно русское население Забайкалья, предполагают даже специфические внешние признаки и привычки: чуть азиатский разрез глаз и скулы, привычку пить чай только с молоком. В настоящее время лексема «гуран» активно используется как маркер Забайкалья (кафе «Гуран», бар «Гураныч», женский сайт «Гуранка.ру», фестиваль «Гураненок»⁴⁴ и др.). Структурно-символический анализ показывает, что два самоназвания выполняют различные

⁴³ Седых К.Ф. Даурия: роман. М.: Гослитиздат; 1953. 2 т. (Б-ка советского романа). В 1971 г. экранизирован киностудией «Ленфильм»; Радиостанция «Даурия» вещала на частоте «Маяка» с 1991 г. (URL: <https://gtrkchita.ru/gtrk/news/i-na-dlinnoi-i-na-srednei-i-na-samoi-korotkoi-volne/> (дата обращения: 12.11.2024)).

⁴⁴ Гуранка.ру: читинский женский сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://mirmampar.ru/kompanii-i-specialisty/katalog-kompanij/gurankaru/?ysclid=mm09uo421b293188067> (дата обращения: 12.11.2024); Открыт прием заявок на XVI международный фестиваль детско-юношеского творчества «Гураненок» [Электронный ресурс]. Забайкальский край: офиц. портал. URL: <https://75.ru/news/378912> (дата обращения: 12.11.2024).

функции идентичности: если «забайкалец» имеет преимущественную ориентацию вовне, то «гуран» отсылает к внутренней специфике территории и обобщенным качествам населяющих ее этносов.

Итак, при упоминании своих типичных свойств забайкальцы используют противоречивые характеристики (описывают себя то как хлебосольных и гостеприимных, то как угрюмых и неприветливых, а готовность идти на контакт соседствует в их коллективном портрете с недоверчивостью). Тем не менее необходимо говорить о цельности, состоящей в независимости и даже своеобразном вызове. Образ формируется сочетанием ожидаемого и социально одобряемого имиджа региона с обобщенным стереотипным представлением о нем согласно современному восприятию идентичности как подвижного конструкта. Этот конструкт не ограничивает субъекта заданным набором черт, дает простор для самоидентификации и соответствующего социального действия, но содержит устойчивые черты.

Быть забайкальцем означает быть носителем общероссийской идентичности, отличающимся от других россиян в первую очередь местонахождением и стремлением к тому, чтобы малая родина занимала достойное место среди прочих регионов страны. Неважно, идет ли речь о легитимных и морально одобряемых сферах или криминальных: даже при самоидентификации в маргинальных, андеграундных группах (здесь порой используется самоназвание «семеновцы») «забайкалец» и «гуран» выделяют себя независимостью характера.

Забайкалье и забайкальцы в текстах блогеров. Словесная оценка увиденного авторами «Живого Журнала» позволила выявить самые распространенные мнения о регионе. Помимо упоминаемой практически всеми красоты природы, часто затрагивались темы (по убыванию): 1) бедности и заброшенности (30 % авторов); 2) маргинальности нравов (23); 3) современного криминала и каторжного прошлого, нередко связываемых друг с другом (23); 4) пустынной и дикой местности (22); 5) удаленности от цивилизации, пограничности, близости Китая (14); 6) отсталости (13); 7) железной дороги / Транссиба (12); 8) старинной деревянной архитектуры (10); 9) суровости края и людей (10); 10) контраста старого/нового, красивого/безобразного (10 % авторов).

Реже упоминались традиционно ассоциируемые с Забайкальем армия (9 %), декабристы (9), казаки (6), природные богатства (4), богатые купцы (3 %).

Природа края – источник наиболее позитивных эмоций. Путешественники говорят об «*уникальных пейзажах*», «*сказочных видах*», «*очаровательных долинах*» и «*красивейших реках*», вслед за А. П. Чеховым сравнивают Забайкалье с Швейцарией⁴⁵.

Восхищение вызывают памятники деревянного зодчества, связанные с историей региона: «*очаровательные деревянные дома*», «*город, радующий своей историей и архитектурой*», «*...сложно оторвать от них взгляд... веет уютом, теплом и спокойствием*», «*живописные деревянные домики*», «*Чита узорчатая*» – гости не скупятся на комплименты, считая «нереальную старую красоту Читы» ее сокровищем.

Если красоты природы и старинные постройки радуют глаз, то инфраструктура описывается преимущественно в негативных выражениях («*бедный город*», «*облез-*

⁴⁵ День 3. Чита – Улан-Удэ [Электронный ресурс]. Приехали! [Блог]. URL: <https://zbarsology.livejournal.com/8378.html> (дата обращения: 12.11.2024).

лые пятиэтажки», «гнилые избы, утлые деревеньки», «запустение, захолустье, разруха, раздолбанные дороги, депрессия»).

Местные жители описываются как колоритные люди «не робкого десятка», «с громкими голосами», «максимально настоящие», но лишь немногие характеризуют их как «очень приветливых» и терпимых. Туристы отмечают подозрительность и недоверчивость к чужакам: «начинают на меня как-то не по-доброму коситься».

На формирование стереотипов о забайкальцах влияет каторжное прошлое края и распространенный сегодня образ криминального региона:

«По лицам местных жителей видно, что этот край издавна служил одним из главных мест ссылки и каторги»; «характерное для Забайкалья остервенение, зашкаливающие подозрительность и агрессия, которыми нам запомнился казацко-каторжанский край»; «говорили, что в городе полно гопников и надо быть очень осторожными»; «таких рож, как у некоторых представителей нерчинской молодежи, в центральной России я не видел лет 15, и смотрели они на меня ровно и немигающе, как большая хищная кошка на антилопу»; «лица некоторых прохожих... внушали определенные опасения»; «...добрая половина мужских лиц на улице отягощена... знакомством с криминальным миром».

Приезжие нередко ожидают встретить в Забайкалье «блатную», «бандитскую» культуру, будучи уверенными в том, что «понятия» заменяют местному населению закон. Источники таких познаний – устная коммуникация и популярные новостные сюжеты, в которых регион прочно связывается с преступной субкультурой. Факты гиперболизируются, обобщаются в целостную картину, в результате чего создается образ жутковатого и опасного места:

«Говорят о существовании в этих краях настоящего параллельного криминального государства»; «рассказывали о случаях убийств путешественников, которых гопстопнули в Забайкалье»; «Если кто-то зарывается или наглет, или встает костью в горле, его дом или офис просто жгут. Без церемоний»; «В каторжном краю людей в погонах никогда не любили».

Однако большинство авторов во время путешествий ничего подобного не наблюдали, и лишь каждый пятый заострял внимание на теме криминала. Существенную роль в поддержании стереотипов о «криминальном Забайкалье» играет популярная сегодня в массовой культуре романтизация криминала. Она же создает колорит: «типичный забайкалец» вызывает у туриста смешанное чувство ужаса и восхищения, как персонаж криминализованный и потенциально опасный, но вместе с тем сильный и умеющий постоять за себя. Один из блогеров после посещения Забайкальска написал:

«Я думаю, здешний народ выживет в любой ядерной войне: изнеженные москвичи будут уже плавиться в огне и обтекать остатками жидкостей, более стойкие иркутяне – ныкаться и искать вход в бункер. А жители поселка З. в это время будут сидеть за рулем на пыльной открытой трассе и снимать ядерный взрыв на китайский авторегистратор».

Важное место в портрете Забайкалья занимают пространственная и временная перспектива. Заметно, что многими регион не воспринимается как современный: путешественники нередко ощущают себя в прошлом: кто-то обращает внимание на «розовенький гламур “нулевых”», другие – на присутствие в городе давно

исчезнувших с улиц больших городов «неформалов» и другие «реликты коммунистической эпохи». Часто для описания атмосферы Забайкалья в качестве маркера используются 1990-е («город словно застрял/засиделся в 90-х»).

Пространство Забайкалья резко отличается в представлениях приезжих от привычного: оно описывается как обширное и безлюдное («дикие степи», «нескончаемые сопки», «безбрежный океан сибирской тайги», «бездорожье», «едешь по необжитым местам», «пространства, которым нет конца и края», «медвежий угол», «зимой и летом доехать до цивилизации еще можно», «суровая сибирская ГЛУШЬ [Стилистика, орфография, оформление текстов блогов сохранены. – Ред.]», «людей... почти нет»). Необходимость измерять сотнями километров расстояние между кажущимися близкими населенными пунктами производит впечатление на путешественника.

В итоге Забайкалье предстает затерянным во времени и пространстве. Другим по отношению к России в целом. Приезжие нередко идентифицируют регион культурно как Азию, а не часть европейской России. Заметим: «Азия» как культурный концепт не присутствует столь явно в соседних и более удаленных от европейской части страны Хабаровском крае и Амурской области и даже в Приморье, имеющем непосредственное отношение к Азиатско-Тихоокеанскому региону. Причина этого – неповторимые природно-географические и геокультурные особенности Центрально-Азиатского региона: полоса тайги, переходящая в степи южного Забайкалья, которые соседствуют со степями Монголии и Северного Китая, наличие и этнокультурное влияние народов тунгусо-маньчжурской и монгольской групп.

Сама Азия при этом часто выступает не отдельной цивилизацией, а скорее «не-цивилизацией». В массовом сознании регион до прихода русских предстает диким, неосвоенным и во многом продолжает оставаться таким. Географические названия кажутся гостю чем-то чужим, экзотическим и порой ассоциируются не с культурами создавших их народов, а с отсутствием культуры:

«Местные названия явно напоминали на вербальном уровне всю дикость, дремущность этого края и удаленность его от обжитых очагов цивилизации: Хилок, Улеты, Могоча, Тунгокочен, Букачача...».

Выходцу из европейской России азиатское внушает опасения и почти не дифференцируется: «славянских черт больше, но нет-нет и проскользнет в ком-нибудь то косою разрез глаз, то азиатское веко, что придает лицам местных пацанов особенную ожесточенность». Приграничное расположение Забайкалья, близость Монголии и Китая усиливают это ощущение.

В текстах забайкальцев регион, как правило, получает аналогичную характеристику – содержание авто- и гетеростереотипов во многом совпадает. Региональные блогеры очень любят природу малой родины, а часть остающихся в Забайкалье жителей объясняют отказ от переезда тем, что в их распоряжении есть значительные ресурсы, недоступные в европейской части страны: реки, озера, таежные массивы, обширные участки земли. Ценят также историю и архитектуру, но часто упоминают бедность и заброшенность («неэстетичные помойки», «власти забывают о этих местах и людях», «брошенные и полуразрушенные военные здания», «в наших диких местах», «газоны, в лучшем случае заросшие высоким пыреем», «Забайкалье – сырьевой придаток России, а жители нищенствуют»).

Однако если для приезжих подобные впечатления лишь экзотика, то тексты местного населения обычно описывают ситуацию как проблемную. Оно не склонно признавать криминалитет частью нормы. Это скорее больной вопрос, от решения которого зависит репутация края (*«ехал человек на скутере через всю Россию, а у нас в Забайкалье его убили»*, *«Чита захлебывается в разгуле уличной преступности»*).

Темы пограничности и удаленности от центра, тесно связанные с ощущением собственной забытости и ненужности, также часто затрагиваются (*«автобусы в каждую глушь не ходят»*, *«про Читинскую область говорили, что мимо нее проходит все, даже прогноз погоды центрального телевидения»*). Если для приезжего Забайкалье – это другое измерение, нечто оставшееся в прошлом, то сам житель региона склонен чувствовать себя не отсталым и диким, а скорее покинутым, оставленным без внимания.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стереотипизация как фактор формирования идентичности обнаруживает тенденцию к маргинализации образа Забайкалья, которая четко прослеживается во взгляде со стороны. «Типичный забайкалец» для внешнего наблюдателя – далекий от цивилизации, отсталый, как правило, бедный, близкий к криминальным кругам субъект. Поскольку одна из функций образа Другого заключается в том, чтобы служить базой для формирования собственной идентичности, гетеростереотипы выявляют типичную стратегию конструирования бинарной оппозиции «центр–провинция»: центр выступает эталоном нормы, периферия – нечто ему противоположное.

В этой оппозиции Забайкалью отводится место глубокой провинции, на что местное население отреагировало стремлением увидеть себя в центре пространства. В самоназваниях и автостереотипах маргинальность занимает периферийное место («гураны», «семеновцы»), а удаленность от центра и пограничность («за Байкалом») видятся как объективный географический фактор, а не препятствие развитию.

Весьма существенна популярность устаревшего названия региона – Даурии и даже любовь к нему. Диалог между авто- и гетеростереотипами показывает, что забайкальская региональная идентичность имеет выраженную географическую привязку; наблюдается самоидентификация населения как локализованного в пространстве коллективного субъекта. Грань между «территориальным сознанием» и «территориальной идентичностью» явно смещена в сторону последней, эмоциональному наполнению когнитивного компонента не препятствуют ни маргинальность, ни криминальность, ни бедность в масштабах страны. Напротив, они порождают сопротивление и попытку трактовать себя как особенное и отличное от данного стереотипа: мы не окраина, а середина Земли, Азия – не дикость, а иная цивилизация.

Одновременно Забайкалье остается ориентированным на центр. В этом его можно противопоставить Дальнему Востоку, которому более свойственно стремление к независимости от внимания центра. Если жители Дальнего Востока пришли к осознанию того, что они *«сами за себя отвечают и сами делают свою жизнь»*, то для забайкальцев связь с «большой землей» остается более важной. Это не означает

отсутствие оригинальности, это – особенность в составе российской территории, на формирование которой, как видно из стереотипов, повлияли весь ход исторического развития страны и региона, а также современная социально-экономическая и социокультурная ситуация. Показательна демографическая ситуация: забайкальцы «видят» и любят свою малую родину, но социальные проблемы вынуждают ее покидать. Это заметно уже по тому, что природно-географические составляющие стереотипов выигрывают в сравнении с социокультурными.

Разносторонность и подвижность стереотипов (наличие позитивных и негативных оценок, совмещение образа безлюдной нищей криминальной окраины с представлением о неповторимом крае лихих казаков и ссыльных вольнодумцев) придает структуре идентичности устойчивость. В силу многофункциональности культурных феноменов внутри социальной системы они могут использоваться акторами избирательно, в разных ситуациях репродуцируя различные формы поведения в зависимости от потребности микрогруппы.

Влияние стереотипов провинциальности и маргинальности, для которых в социальной реальности есть основания, преодолевается путем их переосмысления и переоценки. Данные концепты достаточно объемны для появления в них новых граней, лишенных негативных коннотаций. Возможен и даже наблюдается переход от образа отсталого захолустья к культуре пограничья, в сферу слияния и взаимопроникновения культур.

«Азиатский компонент», наличие и расширение контактов с Китаем и Монголией, положение транзитного коридора на Дальний Восток и в Тихоокеанский регион трансформируют образ «окраины» в «пограничный порт», «врата в иные миры». На смену имиджу угрюмой криминальной провинции могут прийти активность, открытость и новая нормативность фронта – понимание его не как границы, актуализирующей противопоставление, а как трансграничья, подразумевающего интеграцию культур. Главной предпосылкой этого может послужить активизация экономического и культурного взаимодействия с сопредельными странами.

Эмоциональная составляющая авто- и гетеростереотипов, таким образом, различается, к чему добавляется их двойственность, которая, однако, не препятствует эмоциональному восприятию. Никто не остается равнодушным ни во внутренней, ни во внешней рефлексии, и «плохое» и «хорошее» Забайкалье – неповторимый регион. Сопоставление авто- и гетеростереотипов в соответствующих дискурсах показало, что они обуславливают и поддерживают друг друга, транслируются в культурные тексты и тем самым – в социальную реальность. Другими словами, они выступают существенным фактором региональной идентичности.

Несмотря на комплексный характер, исследование имеет ограничения, что необходимо учитывать при интерпретации результатов. Прежде всего, ограничения, связанные с источниками данных. Эмпирическая база, сформированная на основе текстов интернет-блогов (преимущественно платформы «Живой Журнал»), репрезентирует в первую очередь точку зрения активной, склонной к публичным высказываниям в цифровой среде части аудитории. Это может вносить определенное смещение в выборку, так как мнения менее активных в сети групп населения, представителей старших возрастных когорт или жителей территорий со слабым интернет-покрытием могут быть отражены недостаточно полно.

Полученные результаты могут быть полезны не только в академической среде – для регионоведов, культурологов и социологов, но и в реальной политике на уровне центральных и местных властей. Апробированный подход, конечно, ограничен, он не дает исчерпывающего и предельно точного знания о состоянии и динамике региональной идентичности, поскольку помимо аналитики в нем присутствует известная доля интерпретации. Однако есть то, что можно утверждать определенно.

Первое – относительно изучаемого объекта. Несмотря на преобладание в структуре идентичности общероссийских компонентов, региональное самосознание выражено и насыщено смыслами. Говорить, что забайкальская идентичность не актуальна, что существует «запрос на нее», а не она сама – неверно. Сравнение себя с другими регионами России обнаруживает осознание своей уникальности, хотя и не предполагает жесткого противопоставления им. Поскольку речь идет о субидентичности, ее носители не могут радикально отличать себя от макрогруппы, что и наблюдается в реальности.

Второе касается методологии. Анализ стереотипов как базовых компонентов самосознания – продуктивный метод исследования идентичности. Однако необходимо более широкое применение точных методов и средств верификации выдвигаемых предположений, совмещение данного подхода с социологическими опросами, анализом статистических данных, учетом динамики социальных структур. Перспективы в исследовании стереотипов как базовых компонентов самосознания связываются с более широким применением точных методов и средств верификации выдвигаемых предположений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Троицкий С.А. В поисках тотального порядка: затвердевание границ и стабильная идентичность. *Журнал фронтирных исследований*. 2021;(1):196–225. URL: <https://clck.ru/3RtqPm> (дата обращения: 08.01.2025).
2. Михайлов В.Т., Рунге Й. Идентификации человека. Территориальные общности и социальное пространство: опыт концептуализации. *Социологические исследования*. 2019;(1):52–62. <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>
3. Холлер Е.В. Функциональность стереотипа в процессе построения идентичности: австрийский кейс. *Сибирские исторические исследования*. 2017;(1):74–98. URL: https://journals.tsu.ru/siberia/&journal_page=archive&id=1556&article_id=36244 (дата обращения: 08.01.2025).
4. Борнсова И.З. «Синдром Бекассин» в бретонской культуре. *Миссия конфессий*. 2022;11(8):116–120. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-bekassin-v-bretonskoy-kulture> (дата обращения: 08.01.2025).
5. Appel M., Weber S. Do Mass Mediated Stereotypes Harm Members of Negatively Stereotyped Groups? A Meta-Analytical Review on Media-Generated Stereotype Threat and Stereotype Lift. *Communication Research*. 2021;48(2):151–179. <https://doi.org/10.1177/0093650217715543>
6. Hall N.M., Watson-Singleton N.N., Dickens D.D. Stereotype Confirmation Concerns and Anxiety Symptoms in African American Women: The Moderating Role of Identity Shifting. *Race and Social Problems*. 2025;(17):174–184. <https://doi.org/10.1007/s12552-025-09439-z>
7. Slobodnikova A., Randolph-Seng B. The Effects of Stereotype Threat on Roma Academic Performance in Slovakia: Role of Academic Self-efficacy and Social Identity. *Journal for Multicultural Education*. 2021;15(2):152–167. <https://doi.org/10.1108/JME-08-2020-0080>

8. Turochy E., Ballesteros L.M., Nelson T.N.T., Perez M.A. Stereotypes and Stereotype Threats Experienced by Latinx Engineering Undergraduates. *International Journal of Engineering Education*. 2023;39(5):1181–1195. URL: <https://clck.ru/3RuEHn> (дата обращения: 01.03.2025).
9. Webber M., Madden-Smith A. Indigenous Student Identity Development and School Success: Mitigating Social Identity and Stereotype Threats in Schools. In: *International Encyclopedia of Education (Fourth Edition)*. (Eds) R.J. Tierney, F. Rizvi, K. Ercikan. Elsevier; 2023. Pp. 276–287. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-818630-5.14052-7>
10. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения. *Социологические исследования*. 2020;(8):37–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
11. Мокин К.С., Барышная Н.А. Территориальная идентичность: структура, границы, воспроизводство (сравнительный анализ Саратовской области, Республики Кабардино-Балкария и Республики Южная Осетия). *Социологические исследования*. 2023;(6):101–111. <https://doi.org/10.31857/S013216250024235-1>
12. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Клиценко М.В., Ламашева Ю.А., Лебедева М.М. и др. «Пространственный поворот» и его интерпретация в российской науке и институциональной практике. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2021;(2):46–59. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/46-59>
13. Адиев А.З. Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.). *Социологические исследования*. 2021;(4):136–142. <https://doi.org/10.31857/S013216250011312-6>
14. Витковская Т.Б., Назукина М.В. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан. *Мир России*. 2021;30(1):67–87. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>
15. Гриценко Г.Д. Социальное конструирование общероссийской идентичности на Северном Кавказе: состояние и перспективы. *Регионоведческие исследования*. 2024;32(3):446–462. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462>
16. Лебедев С.Д., Потеряхина М.О. Локальная идентичность и солидаризация: Белгород-2017. *Управление городом: теория и практика*. 2017;(1):42–49. URL: <https://mauimr.ru/wp-content/uploads/2020/10/1-24.pdf> (дата обращения: 03.04.2025).
17. Малинова О.Ю. Юбилей региональной столицы как символическая политика: на примере 300-летия Перми. *Вестник Пермского университета. Политология*. 2024;18(2):47–58. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-47-58>
18. Мазалова Н.Е. Петербург – северная столица: репрезентация смыслов. *Современная научная мысль*. 2023;(6):310–313. <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-6-310-313>
19. Мазалова Н.Е. Петербургская мифология как маркер этнокультурной идентичности горожан. *Журнал СВУ. Гуманитарные науки*. 2025;18(5):958–969. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/peterburgskaya-mifologiya-kak-marker-etnokulturnoy-identichnosti-gorozhan> (дата обращения: 12.04.2025).
20. Напалкова И.Г., Курочкина К.В. Имидж Республики Мордовия: образы, символы, стереотипы. *Регионоведческие исследования*. 2020;28(4):866–887. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.866-887>
21. Ситников А.В., Романов М.В., Фасхудинов Р.Р. Национальная и религиозная идентичности: опыт анализа взаимосвязи (на примере Республики Татарстан). *Социологические исследования*. 2022;(3):120–134. <https://doi.org/10.31857/S013216250015844-1>
22. Погосян Г.А., Погосян Р.М. Социокультурная идентичность современных армян. *Социологические исследования*. 2023;(11):121–126. <https://doi.org/10.31857/S013216250028538-4>
23. Рыжова С.В. Российская идентичность на православно-исламском пограничье. *Социологические исследования*. 2020;(8):51–61. <https://doi.org/10.31857/S013216250010566-5>
24. Симонян Р.Х. О региональном сознании студентов российско-китайского приграничья. *Социологические исследования*. 2023;(6):136–143. <https://doi.org/10.31857/S013216250026398-0>
25. Симонян Р.Х. Специфика идентичности студентов приграничья России и Украины (на примере Белгородского и Харьковского госуниверситетов). *Социологические исследования*. 2023;(5):108–116. URL: <https://www.socis.isras.ru/en/article/9622> (дата обращения: 03.04.2025).

26. Васеха М.В. Сибирские территориальные идентичности: поиск форм визуальной репрезентации сибирских регионов. *Сибирские исторические исследования*. 2023;(3):14–39. URL: <https://clck.ru/3RuuNY> (дата обращения: 03.04.2025).
27. Чернышов С.А. «Хочу я этого, не хочу – я сибиряк»: прошлое и настоящее сибирской идентичности⁴⁶. *Мир России*. 2024;33(4):23–43. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-4-23-43>

REFERENCES

1. Troitskiy S.A. In Search of Total Order: Solidifying Borders and a Stable Identity. *Journal of Frontier Studies*. 2021;(1):196–225 (In Russ., abstract in Eng.). Available at: <https://clck.ru/3RtqPm> (accessed 15.06.2025).
2. Mihaylov V.T., Runge J. Identifications of Individuals. Territorial Communities and Social Space: An Attempt of Conceptualisation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2019;(1):52–62 (in Russ., abstract in Eng.). <https://doi.org/10.31857/S013216250003747-4>
3. Holler E.V. Functional Usefulness of Stereotype in the Construction of Identity: The Case of Austria. *Siberian Historical Research*. 2017;(1):74–98 (In Russ., abstract in Eng.) Available at: https://journals.tsu.ru/siberia/&journal_page=archive&id=1556&article_id=36244 (accessed 08.01.2025).
4. Borisova I.Z. “Becassine Syndrome” in Bretons Culture. *Mission Confessions*. 2022;11(8):116–120 (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sindrom-bekassin-v-bretonskoy-kulture> (accessed 08.01.2025).
5. Appel M., Weber S. Do Mass Mediated Stereotypes Harm Members of Negatively Stereotyped Groups? A Meta-Analytical Review on Media-Generated Stereotype Threat and Stereotype Lift. *Communication Research*. 2021;48(2):151–179. <https://doi.org/10.1177/0093650217715543>
6. Hall N.M., Watson-Singleton N.N., Dickens D.D. Stereotype Confirmation Concerns and Anxiety Symptoms in African American Women: The Moderating Role of Identity Shifting. *Race and Social Problems*. 2025;(17):174–184. <https://doi.org/10.1007/s12552-025-09439-z>
7. Slobodnikova A., Randolph-Seng B. The Effects of Stereotype Threat on Roma Academic Performance in Slovakia: Role of Academic Self-efficacy and Social Identity. *Journal for Multicultural Education*. 2021;15(2):152–167. <https://doi.org/10.1108/JME-08-2020-0080>
8. Turochy E., Ballesteros L.M., Nelson T.N.T., Perez M.A. Stereotypes and Stereotype Threats Experienced by Latinx Engineering Undergraduates. *International Journal of Engineering Education*. 2023;39(5):1181–1195. Available at: <https://clck.ru/3RuEHn> (accessed 08.01.2025).
9. Webber M., Madden-Smith A. Indigenous Student Identity Development and School Success: Mitigating Social Identity and Stereotype Threats in Schools. In: International Encyclopedia of Education (4th ed.). (Eds) R.J. Tierney, F. Rizvi, K. Ercikan. Elsevier; 2023. Pp. 276–287. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-818630-5.14052-7>
10. Drobizheva L.M. Russian Identity: Searching for Definition and Distribution Dynamics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;(8):37–50. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
11. Mokin K.S., Baryshnaya N.A. Territorial Identity: Structure, Boundaries, Reproduction (A Comparative Analysis of the Saratov Region, the Republic of Kabardino-Balkaria and the Republic of South Ossetia). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2023;(6):101–111. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250024235-1>
12. Blyakher L.E., Demyanenko A.N., Kireev A.A., Klitsenko M.V., Lamasheva Yu.A., Lebedeva M.M. at al. “Spatial Turn” and its Interpretation in Russian Science and Institutional Practice. *Ojkumena. Regional Researches*. 2021;(2):46–59. (In Russ.) <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2021-2/46-59>

⁴⁶ Настоящий материал произведен иностранным агентом (включен в Реестр иностранных агентов Минюстом России 26.05.2023).

13. Adiev A.Z. Russian Identity in Dagestan (According to the Surveys of 2016–2019). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021;(4):136–142. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250011312-6>
14. Vitkovskaia T.B., Nazukina M.V. The Trajectory of the Development of Regionalism in Russia: Practices of Sverdlovsk Oblast and the Republic of Tatarstan. *Universe of Russia*. 2021;30(1):67–87. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>
15. Gritsenko G.D. Social Construction of All-Russian Identity in the North Caucasus: Status and Prospects. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(3):446–462. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.446-462>
16. Lebedev S.D., Poteryahina M.O. Local Identity and Solidarization: Belgorod-2017. *Upravleniye gorodom: teoriya i praktika*. 2017;1(24):42–49. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://mauimrst.ru/wp-content/uploads/2020/10/1-24.pdf> (accessed 08.01.2025).
17. Malinova O.Yu. Jubilee of a Regional Capital as a Symbolic Politics: The Case of the 300th Anniversary of Perm. *Perm University Herald. Political Science*. 2024;18(2):47–58. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2024-2-47-58>
18. Mazalova N.E. St. Petersburg – the Northern Capital: Representation of Meanings. *Modern Scientific Thought*. 2023;(6):310–313. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24412/2308-264X-2023-6-310-313>
19. Mazalova N.E. Saint Petersburg Mythology as a Marker of Ethno-Cultural Identity of City Dwellers. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2025;18(5):958–969. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/peterburgskaya-mifologiya-kak-marker-etnokulturnoy-identichnosti-gorozhan> (accessed 08.01.2025).
20. Napalkova I.G., Kurochkina K.V. Image of the Republic of Mordovia: Impressions, Symbols, Stereotypes. *Russian Journal of Regional Studies*. 2020;28(4):866–887. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.113.028.202004.866-887>
21. Sitnikov A.V., Romanov M.V., Faskhudinov R.R. National and Religious Identities: Experience of Interconnection Analysis (on the Example of Research in the Republic of Tatarstan). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2022;(3):120–134. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250015844-1>
22. Pogosyan G.A., Poghosyan R.M. Socio-Cultural Identification of Modern Armenians. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2023;(11):121–126. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250028538-4>
23. Ryzhova S.V. All-Russian National Identity on the Orthodox-Islamic Borders. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2020;(8):51–61. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250010566-5>
24. Simonyan R.Kh. On the Regional Consciousness of the Russian-Chinese Border Region Students. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2023;(6):136–143. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250026398-0>
25. Simonyan R.Kh. Specifics of Students' Consciousness in the Borderlands of Russia and Ukraine (Case of Belgorod and Kharkiv Universities). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2023;(5):108–116. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://www.socis.isras.ru/en/article/9622> (accessed 08.01.2025).
26. Vasekha M.V. Siberian Territorial Identities: The Search for Forms of Visual Representation of Siberian Regions. *Siberian Historical Studies*. 2023;(3):14–39. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RuuNY> (accessed 08.01.2025).
27. Chernyshov S.A. “Whether I Want it or Not, I’m a Siberian”: The Past and Present of Siberian Identity. *Universe of Russia*. 2024;33(4):23–43. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2024-33-4-23-43>

Об авторах:

Трубицын Дмитрий Викторович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры, искусств и дизайна Забайкальского государственного университета (672039, Российская Федерация, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1867-4217>, Researcher ID: P-2140-2016, Scopus ID: 56530632300, SPIN-код: 7037-7790, dvtrubitsyn@yandex.ru

Дорогавцева Ирина Сергеевна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры европейских языков и лингводидактики Забайкальского государственного университета (672039, Российская Федерация, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, д. 30), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4034-3397>, SPIN-код: 1194-1519, irinadorogawzewa@mail.ru

Вклад авторов:

Д. В. Трубицын – проведение исследования; подготовка рукописи – редактирование и рецензирование.

И. С. Дорогавцева – проведение исследования; подготовка рукописи – редактирование и рецензирование.

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у авторов по обоснованному запросу.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Поступила 07.04.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2025; принята к публикации 07.08.2025.

About the authors:

Dmitry V. Trubitsyn, Dr.Sci. (Philos.), Professor of the Chair of Theory and History of Culture, Arts, and Design at the Transbaikal State University (30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1867-4217>, Scopus ID: 56530632300, Researcher ID: P-2140-2016, SPIN-code: 7037-7790, dvtrubitsyn@yandex.ru

Irina S. Dorogavtseva, Cand.Sci. (Cultural Studies), Associate Professor of the Chair of European Languages and Linguodidactics at the Transbaikal State University (30 Aleksandro-Zavodskaya St., Chita 672039, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-4034-3397>, SPIN-code: 1194-1519, irinadorogawzewa@mail.ru

Contribution of the authors:

D. V. Trubitsyn – investigation; writing – review and editing.

I. S. Dorogavtseva – investigation; writing – review and editing.

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the authors on reasonable request.

The authors have read and approved the final manuscript.

Submitted 07.04.2025; revised 23.07.2025; accepted 07.08.2025.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.181-209><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/fxlrf>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 159.923.2-053.81 (1-21) (1-22)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

Городская и сельская молодежь: анализ жизненных стратегий

И. С. Шаповалова

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, <https://ror.org/044cm3z84>
(г. Белгород, Российская Федерация)
shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация

Введение. Социально-территориальное неравенство детерминирует различия в жизненных перспективах российской молодежи. Неоднородность условий жизни в крупных городах, малых городах и сельской местности порождает неравенство стартовых возможностей, влияя на формирование и реализацию жизненных стратегий. Цель исследования – выявить сходства и различия социальных характеристик городской и сельской молодежи, отраженных в жизненных диспозициях и стратегиях.

Материалы и методы. Проанализированы материалы исследования 2023 года, проведенного в Белгородской области методом онлайн-опроса среди городской и сельской молодежи (учащихся, студентов и работающих) в возрасте от 14 до 35 лет ($n = 5\ 881$). Выборка квотная по полу, возрасту, типу поселения и территории проживания. Участники набирались по технике «горячий рекрутинг». Обработка данных производилась с использованием профессионального программного обеспечения (Vortex), с построением линейных и кросс-таблиц (на основе типов поселений респондентов). Зависимыми переменными выступили двенадцать жизненных стратегий (экономическая, политическая, карьерная, матримониальная, общественная, миграционная, самореализационная и др.), операционализированных через категории «жизненные диспозиции» и «жизненные планы».

Результаты исследования. Установлено, что при общем ценностном консенсусе (гомогенности жизненных диспозиций) жизненные планы молодежи демонстрируют устойчивую стратификацию. Молодежь крупного города (областного центра) опережает сверстников из малых городов и сел по уровню притязаний во всех изученных стратегиях: от финансовых практик и карьерных амбиций до репродуктивных планов и готовности к сложным формам социально-политического участия. Статистически значимое сближение показателей жизненного планирования молодежи малых городов и сельских поселений позволяет говорить о формировании единого континуума «периферийности». Главными механизмами, блокирующими реализацию амбиций, выступают дефицит ресурсов и субъективно более низкая оценка возможностей для достижения целей в своем регионе.

© Шаповалова И. С., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение и заключение. Поселенческий фактор является значимым механизмом стратификации, воспроизводящим неравенство на уровне практической реализуемости жизненных проектов. Разрыв в сложности и масштабе планирования между центром и периферией создает риски дальнейшей концентрации человеческого капитала в крупных городах и депопуляции малых территорий. Материалы статьи могут быть востребованы органами управления государственной молодежной политикой разного уровня, а также государственного и муниципального администрирования; молодежными организациями; образовательными учреждениями.

Ключевые слова: жизненные стратегии, стратификация, городская и сельская молодежь

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, № 075-03-2023-215/1, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Для цитирования: Шаповалова И.С. Городская и сельская молодежь: анализ жизненных стратегий. *Регионоведение*. 2026;34(1):181–209. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.181-209>

Urban and Rural Youth: An Analysis of Life Strategies

I. S. Shapovalova

Belgorod State National Research University, <https://ror.org/044cm3z84>
(Belgorod, Russian Federation)
shapovalova@bsuedu.ru

Abstract

Introduction. Social and territorial inequality determines differences in the life prospects of Russian youth. Heterogeneous living conditions in large cities, small towns, and rural areas generate unequal starting opportunities, influencing the formation and implementation of life strategies. The aim of this study is to identify similarities and differences in the social characteristics of urban and rural youth, as reflected in their life dispositions and strategies.

Materials and Methods. This article analyzes data from a 2023 online survey conducted in the Belgorod Region among urban and rural youth (schoolchildren, students, and workers) aged 14 to 35 ($n = 5,881$). The sample was quota-based based on gender, age, settlement type, and area of residence. Participants were recruited using a hot recruitment technique. Data processing was performed using Vortex software, with the construction of linear and cross-tabulation tables (based on respondents' settlement types). The dependent variables were twelve life strategies (economic, political, career, matrimonial, social, migration, self-realization, etc.), operationalized through the categories of “life dispositions” and “life plans”.

Results. Despite a general value consensus (homogeneity of life dispositions), the life plans of young people demonstrate a stable stratification. Young people in large cities (regional centers) outperform their peers in small towns and villages in terms of aspirations across all strategies studied: from financial practices and career ambitions to reproductive plans and readiness for complex forms of socio-political participation. The statistically significant convergence of life planning indicators among young people in small towns and rural communities suggests the formation of a single continuum of “peripherality”. The main mechanisms blocking the realization of ambitions are a lack of resources and a subjectively lower assessment of the opportunities for achieving goals in their region.

Discussion and Conclusion. The settlement factor is a significant mechanism of stratification, reproducing inequality in the practical feasibility of life projects. The gap in the complexity and scale of planning between the center and the periphery creates the risk of further concentration of human capital in large cities and depopulation of smaller territories. The materials in this article may be of interest to state youth policy authorities at various levels, as well as to state and municipal administrations; youth organizations; and educational institutions.

Keywords: life strategies, stratification, urban and rural youth

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The article was prepared with the financial support of the state assignment FZWG-2023-0016, No. 075-03-2023-215/1, topic “Life strategies of young people in the context of the geopolitical transformation of the Russian space”.

For citation: Shapovalova I.S. Urban and Rural Youth: An Analysis of Life Strategies. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):181–209. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.181-209>

ВВЕДЕНИЕ

В условиях социально-экономической трансформации современного российского общества проблема дифференциации жизненных траекторий молодежи приобретает характер системного вызова. Анализ различий в стратегических ориентациях городской и сельской молодежи становится необходимым для понимания механизмов воспроизводства социального неравенства в пространственном измерении.

Углубление структурного разрыва между центром и периферией моделирует принципиально разные стартовые позиции. Городская среда, концентрируя значимые ресурсы (образовательные, культурные, карьерные), создает условия для реализации сложных проектов. В противоположность этому сельские поселения, переживающие депопуляцию и сужение социальной инфраструктуры, ограничивают спектр возможных сценариев, часто сводя их к адаптивным или миграционным стратегиям. Этот дисбаланс составляет основу институционального неравенства, когда шансы индивида предопределяются не личностным капиталом, а пространственной локализацией.

Проблема не сводится лишь к объективной нехватке ресурсов в сельской местности. Речь идет о преобразовании внешних структурных барьеров во внутренние диспозиции, габитусы и картины мира. Ограниченный доступ к качественному образованию, профессиональным сетям и культурным образцам создает специфическую агентность, ориентированную на локальный контекст и ограниченный горизонт планирования. Таким образом, пространственное неравенство закрепляется в субъективных представлениях о допустимом и возможном, что воспроизводит данную асимметрию на межпоколенческом уровне.

Неравномерность показателей качества жизни связана, прежде всего, с уровнем дохода, потребительской корзиной, качеством инфраструктуры и возможностями реализации стратегий, обусловленных средой проживания, а именно экономической, политической, карьерной, семейной, образовательной, общественной, духовно-нравственной, миграционной, досуговой, самосохранительной, самореализационной и коммуникативной.

Исследование жизненных стратегий молодежи, дифференцированных по типу поселения, актуально и в практическом аспекте – для разработки адресной и сбалансированной молодежной и социальной региональной политики, и в теоретическом, поскольку углубляет понимание механизмов конструирования социального пространства и воспроизводства неравенства. Эмпирический анализ позволяет преодолеть макроструктурный детерминизм и показать, как глобальные пространственные процессы преломляются в микростратегиях повседневных действий и как совокупность этих стратегий формирует новые социальные реалии.

Цель статьи – выявить сходства и различия социальных характеристик городской и сельской молодежи, отраженных в ее жизненных диспозициях и стратегиях.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Понятие «жизненная стратегия» сложно определить однозначно. Р. А. Илаева и Н. Н. Савина предложили удачную операционализацию: «осознанно запланированные и спроектированные ближайшие и отдаленные жизненные планы личности на будущее, которые базируются на терминальных и инструментальных ценностях-целях и условиях, способствующих ее самопродвижению и повышению уровня качества ее жизни; выстроены в соответствии с ее индивидуальными интеллектуально-творческими возможностями, жизненным опытом и позволяют ей занять активную субъектную жизненную позицию» [1].

Ю. А. Зубок и В. И. Чупров дополняют: «...место жизненных стратегий в социокультурном механизме саморегуляции жизнедеятельности определяется их связью с архетипами, ментальными и современными чертами национального характера, габитусами и стереотипами. Они служат важными источниками образования смыслов, определяющих направленность целей жизнедеятельности» [2, с. 22].

Изучение жизненных стратегий молодежи часто фокусируется на моностратегиях (образовательных, трудовых, миграционных, матримониальных и т. д.) или, несмотря на глубокий методологический анализ и научное конструирование, ограничивается небольшим набором стратегий, устанавливая взаимосвязь, например, духовных, социальных и материальных стратегий молодежи [3], миграционных, матримониальных и самореализации [4], семейных и карьерных [5].

Работы, ориентированные на комплексное рассмотрение жизненного планирования и представлений молодежи о собственном будущем, редки [6]. Однако именно системные исследования дают возможность установить каузальные связи между показателями разных стратегий, увидеть комплексное жизненное решение и спрогнозировать социальные параметры будущего развития территорий.

Научный поиск в области неравенства ресурсов и возможностей в основном связан с определением спектра и значимости стратификационных признаков для молодежи [7; 8]. Эмпирические исследования, как правило, рефлексировать предлагаемые факторы относительно вероятности реализации планов в настоящем и будущем для различных молодежных групп [9; 10].

Вопрос изучения отдельных факторов неравенства для молодежи широко представлен в научном дискурсе. Главным признаком и причиной неравенства возможностей для молодых людей остается уровень дохода их самих и их семей. Этот фактор оказывает широкое воздействие, в том числе на социальное здоровье [11]; его важность подтверждается рефлексивными оценками молодежи [12; 13]. Белгородские исследователи показывают, что уровень экономического благополучия влияет не только на возможность достижения поставленных целей, но и на их планирование [14].

Территориальный разрыв качества жизни (мегаполисы и провинция) является вторым по значимости фактором в исследовании стратификационных признаков молодежной самореализации [15]. Он рассматривается как в конвергенции с другими факторами неравенства (например, экономическим и гендерным [16; 17]), так и с позиции территориальной стигматизации [18; 19].

Отдельный пласт исследований посвящен социальным чертам сельской молодежи в сравнении с городской, в контексте жизненных возможностей и вопросов

неравенства. Такая разница естественным образом определяет качество жизни, социальное самочувствие и миграционные стратегии [20], в том числе из-за трудностей в реализации трудовых и карьерных жизненных планов [21; 22], специфики жизненного пространства, отражающейся даже в организации досуга [23]. Объективные факторы (как правило, связанные с дефицитом ресурсов, иной ситуацией социализации) влияют и на социальный портрет, включающий ценностные диспозиции молодежи: отмечается влияние на ценности и их трансформацию [24; 25], а также на потенциал социальной активности [26].

Таким образом, научный дискурс о неравенстве в реализации жизненных стратегий и, тем более, в жизненном планировании городской и сельской молодежи характеризуется фрагментарностью. Интерес к моностратегиям не дает возможности построить системную карту предполагаемой жизненной реализации для молодежи разных поселений и спрогнозировать системные, институциональные риски воспроизводства поселенческого неравенства.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Дизайн исследования и методы сбора данных. Материалом послужили данные мониторинга социальных стратегий молодежи, полученные Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета в ноябре 2023 года. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

Мониторинг проводился методом онлайн-опроса. Для набора выборки были привлечены 247 рекрутеров, которые действовали согласно технике «горячий рекрутинг», предполагающей использование метода снежного кома, адресной информационной рассылки и индивидуальное консультирование респондентов по вопросам исследования. Это позволило обеспечить максимальный доступ к различным группам населения (в том числе жителям близких к фронту поселений), снизить их сопротивляемость и риск предоставления недостоверной информации, участие в исследовании меньшинств (национальных и конфессиональных групп, социально уязвимых групп, представителей субкультур).

Выборка и процедура отбора. В онлайн-опросе приняло участие региональное население 14–35 лет ($n = 5\ 881$), выделенное как молодежь в соответствии с Федеральным законом «О молодежной политике в Российской Федерации»¹. Выборка была квотной по полу, возрасту, типу поселения и территории проживания в Белгородской области (табл. 1).

В качестве поселенческого признака использовались:

- крупный город (население от 250 тыс. до 1 млн чел.);
- малый, по общепринятой классификации, город (население до 50 тыс. чел.) и поселки городского типа (пгт) – объединены в выборке в группы респондентов из малых городов;
- сельские территории – поселки и сельские поселения (села, деревни, хутора).

¹ О молодежной политике в Российской Федерации (с изменениями и дополнениями): Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/400156192/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/> (дата обращения: 21.07.2025).

Т а б л и ц а 1. Структура выборки исследования
T a b l e 1. Characteristics of the study sample

Характеристики выборочной совокупности / Characteristics of the sample population	Значение показателя / Value of the indicator	
	абсолютное, чел. / absolute, person	относительное, % / relative, %
<i>Возраст / Age</i>		
14–15	992	17
16–17	1 137	19
18–21	2 418	41
22–25	621	11
26–30	363	6
31–35	350	6
<i>Пол / Gender</i>		
мужской / male	2 377	40
женский / female	3 504	60
<i>Место проживания / Place of residence</i>		
Крупный город – областной центр / Large city – regional center	2 643	45
Малый город – районный центр / Small town – regional center	1 472	25
Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	1 766	30
<i>Распределение по группам занятости / Distribution by employment groups</i>		
Учащиеся / Schoolchildren	2 374	40
Студенты / Students	2 350	40
Работающие / Working	1 157	20
Итого / Total	5 881	100

Инструментарий исследования. Для сбора данных использовалась специально разработанная анкета. В качестве зависимых переменных исследования были выделены 12 жизненных стратегий: экономическая, политическая, карьерная, матримониальная, образовательная, общественная, духовно-нравственная, миграционная, досуговая, самосохранительная, самореализационная и коммуникативная².

Для каждой стратегии операционализация проводилась через два центральных понятия: жизненные диспозиции и жизненные планы [27].

Обработка данных осуществлялась с помощью профессионального программного обеспечения (Vortex), с построением линейных и кросс-таблиц (на основе типов поселений респондентов).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сравнительный анализ жизненных стратегий городской и сельской молодежи определил стратификационный потенциал поселенческого фактора.

Экономические стратегии. Анализ данных в разрезе пространственной локализации респондентов позволяет выявить не столько радикальные различия, сколько градуальные, но устойчивые диспозиционные сдвиги, которые отражают влияние

² Предварительный анализ материала показал, что молодежь относительно однородна по образовательной, духовно-нравственной, досуговой и самосохранительной стратегиям, поэтому они выведены за рамки данной статьи.

структуры возможностей, формируемой типом поселения. Интерпретацию целесообразно вести по двум взаимосвязанным осям: базовые финансовые диспозиции и конкретные жизненные планы, имеющие экономическое измерение. Так, материалы по жизненной диспозиции демонстрируют континуум от, условно, гедонистическо-инвестиционной модели к осторожно-сберегательной и альтруистической (табл. 2).

Таблица 2. **Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в экономических стратегиях, %**

Table 2. **Life dispositions and plans of urban and rural youth in economic strategies, %**

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я трудно расстаюсь с деньгами, предпочитаю их копить / I have a hard time parting with money, I prefer to save it	23	24	25	24
Я легко расстаюсь с деньгами – они должны приносить удовольствие / I easily part with money – it should bring pleasure	41	34	35	38
Я считаю, что деньги должны «работать» и предпочел бы их вкладывать в какой-то бизнес / I believe that money should “work” and would prefer to invest it in some business	25	27	24	25
Я обхожусь минимумом средств; если был бы излишек, помогал бы близким людям и отдавал бы на благотворительность / I get by with a minimum of funds; if there was a surplus, I would help loved ones and give to charity	10	14	16	13
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Помощь родителям / Helping parents	75	72	78	76
Наличие финансовых накоплений / Having financial savings	71	64	68	69
Высокий заработок / High earnings	69	63	64	66
Покупка квартиры / Buying an apartment	69	66	69	68
Отказаться от материальной помощи родителей / Refusing financial assistance from parents	66	58	61	63
Покупка машины / Buying a car	58	54	58	57

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Открытие депозитного счета (в банке, под проценты) / Opening a deposit account (in a bank, with interest)	43	35	34	38
Открытие инвестиционного счета / Opening an investment account	42	32	34	37
Благотворительная деятельность / Charitable activities	39	31	33	35
Открытие бизнеса / Opening a business	38	30	28	33
Выход на пенсию с отказом от работы / Retirement with refusal to work	38	28	29	33

Примечания / Notes. 1) здесь и далее таблицы подготовлены автором по результатам исследования / Here and below, the tables were prepared by the author based on the results of the study; 2) здесь и далее цветом выделены ячейки с максимальным значением показателя / Here and below, cells with the maximum value of the indicator are highlighted in color.

Молодежь крупного города проявляет наибольшую ориентацию на инструментально-гедонистическое отношение к деньгам. Максимальный показатель по позиции «легко расстаюсь с деньгами – они должны приносить удовольствие» (41 %) указывает на более высокий уровень финансовой уверенности и включенности в экономику потребления.

Молодое население малых городов и сельских поселений демонстрирует постепенный сдвиг в сторону финансовой осторожности и альтруизма. При общем сходстве паттернов, данного и крупного города, в этих группах снижается доля гедонистической установки (34 и 35 % соответственно). Последовательно нарастает диспозиция, ориентированная на минимизацию расходов и перераспределение средств в пользу социального окружения (14 % в малых городах и 16 – в селе против 10 % в крупном городе). Это отражает влияние более плотных и взаимозависимых социальных сетей, где индивидуальное экономическое поведение сильнее связано с коллективными обязательствами, а также, вероятно, более высокого уровня экономической уязвимости.

В блоке жизненных планов различия более выражены и четко коррелируют с типом поселения, выстраивая иерархию экономических возможностей.

Базовый универсальный консенсус наблюдается по планам, связанным с социальной солидарностью и базовой материальной обеспеченностью: помощь родителям (75–78 %), покупка квартиры (66–69), покупка машины (54–58), отказ от материальной помощи родителей (58–66 %). Эти цели имеют характер обязательного социального минимума, воспроизводящего базовые нормы взросления и успешности независимо от локации.

Зона выраженной дифференциации начинается с планов, требующих доступа к сложным финансовым инструментам, наличия инвестиционного горизонта и компетенций. Здесь преимущество молодежи крупного города становится стати-

стически значимым. Данный разрыв указывает на то, что для значительной части негородской молодежи сложные финансовые практики остаются периферийными или символически недоступными. Ее экономические стратегии фокусируются на накоплении в более материальной, овеществленной форме (жилье, автомобиль) или на текущем потреблении.

Таким образом, высокие притязания в рамках экономических стратегий характерны для крупных городов и сельских поселений, но если для первой группы это скорее норма среды³, то для второй – средство социальной мобильности.

Политические стратегии. Анализ политических диспозиций обнаруживает, на первый взгляд, высокую степень гомогенности молодежного сознания в политической сфере. Распределение по уровням интереса к политике (от полного отсутствия до вовлеченности в деятельность) практически идентично для всех типов поселений. Это позволяет констатировать формирование общенационального паттерна пассивно-наблюдательского отношения к политике, где доминирует позиция «интересуюсь немного, просматриваю новости», т. е. умеренного, поверхностного интереса (60–63 %).

Главное отличие кроется в крайних позициях шкалы. Доля респондентов, заявляющих о серьезном интересе и способности к политической дискуссии, последовательно снижается по мере уменьшения размера поселения: с 11 % в крупных городах до 8 в сельской местности. Аналогичный, хотя и менее выраженный тренд свойствен группе вовлеченных в деятельность (5 % против 4). Этот сдвиг, хотя и статистически не радикальный, указывает на градуальное сужение пространства для формирования компетентного и активного политического субъекта вне крупных городских центров. Сельская среда, по-видимому, не предоставляет достаточных стимулов или каналов для углубления политических интересов и их трансформации в осмысленную аналитическую позицию (табл. 3).

Т а б л и ц а 3. **Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в политических стратегиях, %**

Table 3. **Life dispositions and plans of urban and rural youth in political strategies, %**

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Ничего не знаю о политике и не интересуюсь ею / I know nothing about politics and am not interested in it	24	26	25	25
Интересуюсь политикой немного, просматриваю политические новости / I'm a little interested in politics and I watch political news	60	60	63	61

³ Под нормой среды в этом контексте понимается превалирующее общественное мнение или модель поведения.

Окончание табл. 3 / End of table 3

1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Всерьез интересуюсь политикой, могу поучаствовать в политической дискуссии, дать оценку политическим событиям / I am seriously interested in politics, I can participate in a political discussion, give an assessment of political events	11	10	8	10
Интересуюсь политикой и вовлечен в политическую деятельность / I am interested in politics and involved in political activities	5	5	4	5
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Участвовать в выборах, референдумах / Participate in elections, referendums	33	27	30	31
Стать политически более активным: разбираться в политике, участвовать в политических дискуссиях, следить за политическими новостями / Become more politically active: understand politics, participate in political discussions, follow political news	28	23	21	25
Активно участвовать в избирательных кампаниях в поддержку политических лидеров / Actively participate in election campaigns in support of political leaders	25	19	19	22
Участвовать в качестве депутата в выборах / Participate as a deputy in elections	23	16	16	19
Баллотироваться в мэры или губернаторы / Run for mayor or governor	23	16	15	19
Участвовать в протестных движениях / Participate in protest movements	22	15	15	18
Вступить или участвовать в работе политической партии / Join or participate in the work of a political party	22	15	14	18

В блоке оценки жизненных планов проявляется наиболее значимый разрыв, четко коррелирующий с типом поселения. Данные выстраивают явную иерархию политических амбиций и готовности к конкретным действиям. Можно выделить зону наименьшего разрыва, связанного с электоральным поведением, и зону прогрессирующего дефицита (показатели протестной активности и готовности к институциональной карьере).

По всем остальным, более требовательным, формам политического участия наблюдается устойчивое и значимое отставание молодежи из малых городов и сельской местности от молодежи крупного города. Отметим закономерность: степень готовности к политическому участию падает не только количественно, но и качественно по мере удаления от крупных городских центров, поскольку снижается интерес ко всем формам активности за рамками минимального, ритуального, электорального действия. Это формирует иерархию политической агентности, на вершине которой находится молодежь крупного города, располагающая более широким спектром политических траекторий.

Карьерные стратегии. Анализ данных раскрывает один из наиболее глубоких парадоксов в исследовании пространственного неравенства: при общем сходстве декларируемой готовности к профессиональным достижениям наблюдается фундаментальный разрыв в содержании карьерных планов. Это свидетельствует о том, что социальные представления о карьере и механизмах ее достижения формируются в принципиально разных институциональных и символических контекстах, что ведет к воспроизводству различных типов профессиональной субъектности.

Распределение базовых установок показывает высокий уровень консенсуса по ценностной шкале, но выявляет существенные различия в структуре ограничений. Во всех типах поселений наибольшая доля респондентов (36–38 %) заявляет о готовности «много делать» для карьерного роста. Это указывает на нормативное доминирование меритократического дискурса, в котором профессиональные достижения воспринимаются как легитимная и важная цель. Данная установка несколько чаще декларируется в сельской местности (38 %), что может отражать компенсаторный характер: высокая ценность приписывается тому, чего объективно труднее достичь (табл. 4).

Т а б л и ц а 4. **Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в карьерных стратегиях, %**

Т а б л и ц а 4. **Life dispositions and plans of urban and rural youth in career strategies, %**

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я считаю, что карьера не главное и не стремлюсь к карьерному росту / I believe that a career is not the most important thing and I do not strive for career growth	19	19	15	18
Я не против карьеры, но не вижу возможности для своего роста (сейчас или в будущем) / I am not against a career, but I do not see the possibility for my growth (now or in the future)	22	18	18	20

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я не против карьеры, но не считаю нужным ради нее чем-то жертвовать / I am not against a career, but I do not think it is necessary to sacrifice anything for it	23	27	29	26
Я много готов делать для своего карьерного роста, для меня это важно / I am ready to do a lot for my career growth, for me it is important	36	37	38	37
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Стать высокооплачиваемым специалистом / Become a highly paid specialist	66	57	65	63
Сделать успешную карьеру / Make a successful career	61	53	58	58
Работать по специальности / Work in your specialty	45	40	41	42
Стать знаменитым в своей профессиональной сфере / Become famous in your professional field	46	39	38	42
Иметь собственный бизнес / Own your own business	44	37	35	39
Руководить организацией / Manage an organization	41	33	33	37
Обучать людей в своей профессиональной области / Train people in your professional field	40	33	34	37
Руководить структурным подразделением / Manage a structural division	40	33	32	36
Руководить корпорацией / Manage a corporation	39	30	30	34

Ощущение блокировки возможностей («не вижу возможности для роста») практически одинаково в малых городах и селах (18 %), но выше в крупных городах (22 %). Это можно объяснить более острым чувством конкурентного давления и высокой планкой ожиданий в урбанизированной среде: траектории роста видимы, но кажутся труднодостижимыми.

Установка на рациональное «непринесение жертв» («не считаю нужным ради карьеры чем-то жертвовать») имеет обратный градиент: она минимальна в крупных городах (23 %) и максимальна в селах (29 %). Это отражает разную стоимость карьеры. В крупном городе жертвы (время, личная жизнь, здоровье) могут восприниматься как инвестиция в потенциально высокую отдачу. В селе, где профессиональная структура бедна и «потолок» заработка низок, логика инвестиции не работает, а отказ от жертв выступает адаптацией к ограниченному полю возможностей.

В конкретных жизненных планах проявляется глубинный раскол, коррелирующий с типом поселения и формирующий иерархию карьерного масштаба и сложности. Планы «стать высокооплачиваемым специалистом» и «сделать успешную карьеру» поддерживаются на высоком уровне во всех группах (57–66 %).

Однако при конкретизации карьеры крупный город демонстрирует явное превосходство:

- установка на известность и специализацию («стать знаменитым в своей сфере», «работать по специальности») выше на 7–8 п. п. Это отражает ориентацию на дифференцированную экономику с запросом на уникальную экспертизу, где профессиональная идентичность может быть источником символического капитала;

- ориентация на предпринимательство и руководство: планы на собственный бизнес и управление (от подразделения до корпорации) демонстрируют устойчивый градиент снижения от центра к периферии. Разрыв по плану «руководить корпорацией» составляет 9 п. п. (39 % против 30). Это указывает на то, что модель карьеры как проекта, требующего создания новых структур или управления крупными системами, в большей степени свойственна молодежи, социализированной в среде, где такие структуры доступны для наблюдения;

- позиция плана «обучать людей» также значительно выше (40 % против 33–34). Это может свидетельствовать о большей ориентации на накопление и трансляцию экспертного знания в качестве части карьерной траектории, менее релевантной в контекстах с простым разделением труда.

Выявленная динамика позволяет говорить о формировании разных карьерных габитусов, т. е. систем устойчивых диспозиций, определяющих действия в профессиональном поле. Крупному городу присущ габитус «стратегического максимизатора». Он характеризуется высокой готовностью к жертвам (низкий показатель по отказу от них) в сочетании с масштабным и диверсифицированным профессиональным воображением. Карьера мыслится как сложный проект, включающий вертикальный рост, экспертизу, известность, предпринимательство и менеджмент. Поле возможностей воспринимается как напряженное, но принципиально открытое для сложных комбинаций.

Для молодежи малого города более типичен габитус «адаптивного реалиста». Он отличается рациональным ограничением затрат и суженным репертуаром карьерных сценариев. Абстрактные цели (высокий доход, успешная карьера) сохраняются, но их конкретное наполнение тяготеет к более доступным в локальном контексте моделям (специалист, работа по специальности). Планы, связанные с созданием и управлением сложными системами, маргинализируются, что отражает их символическую и практическую удаленность от повседневного опыта.

Матримониальные стратегии. Анализ данных выявляет сложную картину взаимодействия консервативных нормативных установок и пространственно обусловленных моделей их практической реализации. В этой сфере наблюдается меньшая вариативность базовых диспозиций, однако проявляются значимые различия на уровне конкретных репродуктивных планов и моделей межпоколенческой солидарности, что отражает влияние структурных ограничений на приватные жизненные сценарии.

Высокий уровень ценностного консенсуса в отношении семьи среди молодежи зафиксирован вне зависимости от типа поселения. Доминирующей и легитимной остается традиционная патриархальная модель (52–58 %), что указывает на успешную институционализацию соответствующего дискурса на общегосударственном уровне (табл. 5).

Т а б л и ц а 5. Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в matrimo-
ниальных стратегиях, %

Table 5. Life dispositions and plans of urban and rural youth in matrimonial strategies, %

Вариант ответа / Answer option	Крупный го- род / Large city	Малый город / Small town	Сельское по- селение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я за традиционные семейные ценности: семья – это мужчина и женщина, их дети, и это самое главное / I am for traditional family values: a family is a man and a woman, their children, and that is the most important thing	52	58	56	55
Я считаю, что семья – это очень важно, но что считать семьей и с кем ее заводить – дело каждого / I think that a family is very important, but what is considered a family and who to start it with is everyone's business	36	30	33	37
Я считаю, что семья, конечно, важна, но личность, ее саморазвитие, важнее / I think that a family is, of course, important, but the individual, his or her self-development, is more important	8	9	7	8
Я считаю, что семья для человека не обязательна, зачем эти рамки, обязательства, формальности? / I think that a family is not obligatory for a person, why these frameworks, obligations, formalities?	4	4	3	4
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Жениться / выйти замуж / Get married	57	56	59	57
Иметь одного ребенка / Have one child	49	47	50	49
Иметь двух детей / Have two children	32	29	29	30
Иметь трех детей / Have three children	20	15	15	17
Иметь более трех детей / Have more than three children	19	13	12	15

Окончание табл. 5 / End of table 5

1	2	3	4	5
<i>Жизненный план / Life plans</i>				
Жить совместно со своими детьми в старости / Live together with your children in old age	18	14	13	16
Жить вместе с престарелыми родителями в случае их болезни и немощи / Live together with elderly parents, in case of their illness and infirmity	43	36	43	41

При этом наблюдаемые вариации имеют существенную социологическую нагрузку. Молодежь малых городов максимально привержена традиционной модели (58 %), вероятно, вследствие замкнутости социального пространства и сильного давления локальных норм, где семья выступает основным институтом социального контроля и поддержки.

Молодежь крупных городов проявляет наибольшую открытость к либерально-индивидуалистическому переосмыслению семейных норм: установка «семья важна, но ее форма – дело каждого» выражена сильнее, чем у других групп (36 % против 30–33). Это коррелирует с большим разнообразием жизненных стилей, более поздним возрастом вступления в брак и большей автономией индивида от мнения локального сообщества.

Сельская молодежь занимает промежуточное положение с уклоном в традиционализм (56 %). Именно здесь минимальна доля тех, кто ставит саморазвитие выше семьи (7 %), что подтверждает тезис о коллективистской, а не индивидуалистической матрице социализации в сельской местности.

В блоке жизненных планов пространственная дифференциация усиливается, формируя иерархию репродуктивных амбиций и моделей солидарности. Планы вступить в брак (57–59 %) и родить одного ребенка (47–50 %) варьируются слабо, что указывает на общепокоренческую нормативную модель минимально успешной семьи: брак и один ребенок воспринимаются как социальный стандарт взросления.

Принципиальные различия начинаются с планов на двух и более детей. Наблюдается устойчивый градиент снижения амбиций по мере уменьшения размера поселения. Разрыв становится критичным для модели с тремя и более детьми: в крупном городе такие планы строят 20 и 19 % молодежи соответственно, в малом городе и селе – лишь 15 и 12–13 %. Это свидетельствует не об отсутствии ценностной ориентации на многодетность (традиционный дискурс ее поддерживает), а о жестком осознании структурных ограничений – жилищных, финансовых, карьерных, инфраструктурных (доступность детских садов, школ, медицинской помощи).

Отдельного внимания заслуживают модели межпоколенческой солидарности. Данные о планах на совместное проживание с родителями раскрывают разные стратегии адаптации к ограниченным ресурсам. Стратегия взаимного обеспечения в условиях кризиса – план жить с престарелыми родителями в случае их болезни и немощи – достигает максимума в крупном городе и селе (43 %). Однако мотивы, вероятно, различны: в селе это может быть единственно возможной моделью ухода в отсутствие паллиативной и социальной помощи; в городе – рациональным решением в условиях дорогостоящих услуг сиделок и пансионатов.

План жить со своими детьми в старости демонстрирует обратную зависимость: он наиболее популярен в крупном городе (18 %) и минимален в селе (13 %). Этот парадокс может объясняться тем, что городская молодежь, планирующая иметь больше детей, чаще рассматривает их как потенциальный ресурс поддержки в будущем, в то время как сельская, ориентируясь на меньшее число детей и высокую вероятность миграции, не рассчитывает на такую модель.

Общественные стратегии. Распределение ответов по жизненным диспозициям практически идентично для всех типов поселений, что свидетельствует о сложившемся общенациональном габитусе гражданственности, характеризующемся двумя важными чертами:

а) доминированием индивидуализированной позиции: установка «стараюсь сосредоточиться на себе и своих проблемах» наиболее распространена (41–44 %) вне зависимости от локации. Это отражает общий тренд поколения на приоритет личной и профессиональной самореализации в условиях социальной неопределенности;

б) преобладанием ситуативной, эпизодической готовности к участию: позиция «иногда не против поучаствовать» (42–44 %) указывает на формирование реактивной, а не проактивной модели гражданственности. Молодежь готова откликаться на внешние предложения и акции (вероятно, организованные сверху или институционально), но не проявляет устойчивой внутренней мотивации к систематической деятельности.

Доля активно вовлеченных («активный участник», «член объединения», «лидер») крайне мала и не имеет значимых пространственных вариаций (табл. 6). Это подтверждает тезис о структурном дефиците каналов для глубокой институциональной интеграции молодежи в общественную жизнь на всей территории страны.

Таблица 6. Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в общественных стратегиях, %

Table 6. Life dispositions and plans of urban and rural youth in public strategies, %

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я стараюсь в основном сосредоточиться на себе и своих проблемах / I try to concentrate mainly on myself and my problems	42	44	41	42
Я иногда не против поучаствовать в общественных мероприятиях, волонтерских акциях / I sometimes don't mind participating in public events, volunteer actions	43	42	44	43
Я достаточно активный участник общественных движений, волонтерских объединений / I am quite an active participant in public movements, volunteer associations	10	10	11	10

Окончание табл. 6 / End of table 6

1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Я состою в общественном молодежном объединении / I am a member of a public youth association	4	3	3	3
Я один из лидеров общественного молодежного объединения / I am one of the leaders of a public youth association	2	1	1	2
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Заниматься волонтерской деятельностью / Volunteer	37	32	31	34
Заниматься благотворительностью / Do charity work	38	30	31	34
Предложить и реализовать какой-то социально значимый проект / Propose and implement a socially significant project	31	23	25	27
Заниматься социальным предпринимательством (для решения какой-либо социальной проблемы) / Engage in social entrepreneurship (to solve a social problem)	31	23	24	27
Основать или стать членом общественной организации / Found or become a member of a public organization	27	20	21	23

В блоке жизненных планов проявляется существенное различие, четко коррелирующее с типом поселения и формирующее градиент гражданской агентности. Позиция планов, связанных с волонтерством и благотворительностью, последовательно снижается от крупного города к селу (разрыв 6–8 п. п.). Эти формы активности, хотя и требуют личной инициативы, часто инициируются и структурируются внешними институтами (вузами, некоммерческими организациями, корпоративными программами), доступность которых в негородской среде ограничена.

Максимальная дифференциация (7–8 п. п.), статистически и содержательно значимая, наблюдается между планами, требующими проектной инициативы, институционального строительства и предпринимательского подхода. Она указывает на то, что в крупных городах у молодежи сформированы более сложные ментальные модели общественного участия, выходящие за рамки разовых акций и включающие элементы проектного управления, устойчивых организационных форм и гибридных экономических решений. В малых городах и селах общественная активность, судя по планам, остается в более традиционном, патерналистском или ситуативном, поле.

Противоречие между универсальностью пассивно-ситуативных диспозиций и дифференциацией активных планов раскрывает механизмы социального производства гражданской пассивности на периферии. Она обусловлена дефицитом инфраструктуры гражданского общества и сужением репертуара коллективного действия. В условиях плотных неформальных социальных сетей малого города

или села доминируют традиционные, неинституционализированные, формы взаимопомощи (помощь соседу, родственнику, односельчанину). Современные формы деятельности (социальный проект, создание организации) требуют иных компетенций и легитимации, которые в локальном контексте могут отсутствовать.

Опыт региона показывает, что молодежь сельских поселений вынуждена выезжать для проведения волонтерских акций и мероприятий в города. Следовательно, поселенческий фактор имеет стратификационный характер: крупный город создает возможности и условия для общественной жизни, позволяя ей реализовывать соответствующие практики.

Миграционные стратегии. Анализ данных выявляет фундаментальное противоречие: универсальную диспозиционную открытость к мобильности и выраженную пространственную дифференциацию конкретных миграционных планов. Оно помогает понять, как структура территориальных возможностей трансформирует общие установки в иерархию реальных намерений, воспроизводя модель социального пространства центр–периферия.

Сформировалась общепокоренческая норма молодежной мобильности, которая, однако, имеет устойчивые различия в мотивационной основе. Во всех группах преобладает диспозиция, легитимизирующая смену места жительства в поисках «чего-то лучшего» (49–54 %). Это свидетельствует об интернализации ценности географической мобильности как атрибута биографии успешного индивида. Показатель максимален среди сельской молодежи (54 %), т. е. мобильность воспринимается в качестве не опции, а потенциального императива в условиях ограниченных локальных перспектив (табл. 7).

Таблица 7. Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в миграционных стратегиях, %

Table 7. Life dispositions and plans of urban and rural youth in migration strategies, %

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Считаю, что «где родился, там и пригодился», надо реализовывать себя в нашем регионе / I believe that “where you were born is where you’ll find your place”, you need to realize yourself in our region	29	33	32	31
Считаю, что пока ты молод, можно легко менять место жительства, искать что-то лучшее, переезжать с места на место / I believe that while you’re young, you can easily change your place of residence, look for something better, move from place to place	54	49	54	53

Окончание табл. 7 / End of table 7

1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Считаю, что надо стремиться в мегаполисы, крупные города, в провинции, тем более в сельской местности делать нечего / I believe that you need to strive for megalopolises, large cities, the provinces, especially since there's nothing to do in rural areas	11	12	10	11
Считаю, что в России жить может и неплохо, но переехать в другую страну было бы лучше / I believe that life in Russia may not be bad, but it would be better to move to another country	6	7	4	6
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Поменять место жительства в пределах своего региона / Change your place of residence within your region	29	24	25	27
Поменять место жительства в рамках территории РФ / Change your place of residence within the territory of the Russian Federation	25	18	18	21
Уехать из РФ в страны Востока / Leave the Russian Federation for Eastern countries	19	14	13	16
Уехать из РФ в страны Запада / Leave the Russian Federation for Western countries	18	12	11	16

Локальная лояльность («где родился, там и пригодился») наиболее выражена у молодежи малых городов (33 %). Это коррелирует с выявленным ранее максимальным традиционализмом и, вероятно, более высокой интеграцией в локальные социальные сети, повышающими «цену выхода». Радикальная центростремительная установка (стремление в мегаполисы, ибо «в провинции делать нечего») также несколько выше в малых городах (12 %).

Транснациональная ориентация (переезд в другую страну) демонстрирует нетипичный тренд: она наиболее выражена в малых городах (7 %) и минимальна в селе (4 %). Вероятно, интернационализация карьерных и жизненных горизонтов присуща более образованным и включенным в глобальные информационные потоки группам, которые преимущественно представлены в городской (пусть и малой) среде, нежели в сельской.

В блоке жизненных планов прослеживается четкая пространственная иерархия: уровень конкретных намерений падает пропорционально масштабу и сложности планируемого перемещения.

Внутрирегиональная мобильность демонстрирует минимальный разрыв (24–29 %), оставаясь наиболее доступной и вероятной формой изменения жизненной ситуации для всех групп молодежи. Она может выступать компромиссом между установкой на мобильность и ограниченными ресурсами для дальних переездов.

Межрегиональная мобильность в пределах РФ выявляет первый значимый разрыв: планы на такой переезд у молодежи крупных городов (25 %) существенно выше, чем у жителей малых городов и сел (18 %). Это подтверждает, что крупный город сам по себе служит ресурсом и трамплином для дальнейшей внутренней миграции, предоставляя сети контактов, информацию и капитал (в том числе символический) для успешной интеграции в новой локации.

Международная миграция (на Восток и на Запад) обнаруживает максимальный структурный разрыв. Готовность к отъезду из РФ среди молодежи крупного города (18–19 %) почти в полтора раза выше, чем среди сельской (11–13 %). Этот разрыв является критическим и указывает на следующие обстоятельства:

1) накопление транснационального капитала: крупные города выступают узлами интеграции в глобальные экономические, образовательные и культурные потоки. Владение языками, наличие международных связей, доступ к информации о возможностях за рубежом создают реальную основу для планирования отъезда;

2) символическая дистанция: для сельской молодежи международная миграция – не только географическое, но и культурно-социальное перемещение максимальной сложности, что резко повышает порог входа и снижает субъективную вероятность успеха;

3) парадокс выбора: жители малых городов и сел, демонстрируя высокую диспозиционную готовность к мобильности, в реальности планируют мигрировать реже и на меньшие расстояния. Это подтверждает тезис о структурной блокировке: общая установка не конвертируется в план из-за дефицита ресурсов (финансовых, социальных, информационных, культурных), необходимых для реализации сложных миграционных проектов.

Самореализационные стратегии. Анализ выявляет парадокс, пронизывающий все сферы жизненного проектирования молодежи: тотальная гомогенность в декларации высшей ценности саморазвития сопровождается устойчивой иерархией в конкретных формах его воображения и планирования.

Данные по жизненным диспозициям показывают формирование абсолютной нормативной гегемонии ценности самореализации. Установка «реализовать себя... очень важно, я всерьез этим занимаюсь» доминирует во всех группах (67–68 %) без статистически значимых пространственных вариаций. Это свидетельство глубинного усвоения нелиберального габитуса, в котором индивид конституируется как «проект самого себя», несущий ответственность за раскрытие внутреннего потенциала. Подобный дискурс, транслируемый через глобальные медиа, систему образования и потребительскую культуру, успешно интериоризируется независимо от локации, становясь обязательным компонентом легитимной биографии (табл. 8).

Таблица 8. Жизненные диспозиции и планы городской и сельской молодежи в самореализационных стратегиях, %

Table 8. Life dispositions and plans of urban and rural youth in self-realization strategies, %

Вариант ответа / Answer option	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement	По выборке в целом / Total sample
1	2	3	4	5
<i>Жизненная диспозиция / Life disposition</i>				
Реализовать себя, таланты и способности очень важно для меня, я всерьез этим занимаюсь / Realizing myself, my talents and abilities is very important to me, I am seriously engaged in this	67	67	68	67
Не задумываюсь над самореализацией, считаю, что жизнь сама создаст ситуации для моего развития и раскрытия / I do not think about self-realization – I believe that life itself will create situations for my development and disclosure	24	22	22	23
Не знаю, в чем себя реализовать, как проявить, испытываю беспокойство на этот счет / I do not know how to realize myself, how to express myself, I feel worried about this	6	8	8	7
Я не имею никаких увлечений, талантов, способностей и интересов, поэтому вопрос самореализации не стоит / I do not have any hobbies, talents, abilities and interests, therefore the question of self-realization is not worth it	3	3	3	3
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Найти свое призвание в жизни / Find your calling in life	76	71	74	74
Заниматься «делом своей жизни» / Do your life's work	70	65	66	67
Открыть и развить в себе способности, таланты / Discover and develop your abilities, talents	68	61	62	64
Реализоваться в профессиональной деятельности / Fulfill yourself in professional activity	64	59	59	61
Реализоваться в семье / Fulfill yourself in family	62	58	60	60
Реализоваться в творчестве, увлечении / Fulfill yourself in creativity, hobby	54	47	47	50

Окончание табл. 8 / End of table 8

1	2	3	4	5
<i>Жизненный план / Life plan</i>				
Достичь невероятных высот мастерства в чем-либо / Reach incredible heights of mastery in something	55	45	45	49
Прославится, быть знаменитым и признанным / Become famous, be well-known and recognized	43	36	35	39

Доля респондентов, испытывающих тревогу и неопределенность («не знаю, в чем себя реализовать»), последовательно выше в малых городах и селах. Это указывает на то, что нормативная императивность самореализации, не подкрепленная в периферийных контекстах видимым разнообразием успешных сценариев и институциональных путей, может породить не мотивацию, а экзистенциальную тревогу и чувство неадекватности.

В конкретных планах проявляется системный градиент, четко коррелирующий с типом поселения, а также выстраивающий иерархию масштаба и сложности проектов самореализации. Можно говорить о базовом уровне экзистенциального поиска, когда планы наиболее общего поискового характера («найти свое призвание», «заниматься делом жизни»), демонстрируют наименьший разрыв (разница 2–5 п. п.). Планы, предполагающие проактивную работу над собой («открыть и развить в себе способности»), показывают значимый разрыв в 6–7 п. п. в пользу крупного города. Такой разрыв отражает не только разницу в доступе к ресурсам развития (курсам, тренингам, культурной инфраструктуре), но и, вероятно, более глубокую интернализацию установки на самоконструирование как непрерывный процесс, что характерно для среды с высокой конкурентностью и динамикой.

Профессиональная и семейная сферы в качестве каналов реализации показывают разрыв в 5–6 п. п. При этом семья как пространство самореализации несколько более значима для сельской молодежи (60 % против 62 в городе), что коррелирует с выявленным ранее более сильным традиционализмом.

Креативно-экспертный и публичный уровни фиксируют максимальный структурный разрыв. Планы по реализации в творчестве/хобби и, особенно, по достижению «невероятных высот мастерства» и признанной известности отстают в малых городах и селах на 7–10 п. п. Этот существенный разрыв указывает на укорененность в крупных городах модели самореализации, ориентированной на достижение экстраординарных результатов, публичное признание и конвертацию личного мастерства в символический капитал (славу). На периферии же самореализация (см. табл. 8) тяготеет к более приватным, локальным и социально одобряемым формам (семье, профессии в рамках сообщества).

Выявленная динамика позволяет говорить о формировании разных практических онтологий самореализации, т. е. систем представлений о том, что конкретно означает «реализовать себя» и как это можно сделать. Для молодежи крупного города самореализация мыслится подобной перформативному, амбициозному

и публичному проекту, который требует раскрытия уникальных талантов, доведения их до уровня высочайшего мастерства и последующей публичной демонстрации с целью получения широкого признания. Она тесно сцеплена с логикой конкуренции, рынка и медиатизации.

Для молодежи малых городов и сельских поселений самореализация в большей степени ориентирована на гармоничное соответствие индивида его социальной роли и локальному контексту. Акцент смещен на поиск «своего» дела и места в жизни, понимаемых скорее как обнаружение предназначенной или социально ожидаемой ниши, а не как создание уникального продукта. Достижение «высот мастерства» и тем более «славы» отходит на второй план, уступая ценности компетентного, добросовестного и социально интегрированного функционирования.

Оценка своих ресурсов и возможностей реализации жизненных планов является главным фактором, определяющим горизонт и периметр жизненного планирования. Это связано, в том числе, с оценкой молодежью возможности реализовать основные планы (результаты) в рамках жизненных стратегий (табл. 9).

Молодежь в крупных городах оценивает подобные возможности несколько выше, чем в сельских поселениях. Выражен отрыв по большинству жизненных планов, и особенно по возможностям трудоустройства, закрепления на высокооплачиваемой работе, решения жилищного вопроса, открытия собственного бизнеса, сохранения здоровья.

Таблица 9. Оценка молодежи разных поселений высокой возможности достичь жизненные планы (ответ на вопрос «Как вы оцениваете свои возможности в нашем регионе?»), %

Table 9. Assessment of high possibility of achieving life plans by young people of different settlements (answer to the question “How do you assess your opportunities in our region?”), %

Направление жизненного плана / Direction of life plan	Крупный город / Large city	Малый город / Small town	Сельское поселение / Rural settlement
1	2	3	4
Получить хорошее образование / Get a good education	65	62	64
Заниматься физической культурой, спортом / Engage in physical education, sports	64	61	63
Создать семью / Start a family	62	60	64
Организовать свой досуг / Organize your leisure time	59	56	58
Самореализоваться / Self-actualize	59	56	58
Жить полноценной культурной жизнью / Live a full cultural life	59	54	56
Сохранить до старости хорошее здоровье / Maintain good health until old age	57	49	52
Трудоустроиться / Find a job according to your interests	54	51	51
Найти работу по интересам / Get a job	53	52	51

Окончание табл. 9 / End of table 9

1	2	3	4
Получить качественные медицинские услуги / Get quality medical services	53	48	50
Решить жилищный вопрос / Solve the housing issue	51	47	48
Найти достойно оплачиваемую работу / Find a decently paid job	49	47	45
Заниматься предпринимательством / Engage in entrepreneurship	49	43	44

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Компаративный анализ жизненных диспозиций и планов молодежи, дифференцированной по поселенческому признаку, выявил системные закономерности и латентные риски, детерминированные пространственным неравенством. Результаты эмпирического исследования подтверждают гипотезу о том, что тип поселения выступает не фоном, а активным структурирующим фактором, который формирует горизонт жизненного проектирования, репертуар доступных стратегий и субъективную оценку вероятности их реализации.

Обращает на себя внимание ценностно-диспозиционная гомогенность при стратегическом неравенстве. Обнаружена унификация базовых жизненных диспозиций (ценностных ориентаций, общих установок) молодежи независимо от типа поселения. Это свидетельствует об успешной институционализации общенациональных нормативных дискурсов (о ценности самореализации, семьи, карьеры) через систему образования, медиа и молодежную политику. Однако за этой кажущейся гомогенностью скрывается фундаментальное стратегическое неравенство. Конкретные жизненные планы – операционализация диспозиций в условиях заданных структурных возможностей – иллюстрируют устойчивую иерархию, строго коррелирующую с урбанизированностью среды.

Молодежь крупного города последовательно демонстрирует более высокий уровень притязаний и сложную архитектуру жизненных планов во всех проанализированных сферах (экономической, политической, карьерной, самореализационной). Для нее характерна установка на обязательное достижение расширенного набора целей: от владения сложными финансовыми инструментами и ведения бизнеса до публичного признания профессионального мастерства и занятия руководящих позиций. Это формирует габитус «стратегического максимизатора», ориентированного на многокомпонентные жизненные проекты в условиях воспринимаемой как высокой, но недостижимой конкуренции.

Основной вывод исследования – статистически подтвержденное сближение показателей жизненного планирования молодежи малых городов и сельских поселений при их значительном отрыве от показателей молодежи крупного города. Данная конвергенция указывает на размывание границ между «малым городом» и «селом» как качественно разными социальными пространствами в сознании

и практиках молодого поколения. Они формируют единый континуум периферийности, характеризующийся структурными ограничениями: сужением горизонта планирования, дефицитом институциональных возможностей для сложных форм социальной, политической и профессиональной активности, ориентацией на адаптивные и сберегательные модели поведения.

Противоречие между высокой диспозиционной готовностью к миграции (особенно среди сельской молодежи) и низким уровнем конкретных планов на внутреннюю и международную миграцию у негородской молодежи раскрывает механизм структурной блокировки. Установка на поиск «лучшей жизни» не конвертируется в конкретный план в силу дефицита необходимых ресурсов (экономических, социальных, культурных, информационных), что закрепляет периферийный статус и воспроизводит территориальное неравенство.

Выявлены риски, связанные с воспроизводством поселенческого неравенства для молодежи:

– углубления территориальной стратификации и социального разрыва: систематическое отставание в сложности и масштабе жизненных планов населения малых городов и сел создает предпосылки для долгосрочного усиления диспропорций. Реализация «расширенных» стратегий молодежью крупного города ведет к дальнейшей концентрации человеческого, финансового и культурного капитала в центрах. Периферийные же территории могут столкнуться с усилением депопуляции, сужением профессиональной структуры и ослаблением потенциала социальной активности;

– депривации и маргинализации периферийной молодежи: сужение репертуара жизненных стратегий до адаптивных и локально-ориентированных моделей на фоне высоких интериоризованных нормативных ожиданий (успеха, самореализации) может порождать фрустрацию, социальную апатию или миграционные настроения без реальных возможностей для их реализации. Это формирует предпосылки для роста социального неблагополучия и снижения консолидационного потенциала среди молодежи сельских поселений;

– воспроизводства институционального неравенства: сходство условий жизни и, как следствие, жизненных стратегий молодежи малых городов и сел указывает на недостаточность действующих механизмов пространственного развития. Существующая система делит территории на условные «центр» и «не-центр», не предлагая малым городам уникальной позитивной траектории развития, отличной от сельской. Это обуславливает их «сельский» образ жизни в ментальном и поведенческом плане, что требует пересмотра инструментов региональной и муниципальной политики.

Таким образом, поселенческий фактор выступает мощным стратификационным механизмом, определяющим не столько ценностные основы, сколько практическую онтологию будущего для молодого поколения. Исследование демонстрирует, что неравенство воспроизводится не через различие в целях, а через фундаментально разные системы оценки возможностей, ресурсов и допустимых траекторий их достижения. Сближение жизненных миров малого города и села при их растущем отрыве от крупного городского центра формирует новую социально-территориальную

конфигурацию, которая требует адресного управления. Политика, направленная на сокращение пространственного неравенства, должна сместить фокус с унификации ценностных установок на устранение структурных барьеров, блокирующих перевод диспозиций в реализуемые планы, и на создание дифференцированных возможностей для реализации амбиций молодежи во всех типах поселений.

Исследование имеет ряд ограничений, и прежде всего это состав выборки. Участвовала только молодежь 14–35 лет, проживающая в Белгородской области на постоянной основе (приезжие в рамках образовательной мобильности исключались из процедуры опроса через вопросы-фильтры). Кроме того, при формировании исследовательского массива соблюдались квоты по гендеру, возрасту, типу поселения и территории проживания.

Перспективы дальнейших исследований лежат в плоскости углубленного изучения механизмов формирования пространственного неравенства. Целесообразно операционализировать поселенческий фактор и механизмы его влияния; перейти от анализа планов (установок) к анализу реализованных траекторий молодежи; сопоставить депрессивные и динамично развивающиеся регионы; качественно исследовать специфику принятия решений для молодежи разных поселений и т. д. Важными направлениями остаются переориентация со статической картины на анализ динамики, а также усиление междисциплинарного и прикладного характера работ, нацеленных на поиск инструментов для устранения выявленных дисбалансов.

Материалы статьи могут быть полезны при планировании мероприятий государственной молодежной политики (на федеральном и региональном уровне), в реализации таких задач, как выравнивание жизненных условий для молодежи разных типов поселений, сокращение рисков воспроизводства территориального неравенства, определение акцентов социально-воспитательной работы в образовательных учреждениях региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Илаева Р.А., Савина Н.Н. Сущность жизненной стратегии и ее типологии. *Современные проблемы науки и образования*. 2016;(6):335. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25635> (дата обращения: 23.07.2025).
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):13–41. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
3. Журавлева И.А., Иванов Р.В., Тетерин В.В. Жизненные ориентиры и стратегии провинциальной молодежи. *Социология*. 2020;(2):117–127. <https://www.elibrary.ru/xoejws>
4. Халикова С.С. Жизненные стратегии дальневосточной молодежи. *Власть и управление на Востоке России*. 2022;(1):117–124. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennye-strategii-dalnevostochnoy-molodezhi> (дата обращения: 23.07.2025).
5. Гладкова И.А. Жизненные ценности и стратегии современной молодежи. *Управление городом: теория и практика*. 2021;(1):41–44. <https://www.elibrary.ru/uwxueo>
6. Carabelli G., Lyon D. Young People's Orientations to the Future: Navigating the Present and Imagining the Future. *Journal of Youth Studies*. 2016;19(8):1110–1127. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1145641>
7. Woodman D., Wyn J. Youth and Generation: Rethinking Change and Inequality in the Lives of Young People. London: SAGE Publications Ltd; 2015. 204 p. <http://dx.doi.org/10.4135/9781473910591>

8. O'Reilly J., Smith M., Villa P. The Social Reproduction of Youth Labour Market Inequalities: The Effects of Gender, Households and Ethnicity. In: Grimshaw D., Fagan C., Hebson G., Tavora I. (eds.) *Making Work More Equal: A New Labour Market Segmentation Approach*. Manchester: Manchester University Press; 2017. Pp. 249–267. <https://doi.org/10.7765/9781526125972>
9. Осипова Н.Г., Елишев С.О. Социальное неравенство и молодежь: ключевые тренды 2020 г. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2021;27(3):7–42. <http://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-3-7-42>
10. Эфендиев А.Г., Резкий С.Д. Социальное неравенство работающей российской молодежи: факторы и механизмы формирования и развития. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022;25(2):176–213. <http://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.8>
11. Гафиятулина Н.Х., Косинов С.С. Социально-экономическое неравенство в обществе как фактор снижения уровня социального здоровья российской молодежи. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2018;(2):151–156. URL: <https://elck.ru/3Sam6Z> (дата обращения: 21.07.2025).
12. Лапшинова К.В. Вопросы социального неравенства и социальной справедливости в оценках современной молодежи. *Социально-гуманитарные технологии*. 2020;(3):19–27. <https://www.elibrary.ru/lxuugr>
13. Яковлева А.И. Социально-экономическое неравенство в представлении студенческой молодежи Ростовской области. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2021;14(1):94–102. <http://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-1-94-102>
14. Шаповалова И.С. Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи. *Наука. Культура. Общество*. 2023;29(3):150–163. <http://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9>
15. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции. *Социологические исследования*. 2020;(6):61–71. <http://doi.org/10.31857/S013216250009480-1>
16. Богданов М.Б., Малик В.М. Как сочетаются социальное, территориальное и гендерное неравенства в образовательных траекториях молодежи России? *Мониторинг общественного мнения: экономика и социальные перемены*. 2020;(3):392–421. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>
17. Malik V. The Russian Panel Study “Trajectories in Education and Careers”. *Longitudinal and Life Course Studies*. 2019;10(1):125–144. <https://doi.org/10.1332/175795919x15468755933416>
18. Туркулец С.Е., Туркулец А.В., Гареева И.А., Слесарев А.В. Территориальная стигматизация молодежи (на примере Дальневосточного региона). *Социодинамика*. 2019;(6):82–90. <http://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.6.29859>
19. Wetering S.A.L. Stigmatization and the Social Construction of a Normal Identity in the Parisian Banlieues. *Geoforum*. 2020;116:303–312. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.05.009>
20. Мухаметзянова Л.К., Хизбуллина Р.Р. Миграция сельской молодежи в современных условиях. *Социология*. 2018;(4):102–105. <https://www.elibrary.ru/yxsqnn>
21. Булхайрова Ж.С., Саймагамбетова Г.А., Таскинбайкызы Ж. Молодежная безработица в сельской местности. *Проблемы агорынка*. 2020;(1):172–178. <https://www.elibrary.ru/jlbvqx>
22. Зинич А.В., Кондратьева О.В. Профессиональное самоопределение: взгляд городской и сельской молодежи. *Экономика труда*. 2022;9(12):1985–1996. <http://doi.org/10.18334/et.9.12.116751>
23. Тронин С.А. Досуг и отдых в измерении повседневной жизни сельской трудящейся молодежи. *Культура и цивилизация*. 2022;12(1/2):399–406. <https://www.elibrary.ru/awekpt>
24. Пойда Е.Е. Трансформация духовно-нравственных ценностей современной сельской молодежи. *Вестник Донского государственного аграрного университета*. 2020;(1/2):8–12. <https://www.elibrary.ru/rxifxq>
25. Степанова В.В., Слепцов Е.П. Ценности городской и сельской молодежи Республики Саха (Якутия). *Modern Science*. 2020;(6/1):518–523. <https://www.elibrary.ru/jcxxkh>
26. Сухова Е.А. Потенциал и реализация социальной активности городской и сельской молодежи Ямало-Ненецкого автономного округа. *Управление устойчивым развитием*. 2021;(3):68–73. <https://www.elibrary.ru/qfxxkr>
27. Шаповалова И.С., Заводян И.С. Молодежное социоселфи: социальные стратегии региональной молодежи. *Регионоведение*. 2024;32(4):768–792. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>

REFERENCES

1. Ilaeva R.A., Savina N.N. The Matter of Life Strategy and the Classification of its Types. *Modern Problems of Science and Education*. 2016;(6):355. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25635> (accessed 23.07.2025).
2. Zubok J.A., Chuprov V.I. Youth Life Strategies: Implementation of Expectations and Social Moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):13–41. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>
3. Zhuravleva I.A., Ivanov R.V., Teterin V.V. Life Guides and Strategies for Provincial Youth. *Sociology*. 2020;(2):117–127. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/xoejws>
4. Khalikova S.S. Life Strategies of the Far-Eastern Youth. *Power and Administration in the East of Russia*. 2022;(1):117–124. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhiznennye-strategii-dalnevostochnoy-molodezhi> (accessed 23.07.2025).
5. Gladkova I.A. Life Values and Strategies of Modern Youth. *Upravleniye gorodom: teoriya i praktika*. 2021;(1):41–44. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/uwxueo>
6. Carabelli G., Lyon D. Young People's Orientations to the Future: Navigating the Present and Imagining the Future. *Journal of Youth Studies*. 2016;19(8):1110–1127. <https://doi.org/10.1080/13676261.2016.1145641>
7. Woodman D., Wyn J. Youth and Generation: Rethinking Change and Inequality in the Lives of Young People. London: SAGE Publications Ltd; 2015. 204 p. <http://dx.doi.org/10.4135/9781473910591>
8. O'Reilly J., Smith M., Villa P. The Social Reproduction of Youth Labour Market Inequalities: The Effects of Gender, Households and Ethnicity. In: Grimshaw D., Fagan C., Hebson G., Tavora I. (eds.) *Making Work More Equal: A New Labour Market Segmentation Approach*. Manchester: Manchester University Press; 2017. Pp. 249–267. <https://doi.org/10.7765/9781526125972>
9. Osipova N.G., Elishev S.O. Social Inequality and Youth: Key Trends of 2020. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. 2021;27(3):7–42. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-3-7-42>
10. Efendiev A.G., Rezkiiy S.D. Social Inequality of Working Russian Youth: Factors and Mechanisms of Formation and Development. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2022;25(2):176–213. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31119/jssa.2022.25.2.8>
11. Gafiatulina N.H., Kosinov S.S. Socio-Economic Inequality in Society as a Factor in Reducing the Social Health of Russian Youth. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2018;(2):151–156. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3Sam6Z> (accessed 21.07.2025).
12. Lapshinova K.V. Social Inequality and Social Justice Issues in the Assessments of Youth. *Social and Humanitarian Technologies*. 2020;(3):19–27. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/lxuugr>
13. Yakovleva A.I. Socio-Economic Inequality in the Perceptions of the Student Youth of the Rostov Region. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI) Series Socio-Economic Sciences*. 2021;14(1):94–102. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-1-94-102>
14. Shapovalova I.S. Self-Assessment of Financial Status and Social Strategies of Youth. *Science. Culture. Society*. 2023;29(3):150–163. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.3.9>
15. Reutov E.V., Reutova M.N., Shavyrina I.V. Life Success and Chances for its Achievement in the Representations of the Inhabitants of the Russian Province. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2020;(6):61–71. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009480-1>
16. Bogdanov M.B., Malik V.M. Social, Territorial and Gender Inequalities in Educational Trajectories of the Russian Youth. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2020;(3):392–421. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1603>
17. Malik V. The Russian Panel Study “Trajectories in Education and Careers”. *Longitudinal and Life Course Studies*. 2019;10(1):125–144. <https://doi.org/10.1332/175795919x15468755933416>
18. Turkulets S.E., Turkulets A.V., Gareeva I.A., Slesarev A.V. Territorial Stigmatization of Youth (on the Example of Far Eastern Region). *Sociodynamics*. 2019;(6):82–90. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2019.6.29859>
19. Wetering S.A.L. Stigmatization and the Social Construction of a Normal Identity in the Parisian Banlieues. *Geoforum*. 2020;116:303–312. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2017.05.009>

20. Mukhametzyanova L.K., Khizbullina R.R. [Migration of Rural Youth in Modern Conditions.] *Sociology*. 2018;(4):102–105. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/yxsqnn>
21. Bulkhairova Zh.S., Saimagambetova G.A., Taskinbaikyzy Zh. Youth Unemployment in Rural Areas. *Problems of Agrimarket*. 2020;(1):172–178. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/jlbvxj>
22. Zinich A.V., Kondratyeva O.V. Professional Identity: The Perspective of Urban and Rural Youth. *Russian Journal of Labour Economics*. 2022;9(12):1985–1996. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.18334/et.9.12.116751>
23. Tronin S.A. Leisure and Recreation in the Dimension of the Daily Life of Rural Working Youth. *Culture and Civilization*. 2022;12(1/2):399–406. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/aewkpt>
24. Poyda E.E. Transformation of Spiritual and Moral Values of Modern Rural Youth. *Vestnik Donского государственного аграрного университета*. 2020;(1/2):8–12. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/rxifxq>
25. Stepanova V.V., Slepsov E.P. [Values of Urban and Rural Youth of the Sakha Republic (Yakutia).] *Modern Science*. 2020;(6/1):518–523. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/jcxxxk>
26. Sukhova E.A. Potential and Implementation of Social Activity of the City and Rural Youth of the Yamal-Nenets Autonomous District. *Managing Sustainable Development*. 2021;(3):68–73. (In Russ., abstract in Eng.) <https://www.elibrary.ru/qfxrkr>
27. Shapovalova I.S., Zavodyan I.S. Youth Social Selfie: Social Strategies of Regional Youth. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(4):768–792. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.768-792>

Об авторе:

Шапвалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Researcher ID: R-6955-2016, Scopus ID: 56728382600, SPIN-код: 2477-0791, shapovalova@bsuedu.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 21.04.2025; одобрена после рецензирования 18.08.2025; принята к публикации 02.09.2025.

About the author:

Inna S. Shapovalova, Dr.Sci. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Chair of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Researcher ID: R-6955-2016, Scopus ID: 56728382600, SPIN-code: 2477-0791, shapovalova@bsuedu.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 21.04.2025; revised 18.08.2025; accepted 02.09.2025.

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE,
SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES**<https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.210-227><http://regionsar.ru>EDN: <https://elibrary.ru/dfubgg>

ISSN 2413-1407 (Print)

УДК / UDC 338.26-053.81 (470.41)

ISSN 2587-8549 (Online)

Оригинальная статья / Original article

**Нестолличные промышленные города Татарстана:
факторы привлекательности для молодежи****Г. И. Макарова**

*Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
(г. Казань, Российская Федерация)
makarova_guzel@mail.ru*

Аннотация

Введение. В условиях новой индустриализации главным вызовом для промышленных городов становится сохранение человеческого потенциала, что связано со способностью привлекать и удерживать молодежь. Цель исследования – на примере Республики Татарстан выявить факторы привлекательности нестолличных промышленных городов для молодых людей в контексте осуществляемого ими жизненного выбора.

Материалы и методы. В основу работы положен комбинированный методологический дизайн. Эмпирическую базу составили 12 фокус-групп, проведенных в 2024 г. в четырех промышленных городах (Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Зеленодольск) с тремя ключевыми категориями населения: работниками градообразующих предприятий, занятыми в непроизводственной сфере, а также учащимися школ, ссузов и вузов. Качественные данные фокус-групп рассматривались во взаимосвязи с результатами массовых опросов 2021 и 2024 гг. Дополнительная глубина достигалась за счет включения материалов экспертных интервью и интервью с семьями жителей.

Результаты исследования. Установлено, что доминирующими факторами для молодых людей в оценке привлекательности города являются уровень оплаты труда и возможность профессиональной самореализации, продвижения. В контексте осуществляемого ими жизненного выбора важным фактором выступает образовательный. Среди проблем актуальными оказались нехватка врачей-специалистов, экологическая и личная безопасность (в связи с появлением новых трудовых мигрантов). При успешном решении в регионе задач формирования комфортной городской среды отмечена недостаточная развитость досугово-развлекательной сферы.

Обсуждение и заключение. Исследование доказывает необходимость комплексных мер по повышению привлекательности промышленных городов. Главными направлениями выступают создание условий для карьерного и образовательного роста, адресная поддержка молодых специалистов в решении жилищного вопроса, системная работа по повышению престижа инженерно-рабочих

© Макарова Г. И., 2026

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

профессий и формирование четкой, разделяемой жителями концепции развития города. Полученные выводы вносят вклад в изучение миграционного поведения молодежи, предоставляют практическую основу для управления человеческим потенциалом индустриальных территорий и могут быть использованы в деятельности муниципальных, региональных и федеральных властей.

Ключевые слова: нестоличный промышленный город, человеческий потенциал, жизненные стратегии молодежи, проблемы промышленного города, образ города, Татарстан, фокус-группа

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Макарова Г.И. Нестолчные промышленные города Татарстана: факторы привлекательности для молодежи. *Регионоведение*. 2026;34(1):210–227. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.210-227>

Non-Capital Industrial Cities of Tatarstan: Factors of Attractiveness for Young People

G. I. Makarova

*Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan
(Kazan, Russian Federation)
makarova_guzel@mail.ru*

Abstract

Introduction. In the context of new industrialization, the main challenge for industrial cities is preserving human potential, which is linked to the ability to attract and retain young people. Using the Republic of Tatarstan as an example, the aim of this study is to identify factors that make non-capital industrial cities attractive to young people in the context of their life choices.

Materials and Methods. The study is based on a combined methodological design. The empirical base consisted of 12 focus groups conducted in 2024 in four industrial cities (Naberezhnye Chelny, Nizhnekamsk, Almetyevsk, and Zelenodolsk) with three key groups: employees of city-forming enterprises employed in the non-manufacturing sector, as well as students from schools, colleges, and universities. Qualitative data from the focus groups and the results of quantitative mass surveys conducted in 2021 and 2024 were integrated. Additional depth was achieved by including expert interviews and interviews with residents' families.

Results. It was found that the dominant factors for young people in assessing a city's attractiveness are salary levels and opportunities for professional fulfillment and advancement. Education plays a significant role in their life choices. Among the pressing issues identified were a shortage of specialized doctors, environmental concerns, and personal safety (due to the emergence of new migrant workers). While the region has successfully addressed the challenges of creating a comfortable urban environment, the underdevelopment of the leisure and entertainment sector was noted.

Discussion and Conclusion. The study demonstrates the need for comprehensive measures to enhance the attractiveness of industrial cities. Key areas include creating conditions for career and educational advancement, targeted support for young professionals in addressing housing issues, systematic efforts to enhance the prestige of engineering and blue-collar jobs, and the development of a clear, shared vision for urban development. The findings contribute to the study of youth migration behavior, provide a practical basis for managing the human potential of industrial territories, and can be used by municipal, regional, and federal authorities.

Keywords: non-capital industrial city, human potential, youth's life strategies, problems of an industrial city, city image, Tatarstan, focus group

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Makarova G.I. Non-Capital Industrial Cities of Tatarstan: Factors of Attractiveness for Young People. *Russian Journal of Regional Studies*. 2026;34(1):210–227. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.134.034.202601.210-227>

ВВЕДЕНИЕ

В контексте современных глобальных вызовов развитие промышленности выступает предпосылкой как экономической, так и национальной безопасности страны. Без должного внимания к промышленным городам, к сохранению их человеческого потенциала, обеспечить безопасность невозможно. Сказанное актуализируется в условиях реализации принципов инновационной экономики и технологического перевооружения производств, что требует специального изучения факторов привлечения и удержания в городе специалистов и талантливой молодежи, а также связанных с этим проблем и противоречий. Соответственно от сделанного молодым поколением промышленных городов выбора, где жить и работать, от наличия возможностей проявлять силы и таланты зависит будущее не только этих поселений, но и – учитывая задачи «новой индустриализации» [1; 2] – экономики страны в целом.

Выбранный для исследования регион – Республика Татарстан – интересен тем, что в 1990–2000-е гг. сохранил промышленность. Однако для дальнейшего эффективного функционирования предприятий важно, чтобы их персонал пополнялся молодыми квалифицированными кадрами. Данное обстоятельство повышает требования к качеству жизни в городах концентрации производств, к их способности привлекать и удерживать молодежь. В связи с этим формирование и накопление человеческого капитала выделено в качестве ведущего направления в достижении региональной конкурентоспособности в Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года¹. Стратегической целью 2 названо «...сбалансированное территориально-пространственное развитие».

Специфика настоящего исследования определяется проблемной и комплексной постановкой вопросов: каким является и каким должен быть промышленный город для того, чтобы притягивать и удерживать квалифицированных специалистов и талантливую молодежь? Другими словами, развитие города рассматривается не само по себе, а в контексте осуществляемого молодыми людьми жизненного выбора: кем стать, где жить, учиться и работать. Поэтому в центре внимания – раскрытие критериев, предъявляемых ими к месту жительства в принципе, через обобщение восприятия конкретного поселения, оценку его перспектив.

Цель исследования – выявить факторы привлекательности нестоличных промышленных городов для молодых людей в контексте осуществляемого ими жизненного выбора.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

При изучении отечественных и зарубежных публикаций последних лет, посвященных промышленным городам, обращает на себя внимание различие (обусловленное системами отсчета и текущей политикой) общих установок, а также концептуальных подходов к анализу [3; 4]. Так, западные исследователи в основном ориентированы на концепции деиндустриализации, зеленой экономики, реализация которых оценивалась чаще в позитивном ключе [5; 6]. Внимание авторов

¹ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года [Электронный ресурс]: принята Законом Республики Татарстан от 17.06.2015 г. № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года». URL: <https://docs.cntd.ru/document/428570021> (дата обращения: 16.11.2025).

концентрируется на вопросах развития в таких городах третичного сектора, коммерческих [7] и наукоемких услуг [5], креативных индустрий, джентрификации пространств. Специфику реконструкции промышленного наследия в Шанхае анализировали М. Сун и Ч. Чень [8].

В ряде работ раскрываются проблемы и противоречия деиндустриализации, связанные с сокращением хорошо оплачиваемых рабочих мест [9], ростом безработицы и преступности [10], старением инфраструктуры [11], разрушением сложившихся основ городской идентичности [12]. Рассматриваются негативные последствия преждевременной деиндустриализации в развивающихся странах [13; 14, с. 199].

Отдельные исследователи пришли к выводу о том, что сокращение населения в бывших индустриальных городах связано не с сохранением их производственных функций, а скорее с неудачным опытом деиндустриализации [15, с. 24], отсутствием должного внимания в рамках государственной политики. Ряд авторов анализируют процессы реиндустриализации и социального обновления в таких поселениях [16–18], признавая улучшение их социально-экономических показателей и стабилизацию численности.

В России тема промышленных городов не уходила с повестки дня. В 1990 – начале 2000-х годов исследователи обращались к ней в связи с кризисом градообразующих предприятий и соответствующим ростом негативных социальных явлений (применительно к Татарстану, в частности, Ф. Ф. Ишкинеева²). В 2000-е годы ситуация в стране стала меняться и руководство начало уделять особое внимание моногородам, диверсификации их экономик [19]. В текущий период акцент сместился на технологическое переоснащение промышленности, следовательно, поселения обозначенного типа снова в фокусе внимания.

Хотя в отечественной науке преобладают отличные от западных подходы, тем не менее социально-экономические процессы, происходящие в промышленных поселениях России, рассматриваются с учетом иностранных тенденций. Это касается постановки задач устойчивого развития [20], поддержания экологии, становления комфортной городской среды [21], формирования социально-территориальных сообществ и их практик [22].

Особый ракурс немногочисленных исследований связан с воспроизводством человеческого потенциала территорий. В частности, А. Д. Волков и А. В. Симакова, характеризуя жизненные стратегии населения моногородов Арктики, отмечают значимость «...устойчивой работы градообразующих предприятий», экологического благополучия и низкого уровня преступности для обеспечения их конкурентоспособности в плане сохранения человеческих ресурсов [23, с. 852]. В. Б. Зотов акцентирует важность создания комфортных условий жизни (в том числе строительства нового жилья) в нестоличных городах для снижения оттока их жителей в мегаполисы [24].

Проблемы молодежи промышленных поселений затрагиваются лишь в отдельных работах зарубежных авторов последних лет, и прежде всего в аспекте проявления в них общих социальных дилемм, т. е. безотносительно к проблематике

² Ишкинеева Ф.Ф. Социально-стратификационные процессы в постмонопромышленном городе в условиях трансформационного общества: На примере города Набережные Челны Республики Татарстан: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Казань; 2000. 19 с. URL: <https://clck.ru/3RMvjG> (дата обращения: 05.06.2025).

города. Среди публикаций российских исследователей можно выделить статьи, посвященные влиянию общей мотивации и установок молодых жителей таких городов на их миграционные намерения [25; 26], об адаптации в них приехавших из сельской местности³ и др.

Несмотря на важность темы и множественность работ, посвященных в российской науке промышленным городам, подобная постановка вопроса – в связке с миграционными намерениями молодежи – характерна лишь для единичных исследований. При этом они чаще фокусируются на каком-либо одном аспекте, в частности социальных проектах градообразующих предприятий [27]. В зарубежных публикациях проблематика таких поселений вплоть до последнего времени оставалась в тени в связи с главенством тенденций деиндустриализации (хотя в настоящий период наблюдается возрождение интереса к ней).

Таким образом, имеющиеся публикации по рассматриваемой тематике фрагментарны и раскрывают лишь отдельные стороны проблемы. Не представляется возможным получить целостную и всестороннюю картину факторов, притягивающих и выталкивающих молодых людей из промышленных городов. До сих пор также не были сформулированы предложения о путях повышения привлекательности такого рода поселений для молодежи. Эти пробелы призвана восполнить данная статья.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методология исследования. Использование метода фокус-групп (с элементами воркшопа [28]) способствовало самораскрытию респондентов, поскольку присутствие участников, имеющих сходные характеристики, придавало им большую уверенность в собственных высказываниях и помогало сформулировать позицию, а обозначившиеся противоречия во мнениях делали процесс обсуждения более оживленным.

Характеристика объекта исследования. Объектом исследования выступили города:

– Набережные Челны, известный благодаря ПАО «КАМАЗ»; крупный центр машиностроения с населением 548 221 чел.⁴, отличающийся активным развитием малого и среднего бизнеса;

– Нижнекамск численностью 240 842 чел., построенный вокруг нефтехимического комбината (ныне входит в состав ПАО «СИБУР Холдинг») и ставший многофункциональным промышленным центром (включающим нефтеперерабатывающий комплекс АО «Танеко» и др.);

– Альметьевск, нефтяная столица республики, в которой проживают 164 293 чел.; ведущее предприятие ПАО «Татнефть»; малый и средний бизнес также связан здесь в первую очередь с нефтесервисом и нефтепереработкой;

– Зеленодольск с населением 98 791 чел.; ведущие предприятия преимущественно оборонной направленности (АО «ПОЗиС» и АО «Зеленодольский завод имени А. М. Горького»); характеризуется появлением логистических хабов.

³ Вознесенская Е.Д. Молодые рабочие. Из села в город. *Социологический журнал*. 2013;(3):75–91. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/molodye-rabochie-iz-sela-v-gorod/viewer> (дата обращения: 03.06.2025).

⁴ Здесь и далее численность городов дана по: Численность населения муниципальных образований Республики Татарстан на начало 2025 года: стат. бюл. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3RM5eA> (дата обращения: 17.01.2026).

Основные этапы исследования. На первом производился вторичный анализ полученных ранее количественных и качественных данных.

Серия проведенных автором либо с его участием исследований промышленных городов Татарстана была нацелена на выявление спектра проблем, важных для обсуждения в молодежной среде. Разведывательные интервью в семьях (2021 г., $n = 16$) раскрыли специфику каждого города и волнующих его жителей вопросов. Экспертные интервью с городскими акторами (2022 г., $n = 31$) проявили основные направления и перспективы развития поселений. Знание данных тенденций помогло сформулировать тематику фокус-групп таким образом, чтобы выяснить совокупность факторов, работающих как притягивающие либо выталкивающие в контексте осуществляемого молодежью жизненного выбора.

Массовый опрос 2021 года ($n = 1\,404$) показал высокий уровень миграционных намерений жителей различных промышленных городов республики на фоне преобладающего позитивного отношения к поселению: 84 – 90 % респондентов ответили, что оно им нравится или скорее нравится. От более четверти до половины опрошенных (прежде всего, молодые люди до 34 лет, а также горожане 35–49 лет) выразили готовность при наличии благоприятных условий сменить место жительства.

Проводившийся в конце 2024 года с применением того же инструментария опрос ($n = 1\,400$)⁵ проявил ощутимые изменения в миграционных установках жителей большинства изучаемых поселений⁶: теперь были готовы покинуть город лишь 25–33 % опрошенных. Тем не менее доля желающих уехать (в первую очередь за границу) все еще высока.

На втором этапе был составлен гайд и проводились фокус-группы (2024 г.; $n = 12$): а) с молодыми работниками градообразующих предприятий (до 35 лет); б) занятыми в других сферах – бюджетных организациях, малом и среднем бизнесе и т. д. (до 35 лет); в) учащимися школ, ссузов, вузов (15–21 год).

Фокус-группы осуществлялись на базе молодежных центров, учебных заведений, торгово-промышленных палат и записывались с помощью диктофона. Вопросы развития города обсуждались в контексте ценностей участников, стратегий получения ими образования и трудоустройства, социального самочувствия и миграционных установок. Использование элементов воркшопа, предполагающего совместную деятельность по выстраиванию образа будущего для данной территории, помогло сформулировать некоторые конкретные предложения по повышению привлекательности городов для молодежи. Фрагменты интервью содержат в скобках следующую информацию: номер фокус-группы, название города, вид занятости, пол, а также возраст участника⁷.

⁵ Опросы 2021 и 2024 годов были подготовлены и осуществлялись с участием автора в рамках исследования «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2023–2030 годы», руководитель Г. Ф. Габдрахманова. Они включали авторский блок вопросов по проблематике развития промышленных городов. Опросы реализовывались по телефону и охватили по 400 чел. в Набережных Челнах и Нижнекамске, 301 и 300 – в Альметьевске, 303 и 300 чел. – в Зеленодольске.

⁶ За исключением Зеленодольска, где миграционные намерения в 2024 г. те же, что и в 2021 г. (наименьшие).

⁷ В одном случае приводится фрагмент экспертного интервью с указанием его номера, города, а также рода деятельности эксперта.

Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили готовность (согласие) к сотрудничеству.

На третьем этапе реализовывались транскрибирование и анализ текстов фокус-групп методом трехступенчатого кодирования (разработанным в рамках обоснованной теории – *grounded theory*⁸), включая их сопоставление с результатами проведенных автором/при его участии опросов, проблемно ориентированных интервью в семьях и интервью с актерами городского развития.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Факторы выбора молодежью места жительства. Поскольку предметом исследования выступали не сами промышленные города, а их восприятие и оценка молодежью, в том числе в контексте осуществляемого ею жизненного выбора, прежде всего уточнялись принципиально важные для молодых людей характеристики места, где они хотели бы жить и работать. Однако, размышляя над этим вопросом, большинство участников фокус-групп переходили к обсуждению того, что им нравится и не нравится в их поселении. Рассмотрим значимые для них позиции в сравнении с реальным положением вещей.

В качестве главного фактора при выборе места жительства молодежь, как и ожидалось, называла *наличие хорошо оплачиваемой работы*. При этом в ходе фокус-групп говорилось в первую очередь о зарплатах на ведущих предприятиях, на которых в изучаемых городах занята ощутимая доля жителей.

Упомянутые предприятия различаются в зависимости от отраслевой принадлежности производства. Если в нефтедобыче, нефтепереработке и нефтехимии заработная плата относительно высока и в целом привлекательна для молодых специалистов, то в автомобиле- и судостроении, в частности оборонной направленности, – не вполне удовлетворяет их запросам. Не случайно в ходе массового опроса 2024 г. среди причин, по которым им нравится жить в городе, выбрали вариант «Здесь есть хорошо оплачиваемая работа» главным образом альметьевцы и нижнекамцы, соответственно 28 и 25 % респондентов. Среди челнинцев такой ответ указали лишь 18 % опрошенных (напомним, что здесь активно развивается малый и средний бизнес), среди зеленодольцев – всего 5 %.

Фокусированные групповые интервью подтвердили обозначенную разницу в оценке ситуации на предприятиях:

«В промышленность идут работать с большей радостью, поскольку там зарплата хорошая» (№ 8, Нижнекамск, работник непромышленной сферы, ж., 35 лет);

«Что нужно в первую очередь, чтобы привлечь студента или молодую девушку? У нас они как смотрят: что им предложит предприятие после обучения? Наше предприятие не может предложить достойную зарплату... Лет 20 назад это было нормально, сейчас уже нет» (№ 1, Набережные Челны, работник производства, ж., 33 г.).

Сходное с последним мнение высказала жительница города, в котором ведущие предприятия относятся к машиностроительной отрасли: *«Если, вот, считать*

⁸ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: Эдиториал УРСС; 2001. 256 с.

в плане зарплаты и работы, то здесь у нас не очень, конечно» (№ 4, Зеленодольск, работник производства, ж., 29 лет).

В то же время участники исследования в городах с относительно высокой заработной платой на ведущих предприятиях акцентировали очевидную разницу в доходах с бюджетной сферой. Подчеркивалось, что, имея свойственные промышленным поселениям минусы (проблемы с экологией, ограниченные возможности в получении образования, слабое развитие культурно-досуговой сферы), занятые в бюджетной сфере не обладают такими преимуществами, как высокая оплата труда, предоставляемая на производстве льготная ипотека и другие меры социальной защиты:

«Хотелось бы, чтобы обратили внимание на дошкольников. Потому что очень тяжело с кадрами – маленькие зарплаты. Чтоб город новые субсидии придумал какие-то» (№ 8, Нижнекамск, работник непроектирующей сферы, ж., 34 г.).

При этом вопрос оплаты труда рассматривался молодыми людьми в прямой связи с ростом цен на квартиры и возможностью получить льготную ипотеку. Участники фокус-групп (в особенности в Нижнекамске и Набережных Челнах) с сожалением отмечали, что цены на недвижимость приблизились в последние годы к столичным (как и стоимость жилищной аренды):

«Как молодой специалист... я понимаю, что сейчас я просто не смогу себе в Нижнекамске нормально снять квартиру. Либо же взять ипотеку, потому что это будет очень дорого и очень надолго» (№ 8, Нижнекамск, работник непроектирующей сферы, ж., 19 лет);

«Конечно, не нравятся огромные цены на жилье. Это нереальные цены для молодежи, я считаю. Мне кажется, уже Москву догнали» (№ 1, Набережные Челны, работник производства, ж., 22 г.).

Подчеркивалась важность участия государства в решении квартирного вопроса для молодых специалистов в городских поселениях промышленного типа – в том случае, если оно заинтересовано в развитии промышленности.

Значимой для молодежи оказалась и тема возможностей *самореализации, раскрытия потенциала*. Показательно, что уже в начале беседы, когда молодые люди отвечали на вопрос, что для них является главной жизненной ценностью, многие говорили, что им важно проявлять и развивать свои силы, таланты, способности. При этом обсуждая, что нужно сделать для того, чтобы молодые специалисты оставались в городе, работающие, во-первых, выделили, обеспечение перспектив профессионального развития на предприятии/в организации, повышения своих компетенций (профессиональных, управленческих и прочих):

«У нас [в «СИБУР» – Г. М.] есть конкретная траектория развития. ...Здесь постоянно идет обучение. Просто есть обучение по экспертному проекту, ...есть руководящий проект» (№ 7, Нижнекамск, работник производства, м., 30 лет).

Во-вторых, много было сказано о необходимости роста и движения кадров, возрождения института наставничества. Отмечалось, что опытных специалистов важно заинтересовывать в передаче знаний и навыков:

«Наставничество есть. Просто оно зависит от наших людей. Они либо не хотят передавать опыт, либо просто устают от того, что молодежь приходит и не задерживается, и интерес пропадает» (№ 1, Набережные Челны, работник производства, ж., 33 г.).

Опираясь на пожелания, высказанные участниками фокус-групп и проведенных ранее экспертных интервью, определим значимость таких моделей обеспечения движения кадров, как:

а) внедрение открытой, четко сформулированной системы карьерного роста, когда человек информирован о том, каким образом на предприятии/в организации происходит развитие и продвижение персонала;

б) управление компетенциями, при котором понятно, какими навыками должен обладать работник, выделены основные направления его обучения и развития, формирования корпоративной культуры, а также определен уровень должностного оклада специалистов в зависимости от степени соответствия требованиям должности.

Возрождение института наставничества, по мнению участников фокус-групп, может осуществляться в рамках обозначенных моделей построения карьерных траекторий, а также адаптации работников и управления их развитием.

Эксперты из числа руководства компаний рассказывали, что их предприятия уже имеют опыт внедрения различных форм работы с персоналом, в том числе некоторых из перечисленных выше:

«Сейчас спрос компании на нестандартное мышление, на инновационность... Поэтому проводится... хакатон. Там... даются технологии сближения в команде, роли в команде, и вот самое важное – получить результат» (экспертное интервью № 2, Альметьевск, ведущее предприятие).

В связи с задачами самореализации и повышения мотивации молодых специалистов поднимался вопрос важности возрождения в городе, регионе, стране престижа работы на производстве:

«Надо еще с учителями работать, потому что там беда в школе. Они говорят: плохо будешь учиться – пойдешь работать на завод!» (№ 1, Набережные Челны, работник производства, м., 35 лет).

Низкую степень ориентации молодежи на рабочие и инженерные специальности применительно к анализируемому и иным регионам РФ указывают и другие исследователи⁹.

Кроме того, молодые люди говорили о необходимости появления в городах новых интересных рабочих мест, в том числе высокотехнологичных, разнообразия возможностей занятости и ведения бизнеса. Вместе с тем отмечалась важность развития сферы инновационных технологий (ИТ), в частности возникновения ИТ-парков (*«Мы все понимаем: ИТ-сфера сейчас находится на ТОПе зарплат»* (№ 5, Зеленодольск, работник непродуцированной сферы, м., 25 лет)), специальных площадок для реализации стартапов, касающихся города и предприятия.

В системе факторов, влияющих на миграционные установки молодежи, особенно в определенном возрасте (в период завершения обучения либо этапа обучения в школе, ссузе), большое значение имеет *доступность получения образования*. Она связана как с наличием/отсутствием в городе вузов, колледжей, так и с качеством этих учебных заведений, спектром возможностей, представляемых ими выпуск-

⁹ Сафиуллин М.Р., Семенов Г.В., Ельшин Л.А. Демографический каркас индустриально-промышленного развития регионов Приволжского федерального округа: эволюция, возможности, ограничения. *Промышленность: экономика, управление, технологии*. 2013;(5):95–98. URL: <https://clck.ru/3RJRpw> (дата обращения: 14.04.2025).

никам. В соответствии с этим положительная в целом оценка населенного пункта не отменяет ориентации на отъезд в случае, если по месту жительства невозможно получить интересующую специальность:

«Планирую закончить 11 классов в городе, потом уехать в другой город учиться. В нашем городе нет по моей профессии, по медицинскому направлению» (№ 9, Нижнекамск, учащийся, ж., 15 лет).

В свою очередь, появление современного перспективного вуза с передовой преподавательской командой, разнообразными направлениями подготовки, научно-исследовательской базой и развитой инфраструктурой может начать притягивать в город молодежь. В частности, так произошло в Альметьевске с открытием Высшей школы нефти (на базе Альметьевского государственного нефтяного института). Поэтому в 2024 году среди привлекающих факторов города образование было выделено четвертью респондентов. Среди челнинцев его отметили 13 % опрошенных, нижнекамцев – 7, среди зеленодольцев, в чьем поселении в последние годы закрыты даже филиалы вузов, – 5 % опрошенных.

Представляется своевременным также взятый регионом (в контексте задач повышения инновационности производства) курс на дальнейшее сближение образования, науки и производства. Участниками фокус-групп, как и экспертных интервью, отмечалась необходимость приглашать в ведущие вузы промышленных городов Татарстана лучших специалистов страны для чтения лекций по главным направлениям подготовки, развивать единый образовательный кластер среднего и высшего образования, ориентировать студентов начиная с III курса на прохождение реальной практики в лабораториях и цехах заводов:

«Я учился на электрика 4 года, на практике были пару раз. Практика – это как в армии. В армии то же: есть турник, но не подтягивайся. Вдруг что сломаешь» (№ 7, Нижнекамск, работник производства, м., 26 лет).

Для решения вопроса о высшем образовании в Зеленодольске, городе – спутнике Казани, видится оптимальным дальнейшее налаживание скоростного сообщения со столицей республики.

Актуальной для молодых людей оказалась и *проблема здравоохранения*. Во всех изучаемых городах отмечена нехватка специалистов (притом чем меньше поселение, тем в большей степени), к которым надо записываться заранее (за несколько месяцев) и которые работают преимущественно на платной основе. Поэтому в случае, если требуется квалифицированная медицинская помощь, многие едут в столицу республики:

«У меня маленький ребенок – год и семь. И как раз перед тем, как жена родила... несколько хороших специалистов еще было в нашем перинатальном центре... Сейчас проблема стала более острой... Когда ребенку месяц или два исполнялось, надо проходить чекап по разным направлениям. Большинства специалистов не было в принципе... Мы приняли решение ехать в Казань, проходить платно» (№ 10, Альметьевск, работник производства, м., 27 лет).

Такое положение дел, по мнению информантов, в конечном счете может сказаться на миграционных установках работающих на производстве. В связи с этим отмечалась важность поиска региональными и муниципальными властями дополнительных ресурсов, стимулирующих приезд/возвращение в промышленные

поселения медицинских работников. Это может быть выдача льготных ипотек, кредитов на покупку жилья, предоставление льгот на открытие в нестоличных городах частных клиник, а также целевая подготовка (при поддержке ведущих предприятий) специалистов в области медицины с их дальнейшей обязательной обработкой в данном поселении в течение не менее пяти лет.

Неожиданной оказалась озабоченность молодежи изучаемых городов, за исключением Альметьевска, вопросом *безопасности*, поскольку исследования предыдущих лет демонстрировали в целом спокойную, стабильную ситуацию. Анализ текстов фокус-групп проявил, прежде всего, негативное конструирующее воздействие на локальную идентичность молодого поколения сериала «Слово пацана» (2023 г.), сюжет которого связан с изучаемым регионом:

«Казань раньше была криминальным городом. Ну, “Слово пацана”, думаю, все смотрели, сериал. И пережитки остались» (№ 6, Зеленодольск, учащийся, ж., 16 лет).

Еще одна цитата фокус-группы, проводившейся с учащейся молодежью другого города:

Информант 1: *«Старый бандитский город»*; Информант 2: *«Ужасный шлейф прошлого»*.

Модератор: *«Вас же тогда еще не было. Но вы это знаете?»*

Информант 3: *«Это изменило культуру человеческую. Тогда, в 90-е, существовали свои авторитеты»* (№ 3, Набережные Челны, учащиеся: 1 – м. 16 лет, 2 и 3 – м. 17 лет).

Однако, если модератор уточнял, в чем именно заключается «небезопасность» их города, замечания участников групп сводились в основном к слабому освещению отдельных улиц либо к тому, что там могут лежать пьяные люди.

В то же время в ряде поселений интервьюируемые говорили о неприятных ощущениях, которые они испытывают в районах общежитий для малоимущих и, особенно, для приехавших работать на заводы иноэтничных мигрантов. Хотя конкретные случаи конфликтов с ними информанты вспомнить не могли, очевидно, что ситуация вызывает недовольство части принимающего сообщества:

«Большое количество мигрантов – тоже проблема. Не уважают культуру нашего города, не уважают людей, которые здесь живут» (№ 8, Нижнекамск, работник непромышленной сферы, ж., 19 лет).

В связи с этим отмечалась важность мер социокультурной адаптации иноэтничных мигрантов. Опираясь на мнения, высказанные в ходе экспертных интервью, укажем на необходимость проведения профилактических мероприятий по недопущению анклавизации «вновь прибывших», по отслеживанию реализации среди них требования обязательного знания русского языка.

Вопрос *экологической безопасности* в ранних интервью, проведенных в семьях и с экспертами, активно поднимался, и в первую очередь в городе нефтехимии. Однако в рамках фокус-групп он рассматривается достаточно спокойно: *«Если мы про это не говорили, значит, нас это устраивает»* (№ 10, Альметьевск, работник производства, м., 32 г.).

Можно предположить, с одной стороны, что ситуация в промышленных городах начала налаживаться вследствие принятия компаниями программ корпоративной социальной ответственности, выделения внимания вопросам экологии. С другой

стороны, заводы теперь более активно информируют население о шагах в данном направлении. Например, в парках Нижнекамска появились баннеры, транслирующие миссию ведущего предприятия («Лучшее будущее для людей и планеты»), а также рассказывающие о предпринимаемых усилиях, в том числе в контексте вторичной переработки сырья. Кроме того, они демонстрируют состояние окружающей среды, в частности путем показа обитающих в зеленой полосе (разделяющей производственную и жилую зоны) животных и птиц¹⁰, которые не селятся на экологически загрязненных территориях. Это позитивно сказывается на социальном самочувствии горожан:

«Там, вот, действительно подробно рассказывается, как они делают так, чтобы экологии было лучше» (№ 8, Нижнекамск, работник непромышленной сферы, ж., 19 лет).

Что касается *комфортной городской среды*, участники всех фокус-групп с энтузиазмом говорили о позитивных изменениях в городах Татарстана в связи с реализацией проектов парков, скверов, набережных. Вместе с тем отмечались актуальность дальнейшего поддержания данных объектов в надлежащем состоянии со стороны муниципальных властей, а также значимость развития культуры самих жителей: *«Люди не нравятся. ...Даже мусор не доносят до контейнеров!»* (№ 5, Зеленодольск, учащийся, ж., 16 лет).

Одновременно молодежь подчеркивала *недостаток разнообразия впечатлений*. Притом чем меньше поселение, тем больше ощущается нехватка мест развлечений, досуга:

«С мужем, вот, и с друзьями некуда сходить. ...Тот же самый боулинг был когда-то, уже нет. Но хотелось бы. В больших городах это более доступно» (№ 11, Альметьевск, работник непромышленной сферы, ж., 26 лет);

«В плане развлечений, предоставления услуг – тут мы отстаем, очень хорошо отстаем» (№ 5, Зеленодольск, работник непромышленной сферы, м., 25 лет).

Возможно, именно по этой причине молодые люди с удовольствием приходили на подобные обсуждения и с интересом генерировали идеи, предлагая, например, организовывать в промышленных городах ярмарки франшиз для привлечения известных сетей кафе, квизы и т. д., рассмотреть применение разного рода льгот и послаблений для досугово-развлекательного бизнеса. Упомянули и о важности информирования населения, в том числе с использованием «раскрученных» площадок, обо всем происходящем в городе. Также прозвучали идеи о необходимости развития транспортной инфраструктуры, сообщения с другими городами, странами: *«...аэропорты, железнодорожные пути. Чтоб можно было путешествовать»* (№ 12, Альметьевск, учащийся, м., 18 лет).

Целевой образ города в представлениях молодежи. В завершение фокус-групп участникам предлагалось определить целевой образ города. Это оказалось непросто. Было заметно, что многие задаются данным вопросом впервые. Такой

¹⁰ Интересна форма подачи материала «от первого лица»: приводится фото персонажа, например совы, его описание («Неясыть серая, отряд совообразных, занесена в Красную книгу Татарстана»), а затем – его предполагаемый монолог: «В плане экологии я весьма привередлива, живу с семьей, конечно же, за городом. Чистый respectable район – Корабельная роща. Но и в Нижнекамск регулярно навещаю. Люблю поужинать в парке “Семья”. Казалось бы, городской парк, но какое там меню! Вообще мне в последнее время в городе все больше нравится: зелено и воздух свежий. Если бы не эти наглые городские вороны, переехала бы».

вывод перекликается, в частности, с мнением Э. Р. Калимуллиной применительно к другому промышленному городу республики – Лениногорску – в котором, по словам автора, очевидна проблема самоидентификации молодых людей с местом проживания [25].

Однако наличие на уровне муниципалитета четко сформулированной и донесенной до жителей идеи города, специфики и направленности его развития, будет способствовать укреплению локальной идентичности молодого поколения, формированию у него чувства сопричастности к судьбе поселения, вовлечению в городские проекты и тем самым, в определенной мере, его удержанию.

Тем не менее ряд соображений информанты высказали (в чем-то они оказались близки предложениям экспертов). Они важны, поскольку отражают не только видение молодыми людьми своего города, но и их интенции, пожелания на будущее. Например, челнинцы считают перспективными формирование высокотехнологичного инженерного центра и достойной легендарного города развитой системы образования, расширение сети культурно-досуговых организаций, поддержание имиджа многонациональности, при сохранении образа «город проспектов» – оживление архитектуры, в том числе за счет появления центральной территории.

Развитие Нижнекамска участники фокус-групп связывают с дальнейшим обновлением производств, что подтвердило бы репутацию «города энергии», молодого и быстро развивающегося; строительством моста через Каму и автодороги, которые должны, по общему мнению, обеспечить транзит товаров и стимулировать рост услуг. Отмечалась также важность появления в городском пространстве новых точек притяжения для молодежи.

Молодые жители Альметьевска тоже признали, что основной вектор развития этого населенного пункта – индустриальный. Вместе с тем им не хотелось бы, чтобы он стал городом одной компании: говорилось о необходимости создания здесь сети сервисных организаций и научных центров. Артикулировались культурные амбиции, связываемые с традиционной татарской и, в широком контексте, тюркской культурой.

Наконец, будущее Зеленодольска представлялось интервьюируемым как определяемое, во-первых, совершенствованием судо- и машиностроения: «*Я дальше бы развивал судостроительную промышленность. Это основа города!*» (№ 5, Зеленодольск, учащийся, м., 18 лет). Во-вторых, – более эффективным использованием преимуществ географического положения для развития логистики и природно-рекреационных возможностей, ведь город лежит на пути от Казани к столице России, граничит с регионами.

ОБСУЖДЕНИЕ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные в 2024 году с работающей и учащейся молодежью фокус-группы позволили представить проблематику промышленных городов Татарстана сквозь призму ее жизненных стратегий. Главными критериями оценки места жительства выступают:

– наличие хорошо оплачиваемой работы; уровень заработной платы определяется отраслевой принадлежностью производства (выше на нефтеперерабатывающих и нефтедобывающих предприятиях Нижнекамска и Альметьевска, ниже – в машиностроительных компаниях Набережных Челнов и Зеленодольска), а также профессиональной нишей;

- возможности самореализации, профессионального развития и продвижения;
- доступность образования, его уровня и разнообразия (наиболее сложная ситуация в Зеленодольске, где в последние годы закрыты даже филиалы вузов);
- наличие доступной квалифицированной медицинской помощи (характерно для всех изучаемых городов);
- безопасность личная;
- экологическая ситуация;
- развитость комфортной среды;
- разнообразие сферы досуга и развлечений (актуальность определяется масштабами города и близостью столицы республики).

На намерениях молодежи негативно сказываются выявленные проблемы:

- 1) повышение цен на жилье, в полной мере коснувшееся нестоличных городов промышленного типа и нивелировавшее существовавшие до сих пор преимущества;
- 2) потеря в последние десятилетия по всей стране престижа занятости на производстве, уважения к человеку труда и в соответствии с этим – мотивации для молодых людей выбрать профессии инженера, мастера, рабочего;
- 3) недостаточное внимание муниципальных и региональных властей к вопросам идентичности города, формирования и донесения до жителей основной цели и вектора развития поселения.

Все это делает городскую идентичность уязвимой с точки зрения влияния противоречивых конструирующих факторов.

Необходимо действовать в следующих встречных направлениях. С одной стороны, с учетом реалий и трендов – улучшать условия жизни в промышленных городах. В частности, совершенствовать помощь государства и компаний в решении квартирного вопроса; расширять сферу профессионального саморазвития, системы роста кадров; возрождать институт наставничества на производстве; наращивать возможности занятости и ведения бизнеса; подключать муниципальное и региональное руководство к стимулированию деятельности врачей, учителей, воспитателей (льготной ипотекой и т. д.); предотвратить анклавизацию в поселениях иноэтничных мигрантов; обеспечить дальнейшую последовательную реализацию экологических программ ведущими предприятиями; содействовать интеграции образования, науки и производства; внедрять разного рода льготы и послабления для развития досугово-развлекательного бизнеса (ориентация на сохранение производства предполагает поддержку посредством дотаций).

С другой, – на всех уровнях (государственном, региональном, муниципальном) важно работать не только с семейными, нравственными ценностями, но и с трудовыми, продвигать идеи самореализации в профессии, на производстве. Большое значение имеет обеспечение единого понимания населением вектора развития города, его образа и идентичности.

Практическая значимость настоящей работы заключается в определении названных выше оптимальных путей сохранения человеческих ресурсов поселений промышленного типа, закрепления в них молодежи, что может быть полезно при разработке стратегий и программ городского развития, использовано в деятельности администраций городов.

Ограничение исследования обусловлено его выполнением с применением качественных методов, что не дает возможности выявить степень значимости выделенных факторов в разрезе групп молодежи. Дальнейшая разработка темы соотносится с осуществлением массового опроса среди молодых жителей городских промышленных поселений Татарстана. Также представляется важным проведение подобных опросов и групповых фокусированных интервью в городах аналогичного типа в других регионах России с целью установления специфики обозначенной проблематики и определяющих ее факторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сухарев О.С. Наука, инновации и инвестиции: перспективы российской индустриализации. *Экономика науки*. 2025;11(1):23–38. URL: <https://ecna.elpub.ru/jour/article/view/488/290> (дата обращения: 14.02.2025).
2. Шевченко С.А., Морозова И.А., Кузьмина Е.В. Возможности умной специализации в проведении новой индустриализации в регионе в контексте научно-технологического развития России. *Теоретическая экономика*. 2022;(1):57–69. https://doi.org/10.52957/22213260_2022_1_57
3. Emery J. Settlement Types, Territorial Discourse and the Symbolic Production of the “Post-Industrial Town”. *Environment and Planning C: Politics and Space*. 2024;42(6):1007–1025. <https://doi.org/10.1177/23996544231221051>
4. Emery J. Deindustrialization. In: *The Encyclopedia of Human Geography*. Springer Cham; 2024. Pp. 1–5. https://doi.org/10.1007/978-3-031-25900-5_57-1
5. Gagliardi L., Moretti E., Serafinelli M. The World’s Rust Belts: The Heterogeneous Effects of Deindustrialization on 1,993 Cities in Six Countries. *National Bureau of Economic Research*. 2023;(w31948). <https://doi.org/10.3386/w31948>
6. Morisson A., Gong H. Leveraging National Opportunities for Regional Transformation: Multi-Scalar System-Building and Legitimation in a Swiss Industrial Town. *European Planning Studies*. 2024;32(3):607–628. <https://doi.org/10.1080/09654313.2023.2247023>
7. Săgeată R., Mitrică B., Cercleux A.-L., Grigorescu I., Hardi T. Deindustrialization, Tertiarization and Suburbanization in Central and Eastern Europe. Lessons Learned from Bucharest City, Romania. *Land*. 2023;12(9):1731. <https://doi.org/10.3390/land12091731>
8. Sun M., Chen C. Renovation of Industrial Heritage Sites and Sustainable Urban Regeneration in Post-Industrial Shanghai. *Journal of Urban Affairs*. 2023;45(4):729–752. <https://doi.org/10.1080/07352166.2021.1881404>
9. Clark J. Reframing Deindustrialization. *International Journal of Urban Sciences*. 2022;26(1):29–35. <https://doi.org/10.1080/12265934.2020.1843524>
10. Fraser A., Clark A. Damaged Hardmen: Organized Crime and the Half-life of Deindustrialization. *The British Journal of Sociology*. 2021;72(4):1062–1076. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-4446.12828>
11. Walling D. Governing Infrastructure, Development and Inequality around Deindustrialized US Cities. *Territory, Politics, Governance*. 2024;12(6):725–745. <https://doi.org/10.1080/21622671.2022.2047102>
12. Hodson P. Titanic Struggle: Memory, Heritage and Shipyard Deindustrialization in Belfast. *History Workshop Journal*. 2019;87:224–249. <http://dx.doi.org/10.1093/hwj/dbz003>
13. Liu L., An S. Deindustrialization and the Incidence of Poverty: Empirical Evidence from Developing Countries. *Technological Forecasting and Social Change*. 2023;(187):122202. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.122202>
14. Destek M.A., Hossain M.R., Khan Z. Premature Deindustrialization and Environmental Degradation. *Gondwana Research*. 2024;(127):199–210. <https://doi.org/10.1016/j.gr.2023.06.006>
15. Bole D., Kozina J., Tiran J. The Socioeconomic Performance of Small and Medium-sized Industrial Towns: Slovenian Perspectives. *Moravian Geographical Reports*. 2020;28(1):16–28. <https://doi.org/10.2478/mgr-2020-0002>
16. Gros-Balthazard M., Talandier M. Cooperation, Proximity, and Social Innovation: three Ingredients for Industrial Medium-Sized Towns’ Renewal? *Urban Science*. 2020;4(2):15. <https://doi.org/10.3390/urbansci4020015>
17. Turgel I., Pobedin A. Industrial Digitalization as a Driver of City Reindustrialization: Evidence from Detroit. In: Appolloni A., Kumar V., Kuzmin E., Akberdina V. (eds) *The Future of Industry*. Lecture

- Notes in Information Systems and Organisation. Cham: Springer Nature Switzerland; 2024. Vol. 70. Pp. 219–231. https://doi.org/10.1007/978-3-031-66801-2_15
18. Tiran J., Bole D., Kozina J. Industrial Culture as an Agent of Social Innovation: Reflections from Velenje, Slovenia. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2023;36(2):333–356. <https://doi.org/10.1080/13511610.2022.2026212>
 19. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новая промышленная политика в монопрофильных городах России. *Современные производительные силы*. 2015;(1):37–55. <https://elibrary.ru/twlqpl>
 20. Никоноров С.М., Кривичев А.И., Насонов А.Н., Цветков И.В. Методика оценки и ранжирования социально-экономического развития моногородов на основе многофакторного анализа фрактальных показателей. *Регионоведение*. 2024;32(2):326–344. URL: <https://clck.ru/3Rbbu4> (дата обращения: 14.02.2025).
 21. Адрианова С.А. Методики промышленного редевелопмента чугунолитейного завода в городе Сысерть. *Академический вестник УралНИИПроект РААСН*. 2023;1(56):27–32. <https://doi.org/10.25628/UNIPR.2023.56.1.005>
 22. Аникиева А.В., Швиндт У.С. Пространственные перемещения жителей уральских моногородов: социальные практики и особенности городского пространства. *Вестник Института социологии*. 2020;11(4):167–189. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.684>
 23. Волков А.Д., Симакова А.В. Арктический моногород: восприятие населением своего будущего в перспективах его развития. *Регионоведение*. 2022;30(4):851–881. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881>
 24. Зотов В.Б. Развитие и угасание российских городов: причины и возможные решения. *Вестник университета*. 2023;(2):41–47. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-41-47>
 25. Калимуллина Э.Р. Идентичность молодежи промышленного города в историческом и социальном контекстах (кейс Лениногорска). *Историческая этнология*. 2024;9(3):428–440. <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.428-440>
 26. Богданова И.Н., Кадырова Х.Р. Проблема миграции молодежи моногородов и пути ее решения. *Высшее образование в России*. 2015;(5):161–163. URL: <https://clck.ru/3RbdfG> (дата обращения: 05.06.2025).
 27. Свинин С.В., Дядик В.В. Корпоративная социальная ответственность промышленных предприятий как фактор повышения конкурентоспособности региональных социально-экономических систем. *Общество: политика, экономика, право*. 2023;(5):137–143. <https://doi.org/10.24158/pep.2023.5.19>
 28. Эллади Х., Тикунов В.С., Бишкая С. и др. «Умный город» как объект совместных исследований в рамках международного междисциплинарного воркшопа. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*. 2020;(6):204–212. URL: <https://vestnikskfu.elpub.ru/jour/article/view/397/397> (дата обращения: 17.01.2026).

REFERENCES

1. Sukharev O.S. Science, Innovation and Investment: Prospective Aspects of Russian Industrialisation. *Economics of Science*. 2025;11(1):23–38. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://ecna.elpub.ru/jour/article/view/488/290> (accessed 14.02.2025).
2. Shevchenko S.A., Morozova I.A., Kuzmina E.V. Possibilities of Smart Specialization in Conducting New Industrialization in the Region in the Context of Scientific and Technological Development of Russia. *Theoretical Economics*. 2022;(1):57–69. (In Russ., abstract in Eng.) https://doi.org/10.52957/22213260_2022_1_57
3. Emery J. Settlement Types, Territorial Discourse and the Symbolic Production of the ‘Post-Industrial Town’. *Environment and Planning C: Politics and Space*. 2024;42(6):1007–1025. <https://doi.org/10.1177/23996544231221051>
4. Emery J. Deindustrialization. In: *The Encyclopedia of Human Geography*. Springer Cham; 2024. Pp. 1–5. https://doi.org/10.1007/978-3-031-25900-5_57-1
5. Gagliardi L., Moretti E., Serafinelli M. The World’s Rust Belts: The Heterogeneous Effects of Deindustrialization on 1,993 Cities in Six Countries. *National Bureau of Economic Research*. 2023;(w31948). <https://doi.org/10.3386/w31948>
6. Morisson A., Gong H. Leveraging National Opportunities for Regional Transformation: Multi-Scalar System-Building and Legitimation in a Swiss Industrial Town. *European Planning Studies*. 2024;32(3):607–628. <https://doi.org/10.1080/09654313.2023.2247023>

7. Săgeată R., Mitrică B., Cercleux A.-L., Grigorescu I., Hardi T. Deindustrialization, Tertiarization and Suburbanization in Central and Eastern Europe. Lessons Learned from Bucharest City, Romania. *Land*. 2023;12(9):1731. <https://doi.org/10.3390/land12091731>
8. Sun M., Chen C. Renovation of Industrial Heritage Sites and Sustainable Urban Regeneration in Post-Industrial Shanghai. *Journal of Urban Affairs*. 2023;45(4):729–752. <https://doi.org/10.1080/07352166.2021.1881404>
9. Clark J. Reframing Deindustrialization. *International Journal of Urban Sciences*. 2022;26(1):29–35. <https://doi.org/10.1080/12265934.2020.1843524>
10. Fraser A., Clark A. Damaged Hardmen: Organized Crime and the Half-Life of Deindustrialization. *The British Journal of Sociology*. 2021;72(4):1062–1076. <http://dx.doi.org/10.1111/1468-4446.12828>
11. Walling D. Governing Infrastructure, Development and Inequality around Deindustrialized US Cities. *Territory, Politics, Governance*. 2024;12(6):725–745. <https://doi.org/10.1080/21622671.2022.2047102>
12. Hodson P. Titanic Struggle: Memory, Heritage and Shipyard Deindustrialization in Belfast. *History Workshop Journal*. 2019;87:224–249. <http://dx.doi.org/10.1093/hwj/dbz003>
13. Liu L., An S. Deindustrialization and the Incidence of Poverty: Empirical Evidence from Developing Countries. *Technological Forecasting and Social Change*. 2023;(187):122202. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.122202>
14. Destek M.A., Hossain M.R., Khan Z. Premature Deindustrialization and Environmental Degradation. *Gondwana Research*. 2024;(127):199–210. <https://doi.org/10.1016/j.gr.2023.06.006>
15. Bole D., Kozina J., Tiran J. The Socioeconomic Performance of Small and Medium-sized Industrial Towns: Slovenian Perspectives. *Moravian Geographical Reports*. 2020;28(1):16–28. <https://doi.org/10.2478/mgr-2020-0002>
16. Gros-Balthazard M., Talandier M. Cooperation, Proximity, and Social Innovation: Three Ingredients for Industrial Medium-Sized Towns' Renewal? *Urban Science*. 2020;4(2):15. <https://doi.org/10.3390/urbansci4020015>
17. Turgel I., Pobedin A. Industrial Digitalization as a Driver of City Reindustrialization: Evidence from Detroit. In: Appolloni A., Kumar V., Kuzmin E., Akberdina V. (eds) *The Future of Industry. Lecture Notes in Information Systems and Organisation*. Cham: Springer Nature Switzerland; 2024. Vol. 70. Pp. 219–231. https://doi.org/10.1007/978-3-031-66801-2_15
18. Tiran J., Bole D., Kozina J. Industrial Culture as an Agent of Social Innovation: Reflections from Velenje, Slovenia. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2023;36(2):333–356. <https://doi.org/10.1080/13511610.2022.2026212>
19. Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. New Industrial Policy in Mono-Profile Cities of Russia. *Modern Productive Forces*. 2015;(1):37–55. (In Russ., abstract in Eng.) <https://elibrary.ru/twlqpl>
20. Nikonorov S.M., Krivichev A.I., Nasonov A.N., Tsvetkov I.V. Methodology for Assessing and Ranking of the Socio-Economic Development of Single-Industry Towns Based on Multifactor Analysis of Fractal Indicators. *Russian Journal of Regional Studies*. 2024;32(2):326–344. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3Rbbu4> (accessed 14.02.2025).
21. Adrianova S.A. Methods of Industrial Redevelopment of an Iron Foundry in the City of Sysert. *Academic Bulletin of the UralNIIproekt RAASN*. 2023;1(56):27–32. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.25628/UNIIP.2023.56.1.005>
22. Anikieva A.V., Shvindt U.S. The Mobility of Ural Region Company Town Residents: Social Practices and Peculiarities of City Spaces. *Vestnik instituta sotsiologii*. 2020;11(4):167–189. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.4.684>
23. Volkov A.D., Simakova A.V. Arctic Single-Industry City: The Population's Perception of Their Future in the Prospects for Its Development. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(4):851–881. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.851-881>
24. Zotov V.B. Development and Decline of Russian Cities: Reasons and Possible Solutions. *Vestnik universiteta*. 2023;(2):41–47. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-41-47>
25. Kalimullina E.R. Identity of Youth of an Industrial City in Historical and Social Contexts (the Case of Leninogorsk). *Historical Ethnology*. 2024;9(3):428–440. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.22378/he.2024-9-3.428-440>
26. Bogdanova I.N., Kadyrova H.R. The Problem of Migration of Young of Monotowns. *Higher Education in Russia*. 2015;(5):161–163. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://clck.ru/3RbdfG> (accessed 05.06.2025).

27. Svinin S.V., Dyadik V.V. The Corporate Social Responsibility of Industrial Enterprises as a Factor of Increasing the Competitiveness of Regional Socio-Economic Systems. *Society: Politics, Economics, Law*. 2023;5(118):137–143. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.24158/pep.2023.5.19>
28. Elkadi H., Tikunov V., Biscaya S. et al. Smart City as an Object of Joint Research as a Part of an International Interdisciplinary Workshop. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*. 2020;(6):204–212. (In Russ., abstract in Eng.) Available at: <https://vestnikskfu.elpub.ru/jour/article/view/397/397> (accessed 17.01.2026).

Об авторе:

Макарова Гузель Ильясовна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, г. Казань, ул. Батурина, д. 7), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>, Researcher ID: A-8213-2018, Scopus ID: 42761824200, SPIN-код: 3327-3629, makarova_guzel@mail.ru

Доступность данных и материалов. Наборы данных, использованные и/или проанализированные в ходе текущего исследования, можно получить у автора по обоснованному запросу.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Поступила 21.04.2025; одобрена после рецензирования 28.07.2025; принята к публикации 12.08.2025.

About the author:

Guzel I. Makarova, Dr.Sci. (Sociol.), Associated Professor, Chief Researcher of the Department of Ethnological Research, Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (7 Baturina St., Kazan 420111, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3912-0961>, Researcher ID: A-8213-2018, Scopus ID: 42761824200, SPIN-code: 3327-3629, makarova_guzel@mail.ru

Availability of data and materials. The datasets used and/or analyzed during the current study are available from the author on reasonable request.

The author has read and approved the final manuscript.

Submitted 21.04.2025; revised 28.07.2025; accepted 12.08.2025.

INFORMATION FOR AUTHORS AND READERS OF THE JOURNAL

Russian Journal of Regional Studies (hereinafter also referred to as the Journal) accepts previously unpublished original scientific papers devoted to topical issues of regional policy, economy and sociology, as well as to the analysis of the integrated development of the regions of the Russian Federation and other countries. It is not allowed to submit papers that have already been published or sent for publication to other journals. **In case of multiple submission of a manuscript, the published article will be retracted.** Monitoring of unauthorized citation is implemented by means of *Antiplagiat* system.

The Journal gives preference to the articles with potentially high impact factor and/or containing materials about significant achievements in the specified areas of science. Special attention should be paid to the quality of the translation. Preferably it should be made by a native English speaker.

When preparing an article for publication in *Russian Journal of Regional Studies*, the following points should be taken into account.

1. It is necessary to indicate the **Universal Decimal Classification (UDC) code**.

2. **The title of the article** should accurately reflect the content of the article, the subject matter and the results of the research conducted.

The title should be written in Russian and English.

3. **The abstract** (200–250 words) serves as an enhanced title of the article and briefly presents its content. The abstract consists of the following components:

- 1) Introduction;
- 2) Materials and Methods;
- 3) Results;
- 4) Discussion and Conclusion.

The abstract should be written in Russian and English.

4. **Keywords** (5–10) make the search profile of the scientific article. In this regard, they should reflect the main provisions, achievements, results and terminology of the scientific research.

Keywords should be written in Russian and English.

5. **Acknowledgements.** In this section the author may mention the people who helped them to prepare the article or the organizations that provided financial support. It is considered good style to express gratitude to anonymous reviewers.

Acknowledgements should be written in Russian and English.

6. **The main body** of the article should be written in Russian or in English.

1) Introduction. It contains formulation of the scientific problem, its relevance, connection with the most important tasks to be solved, the importance for the development of a particular area of science or practical activities.

2) Literature review. It is necessary to describe the main (recent) pieces of research and publications relied upon by the author, modern views on the problem, difficulties in solving the problem as well as to highlight the unresolved issues within the general problem of the article.

3) Materials and methods. This section describes the process of designing the experiment, the methods and equipment used; it gives detailed information about the subject and sequence of the research, justifies the choice of the methods used (observation, survey, testing, experiment, etc.).

4) Results. This is the main section, the purpose of which is to prove the working hypothesis (hypotheses) by analyzing, generalizing and explaining the data. The results should be brief, but they should provide sufficient information to evaluate the conclusions drawn. It should also be justified why the particular data were chosen for the analysis. *All names, signatures and structural elements of graphs, tables, diagrams, etc. should be written in Russian and English.* Figures should be presented in a raster or vector format with a resolution of at least 300 dpi. It should be possible to move them in the text and resize them. All graphic data should be placed in the text of the article and also should be attached as separate files.

5) Discussion and conclusion. In conclusion, the results of understanding the topic should be summarized; conclusions, generalizations and recommendations arising from the work should

be made, their practical significance should be emphasized and the main directions for further research in the studied area should be determined.

7. **References** should be given in accordance with the requirements of the Vancouver Citation Style. The original sources from scientific journals included in the global citation indices should be cited first of all. It is desirable to refer to 30–40 sources. Of these, at least 20 sources should be those published over the past 3 years and at least 15 foreign ones. DOI or the URL of the source should be indicated.

References should be written in Russian and English.

8. **Information about the author(s)** includes: the author's first name and last name, the name of the institution and its address (it is required to specify all the institutions where the author works and where the research was conducted (permanent place of work, the place where the project was done, etc.)). The author's position and academic title, ORCID, Researcher ID, Scopus ID, e-mail, phone number, postal address for sending a personal copy of the Journal issue.

Information about the authors should be written in Russian and English.

9. **Contribution of the authors.** At the end of the manuscript, the authors should include notes that explain the actual contribution of each co-author to the work performed.

Contribution of the authors should be written in Russian and English.

10. Authors should send their photos as separate files for publication in the Journal. They should be good quality portraits in *jpg or *tiff format with a resolution of at least 300 dpi (10×15 cm format).

When submitting an article to the Journal, the author agrees with the provisions of the attached license agreement.

As part of the submission, the Journal will peer review your article before deciding whether to publish it. *Russian Journal of Regional Studies* uses double-blind review, which means that both the reviewer and author identities are concealed from the reviewers, and vice versa. On the basis of the analysis of the article, the reviewer makes a decision whether to recommend the article for publication or reject it. If the author disagrees with the reviewer's comments, their reasoned statement shall be considered by the Editorial Board.

Free reproduction of the Journal's materials for personal purposes and free use for information, scientific, educational and cultural purposes is allowed in accordance with articles 1273 and 1274 of Chapter 70, part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. Other types of use are possible only after the conclusion of relevant written agreements with the right holder.

The Journal is distributed on the basis of a subscription, requests of higher education institutions, educational institutions and individuals. The subscription index is 73335.

Name of the Journal in Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index) – REGIONOLOGIYA-REGIONOLOGY RUSSIAN JOURNAL OF REGIONAL STUDIES.

Dmitry E. Glushko – Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 24 48 88.

Sergey V. Polutin – Deputy Editor-in-Chief. Tel.: +7 (8342) 32 81 57.

Natalya V. Shumkova – Executive Editor. Tel.: +7 (8342) 32 86 14.

Регионология

Редактор *Н. В. Чернышова*.

Компьютерная верстка *О. С. Дроздовой*.

Перевод *С. В. Голованова*.

Информационная поддержка сайта журнала *А. А. Парамонова*.

Подписной индекс – 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Реестровая запись ПИ № ФС 77-85159 от 27 апреля 2023 г.

Подписано в печать 19.03.2026. Дата выхода в свет 30.03.2026. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 18,85. Тираж 1 000 экз. I завод – 100 экз. Заказ № 146. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68/1.

Тел./факс: (8342) 48-14-24, (8342) 32-86-14.

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Адрес учредителя и издателя: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68.

Адрес типографии: 430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»).

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.

Russian Journal of Regional Studies

Editor *N. V. Chernushova*.

Desktop publishing by *O. S. Drozdova*.

Translation by *S. V. Golovanov*.

Informational support of the Journal's website by *A. A. Paramonov*.

Subscription index – 73335.

The Journal is distributed in the Russian Federation and abroad.

The Journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor); Registry Entry PI No. FS77-85159 of 27 April 2023.

Signed to print 19.03.2026. Date of publishing 30.03.2026. Sheet size 70×100 1/16. Conventional printed sheets 18,85. Number of copies: 1,000. 1st edition – 100 copies. Order No. 146. Open price.

Editorial office: 68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Tel/Fax: +7 8342 481424, +7 8342 328614

E-mail: redreg@mrsu.ru, regionology@mail.ru

<http://regionsar.ru>

<https://journals.rcsi.science/2413-1407>

Address of the Founder and Publisher: 68 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation.

Address of the Printing House: 24 Sovetskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation (Publishing House of National Research Mordovia State University).

The photographs are provided by the authors and are published with their consent.

**Редакция научных журналов Высшей школы развития
научно-образовательного потенциала МГУ им. Н. П. Огарёва
представлена следующими изданиями**

ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

**ИНЖЕНЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
И СИСТЕМЫ**

РЕГИОНОЛОГИЯ

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР

**МЕДИЦИНА
И БИОТЕХНОЛОГИИ**

БАХТИНСКИЙ ВЕСТНИК

ОГАРЁВ-ONLINE